АРХИВ
ПОЛКОВНИКА
ХАУЗА

ТОМ
II

АРХИВ
ПОЛКОВНИКА ХАУЗА

ПОДГОТОВЛЕН К ПЕЧАТИ
ПРОФЕССОРОМ ИСТОРИИ
ИЭЙЛСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ЧАРЛЗОМ СЕЙМУРОМ

ТОМ II

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
Н. К. КОТОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—1937

Во втором томе архива бывшего советника президента США Вильсона—полковника Хауза—собраны его дневники и переписка с президентом Вильсоном и другими политическими деятелями за период с 1915 по 1917 гг.

ГЛАВА I

ТЕРПЕНИЕ ВУДРО ВИЛЬСОНА

«Если произойдет война с Германией, то только из-за нашей неготовности и уверенности Германии в том, что мы более или менее бессильны причинить ей вред».

Из письма Хауза Вильсону, 19 июля 1915 г.

1

Президент Вильсон не допустил, чтобы США были вовлечены в европейскую войну в результате потопления «Лузитании». В свете последовавших событий историк может одобрить или осудить действия президента, но мотивы Вильсона были ясны. Им руководил не страх, ибо для того, чтобы успокоить взрыв народного негодования в восточных штатах, нужно было гораздо больше мужества, чем для того, чтобы уступить этому взрыву. Вильсон иногда был осторожным, но всегда был мужественным, и его готовность вести переговоры явилась результатом непоколебимой уверенности в том, что он обязан был перед всем миром и Америкой оставаться в стороне от войны до тех пор, пока Германия окончательно не навязала ее нам.

Вильсону было бы нетрудно зажечь воинственный дух в стране, если бы он пожелал использовать как предлог какое-нибудь нападение подводной лодки на судно с американскими гражданами. Легче всего ему было бы окружить себя ореолом славы, витающей вокруг главы воюющей державы. Вместо этого он избрал более тяжелый путь—путь, заставивший его пережить много месяцев тревоги и личного унижения. Но он не переставал надеяться, что сумеет избавить США от ужасов войны и как глава самого крупного нейтрального государства положит конец агонии Европы. Вильсон превратился в объект оскорблений со стороны тех, кто в Америке симпатизировал Антанте, и плохо скрываемых насме-

шек со стороны французов и англичан. Но труднее всего было иметь дело с уклончивой тактикой немцев, которые в течение более трех месяцев затягивали переговоры о подводной войне до тех пор, пока даже терпение президента не подверглось серьезнейшему испытанию.

В ответ на ноту Вильсона от 15 мая с требованием, чтобы германское правительство принесло извинения за действия командира подводной лодки, потопившей «Лузитанию», и дало заверения в том, что подобные действия больше не повторятся, немцы две недели спустя, 28 мая, ответили, что «Лузитания» была вооружена, как крейсер, служила транспортным судном и являлась, таким образом, военным судном. Президент в своем ответе от 9 июня показал, что он не намерен позволить кому бы то ни было запутать дело. Он отверг германские утверждения и объявил их неприемлемыми. Он обосновал свой протест высшими побуждениями, не связанными с техническими подробностями дела.

«Потопление пассажирских судов,—писал он,—затрагивает основы человечности, отодвигающей на задний план какие бы то ни было особые обстоятельства, которые могли бы оправдать подобные случаи. Императорское германское правительство несомненно не замедлит признать и согласиться с этими принципами, обсуждение которых выходит за пределы обычных объектов дипломатических переговоров и международных споров...

Правительство США стремится к гораздо большему, чем соблюдение прав собственности или торговых привилегий. Оно стремится к соблюдению высоких и священных прав человечества, которые всякое правительство уважает и от которых ни одно правительство не вправе отказаться в отношении тех, кто находится под его защитой и властью...

Правительство США не может допустить, чтобы провозглашение военной зоны, в стороне от которой предложено держаться нейтральным судам, смогло бы в какой-либо степени ущемить права американских судовладельцев или американских граждан, совершающих законные поездки в качестве пассажиров на торговых судах воюющих стран. Оно полагает, что императорское германское правительство не намерено оспаривать эти права. Оно также считает установленным фактом тот принцип, что жизни мирных людей не могут быть подвергнуты опасности пленением или истреблением несопротивляющегося торгового судна, и настаивает на принятии необходимых мер предосторожности при установлении принадлежности заподозренного торгового судна воюющей стороне или того, везет ли это судно военную контрабанду под нейтральным флагом. Следовательно, правительство США вправе полагать, что императорское германское правительство примет все необходимые меры для того, чтобы эти принципы были применены на практике в отношении охраны жизни американских гра-

ждан и американских судов и требует заверений в принятии всех этих мер в будущем».

Эта нота, посланная 9 июня, привела к отставке Брайана. Он коренным образом расходился с Вильсоном в этом вопросе, хотел передать спор с Германией на рассмотрение третьей стороны и ограничить права американских граждан, предупредив их о том, чтобы они не совершали поездки на торговых судах воюющих держав или на тех, которые перевозят военное снаряжение. Вильсон, соглашавшийся на то, чтобы дать Германии возможность изменить провозглашенную ею тактику, твердо решился не жертвовать никакими американскими правами и даже не входить ни в какое обсуждение этого вопроса. Во всех своих нотах он просто провозглашал эти права.

2

В тот момент, когда Вильсон отправил свою вторую ноту Германии, полковник Хауз пересекал Атлантический океан. Переезд прошел без всяких инцидентов, если не считать военного эскорта, о котором позаботился Бальфур, что до некоторой степени показывало, каково международное значение миссии полковника Хауза. Американская печать много писала об этом.

«Тайна,—писала газета «Нью-Йорк Америкен» в номере от 14 июня,—окружает содержание важных депеш, которые привез с собой вчера полковник Хауз в Америку. Впервые за время войны иностранные военные суда эскортировали американский пароход через военную зону. Этот из ряда вон выходящий шаг приобретает еще большее значение потому, что английский пароход «Ордуна», отплывший из Ливерпуля на три часа раньше «Сент-Пола», не был эскортируем, точно так же, как «Адриатик», почти одновременно прибывший в Ливерпуль с грузом военного снаряжения... «Два миноносца были посланы английским адмиралтейством для сопровождения нашего парохода через военную зону,—заявил капитан Ф. М. Пэссоу.—Несомненно, миноносцы были посланы для охраны документов, которые вез полковник Э. М. Хауз».

Нетрудно догадаться, что полковник Хауз был скорее обеспокоен, чем польщен тем открыто выраженным вниманием со стороны английского адмиралтейства, которое своим поступком подчеркнуло, какое большое значение оно придает охране личности полковника. Ведь успешность миссии Хауза в значительной мере зависела от ее строго неофициального характера.

«*6 июня 1915 г.* Как бы признателен я ни был за это внимание,—писал Хауз на борту судна,—но если бы я знал заранее, что оно будет выражено таким заметным образом, я должен был бы отклонить его. Я думал, что миноносцы будут следовать на известном расстоянии и не будут замечены и что мы будем обеспечены охраной без того, чтобы это вызвало такую шумиху. Я очень опаса-

юсь того, как будет писать об этом американская пресса и что мое влияние уполномоченного президента может ослабеть...»

«*13 июня 1915 г.* Переезд был тихим и приятным. Дадли Мэлоун встретил меня на таможенном катере у Эмброз Лайт... Катер пристал к борту «Сент-Пола», и я спустился на катер. Дадли знал все новости... Еще находясь в море, я получил от сэра Хорэса Планкетта радиограмму с извещением об уходе Брайана в отставку. Дадли заявил мне, что, по общему мнению, я мог бы, если бы пожелал, занять этот пост. Я тут же отверг эту идею, заявив, что ни при каких обстоятельствах не приму этого поста, даже если бы этого хотел президент. Дадли просил меня не принимать окончательного решения, так как считает, что президент имеет право настаивать на моей кандидатуре. Я ответил, что президент едва ли захочет засадить меня за канцелярскую работу в такой момент, когда я могу принести ему и стране гораздо бóльшую пользу работой, которую делал до сих пор...»

«*20 июня 1915 г.* Сегодня утром 10-часовым поездом приехал генеральный прокурор Грегори. Он рассказал мне почти обо всем, что произошло в кабинете с тех пор, как я уехал, главным образом, о двух нотах, посланных Германии, и об уходе Брайана.

Он рассказал, что во вторник 11 мая президент зачитал на заседании кабинета мою телеграмму от 9 мая. Начал президент с того, что предложил ознакомиться с моими соображениями касательно ответа, который должен быть препровожден Германии, а члены кабинета знали, насколько он доверял моим суждениям и моей способности ясно видеть положение вещей; затем была прочитана телеграмма, встретившая одобрение.

Впоследствии Брайан сообщил Грегори, что он возражал только против того, что телеграмма была зачитана перед кабинетом прежде, чем он, Брайан, видел ее. Он считал, что сначала президент должен был его ознакомить с телеграммой и обсудить ее с ним до заседания кабинета.

По окончании чтения моей телеграммы президент прочел составленный им меморандум, заключавший текст ноты в том виде, в каком она была в конце концов послана Германии. В ходе прений Брайан проявил горячность, заявив, что некоторые члены кабинета не сохраняли позиции нейтралитета. Президент повернулся к нему и со стальным блеском в глазах заявил: «Мистер Брайан, никто вас не уполномочивал делать такие утверждения. Все мы, несомненно, имеем свои мнения по этому вопросу, но среди нас нет никого, кто мог бы быть обвинен в пристрастности». Брайан извинился, и этим инцидент был исчерпан.

Грегори сказал, что с тех пор, как он входит в состав кабинета, он только во второй раз видит, чтобы президент так крепко сжал челюсти. В первый раз это произошло, когда X. чем-то нарушил правила приличия.

В тот день, когда Брайан подал в отставку, он не собирался участвовать в заседании кабинета, но президент предложил пригласить его, и весь кабинет поддержал это приглашение. После того, как он подал в отставку, Брайан сообщил Грегори, что в ноту была вставлена фраза, написанная им, Брайаном, и затем выпущенная. После своей отставки и до опубликования ноты Брайан заявил, что указанная фраза была снова вставлена в ноту. Но по словам Грегори, Брайан ошибся: фраза была обсуждена на заседании кабинета, когда он вручил свою отставку, и на котором Брайан присутствовал. Нота обсуждалась в течение нескольких минут до прихода Брайана, и тот факт, что упомянутая фраза была выпущена до или после его прихода, не имеет значения по той причине, что текст ноты лежал на столе и был вручен Брайану для прочтения. Об этом случае помнит также президент. Очевидно, Брайан пытается изобразить дело так, что подал в отставку потому, что президент отказался включить одну фразу, которая изменяла содержание ноты, и что после того, как он подал в отставку, эта фраза была использована.

Другой интересный инцидент, о котором рассказал Грегори и о котором я знал также из депеши, посланной мне Джерардом, заключался в том, что после отправки первой ноты германскому правительству, Брайан приготовил для отправки вслед письмо, в котором писал, что ноту не следует принимать всерьез и что она носила «пикквикский характер». Президент отказался подписать это письмо. Грегори подчеркнул бессмысленность предложения Брайана. Я согласен с тем, что такое письмо погубило бы президента. Это означало бы, что для американского народа мы говорим: «мы твердо стоим на страже своих прав» и в то же самое время за его спиной заверяем германское правительство, что «мы посылаем эту ноту исключительно для того, чтобы обмануть американский народ, и думаем не то, что пишем». Оба мы считаем, что если бы президент согласился подписать это письмо, подобный поступок был бы равносилен измене.

Я рассказал Грегори о телеграмме Джерарда, сообщавшего мне, когда я был в Лондоне, что Брайан советовал австрийскому послу не принимать ноту всерьез».

«*21 июня 1915 г.* (Беседа с английским послом.) Мы провели вместе два часа. Подробно обсудили все вопросы, причем я рассказывал ему о положении в Европе, а он сообщил мне обо всех происшедших здесь в мое отсутствие событиях. Я обратил его внимание на тот факт, что ему приписывают слова о том, что президент—сторонник немцев. Он это подтвердил, говоря, что сделал подобное заявление ради защиты президента. Я ответил, что слова его привели к тому, что в Англии и Франции создалось впечатление, будто президент германофил, и мне пришлось употребить большое усилие для того, чтобы рассеять это впечатление, созданное словами его и Жюс-

серана. Я посоветовал ему в будущем либо вовсе воздержаться от заявлений на эту тему, либо говорить, что президент соблюдает строгий нейтралитет».

«*22 июня 1915 г.* Сегодня, в пять, меня посетил германский посол, с которым я имел весьма удовлетворительную беседу. Я рассказал ему о приеме, оказанном мне в Германии, и выразил признательность за сердечный характер этого приема. Мы обсуждали перспективы мира. Я обрисовал обстановку в Германии насколько возможно точнее, чем о ней было известно послу до настоящего момента. Он получает информацию непосредственно из министерства иностранных дел, а мне случайно известно, что он находится не в ладах с военными властями. Бернсторф знает об этом кое-что, но далеко не все.

Он все еще цепляется за мысль, что Германия согласится заключить мир на условиях эвакуации ею Бельгии и Франции. Я сообщил ему, что гражданские власти согласны с этим, а мнение военных властей разделилось, но народ не удовольствуется подобными условиями главным образом потому, что он был введен в заблуждение преувеличенными реляциями о победах... Он рассуждал благоразумно, скорее как представитель нейтральной страны, чем воюющей. Мне говорили, что говорит он подобным образом для того, чтобы выпытать мнение своего собеседника. Я лучшего мнения о Бернсторфе, чем многие знающие его люди, и если он неискренен, то он самый законченный актер, какого я когда-либо встречал».

Уход Брайана устранил, по крайней мере, один фактор, задерживавший твердое стремление Вильсона заставить Германию ослабить подводную войну, и начиная с этого момента президент мог быть уверен, что кабинет единодушно поддержит любые меры, какие понадобятся для осуществления этой политики. Министра иностранных дел любили те, кто тесно с ним соприкасался, но общее чувство, вызванное его уходом, по крайней мере в дипломатических кругах, было чувством облегчения.

Письмо Пэйджа к Хаузу

Лондон, 10 июня 1915 г.

«Дорогой Хауз!

... Я был вдохновителем сегодняшней передовой в «Таймс», в которой сказано, что уход Брайана почти не изменит положения вещей, но некоторые другие газеты делают из этого сенсацию. Во всяком случае уход Брайана привлек большое внимание, и все они достаточно точно подводят итоги его деятельности.

Со своей стороны я просто заявляю вам следующее: сын мой, остерегайтесь слабоумных; когда-нибудь они наверняка повер-

нутся не так, как надо, сломают вам руку, или ударят вас в живот, или сотворят неприятную штуку—и всегда в самый неподходящий момент. Еще раз предупреждаю: остерегайтесь слабоумных.

Мистер Брайан не почувствовал бы себя польщенным, если бы знал, что в течение этих двух дней мы все в посольстве были заняты нашим обычным делом и лишь мимоходом касались вопроса об его уходе, словно разговаривая о погоде. Никому не казалось, что произошло значительное событие.

Только один американец написал мне письмо, заявляя, что он желает теперь получить другой паспорт. До сих пор он нисколько не беспокоился о паспорте, потому что под ним стояла подпись У. Дж. Б. Но теперь и он знает, что такой паспорт негоден...

Великая пустыня становится населенной. Т. Р. и У. Дж. Б.[1] отправились жить туда. Есть и другие, которым ради блага их страны следовало бы присоединиться к ним в Земле Мертвых, не знающих, что они мертвы. Они уговорили себя, что они велики, и, не зная удержу, договорились до ничтожества...

Сердечно ваш *У. Х. П.*»

Лансинг, бывший до тех пор советником министерства иностранных дел, был в конце концов назначен министром; возник вопрос о его преемнике. Хауз придавал первостепенное значение этому посту, ибо от такта, твердости и юридических способностей советника министерства в значительной мере зависел характер официальных отношений с воюющими странами в эти дни всеобщего возбуждения.

Письмо Хауза президенту

Манчестер, Массачусетс, 7 июля 1915 г.

«Дорогой начальник!

В воскресенье здесь был Филиппс, сказавший, что Лансинг усиленно подыскивает советника для министерства иностранных дел, ибо у них ощущается большой недостаток в людях...

Я назвал генерального стряпчего Дэйвиса, как желательную кандидатуру для должности советника. Посоветовавшись с Лансингом, Филиппс прислал мне шифрованную депешу: «Дэйвис идеальный человек. Надеемся, это удастся».

В воскресение здесь был Мак-Рейнолдз, который сообщил мне, что Дэйвис считается одним из самых выдающихся генеральных стряпчих в истории министерства юстиции. Повидимому, это общее мнение, так как его разделяет Грегори и почти все члены верховного суда.

---

[1] Инициалы Теодора Рузвельта и Уилльяма Дженнингса Брайана—*Ред.*

Дэйвис, вероятно, не решится сменить министерство юстиции на министерство иностранных дел, но в случае вашего одобрения, я думаю, все можно будет устроить. Министерство иностранных дел нуждается в таких людях, и найти хорошего генерального стряпчего легче, чем хорошего советника. Меня привлекает также то, что назначение Дэйвиса было бы тепло встречено членами конгресса и демократами в целом. Министерство нуждается в некотором укреплении в этом направлении, и назначение Дэйвиса разрешило бы этот вопрос.

Если вы считаете мое предложение разумным, пожалуйста, дайте мне знать, чтобы я мог сговориться с Лансингом, как лучше все это оформить. К вопросу надо подойти с известным тактом, иначе Дэйвис может не согласиться. Кроме того, надо предварительно посоветоваться с Грегори.

Надеюсь, что когда вы поедете в Вашингтон, то заедете на машине в Манчестер и переночуете у нас. Вы потеряете немного времени. Если ваш автомобиль будет прислан в Манчестер, вы сможете выехать отсюда в пять часов и приехать в Вашингтон в то же время, как если бы вы выехали утром из Корниша. А поездка, я знаю, доставит вам удовольствие.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

На предложение Хауза относительно Дейвиса президент Вильсон ответил, что хотя тот был бы прекрасным работником всюду, куда бы его ни назначили, он все же лучший генеральный стряпчий за последние двадцать лет. Было бы неблагоразумно переводить его из министерства юстиции.

Назначение советника задержалось на месяц, в течение которого тщательно проверялись все кандидатуры. В то же время оказывалось решительное сопротивление попыткам использовать пост советника, как способ награды за оказанные услуги чисто политического характера. В конце концов, при полной поддержке Хауза, выбор пал на Фрэнка Л. Полка, юрисконсульта нью-йоркского муниципалитета. Он был одним из немногих людей, обладавших теми тремя качествами, которые Хауз считал необходимыми: твердостью, тактом и юридическими способностями.

Письмо Хауза Лансингу

Манчестер, Массачусетс, 14 августа 1915 г.

«Дорогой мистер Лансинг!

... Он (Полк) привлекательная личность и будет вам предан до конца.

Из всех людей, кого я знаю, у него меньше всего честолюбия, он стремится лишь быть полезным. Он очень старался помочь мэру Митчелю подыскать другого человека для занятия должности юрис-

консульта и сам взялся за нее только из чувства долга и лойяльности по отношению к Митчелю.

Мне думается, он окажет вам большую пользу в качестве своего рода помощника министра иностранных дел. Он обладает хорошим политическим чутьем и умеет разговаривать языком членов конгресса. В то же время это настолько культурный джентльмен, что будет очень ценен в вашей работе с дипломатическим корпусом.

Искренно ваш *Э. М. Хауз*».

«*15 августа 1915 г.* Фрэнк Полк приехал из Бар-Харбора, чтобы повидаться со мной прежде, чем отправиться в Вашингтон. Он польщен назначением на пост советника министерства иностранных дел. Я ему сказал, что при подборе кандидата мы считали, что в этот критический период истории страны любой человек в Америке принял бы этот пост, и поэтому он должен чувствовать себя удовлетворенным вдвойне...

Я обрисовал перед ним некоторые его обязанности, какие, по моему мнению, возложит на него Лансинг, и рассеял его сомнения насчет того, достаточно ли он подготовлен, чтобы справиться с работой на новом месте».

3

Все трудности пути, избранного президентом Вильсоном в отношениях с Германией, были абсолютно ясны полковнику Хаузу, тем не менее он был готов по мере сил помочь ему осуществить именно этот курс. Хауз чувствовал, что если Германия не изменит своей политики, войны не избежать. Изменение германской политики зависело от исхода борьбы в Берлине между канцлером и фон Тирпицем.

Письмо Хауза сэру Эдуарду Грэю

Нью-Йорк, 17 июня 1915 г

«Дорогой сэр Эдуард!

... Рано еще определять окончательное мнение о создавшемся в Америке настроении, но мне думается, что можно сказать с достаточной долей точности, что значительное большинство нашего народа ожидает от президента твердости в его позиции по отношению к Германии, но в то же время—предотвращения войны.

Эти две надежды довольно непоследовательны. Общее мнение таково, что война будет избегнута, хотя я лично не изменил своей точки зрения, что она неизбежна, если Германия не изменит своей политики в отношении подводной войны.

Уход мистера Брайана несколько упрощает положение...

С горячим приветом и наилучшими пожеланиями

верный вам *Э. М. Хауз*».

Письма Джерарда Хаузу[1]

Берлин, 16 июля 1915 г.

«Дорогой полковник!

... Я думаю, что твердый тон президентской ноты заставит немцев уступить. Повидимому, здесь склонны принять ноту с удовлетворением и выражают надежду, что вопрос может быть улажен. Самая большая опасность в том, что немцы снова вообразят, будто мы не осмелимся объявить войну. В таком случае с ними снова трудно будет справиться. Фон Гвиннер заявил вчера, что в случае отплытия «Мавритании» с ней поступят так же, как с «Лузитанией». Циммерман и фон Ягов вполне удовлетворены тоном ноты. Оба они теперь говорят о сохранении за собой Бельгии, выдвигая тот предлог, что бельгийцы настолько ненавидят немцев, что если Бельгия снова станет независимой, она превратится в английский аванпост...

С сожалением я должен заявить, что хотя здешние власти приветствуют мысль о свободе морей, но считают мысль о свободе на суше слишком неопределенной. Они точно хотят знать, что она означает, и говорят, что моря должны быть свободны, потому что они никому не принадлежат, между тем как земля является собственностью различных государств. Как пример они приводят городскую улицу, в свободе движения по которой заинтересован всякий. В то же время всякий воспротивился бы предложению превратить его дом в место общих встреч, если не в общую собственность.

К несчастью Германии и всего мира германские армии побеждают, и этот факт служит полной реабилитацией военной и кастовой систем и всего, что сейчас существует. Как сказал Кливлэнд: мы стоим лицом к лицу с обстоятельствами, а не с теорией. *Германия никогда не согласится ни прямым, ни косвенным образом ни на какую свободу на суше или на предложение о разоружении...*

Я думаю, что нота в связи с потоплением «Лузитании» окажет свое действие и Брайан будет сожалеть о своем уходе, лишившем его возможности участвовать в одержанном успехе.

Вероятно, я скоро увижу императора. Он неистовствовал по по поводу доставки оружия из США, но, как все немцы, которые видят, что нас нельзя заставить изменить нашу политику при помощи запугиваний, он быстро приходит в себя.

Всегда ваш *Джэймс У. Джерард*».

---

[1] Выдержки из этого и последующих писем посла Джерарда были опубликованы в форме дневника в его книге «Лицом к лицу с кайзеризмом».

Берлин, 22 июня 1915 г.

«Дорогой полковник!

Вчера правительство запретило «Тагесцейтунг», газету, в которой сотрудничал Ревентлов. Он—бывший морской офицер, сторонник фон Тирпица, в нынешнем кризисе отношений резко настроенный против Америки. Говорят, что когда-то он жил в Америке и потерял небольшое состояние на апельсинной плантации. Я проверю это. Во всяком случае, закрытие газеты означает, что канцлер высказал, наконец, некоторое упорство и будет драться с фон Тирпицем. Ответ Германии зависит от исхода этой борьбы. Возможно, что фон Фалькенхайн и военные круги поддержат канцлера против фон Тирпица. Вполне вероятно, что в ноте будет содержаться нечто вроде свободного пропуска для судов, занятых перевозкой пассажиров. Особое внимание будет обращено на английское распоряжение торговым судам таранить подводные лодки...

Много торговых магнатов приехало сюда, чтобы отговорить правительство от войны с Америкой, но некоторые стоят за продолжение беспощадной подводной войны, в частности, ваш приятель фон Гвиннер, который усматривает в возможном успехе англичан в Дарданеллах угрозу для своей Багдадской железной дороги.

Здесь, попрежнему, очень надеются на заключение сепаратного мира с Россией...

Всегда ваш Джэймс *У. Джерард*».

Победа в борьбе между канцлером и морскими кругами склонилась, по крайней мере, временно, на сторону последних; это было видно из полученного 8 июля германского ответа на ноту Вильсона. Начало ноты формально подтверждало права человечества, но при сложившихся обстоятельствах оно показалось многим американцам неуместной иронией. Основная часть ноты состояла из жалоб на принятые англичанами меры ограничения торговли и борьбы с подводными лодками. Нота исходила из того принципа, что граждане нейтральных стран, путешествующие в пределах «запретной зоны» на море, совершали это на свой риск. Нота кончалась предложением, которое предсказывал Джерард: американцы могут пересекать океан на нейтральных судах, которым, если они поднимут американский флаг, будет оказана особая охрана, или на «четырех пассажирских пароходах, выделенных воюющими странами для перевозки пассажиров», за «свободный и безопасный проход которых германское правительство будет ручаться». Нота ни единым словом не отозвалась на требование Вильсона, чтобы такие действия, как потопление «Лузитании», больше не повторялись.

Таким образом Германия обошла главный вопрос и предложила, чтобы США держались в стороне от неприятностей, поступившись своими законными правами. «Министерство иностранных дел,

я уверен,—писал посол Джерард,—хотело как-нибудь уладить вопрос, но морские круги оказались сильнее».

Полковник Хауз нисколько не сомневался, каким должен быть ответ Вильсона. Он тоже указал на искажение фактов, служившее оправданием аргументу, что подводная война явилась лишь ответом на английскую продовольственную блокаду.

Письма Хауза президенту

Манчестер, Массачусетс, 10 июля 1915 г.

«Дорогой начальник!

При размышлениях о вашем ответе на германскую ноту мне пришло на ум следующее.

Правительство США не желает соглашаться ни на какое предложение, ограничивающее права американских граждан на море. Если бы наше правительство выразило готовность вести переговоры с германским правительством об ограничении наших неотъемлемых прав, тогда любая воюющая держава смогла бы нарушить права наших граждан в других направлениях и уверенно рассчитывать на нашу готовность пойти на уступки.

Эта война уже причинила неисчислимые потери нейтральным государствам всего мира, и наше правительство не может давать свое согласие ни на какое ограничение тех прав, которые были признаны цивилизованными странами в течение более чем столетия[1].

Человечество вопиет против уничтожения жизни мирных людей, независимо от того, к какой стране они принадлежат, и правительство США никогда не сможет согласиться стать участником соглашения, которое санкционирует подобную безжалостную войну.

С момента отправки вашей первой ноты германское правительство не совершило никакого действия, которое противоречило бы букве или духу ноты, и хотя оно в своем протесте и заявляет, что не может выполнить ваши требования, тем не менее оно, возможно, будет их соблюдать.

Преданный вам *Э. М. Хауз.*

P. S. В связи с утверждением немцев, что Великобритания пытается уморить голодом их народ, следует припомнить, что Германия отказалась изменить свои методы ведения подводной войны, несмотря на то, что Великобритания готова была разрешить беспрепятственный ввоз продовольствия в нейтральные порты».

---

[1] Стоит сравнить эту фразу с письмом, отправленным Вильсоном сенатору Стоуну весной 1916 г. В этом письме Вильсон отказался утвердить принятую конгрессом, по предложению депутатов Гора и Мак-Лемора резолюцию, в которой американцев предостерегали от поездок на борту вооруженных торговых судов.

Манчестер, Массачусетс, 12 июля 1915 г.

«Дорогой начальник!

Прилагаю копию полученного сегодня утром письма от Бернсторфа.

Я сказал ему, что какой-нибудь выход найдется, и, если понадобятся его услуги, я его извещу. Полагаете ли вы, что свидание с ним принесет какую-нибудь пользу? Может быть, сказать ему кое-что о том громадном напряжении, какое проявит наша страна в случае войны для того, чтобы убедить весь мир, что мы не так бессильны, как думают, и для того, чтобы удержать другие страны в будущем от попытки вызвать нас на войну?..

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Президент выразил полное согласие с предложением Хауза твердо воздержаться от компромисса с Германией и противостоять всякому ограничению американских прав свободного передвижения по морям. Он указал, что задача США заключалась не в организации перевозки пассажиров, а в определении прав нейтралов и всего человечества. Он согласился, чтобы Хауз повидался с Бернсторфом и указал ему, что какой-нибудь выход должен быть найден, и если немцы не хотят умышленно доказать свою враждебность и желание воевать, они должны попрежнему воздерживаться от подводных нападений без предупреждения.

Основная слабость позиции Вильсона, как предвидел Хауз, была в том, что всякие его протесты по адресу Германии покоились только на моральном влиянии, ибо страна никоим образом не была готова поддержать свои дипломатические аргументы силой. Создалось положение, о котором Хауз говорил за девять месяцев до того, когда он тщетно пытался настоять перед президентом на необходимости немедленной реорганизации армии и флота. Будучи уверен, что увертки Германии будут продолжаться до тех пор, пока она сможет рассчитывать на американскую неготовность, он снова стал доказывать необходимость военных приготовлений. При теперешнем кризисе, настаивал Хауз, это было бы лучшей гарантией против войны с Германией и единственным способом добиться ослабления подводной войны. Уверенность Хауза в своей правоте не была поколеблена известием о том, что Брайан собирался в качестве апостола мира совершить поездку в Европу, где, как боялся Хауз, его речи усугубят представление об американской невоинственности.

«*10 июля 1915 г.* Я чувствую, что суть дела в том,—писал Хауз,— что президент никогда не сознавал всей опасности нашей неготовности. С самого начала я настаивал перед ним на необходимости подготовить нашу страну ко всяким случайностям. Ранней осенью я настаивал на принятии какой-нибудь программы в этом направлении. К выполнению этой программы, по-моему, следовало при-

ступить в тот день, когда в Европе была объявлена война. Если при помощи всех наших ресурсов мы деятельно взялись бы за создание военного аппарата, соответствующего тому положению, какое мы занимаем среди держав, то сегодня мы могли бы настоять на мире.

Если из-за этого спора о подводной войне вспыхнет война с Германией, то причиной тому будет наша абсолютная неготовность, а Германия чувствует, что мы бессильны. Все несчастье заключается в том, что президент иногда действует с недостаточной быстротой[1]. Взять к примеру тот пакт с Южной Америкой, к которому мы стремимся. С тех пор, как в январе я его выработал, ничего нового не сделано. Он возлагает вину на Брайана, что, конечно, справедливо постольку, поскольку дело касается Брайана. Тем не менее, он должен был продвинуть дело сам или поручить его какому-нибудь компетентному лицу. Я не смог заставить его действовать даже после моего возвращения, в результате чего было потеряно больше месяца. Боюсь, что дело будет тянуться до того момента, когда будет слишком поздно. Ту же склонность к медлительности я наблюдаю в мексиканском вопросе. Дело требует энергичных действий, а между тем оно затягивается со дня на день. Сейчас, как никогда, видно, что не было никаких оснований откладывать решение дела в январе, на чем я тогда настаивал».

Письма Хауза президенту

Манчестер, Массачусетс, 14 июля 1915 г.

«Дорогой начальник!

... С тех пор как в прошлом году я был в Германии и видел ее приготовления к войне, я не переставал удивляться спокойствию ее соседей. Я чувствую, что мы идем на ужасный риск, ставя свою безопасность почти в полную зависимость от победы союзников, и я задаю себе вопрос: не настало ли для нас время позаботиться о безопасности нашей страны.

Я также спрашиваю себя, не совершили ли мы ошибку тем, что не стали достаточно активно готовиться, когда вспыхнула эта война. Если бы мы подготовились, то сейчас были бы в состоянии почти принудить к миру воюющие страны.

Если произойдет война с Германией, то только из-за нашей неготовности и уверенности Германии в том, что мы, более или менее, бессильны причинить ей вред.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

---

[1] Замечание полковника Хауза, записанное 29 октября 1925 г.: «Я не хотел сказать, что президент долго раздумывал, или боялся действовать; иногда он принимал молниеносные решения и проводил решительную политику. Но в вопросе о Мексике и военной готовности раздавалось столько доводов за и против, что он все откладывал решение, сопоставляя аргументы, выжидая того, чтобы родилось ясное для него решение вопроса».

Манчестер, Массачусетс, 8 августа 1915 г.

«Дорогой начальник!

... Я был уверен, что Брайан собирался совершить поездку в Европу в интересах мира. Если поездка состоится, то он вернется хотя и не поумневшим, зато более разочарованным человеком.

Мне кажется, что настроение американского народа в настоящий момент я знаю достаточно хорошо, чтобы быть уверенным, что в вопросе о готовности можно уменьшить и без того быстро падающее влияние Брайана.

Вчера здесь был генерал Вуд. Он сообщил мне интересные сведения: с лагерем в Платтсбурге дело обстоит лучше, чем можно было ожидать; прибывающий людской материал так высоко развит, что требуется лишь немного времени, чтобы обучить их элементарным основам военного дела.

Он с нетерпением ждет от вас пополнения полков и считает, что в настоящий момент это самое главное, а для этого достаточно только отдать приказ...

На вашем месте я сейчас же дал бы этот приказ, что произведет хорошее впечатление...

Он, естественно, усиленно рекомендует применить несколько измененную швейцарскую систему и полагает, что если наша молодежь в возрасте от 18 до 22 лет обучалась бы два месяца в году в продолжение четырех лет, у нас вскоре была бы гражданская армия (территориальная армия—*Ред.*), и необходимость держать постоянную армию тогда почти что отпала бы.

Вуд очень хочет поехать в Европу, чтобы посмотреть—как сегодня ведется война; в этом я с ним согласен, так как в Америке нет ни одного способного военного, который имел бы хотя отдаленное представление о современной войне. Этого нельзя узнать из сводок, а нужно увидеть. Он сказал, что сможет уехать, не привлекая внимания, и добраться до фронта незамеченным.

Хотя наш народ и не хочет войны, я удовлетворен тем, что 80 процентов его осознали опасность нашего положения. Создались новые условия, на которые, как мне кажется, будет благоразумно обратить внимание...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Но в это время президент был больше занят мыслью о том, каким образом сохранить для страны мир, чем о необходимости готовиться к войне. Он внимательно обдумывал свой ответ на нечеткие заявления немцев и предложения, чтобы американские граждане воздерживались от переездов на судах воюющих стран, за исключением тех, на которые указали немцы. Временами его бомбардировали пацифистскими аргументами те, кто были готовы пожертвовать любыми правами ради сохранения мира. Когда он сообщал об этих доводах Хаузу, они на него не оказывали никакого дей-

ствия. Возможно, он был самым искренним пацифистом в Америке, но был также убежден, что любая уступка Германии лишь укрепит положение фон Тирпица и даст Берлину повод быть еще более несговорчивым. Если послать Германии энергичный ответ, она может отступить; всякий признак слабости побудит ее следовать избранному ею курсу. Хауз точно так же нисколько не верил в мирные заявления Берлина, так как он слишком близко познакомился с Германией во время своей недавней поездки.

Письма Хауза президенту

Манчестер, Массачусетс, 15 июля 1915 г.

«Дорогой начальник!

... Я разговаривал с множеством людей, и все они без исключения выразили желание, чтобы был послан ответ, составленный в твердом тоне. При дальнейших расспросах они заявляли мне, что по их мнению страна готова ко всем последствиям.

Я постараюсь встретиться с Бернсторфом через несколько дней.

Мне думается, что Германия не совершит того, что мы называем прямым действием, если только такие разговоры, в какие пускается Брайан, не толкнут их на это...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Манчестер, Массачусетс, 17 июля 1915 г.

«Дорогой начальник!

... В понедельник приезжает Джэйн Аддамс. Хэпгуд и Крэйн полагают, что мне следовало бы повидать ее, так как она видела фон Ягова, Грэя и многих других, которые по тем или иным причинам не были с ней вполне искренни, и у нее создались совершенно неправильные впечатления.

Говорят, что Германия готова теперь заключить мир на основе эвакуации Бельгии, Франции и Русской Польши. Эти слухи питаются соответствующими постоянными заверениями Бернсторфа. Кроме того, он говорит, что если Англия согласится пропускать продовольственные грузы в Германию, то немцы откажутся от подводной войны. Цель подобной тактики заставить людей думать, что нам следовало бы обращаться с Германией в том же духе копромиссов, на которые она будто бы готова пойти сама. Кроме того этой тактикой хотят создать впечатление, будто мы выказываем благожелательность к Англии за счет Германии.

Люди упускают из виду тот факт, что как только Германия ответит на гораздо более серьезное обвинение в убийстве американцев и других мирных граждан, Англия будет призвана к ответу за всякое нарушение наших имущественных прав на море.

Иногда мне кажется, что вам следовало бы выступить с заявлением, которое внесет ясность в эти вопросы. Если Германия готова эвакуировать Бельгию, Францию и Русскую Польшу, а также прекратить подводную войну, в случае снятия эмбарго на продовольственные товары, то она должна была найти возможность заявить об этом официально. Как только она придет к этому решению, можно будет начинать переговоры о мире.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Судя по донесениям Джерарда, немцы менее всего помышляли об эвакуации завоеванной территории. Их победы над Россией вселили в них глубокую самоуверенность, а отказ Вильсона наложить эмбарго на военное снаряжение и его протест против подводной войны усилили их враждебность к США.

Письмо Джерарда Хаузу

Берлин, 20 июля 1915 г.

«Дорогой полковник!

... Может быть, стоит объявить войну для того, чтобы доказать, что Соединенными штатами нельзя управлять из Берлина. Народ здесь твердо убежден, что нам можно давать пощечины, оскорблять нас и убивать с полной безнаказанностью, а о наших нотах отзываться хуже чем о клочках бумаги. Мне передавали, что так говорят наиболее экзальтированные люди. Они чувствуют, что наша «новая свобода» противоречит их мыслям и идеалам, и ненавидят президента Вильсона, предпочитающего мир и разум касте и войне.

В политическом отношении было бы выгодно, чтобы американские немцы выступали против него...

В эти дни я впервые услышал о растущем недовольстве среди простонародья. Недовольство вызвано, главным образом, сильным вздорожанием продовольствия. Все же Германия получает через Швецию все, что ей необходимо, включая медь, сало и т. д. Справиться с фон Тирпицем и его бюро печати оказалось не под силу канцлеру,—драться он не умеет. Циммерман, если бы это от него зависело, конечно, прекратил бы эти подводные убийства.

Я надеюсь, что президент никогда не уступит в вопросе об оружии (экспорт). Если он уступит в этом, то это было бы равносильно тому, что водрузить над Капитолием германского орла.

По линии военных действий Германия выигрывает, но в конце концов все это только начало, новая зимняя кампания вызовет здесь большое недовольство.

Всегда ваш *Дж. У. Джерард*».

Исполненный решимости дать Германии полную возможность изменить ее методы морской войны, президент Вильсон тем не менее ни на минуту не был обманут казуистикой немецких аргу-

ментов, оправдывавших подводную войну. Его ответ был составлен умело. Избегая хитроумных построений, он отказался обсуждать выдвинутые немцами доводы в оправдание подводных нападений, как ответных мер на английское ограничение торговли и нападения на подводные лодки.

«Незаконные и бесчеловечные поступки, независимо от того, какими бы допустимыми их ни считали перед лицом врага, который, как полагают, действовал против закона и гуманности, являются явно неоправданными в тех случаях, когда они лишают граждан нейтральных стран их признанных прав, и особенно тогда, когда они нарушают право на самую жизнь...»

Далее президент указывал, что опыт последних двух месяцев, иллюстрированный случаем с пароходом «Арминий», когда с подводной лодки предупреждение было дано, показал, что нападения подводных лодок можно сделать недосягаемыми для обвинений в бесчеловечности и беззаконии. В тоне некоей дружеской иронии он отказался от обсуждения каких-либо посягательств на американские права, повторил свое требование об официальном осуждении потопления «Лузитании» и в более серьезном тоне подчеркнуто предостерег от повторения «поступков, противоречащих этим правам, которые правительство США будет рассматривать как намеренно недружественные в тех случаях, когда эти поступки будут относиться к американским гражданам». Заключительная фраза, если не по форме, то по тону, была ультиматумом.

Письмо Джерарда Хаузу

Берлин, 27 июля 1915 г.

«Дорогой полковник!

Я считаю ноту чудесной, настоящим произведением искусства. По телеграфу я просил о некоторых уступках, и теперь моя совесть чиста. Я опасался, как бы здешняя ненависть к Америке не спутала мои понятия, а теперь я рад, что президент избрал решительный путь...

Нота враждебно встречена прессой и правительством. Конечно, как вы уже знаете, сторонники метода устрашения восторжествовали над умеренными кругами, что объясняется главным образом агрессивной кампанией прессы, руководимой фон Тирпицем, Ревентловым и К°. Немцы в настоящий момент придерживаются главным образом выжидательной позиции, возможно для того, чтобы выяснить наши отношения с Англией, но это не отразится на их методах подводной войны. Министерство иностранных дел теперь заявляет, что я отношусь враждебно к Германии, но такого заявления следовало ожидать. Хотя совершенно ясно, что к ноте я имел такое же отношение, как, скажем, новорожденный, но убедить их в этом нельзя, так что и пытаться не буду...

Германия крепко держит в своих руках Балканы. Перед лицом недавних поражений русских Румыния беспомощна и только что согласилась даже разрешить вывоз зерна в Австрию и Германию. Но, думается мне, она еще не согласилась разрешить провоз военного снаряжения в Турцию. Между тем, давление на нее велико. Если оно не окажет желаемого действия, возможно, что для обеспечения прохода в Турцию[1] германские войска вторгнутся в Сербию.

Посланник одного из Балканских государств говорил мне, что Румыния, Греция и Болгария находятся почти в одинаковом положении: каждая сможет выдержать лишь три месяца войны. Поэтому они пытаются дождаться последних трех месяцев войны, чтобы выступить на стороне победителей.

Вчера по ошибке в наше здание зашел болгарский министр финансов, утверждая, что ему назначено свидание. Свидание ему, действительно, было назначено, но с главным казначеем Гельферихом, чье служебное помещение расположено недалеко отсюда. Это, возможно, указывает на то, что Болгария получает здесь деньги[2].

Не особенно приятно представлять своей бедной персоной объект сосредоточенной ненависти миллионов немцев. Прилагаю образец анонимного письма, любезный автор которого выражает радость по поводу того, что столько американцев потонуло во время катастрофы в Чикаго. Это показывает настроение умов.

Император находится на фронте, «где-то в Галиции». Его усиленно оттесняют на задний план для того, думается мне, чтобы рассеять всеобщее представление о войне как о «его войне»...

Думаю, что ушедший в отставку министр иностранных дел немало напутал. Нет сомнения в том, что он наговорил Думбе и Бернсторфу много таких вещей, о которых было сообщено сюда (их передали и мне), так что здешние власти, как и я, были введены в некоторое заблуждение относительно намерений президента. Если у нас будут неприятности с Германией, то ответственным за них будет он. Это он посеял здесь мысль о нашей слабости...

Всегда ваш *Дж. У. Дж.*».

Дела приближались к критической точке. «Прямое действие», которого опасался полковник Хауз, все еще не было совершено, но, очевидно, это объяснялось скорее объективными обстоятельствами, а не сознательным намерением. В Берлине господствовали экстремисты, и поскольку дело касалось их позиции по отношению

---

[1] Нападение на Сербию началось два месяца спустя.

[2] Готовясь вступить в войну, Болгария в самом деле получала займы в Германии.

к США, было ясно, что предостережение Вильсона, говорившего от имени невооруженной страны, производило максимум раздражения и минимум положительного действия. Вильсон не без основания отказался доверять искренности Бернсторфа. 29 июля в письме к Хаузу он сообщал, что считает неискренним поведение германского посла по отношению к нам и предложил полковнику снова попытаться указать Берлину, насколько опасен избранный им путь. Бернсторф жаловался, что президент несправедливо сосредоточил свои протесты против Германии, в то же время закрывая глаза на нарушения международного права англичанами. Посол Джерард, повидимому, считал, что разрыв между США и Германией вопрос только времени.

Письмо фон Бернсторфа Хаузу

Вашингтон, округ Колумбия, 24 июля 1915 г.

«Дорогой полковник Хауз!

... Создавшееся положение—не из приятных. В последней американской ноте содержалось столько сильных выражений, что, боюсь, я не сумею чем-либо помочь в этом вопросе. Тем не менее я делаю все, что могу; но все мои усилия окажутся наверняка неудачными, если в ожидаемой американской ноте по адресу Англии не будет таких же сильных выражений, как по нашему адресу.

В настоящий момент в Германии никто не верит в беспристрастность американского правительства, и в этом заключается вся трудность положения. По обе стороны океана накопилось сильное чувство вражды, и всякий не только «намеренно недружественный», а даже непреднамеренный несчастный случай может в любой момент привести к войне...

Во всяком случае мы должны прекратить публикование резких и неудовлетворительных нот. Не думаю, чтобы общественное мнение обеих стран могло бы долго мириться с таким положением. Если мне не удастся убедить мою страну дать ответ, нам останется положиться на счастливый случай в надежде, что не случится никакого инцидента, который привел бы к войне.

Искренно ваш *И. Бернсторф*».

Письмо Джерарда полковнику Хаузу

Берлин, 3 августа 1915 г.

«Дорогой полковник!

... У канцлера в голове попрежнему беспорядок; он говорит, что необходимо было вторгнуться в Бельгию, нарушить все международные законы и т. д. Все же я думаю, что лично он был против яростной пропаганды Дернбурга в Америке. Я считаю, что фон Тирпиц при помощи своего бюро печати настолько глубоко внушил

населению мысль о продолжении этой подводной войны, что немцы будут крайне удивлены и обижены, когда война начнется[1]. Но в конце концов это необходимо. Фон Ягов сознался мне, что они пытались уговорить Англию вмешаться вместе с ними в мексиканские дела и что немцы включили в свои ежедневные молитвы ненависти «Gott strafe» доктрину Монроэ.

Варшава, как я уже давно официально предсказывал, скоро падет. Это предотвратит выступление Балканских государств[2].

Больших новостей нет—мы просто ожидаем неминуемого несчастья...

Всегда ваш *Дж. У. Дж.*».

---

[1] С Соединенными штатами Америки.

[2] Т. е. Румыния и Болгария не присоединятся к Антанте.

ГЛАВА II

ПОТОПЛЕНИЕ ПАРОХОДА «АРАБИК»

«Пароходы не будут потоплены нашими подводными лодками без предупреждения и без обеспечения безопасности мирных пассажиров при условии, что пароходы не будут пытаться скрыться или оказывать сопротивление».

Из письма Бернсторфа Лансингу, 1 сентября 1915 г.

1

Предсказания Джерарда о «неминуемом несчастье» трагически оправдались 19 августа, когда английский пароход «Арабик» был пущен ко дну подводной лодкой у Фастнета. Пароход следовал в Нью-Йорк, в нейтральный порт, и поэтому не мог везти контрабанды. Нападение было совершено без предупреждения. Погибли два американца.

Интересно отметить, что даже перед лицом провокации президент Вильсон нисколько не дал воли своим личным переживаниям, которые должно было вызвать подобное вопиющее пренебрежение к его предостережениям, а он далеко не был кротким человеком; действовал он исключительно под влиянием того чувства ответственности, которая была возложена на него. Он обратился за помощью к Хаузу.

21 августа он написал ему, спрашивая совета. Два пункта ему были ясны. Во-первых, американский народ рассчитывал на него в том, чтобы войны избежать; во-вторых, для всего мира было бы катастрофой, если бы мы были активно вовлечены в конфликт и лишены, таким образом, всякого беспристрастного влияния на разрешение конфликта. В заключение он писал, что чувствует себя хорошо, но страшно одинок; письма Хауза, писал он, напоминали посещение друзей.

Ответ полковника Хауза поставил перед Вильсоном три альтернативы и исключал возможность посылки новой дипломатической

ноты протеста—ноты, которая, по мнению полковника, была бы равносильна признанию нашей политической беспомощности. Вильсон может немедленно порвать дипломатические отношения, отослав посла Бернсторфа; он может созвать конгресс и возложить на него ответственность за мир или войну; он может частным порядком дать знать Бернсторфу о том, что предотвратить разрыв может только полное отступление Германии в вопросе о подводной войне. Хауз предпочитал первый путь, хотя и был уверен, что он означает войну. Но перед президентом настаивать на этом пути он не хотел. «Он прекрасно знает мое мнение,—заявил полковник.—Решение, которое может вовлечь в войну страну со 100-миллионным населением, должно быть принято теми, на ком лежит официальная ответственность».

Письмо Хауза президенту

Манчестер, Массачусетс, 26 августа 1915 г.

«Дорогой начальник!

С момента несчастья с «Арабиком» я не могу отделаться от тяжелого чувства. Мысленно я постоянно с вами.

Я не переставал надеяться, что подобное безумие Германию не охватит. Если война случится, то совершенно очевидно будет, что она вызвана ими, а не вами. Вы были хладнокровны, терпеливы и справедливы. С самого начала они заняли немыслимую позицию, что привело их на грань войны со всеми народами.

Наш народ войны не хочет, но еще меньше хочет он сдать занятые вами позиции. Точно так же он не хочет уклониться от ответственности. Ваша первая нота Германии после потопления «Лузитании» превратила вас не только в первого гражданина Америки, но и в первого гражданина мира. Если вы каким-либо словом или действием заденете нашу национальную гордость, то в один день лишитесь вашей командной позиции.

Дальнейшие ноты только разочаруют наш народ, а за границей вызовут насмешки...

Отослать Бернсторфа и отозвать Джерарда было бы первым актом войны, ибо обе страны были бы лишены возможности сообщаться; немного времени пройдет, пока будет совершен какой-либо поступок, который заставит форсировать решение вопроса.

Если вы не отошлете Бернсторфа и не отзовете Джерарда, необходимо будет созвать конгресс, который возьмет на себя ответственность. Это было бы опасным шагом, ибо нельзя предугадать, что предпримет конгресс при данных обстоятельствах...

Впервые в мировой истории великая держава сошла с ума, и мы должны себя спросить, не обязаны ли мы протянуть удерживающую руку. Если Германия не принесет извинения за свой по-

ступок и не заверит, что подобные поступки не повторятся, то принятие с нашей стороны каких-либо решительных действий неминуемо; в противном случае мы лишимся всякого влияния при заключении мира и впоследствии...

Остаюсь глубоко преданный вам *Э. М. Хауз*».

«Будь я на его месте,—писал полковник 21 августа,—я отправил бы Бернсторфа домой и отозвал бы Джерарда. На этом я бы остановился, предупредив, что в случае еще одного оскорбления мы активно выступим на стороне союзников. Тем временем я начал бы готовиться к обороне и к войне так же энергично, как если бы война уже была объявлена. Я поручил бы все дело обороны и производства военного снаряжения комиссии, составленной из людей, стоящих вне партий, главным образом из представителей делового мира, таких людей как Джон Хэйз Хэммонд, Гай Трипп и др. Я обратился бы с воззванием к американскому народу. Я оправдал бы германский народ в целом, но заклеймил бы милитаристскую партию в Германии, которая ответственна за эту мировую трагедию. Я обратился бы к американским немцам за помощью в деле освобождения их родины от кровожадных чудовищ».

На следующий день, касаясь чувства ответственности Вильсона перед всем миром за сохранение мира в США, Хауз писал:

«Его позиция меня удивляет. Очевидно, он зайдет очень далеко, чтобы избежать войны. Ему следовало бы определить свою политику тогда, когда он писал свои ноты: в феврале, мае, июне и июле. В США никто лучше моего не понимает всех ужасов этой войны и никто не пойдет дальше моего, чтобы ее избежать. Но всему есть предел. Я чувствую, что в конечном итоге страна больше пострадает, оставаясь на нынешних позициях, чем приняв решительные меры. Если бы мы были вполне подготовлены, то Германия, я уверен, прекратила бы свои вызывающие действия по отношению к нам».

Из сообщений Джерарда у Хауза создалось впечатление, что общественное мнение в Берлине стояло за то, чтобы не отвечать на последнюю ноту президента о «Лузитании»; что же касается потопления «Арабика», то пусть правительство просто подождет очередной ноты протеста от Вильсона и подошьет ее к делу как справочный материал. Германский оптимизм достиг своей высшей точки.

Письмо Джерарда Хаузу

Берлин, 24 августа 1915 г.

«Дорогой полковник!

Успехи в России сделали людей крайне заносчивыми. Вероятно, этим объясняется потопление «Арабика». Кроме того, большие на-

дежды возлагаются на выступление Болгарии на стороне Германии; о недовольстве войной здесь больше не слышно...

Становится все более очевидным, что в войне император— только декоративная фигура. У него, повидимому, мало власти, его держат в отдалении и окруженным... На сессии рейхстага оппозиция отсутствовала...

Если Болгария вступит в войну, Германия несомненно отхватит полосу земли в Сербии и откроет себе дорогу на Константинополь и Восток. Новый турецкий посол только что прибыл. Его предшественник был недружелюбен с Энвер-беем и потому полетел с места; но он остается здесь, так как боится, что в Турции ему могут преподнести чашку «особого» кофе. Ненависть к американцам растет изо дня в день...

Всегда ваш *Джеймс У. Джерард*».

Не успел еще Вильсон остановить свой выбор на одной из альтернатив,—он твердо решил не тратить чернил и бумаги на новую ноту,—как посол фон Бернсторф внезапно осознал всю серьезность кризиса. Он обещал, что если ему дадут срок, он добьется от Берлина достаточных уступок, чтобы предотвратить надвигавшуюся угрозу разрыва. Для этого надо было, чтобы Германия обязалась прекратить нападения подводных лодок на торговые суда без предупреждения, лишая пассажиров возможности спастить; также необходимо было принести формальное извинение за нападение на «Арабик». Это был минимум требований, выполнение которого могло бы нас удовлетворить, но, казалось, было мало шансов добиться и этого минимума. Он попросил, чтобы США не предпринимали немедленных действий и ему была дана возможность оказать давление на Берлин. Наконец, появились признаки того, что терпение президента Вильсона приходит к концу.

25 августа он написал полковнику Хаузу, спрашивая его мнения о просьбе Бернсторфа отложить приговор, и высказал подозрение, что немцы только пытаются выиграть время для того, чтобы возможные наши мероприятия не оказали влияния на неустойчивое положение на Балканах. Считал ли Хауз это подозрение преувеличенным? Сколько можно ждать? Правительство США потребовало от Германии объяснений в связи с потоплением «Ордуны», а та положила запрос под сукно и по сей день не дала никакого ответа.

Вильсон писал также, что он озабочен возможностью беспорядков среди американских немцев в США, но где и какие меры предосторожности следует принять правительству? Были проверены даже самые туманные донесения, но никакого повода к подозрению не было обнаружено. Что думает об этом Хауз, в каком направлении следует сосредоточить силы или принять меры предосторожности?

Письмо Хауза -президенту

Манчестер, Массачусетс, 26 августа 1915 г.

«Дорогой начальник!

... К германской дипломатии я всегда отношусь с подозрением. На их слова надеяться нельзя и узнать их истинные намерения можно только при помощи замаскированных методов. Я не думаю, что ваши подозрения необоснованны; вполне возможно, что они ведут игру лишь для того, чтобы выиграть время. Но у меня предчувствие, что они могут уступить и пойти вам навстречу.

Что касается мер на случай беспорядков, то полагаю следующее: вероятно будут произведены попытки взорвать водопроводные и электрические станции и газовые заводы, подземные дороги и мосты в таких городах как Нью-Йорк. Это можно предотвратить мерами предосторожности со стороны властей, руководимых правительством.

Начальник полиции Вудз, например, сообщил мне, что он обнаружил в Нью-Йорке место, в котором немцы сложили две партии оружия. Оно было отправлено из Филадельфии. Он постарается узнать место отправления и другие подробности. Никому, кроме меня, он об этом не сообщал...

Мне передавали, что на Говернорз-Айлэнд находится всего двести солдат. Мне кажется, туда следовало бы отправить по меньшей мере полк. Все неприятности произойдут в больших городах, где и следует принять меры предосторожности. Я не ожидаю организованного бунта или выступления, а лишь попыток устрашить страну...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Одно из преимуществ очевидной близости войны заключалось в том, что наконец правительство поняло необходимость приступить к подготовке вооруженных сил США. Наступивший кризис показал на практике бесполезность политики laissez faire, которая со всей очевидностью не предотвратила возникновения дипломатических споров и только дала немцам повод игнорировать американские протесты. Сделав первые шаги к увеличению флота, Вильсон и Даниэлз тем самым признались в несостоятельности этой политики. Полковник Хауз с любопытством и восторгом следил за изменением политического курса, на чем он всегда так настаивал. Он тоже принимал участие в приготовлениях на случай местных беспорядков, которые могли бы последовать, если бы разрыва с Германией избежать не удалось.

«*26 августа 1915 г.* В 10 ч. 30 м. приехал начальник полиции Артур Вудз, чтобы посоветоваться со мной относительно координирования действий тайной полиции при министерствах юстиции и финансов и тайной полиции города Нью-Йорка. Он рассказал

мне, какие меры принимаются в отношении немцев... Я обещал связать его с Мак-Аду и Грегори и устроил это в тот же день при встрече с Грегори в Бостоне.

По возвращении в Манчестер я узнал, что мне звонил министр Даниэлз; он в Глостере, на борту «Дельфина», и хочет меня повидать. Мы с ним встретились и совещались в течение часа. Он сообщил мне, что он предпринял во флоте, и о своих беседах с президентом об ассигнованиях на флот. Даниэлз пытался узнать заранее, какую цифру президент предложит на утверждение конгресса; Даниэлз хочет распределить эту сумму так, чтобы она отвечала всем нуждам флота.

Президент, в свою очередь, запрашивает Даниэлза, сколько, по его мнению, нужно флоту. Я одобрительно отозвался о таком подходе президента и настоятельно просил Даниэлза потребовать столько, сколько необходимо для того, чтобы превратить флот в самый сильный в мире после английского и легко превосходящий по силам флот любой другой державы.

Даниэлз заявил, что потребовалось бы более 200 млн. долл. на одно только строительство. Я ответил ему, что ни цифра в 200, ни в 400 миллионов никого не удивит, ибо страна требует флота и дело должно быть сделано. Он обещал действовать в этом духе...»

2

Тем временем фон Бернсторф развил лихорадочную деятельность, чтобы добиться от Берлина некоторых уступок и тем предотвратить кризис. Германские гражданские власти колебались, опасаясь морских кругов и общественного мнения, и поэтому не осмеливались разрешить вопрос путем открытых извинений; тем не менее они в конце концов согласились на уступки, достаточные для того, чтобы предотвратить разрыв.

29 августа в письме к Хаузу Бернсторф писал, что Германия готова уступить требованиям Вильсона и обещать, что нападения подводных лодок на пассажирские суда будут прекращены. Хауз переслал письмо президенту. Вильсон ответил, что не доверяет ни достоверности сведений Бернсторфа, ни его искренности, но готов рассмотреть любое предложение о примирении.

Предупрежденный о том, чтобы его предложения были сформулированы точно, германский посол обратился 1 сентября к Лансингу с формальным письмом следующего содержания:

Вашингтон, 1 сентября 1915 г.

«Дорогой господин министр!

В связи с нашей беседой, происходившей сегодня утром, имею честь сообщить, что в полученных мною инструкциях относительно

нашего ответа на вашу последнюю ноту о «Лузитании» содержится следующая фраза:

«Пароходы не будут потоплены нашими подводными лодками без предупреждения и без обеспечения безопасности мирных пассажиров при условии, что пароходы не будут пытаться скрыться или оказывать сопротивление...».

Остаюсь, дорогой господин Лансинг,

искренно ваш *И. Бернсторф*».

Таким образом, Германия уступила по основному вопросу, и можно справедливо заявить, что Вильсон одержал крупную дипломатическую победу. Президент старался защитить принцип путем принуждения Германии к тому, чтобы она письменно подтвердила признание этого принципа, заключавшегося в том, что если действия подводных лодок будут продолжаться, они должны придерживаться существующих правил о предупреждении, посещении и обыске, а также позаботиться о безопасности мирных пассажиров. В будущем такие нападения, как на «Лузитанию» и на «Арабик», означали бы нарушение обещания, данного немцами. Этого президент добился, не прибегая к силе.

Но победа не была решающей. Формального извинения за потопление «Лузитании» или «Арабика» не было принесено. Кроме того, германское обещание носило скорее условный, чем определенный характер. Немцы отдали приказ командирам подводных лодок придерживаться требований Вильсона, но, очевидно, командиры оставили за собой право изменять этому приказу в тех случаях, когда им будут благоприятствовать условия[1]. Через три дня после того, как Бернсторф дал свое обещание, подводная лодка пустила ко дну пароход «Хеспериен». В то же время от Джерарда прибыло письмо, в котором он указывал, что независимо от заверений германского правительства флот будет действовать, как ему заблагорассудится.

Письмо Джерарда Хаузу

Берлин, 7 сентября 1915 г.

«Дорогой полковник!

... Флотская публика открыто заявляет, что *не прекратит нападений подводных лодок*, вопреки всем заверениям канцлера и министерства иностранных дел. Об этом я писал в своих телеграммах, и вот сегодня это доказано потоплением «Хесперием».

Канцлер, повидимому, все еще сильно напуган фон Тирпицем и его бюро печати.

[1] Так, по крайней мере, немцы заявили весной 1916 г.

Циммерман сообщил мне, что все это было большой дипломатической победой США.

Один из моих приятелей передавал мне, что изменение здешней политики объясняется настоянием папы, обещавшего взамен добиться заключения мира, которого желает сейчас Германия. «Информация» этого приятеля обычно соответствует действительности.

Мне говорили, что в результате недавнего приступа болезни и других немаловажных причин кайзер очень рассержен на президента, но, по-моему, нового в этом ничего нет и едва ли это заставит президента проводить бессонные ночи...

Меня сейчас сильно беспокоит присутствие здесь, в Берлине, так называемых американцев-корреспондентов, выразителей общественного мнения и т. д., находящихся на жаловании у Германии. Они путаются под ногами и являются опасными шпионами...

Всегда ваш *Дж. У. Дж.*».

3

Хотя обещание Германии не топить пароходы без предупреждения было достаточно для того, чтобы предотвратить немедленный разрыв отношений, немногие верили в окончательное разрешение вопроса. Ни американское правительство, ни общественное мнение не могли быть полностью удовлетворены, пока не было принесено формальное извинение за потопление «Арабика». Ни Джерард, ни германский посол не верили в то, что Берлин на это пойдет.

Но старания Бернсторфа были подкреплены решительным шагом президента Вильсона в первых числах сентября, что показало Германии, что даже терпению Вильсона есть предел. Австрийский посол доктор Думба оказался настолько неосторожным, что доверил одному американскому корреспонденту, Джэймсу Ф. Дж. Арчиболду, важные депеши, предназначенные для венского правительства. Корреспондент был арестован англичанами, депеши опубликованы. Они доказали намерение австрийского посольства участвовать в разрушении военных заводов и участие германского военного атташе фон Паппена в попытке дезорганизовать те отрасли американской промышленности, которые поставляли свою продукцию союзникам. Также было опубликовано письмо фон Паппена к жене. В этом письме он писал: «Я всегда говорю этим идиотам янки, чтобы они держали язык за зубами».

Опубликование этого письма едва ли могло способствовать успокоению американского общественного мнения.

Вильсон немедленно потребовал отозвания посла Думбы. Бернсторф встревожился. Он удвоил свои усилия, чтобы добиться от Берлина уступок.

Письмо Хауза президенту

Рослин, Лонг-Айлэнд, 17 сентября 1915 г.

«Дорогой начальник!

Вчера здесь был Бернсторф. Он сказал, что главное его затруднение в том, чтобы убедить свою публику в серьезности намерений нашего правительства. Он сообщил мне конфиденциально, что, по его мнению, отозвание Думбы более чем что-либо другое заставило Берлин осознать серьезность положения.

Они считают его (Бернсторфа) сторонником Америки и склонны не считаться с его предложениями, полагая, что он делает их с целью добиться новых уступок.

Бернсторф думает, что нежелательные поступки больше не будут повторяться, и если бы уладить вопрос о принесении извинений за гибель «Арабика»,—дальше все пойдет гладко. Он не знает, насколько далеко Берлин готов пойти в извинениях за «Арабик», но полагает, что сможет добиться от немцев заявления на основе полученных ими показаний об ошибке командира подводной лодки, якобы предполагавшего, что «Арабик» пытался протаранить лодку.

Я посоветовал ему уговорить свое правительство сделать все возможное и обещал неофициально узнать затем ваше мнение о приемлемости германских условий. Если они будут приемлемы, он сможет официально представить их министерству иностранных дел.

Кроме того, мы говорили о настроениях в нашей стране. Я сообщил ему, что хотя народ к западу от Атлантического побережья настроен против войны, он, тем не менее, готов довериться вашему решению и поддержать вас во всех мерах, какие вы сочтете необходимыми. Я сказал ему, что к этому заключению я пришел после исчерпывающих наблюдений. Он согласился, что это соответствует действительности...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

20 сентября президент ответил, выражая недоумение по поводу позиции Бернсторфа. В своих письмах к Хаузу посол казался одним человеком, в своих интервью с журналистами—совершенно другим. Вильсон не знал, чему верить. Он чувствовал, что посол пытался избавить берлинское правительство от принесения каких-либо формальных извинений за потопление «Арабика», но Вильсон не считал возможным сколько-нибудь уступить в этом вопросе: страна сочла бы его слишком покладистым, а всякие обещания общего характера со стороны Германии о ее добрых намерениях не встретили бы никакого доверия. Президент был окончательно убежден, что немцы действуют с намеренной и раздражающей медлительностью, но считал своим долгом перед американским народом выказывать терпеливость до конца.

В течение всего сентября Хауз помогал Бернсторфу добиться формальных извинений за потопление «Арабика», без чего, как считал Вильсон, все германские обещания остались бы пустым звуком. Полковник не был настроен оптимистически. 12 сентября, после беседы с новым советником министерства иностранных дел Полком, он писал:

«Полк впервые понял, как сложились наши отношения с Германией и чувствует, что будет трудно, а то и вовсе невозможно избежать разрыва».

«*16 сентября 1915 г.* Звонил германский посол, прося о свидании, которое я назначил ему на половину шестого. Он провел у меня около часа, настроение его было не из радостных. Я ободрил его насколько мог и посоветовал продолжать свою работу за дело мира. Я дал ему понять, что в отношении некоторых вопросов президент вынес окончательное решение, а потому германскому правительству следовало бы обратить внимание на его, Бернсторфа, предостережения о серьезности положения...

Я располагал исчерпывающими доказательствами того, что президент встретит поддержку в любых своих действиях. Тот факт, что он проявляет такую терпеливость и так упорно пытается избежать войны, дает народу уверенность в правильности суждений президента о том, что следует предпринять в создавшихся условиях...

Мы условились, что когда дело коснется выработки текста извинений за потопление «Арабика», то сначала текст будет неофициально передан мне для того, чтобы избежать преждевременного опубликования чего-нибудь явно неудовлетворительного...»

«*28 сентября 1915 г.* Сегодня утром у меня был германский посол... Я воспользовался случаем сообщить ему, насколько ошибочным было вести германскую пропаганду в нашей стране. Ответственность за это я возлагал на доктора Дернбурга, против чего Бернсторф не возразил. Я заявил, что если Германия победит, мы не будем ей нужны; но если она проиграет, тогда наша страна могла бы оказать ей большую пользу. Поэтому мне казалось, что здравый смысл подсказывает необходимость не враждовать с нами, а сохранить дружественные отношения. Он вскользь коснулся вопроса о голосах избирателей немецкого происхождения. Я ответил, что президент абсолютно не заинтересован в своих личных политических победах, но независимо от этого демократическая партия не интересуется немецкими избирателями по той причине, что они всегда отдают свои голоса республиканской партии. Кажется, мои слова его немного удивили. Но я хочу подчеркнуть, что Бернсторф говорил о немецких голосах вовсе не во враждебном тоне, а только как об обстоятельстве общественного значения.

Уходя, он извинился, что отнял у меня столько времени, и поблагодарил за любезное к нему отношение».

Бернсторфу было бы гораздо легче вести переговоры, если бы в Германии кто-нибудь обладал всей полнотой власти. Письма посла Джерарда ярко обрисовали картину политической неразберихи, царившей в Германии, неразберихи, представлявшей яркий контраст с прекрасной военной организацией в Германии. Немцы, казалось, были уверены в победе, но не задумывались над тем, как ее использовать. Мнения о принесении извинений за гибель «Арабика» расходились. И вся история была опутана паутиной мелкого шпионажа и пропаганды, достойных скорее кинофильма, чем наследников Бисмарка.

Письма Джерарда Хаузу

Берлин, 20 сентября 1915 г.

«Дорогой полковник!

Как всегда, пребываю в ожидании. Лансинг не сообщает мне, что происходит, а фон Ягов заявляет, что он тоже бродит в потемках. Лансинг был очень любезен, прислав мне копию ноты фон Бернсторфа, после того как она была напечатана в лондонской «Таймс» *пять дней тому назад*. Думается мне, что посла следовало бы держать в курсе событий.

Как я вам предсказывал, вторжение в Сербию германских и австрийских войск началось. Это вторжение проложит дорогу в Болгарию, после чего ожидается выступление Болгарии на стороне Германии. Дорога в Константинополь и Египет будет открыта для германских войск.

Здесь очень надеются на то, что операция Гинденбурга повлечет за собой разгром большой русской армии.

Однако газетного работника отдали под суд за то, что он высказывался против аннексии Бельгии. «Бунд нойес фатерланд» собирался выпустить воззвание об этом событии, но в последний момент помещение его было наводнено полицией, и экземпляры воззвания конфискованы...

Всегда ваш *Дж. У. Дж.*».

Берлин, 27 сентября 1915 г.

«Дорогой полковник!

...Полиция конфисковала тираж памфлета, написанного на тему об идиотизме «аннексий» и т. п. и посадила за решетку авторов и издателей памфлета. Трудно понять, *какова* позиция правительства в этом вопросе. Думаю, они и сами этого не знают. Сейчас существует такой план: аннексировать балтийские губернии России и Курляндию, отдать Польшу Австрии и за большой выкуп освободить Бельгию и северную Францию.

Все чаще слышишь разговоры о том, что президент Вильсон должен стать посредником в заключении мира. Видно, здешняя

публика подозревает, что папа очень завяз в разных европейских делах, между тем как президент не связан с интересами той или иной стороны. Вас здесь любят и вам доверяют, и если появится малейший шанс на немедленное заключение мира (в чем я сомневаюсь), вас будут просить, чтобы вы представляли президента.

Разумеется, я делал все, что мог в условиях, созданных потоплением «Арабика» и т. п., и надеюсь, что все кончится благополучно. Особых новостей я за последнее время не слышал; однако новый начальник морского штаба адмирал Гельцендорф не потерпит никакого хозяина. Это замечательный старый моряк.

Канцлер и министерство иностранных дел, конечно, против политики запугивания и понимают, как глупо было бы вовлечь нас в войну; но если, несмотря на их усилия, это произойдет, то, как всегда, больше всего будут бесчестно обвинять именно их, снова—и беспричинно—будут высмеивать германскую «дипломатию».

Всегда ваш *Дж. У. Дж.*

P. S. Одна американская девушка, по имени N, которая жила в Берлине и была приятельницей одного из выдающихся депутатов рейхстага, а также пела в кабарэ «Черная кошка», получила от Бернсторфа 3 тыс. долларов за лекционное турнэ по Америке. Какая идиотская пропаганда!»

Берлин, 1(?) октября 1915 г.

«Дорогой полковник!

... В последнее время я несколько раз беседовал с канцлером и с фон Яговым; я спрашивал их относительно мира,—никакой надежды нет. Если в игру ввяжутся Болгария и Балканы, то на столе появятся новые ставки, и игра будет продолжаться. В последнее время здесь говорят об оставлении за собой Болгарии. *Беда в том, что никто не знает, чего он хочет.* Канцлер и [кайзер], делая вид, что они возглавляют общественное мнение, в действительности плетутся за ним...

Корреспонденты, возвращающиеся с Запада, заявляют, что немцы все еще спокойны и самоуверенны. Англичане прорвали первую линию окопов и не знали, что делать дальше. Немцы заявляют, что потери французов и англичан были очень велики. Инструкции, обнаруженные у английских пленных, были составлены хорошо, но ни слова не говорили о том, что следует предпринять после того, как они прорвутся через первую линию окопов.

На-днях в наш адрес пришла телеграмма со следующим штампом:

ABDRUCK FUER A.A. ORIGINAL IST BEFOERDERT

А. А. означает Auswertiges Amt (министерство иностранных дел). Полный перевод заголовка означает: «Копия для министерства иностранных дел. Оригинал выслан».

Все это означает, что наши телеграммы посылаются для прочтения в министерство иностранных дел; по ошибке немцы послали нам копию, предназначенную для министерства иностранных дел...

Вопрос: зачем Бернсторфу адресовать свои телеграммы некоему Корморару или похожему адресату на остров Гуам, если не существует заговора перерезать наш кабель или перехватывать наши телеграммы и депеши?.

Всегда ваш *Дж. У. Дж.*».

4

Среди этого хаоса Бернсторфу, которому, невзирая на его заинтересованность в германской пропаганде, искренно хотелось остаться в Вашингтоне, наконец удалось добиться извинений за потопление «Арабика». Очень немногие понимали, насколько близки к полному разрыву были обе страны. 13 сентября Хауз писал Джерарду: «Положение вещей, повидимому, все ухудшается; невозможно передать вам, насколько критическим оно стало в настоящий момент». На следующий день он писал Грэю: «Каждый день положение меняется—так часто, что трудно что-нибудь предвидеть. Несколько недель тому назад казалось, что наши неприятности с Германией могут кончиться. Но сейчас положение более напряженное, чем когда-либо, и разрыв может произойти еще до получения вами этого письма». Полковник отдавал должное стремлению Бернсторфа сохранить мир. 6 октября он писал Джерарду: «Во время кризиса отношений, в связи с потоплением «Арабика», я часто виделся с Бернсторфом, и мне хочется снова заявить, что, по-моему, нет такого немца, который заслуживал бы сейчас большей благодарности от своей страны, чем Бернсторф. Надеюсь, вы передадите это его правительству. Не будь его терпения, здравого смысла и неустанных усилий, между нами и Германией уже была бы война». Несколько недель спустя Хауз писал: «Все мы чувствуем, что Бернсторф заслуживает большой похвалы; о важности его услуг мы, возможно, узнаем лишь по окончании этой ужасной войны».

2 октября Бернсторф сообщил Хаузу по телефону, что получил из Берлина полномочия для того, чтобы удовлетворить требования Вильсона. Три дня спустя он послал Лансингу соответствующее формальное письмо.

В последний момент германский посол был вынужден действовать по-своему, отложив в сторону требование Берлина о назначении третейского суда для рассмотрения противоречивых показаний о намерениях «Арабика» протаранить подводную лодку. Он

сообщил полковнику Хаузу, что сам решился на это отступление от инструкции после настояний президента и министра иностранных дел.

Приказы его величества императора (информировал он правительство США) командирам подводных лодок, о которых я доводил до вашего сведения раньше, стали настолько строгими, что о повторении инцидентов, аналогичных случаю с «Арабиком», не может быть и речи. Согласно донесению и показаниям Шнайдера, командира подводной лодки, потопившей «Арабик», а также показаниям команды, Шнайдер был убежден, что «Арабик» намеревался протаранить подводную лодку. С другой стороны, императорское правительство не сомневается в правдивости показаний английских офицеров «Арабика», из которых следует, что «Арабик» не намеревался таранить подводную лодку. Следовательно, нападение подводной лодки было предпринято вразрез с инструкциями, полученными командиром. Императорское правительство сожалеет о происшедшем и приносит свои извинения, а также распорядилось принять соответствующие меры по отношению к командиру Шнайдеру. При подобных обстоятельствах мое правительство выражает готовность выплатить компенсацию за жизни американцев, которые, к его глубокому сожалению, погибли на «Арабике».

«Для Соединенных штатов это—дипломатическая победа»,— заметил Бернсторф одному из своих друзей. И такой победой она останется для историка. Но она не разрешила американских проблем о нейтралитете, а только привела к новой отсрочке. Месяц спустя австрийской подводной лодкой была потоплена «Анкона». Вильсон писал Хаузу, что теперь, повидимому, все сызнова начинается с Австрией. Президент удивлен, как это в Вене не заметили того, что происходит в остальном мире. Во всяком случае, казалось ясным, что центральные державы старались только выиграть время и обещаниям их нельзя было доверяться. Кроме того, причастность германских военных и морских атташе к заговорам, направленным к срыву работ на военных заводах, а также выпады сторонников Германии и сторонников Антанты против президента, создали смятение, которое лишало всякого значения германские уступки по вопросу о подводной войне. Полковник Хауз просил президента принять решительные меры.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 21 ноября 1915 г.

«Дорогой начальник!

Нельзя ли немедленно попросить о выезде некоторых неприятных людишек из враждебных нам посольств? Нет ли также возможности разорвать дипломатические отношения с Австрией из-за «Анконы»?

Я полагаю, что было бы нецелесообразно итти тем же путем, как в случае с «Лузитанией» и с «Арабиком». Когда вы изложили закон и Германия согласилась ему подчиниться, это был закон для всех воюющих стран, и извинение Германии вместе с ее отказом от своих методов ведения подводной войны в одинаковой мере обязательны как для нее, так и для ее союзников.

Мне кажется, вы добьетесь того, что теперь центральные державы пойдут почти на все, только бы избежать открытого разрыва.

Я надеюсь, что вы запросите конгресс о предоставлении правительству большей власти для борьбы с преступлениями, совершенными натурализованными у нас немцами. Мне кажется, что правительству должно быть предоставлено право высылки нежелательных лиц точно так же, как это право предоставлено иммиграционным властям. Страна готова и ждет действий, и я считаю, что было бы ошибкой посылать новые ноты...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Вильсон не одобрил предложения о немедленном разрыве дипломатических отношений с Австрией. Вместо этого он послал в Вену резкую ноту, написанную Лансингом и оставленную президентом без изменений. «Резкости в ней сколько угодно, она лансинговская»,—писал Хауз, который читал ноту перед ее отправлением. Нота была успешна в том отношении, что за ней последовало довольно ворчливое извинение и обещание возместить убытки. Два германских атташе, фон Паппен и Бой-Эд, были отправлены президентом домой. Между тем ни Берлин, ни Вена не выказали особой сдержанности, ибо Берлин был недоволен уступками Бернсторфа, а Вена вознаградила Думбу титулами.

Письмо Джерарда Хаузу

Берлин, 19 октября 1915 г.

«Дорогой полковник!

... Фон Ягов передал мне, что хотя Бернсторф не совсем превысил свои полномочия в ноте об «Арабике», тем не менее формулировал вопрос таким образом, что здесь выразили неодобрение...

Думба возведен в дворянское звание с титулом «фон» и «цу».

Наилучшие пожелания миссис Хауз.

Всегда ваш *Дж. У. Дж.*».

На некоторое время напряжение в отношениях с Германией ослабло. Терпеливость президента, вызывавшая нескрываемое презрение в союзнических странах, была «тем не менее» восхвалена

американской печатью, за исключением некоторых республиканских газет. Среди населения трех четвертей страны, к западу от Миссисипи и к югу от Охайо, ни война, ни наш спор с Германией не вызвали особого волнения. Люди делали деньги. Даже для Востока, где конфликт был ближе и настроения были более враждебны Германии, замечания Хауза до известной степени были справедливы.

«Я замечаю, что старики, а иногда и женщины—наши самые воинственные люди». Очевидно, возможно было тянуть до следующего кризиса, который либо мог, либо нет—оказаться более серьезным, чем предыдущий.

ГЛАВА III

АМЕРИКА И СОЮЗНИКИ

«В дипломатии одна ошибка могла оказаться гибельной для дела союзников... Конфликт с Соединенными штатами».

Виконт-Грэй оф Фаллодон, Двадцать пять лет».

1

«Труднее всего для меня определить: когда терпение перестает быть добродетелью»,—сказал Вильсон Хаузу в последних числах сентября 1915 г. И в самом деле это было трудно, ибо президент чувствовал себя ответственным за общественное мнение в целом, а в тот период определившегося общественного мнения в США не существовало. Среди некоторых кругов на Атлантическом побережье терпеливость Вильсона давно уже перестала вызывать чувство уважения, угрожая превратиться в неиссякаемый источник насмешек. Но на Дальнем и Среднем Западе сила президента покоилась, главным образом, на его отказе начать войну, которая была нужна очень немногим и причины которой понимало еще меньшее число людей.

Некоторые критики объясняли политику президента причинами, которые в интересах исторической правды заслуживают опровержения. Главным образом они утверждали, что его настойчивое стремление сохранить нейтралитет, несмотря на повторные провокации, явилось результатом благожелательного чувства по отношению к Германии. Есть много доказательств, опровергающих подобное предположение. Из записей полковника Хауза видно, что Вильсон был возмущен нарушением Германией бельгийского договора и, несмотря на раздражение, вызванное союзническим контролем над торговлей нейтральных стран, он рассматривал союзников как защитников цивилизации. Генеральный прокурор Т. У. Грегори рассказывает, какое давление оказыва-

лось на Вильсона, чтобы вынудить его принять репрессивные меры против Антанты за ее вмешательство в американскую торговлю. Некоторые члены кабинета выражали готовность рассмотреть вопрос об объявлении эмбарго на военное снаряжение. На их аргументы президент Вильсон ответил: «Господа, союзники прижаты к стене и дерутся с дикими зверями. Я не допущу ничего такого, что помешало бы им продолжать войну при условии, если общепризнанные права не будут ими грубо нарушены».

Несколько месяцев спустя Брэнд Уитлок виделся с президентом в Вашингтоне. Дело происходило в декабре 1915 г. Наш посол в Бельгии сообщает о своей беседе следующее:

«Я сказал: «Господин президент, я официально представляю интересы Германии, равно как и США, и я могу честно заявить, что соблюдаю официальную нейтральность во всех вопросах; но я должен вам сказать, что в глубине моего сердца нет никакого чувства нейтральности. Мысленно я на стороне союзников». Вильсон тотчас же ответил: «Я тоже. Ни один сознательный человек, знающий положение и знающий Германию, не может думать иначе. Но это всего-навсего мое личное мнение, а в этой стране есть много людей, которые этого мнения не разделяют. На Западе и на Среднем Западе часто не существует никакого мнения вообще. Я не имею права навязывать свою точку зрения народу Соединенных штатов и вовлечь его в войну, которой он не понимает»[1].

Это чувство ответственности перед общественным мнением в Америке, которое у Вильсона было очень велико, усиливалось чувством ответственности перед человечеством. Президент заявил Хаузу: «Было бы катастрофой для всего мира, если бы мы были активно вовлечены в конфликт». Впоследствии, в своем послании к конгрессу 7 декабря 1915 г., он заявил: «Для того, чтобы избегнуть всеобщей катастрофы, необходимо было установить предел размаху разрушительной войны, а также, чтобы некоторая часть великой семьи народов поддерживала принципы мира... Явный долг суверенных стран нашей части света заключался в том, чтобы по меньшей мере уравновесить экономические потери и смятение в другой части света. Мы вполне уверены и надеемся, что в день восстановления порядка и выздоровления страны нашего континента смогут оказать неоценимые услуги».

Любопытно отметить, что впоследствии то же чувство ответственности перед всем миром заставило президента настоять на тесном сотрудничестве США с Европой в создании новой международной системы. Также необходимо добавить, что самого Вильсона политика нейтралитета привлекала по той причине, что она соответствовала его природной склонности откладывать решения по спорным вопросам. Как и большинство из нас, он не любил

[1] Из беседы с автором, происходившей 10 декабря 1924 г.

смотреть в лицо неприятностям и всегда надеялся, что «подвернется» что-нибудь, что смягчит положение без необходимости прибегать к решительным действиям. Порок ученых людей в том и состоит, что они так тщательно взвешивают все доводы за и против, что не могут найти ясного решения.

Терпеливость, которую Вильсон проявлял перед лицом германских дипломатических уверток, и его явная решимость не допустить США быть вовлеченными в войну неминуемо создали неблагоприятное впечатление среди народов союзнических стран. Англичане и французы не были склонны объективно анализировать его политику или принимать во внимание создавшиеся условия в США, которых они не понимали. Они считали себя защитниками цивилизации и верили в то, что дерутся за Америку, которая из трусости или жадности оставалась в стороне и собирала золотую жатву от продажи военного снаряжения. После германских побед 1915 г., после завоевания русской Польши, продвижения австро-германских войск на востоке, непрекращающихся неудач союзников в Галлиполи и тщетных атак союзнических войск во Франции, их необоснованное, но легко объяснимое раздражение увеличивалось. Если бы они восторжествовали летом 1915 г., то выражение симпатии со стороны Америки и ее благожелательный нейтралитет возможно удовлетворили бы союзников; но, болезненно воспринимая потери и неудачи кампании, они считали великую нейтральную страну лежебокой.

Государственные деятели союзнических стран, хотя и разделяли общее чувство сожаления о том, что США остаются в стороне, понимали, что с создавшимся положением надо считаться. Они гораздо лучше простых смертных понимали отрицательное значение американского нейтралитета и ни на минуту не забывали, что одним росчерком пера Вильсон мог создать серьезные затруднения для союзников.

«В дипломатии одна ошибка могла оказаться гибельной для дела союзников. Эта ошибка была тщательно избегнута,—пишет Грэй в своих мемуарах.—Этой кардинальной ошибкой был бы конфликт с Соединенными штатами, не обязательно разрыв, но хотя бы такое положение вещей, которое вызвало бы американское вмешательство в блокаду или привело бы к наложению эмбарго на экспорт военного снаряжения из США. С другой стороны, эту кардинальную ошибку совершила Германия»[1].

Более дальновидные государственные деятели, особенно в Англии, понимали также, что для того, чтобы победа, которую они надеялись одержать, не пропала даром, американская поддержка была необходима для обеспечения мира. Они хотели не только положить конец существовавшей угрозе германского владычества

[1] *Грэй*, Двадцать пять лет, т. II, стр. 160.

путем полной военной победы, но также заложить фундамент для будущей международной организации, которая сможет предотвратить повторение катастрофы; а чтобы справиться с этой задачей моральное и материальное влияние США было неоценимо. И если уже Вильсон отказался воевать против Германии, тем более важно было бы, чтобы он, по крайней мере, симпатизировал конечным военным целям союзников и чтобы отношения между ними и США остались бы дружественными.

Из всех союзнических государственных деятелей никто так не стремился сохранить американскую дружбу, как английский министр иностранных дел, и никто другой так высоко не оценивал значения этой дружбы для союзников как во время, так и после войны. Но перед сэром Эдуардом Грэем стояли многочисленные и серьезные затруднения. Ему приходилось бороться с нарастающей волной антиамериканских настроений в Великобритании, а также с требованиями публики и всех поджигателей войны усилить блокаду, несмотря на американские протесты. Он также должен был бороться против сильного антианглийского настроения американских судовладельцев, чьим интересам английские ограничения наносили ущерб. Счастливым обстоятельством явилось то, что Грэя активно поддерживал ближайший друг президента Вильсона.

Полковник Хауз отлично понимал, насколько деликатно положение Грэя, и всеми силами старался оказать ему поддержку. Как и Грэй, Хауз стремился установить с англичанами тесное взаимопонимание, которое, по его мнению, диктовалось интересами Америки и всего мира. Он объяснял своим английским друзьям основы вильсоновской политики нейтралитета и указывал им, как опасна блокада, затрагивавшая американскую торговлю. С другой стороны, он настаивал перед Вильсоном, чтобы последний избегал слишком резких протестов, и вместе с английским послом старался изыскать modus vivendi. Как бы ни были резки официальные ноты, он надеялся путем поддержания личного контакта сохранить в неприкосновенности основы англо-американской дружбы.

Тот факт, что английский министр иностранных дел ценил как сущность, так и результаты стараний Хауза, явствует из того, что он пишет о полковнике в своих мемуарах.

«У него всегда был практический ум,—пишет Грэй.—Он так же внимательно изучал способы, при помощи которых могла быть достигнута определенная цель, как и самую цель. Хауз внимательно следил за всеми происходящими событиями и вникал в них с усердием и добросовестностью человека, посвятившего свою жизнь общественной деятельности. Между тем, желанием Хауза было избавиться именно от такой деятельности; его ум, следовательно, работал со всей энергией человека, подстегиваемого чувством честолюбия, но в то же время—с бескорыстием человека,

чье честолюбие не преследует никаких личных целей. Он стремился совершать добро и в то же время довольствовался тем, что эти достижения приписывали другим»[1].

2

Письма Грэя Хаузу

Фаллодон, Нортомберлэнд, 6 июня 1915 г.

«Дорогой полковник Хауз!

Я очень рад был услышать от моего личного секретаря по министерству иностранных дел Друммонда, что выработан шифр, при помощи которого мы сможем непосредственно сообщаться друг с другом. Это очень удобный способ.

Если, как вы полагаете, США вступят в войну с Германией, влияние США на общие перспективы мира будет доминирующим и, возможно, решающим, так как США единственная страна, которая не может быть ни побеждена, ни истощена. (Под общими перспективами мира я подразумеваю те, которые относятся к сохранению мира в будущем в отличие от местных обстоятельств, как, например, судьба Эльзас-Лотарингии,—обстоятельство чисто европейского значения.) Но я предвижу, что желание американского народа избежать войны с Германией может привести к тому, что вопрос о «Лузитании» будет похоронен, в результате чего Германия вовсе не будет считаться с американским влиянием, а другие воюющие страны будут ожидать от него очень немного, и в будущем общая тенденция будет направлена к тому, чтобы вовсе не принимать в расчет этого влияния.

Искренно ваш *Э. Грэй*».

33 Экклэтон-сквер, Лондон, 14 июля 1915 г.

«Дорогой полковник Хауз!

... Я вернулся в Лондон и завтра приступаю к работе...[2].

Я вижу, что для того, чтобы заставить ваш народ вступить в войну, потребуется, естественно, очень крупная провокация. Если ваш народ пойдет воевать, то я считаю несомненным, что влияние США на более широкие перспективы окончательных условий мира будет преобладающим, но я очень сомневаюсь, чтобы, кроме прямого участия в войне, что-нибудь иное могло обеспечить вашему народу влияние на условия мира или дало возможность президенту оказать это влияние. Лично я чувствую, что

---

[1] *Грэй*, Двадцать пять лет, т. II, стр. 125.

[2] Грэй вынужден был на месяц прекратить работу ввиду опасности, угрожавшей его зрению.

влияние президента будет использовано на то, чтобы достичь целей, необходимых для сохранения мира в будущем, мира, которого мы все желаем.

Раздумывая о происшедших событиях, я все больше убеждаюсь, что отказ от переговоров в июле прошлого года был роковым моментом, который решил вопрос о мире или войне. Австрия предъявила Сербии чудовищный ультиматум. Сербия согласилась выполнить девять десятых требований этого ультиматума. Россия была готова предоставить решение вопроса конференции с участием Германии, Италии, Франции и нашим. Франция, Италия и мы изъявили готовность участвовать в этой конференции; Германия отказалась. После этого появились сообщения о мобилизации в Германии, о мобилизации в России, об ультиматуме Германии России и обо всем остальном.

Нашествие на Бельгию, думается мне, вызвало решительность общественного мнения в Англии, где вначале население мало занималось международной политикой и вовсе не думало—ни о войне, ни о вступлении в войну; но вопрос о мире или войне в Европе был решен, и смертный приговор миллионам людей был подписан в тот момент, когда конференция была сорвана.

Если бы нейтральные державы и общественное мнение всего мира в целом выказали бы достаточную бдительность и заявили, что они выступят против стороны, отказавшейся участвовать в конференции, войны, может быть, удалось бы избежать. Мир в будущем, после окончания этой войны, мне кажется в значительной степени будет зависеть от того, насколько основательно человечество усвоило этот урок, чтобы быстро действовать в случае повторения такого кризиса.

Почти весь июнь я провел в своем доме в Нортомберлэнде. Я носил темные очки и ничего не читал, занимаясь изредка рыбной ловлей и посвящая все остальное время цветам и деревьям. Впервые я видел, как цветут кустарники и деревья, значительную часть которых я посадил своими руками 25—26 лет назад; за последние 19 лет я не посещал своего дома в июне. Было что-то успокаивающее в равнодушии природы к войне и в том равнодушии, которое охватывает человека в глубине страны, вдали от театра войны. У меня теперь такое чувство, какое, как мне рассказывали, охватывает раненых или искалеченных солдат, когда наступает время возвращаться в окопы.

Я остро чувствую ваше отсутствие в Лондоне, беседа с вами подействовала бы на меня очень освежающе.

Непосредственная угроза для моего зрения на время миновала, и я попытаюсь приняться за свою работу, избегая по мере возможности самостоятельного чтения для того, чтобы болезнь не вернулась.

Искренно ваш *Э. Грэй*».

Письмо Хауза Грэю

Манчестер, Массачусетс, 8 июля 1915 г.

«Дорогой сэр Эдуард!

...Ваши письма крайне ценны и дают мне возможность непосредственно передавать президенту ваши взгляды, что производит больше действия, чем если бы я излагал эти мнения своими словами.

Мы все еще ждем ответа Германии на нашу последнюю ноту, и от нее будет зависеть наш образ действий. Наша страна продолжает быть определенно настроенной против войны, и я очень сомневаюсь, встретит ли президент сильную поддержку со стороны конгресса в случае, если остановится на принятии решительных мер, разве что действия Германии переполнят чашу терпения.

Если наши теперешние недоразумения с Германией будут улажены, то немедленно будет выдвинуто требование—урегулировать наши затруднения с Англией по линии морской торговли. Здесь имеются влиятельные элементы, настойчиво добивающиеся разрешения этого вопроса, и президент должен с этим считаться.

Нет ли способа возложить на Францию некоторую долю ответственности, лежащей на Англии? Вспомните, что инцидент с захватом французами парохода «Дасия» был тотчас же забыт.

Нельзя ли намекнуть Жюссерану, чтобы он принял более активное участие в обсуждении этого инцидента? В министерстве иностранных дел существует убеждение, что он самый могущественный представитель союзников здесь. Русский посол, повидимому, особенного влияния не имеет, а нервный темперамент сэра Сесиля иногда не соответствует сложившимся обстоятельствам.

Вы, конечно, поймете, насколько мои слова конфиденциальны, представляют исключительно мое личное мнение и предназначаются только для вашего сведения...

Искренно ваш *Э. М. Хауз*».

Письмо Пэйджа Хаузу

Лондон, 21 июля 1915 г.

«Дорогой Хауз!

...Мы сильно запутались с этим правительством. Оно совершило ошибку тем, что своим решением 11 марта хотело легализовать свое поведение, а в то же время люди, занимающиеся хлопком и мясом, намерены (будучи уже и без того обозлены) не давать покоя нашему министерству иностранных дел. Я боюсь, что английское правительство будет вынуждено включить хлопок в список контрабандных товаров. Агитация за подобную меру стала почти непреодолимой. И правительство столько напутало, что потеряло

веру в себя и попало под обстрел со всех сторон. Сэр Эдуард очень обескуражен положением дел в Америке. Лучше всего было бы отменить закон (а это было бы для нас унизительно), после чего включить хлопок в список контрабандных товаров, не покупать и платить за все то количество, которое могло бы быть отправлено в Германию, и, наконец, разрешить свободный обмен другими (второстепенными, неконтрабандными) товарами (они не играют большой роли).

Как это ни кажется странным, единственный выход, какой я вижу, это новый случай, аналогичный случаю с «Лузитанией», который бы форсировал войну.

У. Х. П.».

Письмо Хауза президенту

Манчестер, Массачусетс, 22 июля 1915 г.

«Дорогой начальник!

Что касается наших недоразумений с Англией по части морской торговли, то я полагаю, что если мы нажмем достаточно энергично, они предпочтут согласиться почти на любые условия, чем доводить дело до разрыва. Но, поступая подобным образом, мы на вечные времена заслужим их недовольство тем, что воспользовались слабостью их положения; в то же время раскаяние будет преследовать нас всегда—не только на мирной конференции, но на протяжении ближайшего столетия...

Если бы дело дошло до решительных действий и мы наложили эмбарго на военное снаряжение и продовольствие, чтобы удовлетворить торговцев хлопком, весь наш промышленный и сельскохозяйственный мир возмутился бы подобной мерой...

Я рад, что Лансинг приезжает сюда отдохнуть в конце недели. Я всегда понимаю ваши побуждения[1]. Какое удовольствие знать, что мы так прекрасно понимаем друг друга, и чувствовать, что нашей дружбе ничто не угрожает со стороны злонамеренных людей.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

«Сегодня утром я приехал в Манчестер,—пишет Хауз в своем дневнике;—прекрасно и спокойно провожу время. Английский посол, который лето проводит в Прайде, уже звонил мне, и вечером я нанесу ему визит. Мы обсуждали с ним вопрос об эмбарго и о долгой задержке их ответа на нашу ноту по этому вопросу».

---

[1] Речь идет об ответе на письмо Вильсона, в котором он заявил, что не хотел нанести специальный визит Хаузу, дабы люди не подумали, что он, президент, недоволен Лансингом, только что назначенным на новый пост.

«*2 августа 1915 г.* Сегодня у меня был английский посол. Мы обсуждали вопрос о положении с хлопком и позицию, занятую его правительством в отношении нейтральной торговли. Он подтвердил мнение, высказанное мною президенту и министру Лансингу, что английское правительство предпочтет пойти на бо́льшие уступки, чем рисковать серьезным осложнением с нами. Он также подтвердил мое мнение, что англичане никогда не простят нам, если мы заставим их пойти на уступки, которые они будут считать несправедливыми, поскольку мы воспользуемся их затруднительным положением.

Я посоветовал ему телеграфировать сэру Эдуарду Грэю, чтобы тот привлек к участию в обсуждении вопроса французское, итальянское, бельгийское и русское правительства, с тем, чтобы в нашей стране убедились, что нашей торговле препятствовала не одна только Англия, но что на создании этих препятствий упорно настаивали все союзники. Следует объяснить, что Англия при всем желании не могла бы действовать иначе по той причине, что остальные державы требовали от нее проведения именно этой политики.

Я сказал ему, что все это поможет нам решить вопрос в обоюдных интересах. Он самым благожелательным образом отзывался о фермерах и хлопководах, полагая, что они поддались влиянию демагогов и спекулянтов, действующих по немецкой указке. Он сказал, что можно было бы изменить точку зрения некоего очень враждебно к ним настроенного сенатора, но его правительство отказывается прибегать к подобным методам. Он считает, что вопрос мог бы быть решен ко всеобщему удовлетворению, если союзники согласятся покупать определенное количество хлопка по цене, которая очистила бы для фермера 10 центов франко-корабль. Другими словами, союзники должны обязательно сохранить цену на этом уровне.

Я объяснил ему, насколько важно, чтобы Англия не одна несла все бремя, и сказал, что буду внимательно следить за дальнейшим развитием этого вопроса. Это соответствует тому совету, который я недавно давал сэру Эдуарду Грэю...».

«*6 августа 1915 г.* Условился встретиться с английским послом в доме нашего общего друга Хетти Хигинсона. У Хетти мы встретились потому, что там мы не привлечем ничьего внимания. Мы обсуждали вопрос о хлопке и отношениях между Англией и США. Я показал сэру Сесилю мое письмо Пэйджу... Хотел, чтобы он понял, насколько чувствительно для меня несправедливое отношение союзников к президенту и к нашему народу. Мы условились о том, что он составит меморандум, в котором изложит свои соображения в связи с осложнениями, возникшими для нейтральной торговли; этот меморандум будет передан непосредственно президенту».

Письмо Хауза Пэйджу

Манчестер, Массачусетс, 4 августа 1915 г.

«Дорогой Пэйдж!

Ваши письма от 20 и 21 прибыли сегодня утром и усугубили царящее здесь чувство подавленности.

Сэр Эдуард и вы не можете понять истинного положения вещей здесь. Я и сам не знал о нем, пока не вернулся и не стал зондировать почву. Девяносто процентов нашего народа не желает, чтобы президент вовлек страну в войну. Они желают, чтобы он выказал твердость в отношении Германии, но не хотят, чтобы он довел дело до войны. Дальше своей ноты Германии президент пойти не мог.

Если бы президент избрал какой-нибудь другой путь, его влияние было бы сломлено, и он не мог бы, как теперь, вести страну по пути, который в конечном счете приведет только к благу. В ситуации он разбирается как и мы с вами, но он должен остерегаться подводных камней.

Оба мы считаем, что лучшим временем для ведения мирных переговоров была прошлая осень, оба мы предвидели также создавшееся положение вещей. Война—это игра, а в этой войне на карту поставлено слишком многое, чтобы рисковать. Я думаю, что если бы нам удалось начать мирные переговоры в ноябре, мы могли бы настоять на эвакуации и Франции и Бельгии и в конечном счете настоять на мире, который положил бы конец милитаризму на море и на суше. Но мы сообразовались с желаниями союзников, в результате чего война создала жизненно важные центры Европы, и предсказать, каков будет ее конец,—превыше ума человеческого.

Я сожалею, что в Англии нашелся человек, который настолько дурного мнения о президенте, что написал «Веселую балладу о Вудро Вильсоне». Это напоминает ту несправедливую критику Англии за ее будто бы недостаточное участие в войне. На самом деле она сделала больше, чем должна была, и сегодня она—единственное препятствие на пути Германии к полной победе. Год тому назад никто бы не подумал, что участие Англии будет простираться за пределы обеспечения свободы морей для торговли союзников. Сегодня же ее критикуют за то, что она не в состоянии справиться с Германией на суше.

Точно так же обстоит дело с Америкой. Год тому назад союзники были бы бесконечно довольны, если бы были уверены, что военное снаряжение будет доставляться им отсюда в неограниченном количестве, и знали бы, что президент потребует от Германии прекращения потопления торговых судов без предупреждения, не останавливаясь перед угрозой объявить войну.

Какая нейтральная держава сделала больше чем мы? Голландские, шведские, норвежские, датские и испанские суда были по-

топлены без предупреждения, причем погибло несметное число людей. Полагаю, что среди пассажиров «Лузитании» находились подданные любой из этих стран, между тем ни одна из них не подняла голоса протеста, и все же ни одна из них не вызвала критики со стороны союзников...

Американцам не совсем ясно, каким образом мы сможем позаботиться о себе в случае нужды. Наши надежды, наши стремления и наши симпатии тесно переплетаются с демократиями Франции и Англии; именно это, а не боязнь того, что случится с нами в случае их поражения, притягивает к ним наши сердца и мощную экономическую поддержку.

Остаюсь всегда вашим другом *Э. М. Хауз*».

Письмо Хауза президенту

Манчестер, Массачусетс, 4 августа 1915 г.

«Дорогой начальник!

Пэйдж напуган до смерти, равно как и сэр Эдуард. Судя по письмам Пэйджа, можно было бы подумать, что немцы уже находятся в предместьях Лондона и быстро продвигаются к западу, на Нью-Йорк.

Как только наши дела с Англией немного уладятся, я думаю, что хорошо было бы послать за Пэйджем, чтобы дней 30—40 он провел в нашей стране. Война расстроила его нервную систему, и он утерял всякое представление о настроении народа нашей страны по отношению к войне.

Теперь, когда военная удача на время повернулась против союзников, среди них начинает преобладать чувство, что мы не вносим в дело нашу долю; а то, чего я боялся—быстро лишиться друзей, может случиться в самом скором времени.

Они не понимают нашего расового многообразия, нашей изолированности и, следовательно, нашей неспособности пугаться придуманных ими мрачных призраков. Точно так же они не совсем понимают или недооценивают ту потенциальную помощь, которую мы им оказывали со стороны экономики.

Положение затруднительное и заботит меня не мало.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Письмо Хауза Пэйджу

Манчестер, Массачусетс, 19 августа 1915 г.

«Дорогой Пэйдж!

Вчера получил ваше письмо от 4 августа. Никто лучше меня не знает всех трудностей вашей работы. Я отлично понимаю нецелесообразность и бесполезность того, что вы называете «политикой придирчивости».

Насколько я понимаю, здесь полагают необходимым предпринять нечто, подобное именно такой политике, а если этого не сделать, то легко можно вызвать подозрение в пристрастии. Я сомневаюсь, сможем ли мы предпринять что-нибудь иное, кроме прямого вмешательства, которое одно только и удовлетворило бы союзников в момент, когда военная удача им, повидимому, не благоприятствует; даже в случае их победы вина за потери людей и денег будет возложена на нас...

Верный вам *Э. М. Хауз*».

Письмо Хауза лорду Брайсу

Манчестер, Массачусетс, 12 августа 1915 г.

«Дорогой лорд Брайс!

... Если бы президент действовал согласно желаниям его английских и французских друзей, он сегодня не мог бы спокойно вести страну по пути законности и справедливости. Своей популярностью он только отчасти обязан твердому тону своих нот, адресованных Германии, главным же образом он обязан этому тем, что не вовлек нашу страну в войну. Если в конечном счете нам суждена война, народ будет к ней готов и окажет президенту безграничную поддержку, так как поймет, что президент с честью сделал все, что было в человеческих силах, чтобы войны избежать.

Мне хотелось бы, чтобы ваш народ понял это лучше. Мне хотелось бы, чтобы он понял, какие трудности стоят перед президентом. Мне хотелось бы, чтобы он знал, с какой решимостью президент противился всем попыткам заставить его изменить нашу политику в отношении отправки военного снаряжения и в отношении его подхода к вопросу о нейтральном судоходстве.

Мне также хотелось бы напомнить, что наш народ состоит из многих национальностей и президент должен считаться с этой особенностью. Ваш народ должен на мгновение призадуматься: справедливо ли критикует он нас за то, что мы не вступаем в войну?.. Другие нейтральные страны, заинтересованные гораздо больше, чем мы, страны, которые в настоящий момент могут оказать гораздо бóльшую помощь, хранят молчание и насколько только можно помогают центральным державам, превратившись в посредников по доставке Германии продовольствия и сырья...

Обо всем этом, дорогой лорд Брайс, я пишу вам потому, что в Англии никто лучше вашего не понимает наших затруднений. Вы знаете, каковы наши симпатии и наши идеалы, и я надеюсь, что через вас народ ваш до некоторой степени узнает о наших затруднениях и противоречиях...

Искренно ваш *Э. М. Хауз*».

Лорд Брайс в сочувственном тоне ответил полковнику Хаузу письмом от 26 августа. Он даже заявил, что слова Хауза о доверии американского народа к президенту Вильсону соответствуют его, Брайса, собственным мыслям и высказываниям, а именно: ни один президент со времен Авраама Линкольна не пользовался таким влиянием в стране, как Вильсон. Казалось, что США вручили свою политику и свои судьбы Вильсону, говоря: «Вы лучше нас знаете, что делать. Продолжайте, мы вас поддержим». В американской истории едва ли случалось нечто подобное.

В своей оценке английского общественного мнения Брайс считал, что высказывания некоторых ежедневных газет и, по крайней мере, одного из еженедельников, далеко не отображали настроений мыслящих кругов Англии. Было естественным, что обыватели, узнав, что подавляющее большинство американцев симпатизирует союзникам, и, чувствуя, что англичане сражаются с державой, чье беспринципное честолюбие угрожало всему миру и которая оказалась бы для Америки неприятным соседом в случае, если бы английский флот был выведен из строя,—эти обыватели пришли к убеждению, что Америка должна принять участие в конфликте. Брайс утверждал, что люди, понимающие американскую историю и истинно пацифистский дух американского народа, знали, насколько сильна была традиция невмешательства в европейские осложнения и с каким разнообразием событий и настроений следует считаться тем, кто руководит американской политикой. Он добавил, что старался не раз, как публично, так и в частных беседах, отстоять эту точку зрения, и знает, что это мнение разделяют все, кто хоть сколько-нибудь смыслит в американских условиях.

В ответ на вопрос Хауза о его личном мнении он писал, что в первые дни войны ему казалось, будто американские интересы затронуты лишь в небольшой мере. Теперь же стало очевидным, что победоносная Германия будет угрожать Америке, как и всякой другой морской державе. Если она будет владычествовать над морями, то станет опасной в Вест-Индии и, вероятно, в Южной Америке. Далее он подчеркивал, что германские методы войны против мирных жителей на суше и на море—это шаг назад к варварству и вызов цивилизованному человечеству. Победа Германии после широкого применения подобных методов явилась бы величайшим несчастьем для человеческого прогресса, к чему Америка, «самая гуманная из стран», как он ее называл, не могла остаться равнодушной.

Эти две особенности войны, полагал Брайс, заставили нейтральные страны изменить свое отношение к ней. Эти особенности выходили далеко за пределы первоначальных причин и целей борьбы. Сейчас дело идет не о судьбах одной Великобритании.

В заключение он выразил надежду, что Хауз будет ему писать, и обещал при всяком удобном случае сообщать суждения Хауза кругам, где они смогут принести пользу.

Письмо сэра Хорэса Планкетта Хаузу

Дублин, 23 августа 1915 г.

«Дорогой полковник Хауз!

...Довольно трудно сформулировать здешнее отношение к действиям президента во время кризиса, который вызвал необходимость вашего возвращения в США в июне[1]. Люди, чье мнение, по крайней мере для меня, является веским, по отношению к президенту выражают чувство глубокого уважения за то, что он занял полную достоинства позицию между двумя крайностями — Брайаном и Рузвельтом; а ведь именно об этом писали вы Пэйджу в вашем замечательном письме от 4 августа. Декларация Рузвельта, опубликованная в сегодняшних газетах и требующая действий, а не слов и т. д., звучит более тривиально, чем обычно, и, как говорят в Америке, не сломает здесь льда. Но вне круга мыслящих людей, из разговоров с мелкими чиновниками и обыденными деловыми людьми создается сильное впечатление, смысл которого может быть определен следующими словами: «Америка должна была бы вмешаться, но не хочет». Но теперь, когда последнее оскорбление[2] явилось своего рода прямым ответом на предложения президента избежать серьезной ссоры, люди начинают внимательно перечитывать его прежние заявления и глубоко воспринимают высшие принципы, которые защищал президент, и ту твердость, которую он проявил при всех попытках казуистической дипломатии увлечь его в сторону от его твердых убеждений. Если вас все же заставят вмешаться в войну, то я чувствую, что тем из нас, которым придется разъяснять позицию Вильсона, его собственные слова послужат прекрасным материалом...

Искренне ваш *Хорэс Планкетт*».

Письмо Грэя Хаузу

Лондон, 26 августа 1915 г.

«Дорогой полковник Хауз!

...В конце недели я выбираюсь из Лондона и один день провожу в своем коттэдже. Ни во сне ни наяву мысль о войне никогда не оставляет человека. Но равнодушие природы и ее красота, на которую наши беды не оказывают никакого влияния, смена вре-

---

[1] Кризис, вызванный потоплением «Лузитании».
[2] Потопление «Арабика».

мен года в той же последовательности, что и перед войной, дают некоторую уверенность, что существуют элементарные и вечные вещи, ход которых такие земные катастрофы, как эта война, изменить не могут.

О потоплении «Арабика» я ничего не говорил потому, что это только один из нескольких случаев за каждую неделю потопления торговых и пассажирских судов, когда не считаются с судьбой мирных граждан. Но наш народ, конечно, с напряженным интересом следит за тем, что вы собираетесь предпринять. Думается мне, наши люди разочарованы тем, что настроение в Америке менее воинственное, чем они ожидали. Вторжение немцев в Бельгию, совершенные там преступления, потопление «Лузитании», а теперь—«Арабика», все это вызывает в Америке волнение и возмущение, которые, повидимому, быстро рассеиваются, и наш народ все меньше надеется на помощь США и становится все более критически настроенным по отношению к президенту.

Что касается последнего пункта, то я всем рассказываю то, что на-днях сказал мне один американец: «Если президент скажет, что он должен действовать против Германии, то за ним будет стоять вся страна, но только потому, что он всю страну убедил в том, что все сделал, чтобы избежать войны, и тогда стране придется согласиться на войну, хотя она и стремилась ее избежать».

Если бы я мог быть уверен, что рано или поздно ваш народ скажет: «хотя нам нет дела до территориальных изменений среди воюющих стран, которые должны разрешить этот вопрос сами, мира быть не может до тех пор, пока вопрос о Бельгии не будет справедливо разрешен в интересах общественной морали и будущего мира», то я был бы удовлетворен.

Искренно ваш *Э. Грэй*».

Письма Хорэса Планкетта Хаузу

Дублин, 1 октября 1915 г.

«Дорогой полковник Хауз!

...Я все более убеждаюсь в том, что если США будут вовлечены в конфликт, то это явится решающим фактором быстрого окончания войны. Теперь я вполне спокоен перед лицом этой возможности потому, что уверен, что какое бы решение ни принял президент—воевать или не воевать,—за ним пойдет настолько подавляющее большинство населения, что никакие внутренние затруднения не нарушат боеспособности республики. Мое главное опасение за будущее,—постольку, поскольку ваша страна нужна для того, чтобы помочь обеспечить это будущее,—и заключается в том, что в результате ложного понимания воюющими странами позиции ведущей нейтральной державы для президента может не представиться случая играть посредническую роль...

Как я уже указывал в коротком сообщении из Лондона (27 сентября), Артур Бальфур прекрасно понимает—и это понимание является первым результатом наших тесных с ним отношений—важность откровенного обсуждения и полного объяснения по вопросам, в отношении которых Британская империя, возможно, не проявляет достаточного внимания к интересам США...

Боюсь вас утомить и потому ограничусь передачей вам в строго конфиденциальном порядке, который мы соблюдаем в наших письмах друг другу, слов, сказанных мне Грэем, и которые, мне кажется, вам следует знать. Я просил его откровенно сказать мне, желает ли он вступления США в войну, считает ли он, что это ускорит конец войны, и существуют ли у него какие-либо опасения, что выступление США создаст затруднения английским представителям на конгрессе мира. Грэй, повидимому, понимает, какое огромное действие оказало бы ваше вмешательство. Он сказал, что лично он надеялся на ваше вмешательство, но, естественно, никогда не мог выразить такую надежду как официальное лицо. Что касается позиции США во время мирных переговоров, то Грэй сказал, что один лишь тот факт, что весь мир знал бы, что, не в пример другим воюющим странам, США вмешивались в войну с исключительной целью воевать против войны, обеспечил бы им огромное влияние при определении условий мира. И, добавил Грэй, Германия была бы вынуждена согласиться на любые условия, выдвинутые США, ибо ее хозяйственная жизнь не могла бы быть восстановлена без поддержки вашей страны.

Искренно ваш *Хорэс Планкетт*».

3

К счастью, влиятельные государственные деятели в Англии и в США твердо решили сохранить англо-американскую дружбу, в противном случае сила обстоятельств привела бы к конфликту, которого опасался Грэй. Усиление английской блокады в начале лета—единственное оружие, которое в то время могло быть эффективно использовано против Германии,—вызвало бурю жалоб со стороны американских судовладельцев, твердивших, что Вильсон и министерство иностранных дел раболепствуют перед англичанами, пренебрегая американскими интересами. Они требовали контрмер.

«В течение трех недель,—гласило сообщение из Вашингтона от 23 июня 1915 г.,—министерство иностранных дел наводняется настойчивыми протестами против действий англичан. Хлопководы Юга, импортеры красок на Востоке, экспортные фирмы, связанные с Чикаго, Канзасом и Сент-Луисом,—все объединились в своем требовании таких мер, которые позволили бы им выполнить полученные ими из Скандинавии и Голландии заказы.

Сенатор Хоук Смит, из Георгии, глашатай хлопковых плантаторов Юга, лично заявил протест в Белом Доме и в министерстве иностранных дел против английских помех в экспорте хлопка. Он предупредил президента, что если Англию и Францию не заставят прекратить их вмешательство, то на следующей сессии конгресса трудно будет предотвратить проведение резолюции о наложении эмбарго на оружие».

Министр Лансинг был согласен с Вильсоном и Хаузом в том, что конфликт с союзниками должен быть предотвращен. «Ни в коем случае,—писал он полковнику,—не должны мы вступать на путь, который мог бы привести к серьезной угрозе сохранению наших дружественных отношений с Англией и Францией, ибо, как вы говорите, наша дружба с Германией—дело прошлого». Но, тем не менее, нельзя было пройти мимо факта нарушения международного права в результате союзнической блокады. После того как Вильсон занял такую непримиримую позицию в споре с Германией, он должен был противопоставить американские принципы методам союзников, иначе позволительно было бы усомниться в беспристрастии Америки, и тем самым были бы значительно ослаблены американские позиции в случае нового кризиса отношений с Германией.

В течение всего лета Вашингтон ждал от союзников удовлетворительного ответа на прежние ноты протеста. Ответа не было, а в связи с временным урегулированием отношений с Германией министерство иностранных дел приготовило новую и более резкую ноту, которая была отправлена 21 октября. Полковник Хауз обсудил весь вопрос с Спринг-Райсом, и по предложению Хауза посол предостерег свое правительство относительно возможных последствий.

«*27 сентября 1915 г.* После завтрака,—писал Хауз,—меня посетил английский посол. Он понимает или делает вид, что понимает, в каких трудных условиях приходится действовать президенту, и одобряет его позицию. Мы беседовали о предстоящем международном займе, и он выразил большое беспокойство за его успех. Повидимому, он в лучшем настроении, не так нервен и проявляет здравомыслие».

Письмо Спринг-Райса Эдуарду Грэю

Вашингтон, октябрь 1915 г.

«Вам следует ожидать весьма энергичного сообщения. До тех пор, пока общественное мнение не убедится в необходимости стать на ту или иную сторону (а оно в этом не убеждено), правительство должно оставаться беспристрастным. Политика булавочных уколов против какой-нибудь одной стороны создаст среди населения впечатление односторонности и предвзятости. Второстепенные

вопросы могут быть разрешены взаимными уступками, остальные вопросы могут быть предоставлены, согласно существующим договорным отношениям, арбитражному разбирательству.

Спринг-Райс».

В Лондоне Пэйдж решительно восставал против решения министерства иностранных дел послать новую ноту протеста. Происходило это, вероятно, по той причине, что он не мог понять создавшегося среди американских экспортеров настроения против англичан, как результата блокады. Он часто и убедительно писал Хаузу, подчеркивая растущее в союзнических странах недовольство Вильсоном, которое ставило под угрозу дружественные отношения между странами и очень осложняло его собственное положение. Полковник не оставался безучастным к письмам Пэйджа, но указывал, что США могут рассчитывать на популярность в Англии до тех пор, пока остаются нейтральными. Было бы бесполезно пытаться завоевать английское уважение путем молчаливого одобрения торговых ограничений, установленных союзниками. Общественное мнение Антанты может быть удовлетворено только фактическим выступлением против Германии, и, повидимому, его нисколько не удовлетворило даже вырванное Вильсоном у немцев обещание не топить суда без предупреждения, что на время прервало беспощадную подводную войну и дало передышку судоходству союзников.

Письмо Хауза Пэйджу

Нью-Йорк, 6 октября 1915 г.

«Дорогой Пэйдж!

Я вполне сочувствую вам, понимая, в какое положение вы поставлены силою событий. Это неизбежно должно было случиться, поскольку наша страна не выступила активно на стороне союзников. Я припоминаю, как во Франции и в Англии критиковали Италию до ее вступления в войну.

Президент одержал величайшую дипломатическую победу в истории нашего поколения, но я сомневаюсь, так ли будут расценивать ее союзники, ибо она еще больше отдаляет нас от прямого вмешательства.

Мы отдали союзникам наше сочувствие и к тому же оказали им бо́льшую помощь, чем могли бы предложить Германии, если бы мы того даже желали, т. е. неограниченное количество военного снаряжения и деньги. Вдобавок ко всему этому мы заставили Германию изменить ее методы подводной войны...

Я бесконечно сожалею, что на нашу долю выпало оказаться без друзей с обеих сторон, но такова обычно судьба...

Искренно ваш *Э. М. Хауз*».

«От Уолтера Пэйджа,—писал Хауз несколько недель спустя,—я получил написанное от руки письмо на 25 страницах. Он в самом пессимистическом настроении... Беда с Пэйджем в том, что он видит лишь одну сторону вопроса. Он прав, когда считает, что ноты министерства иностранных дел могли бы быть составлены лучшим дипломатическим языком.

Но Пэйдж упускает из виду, что английская медлительность вызывает у нас такое же раздражение, какое испытывают они по поводу нашего поведения. В первом случае это сводится к прямолинейным словам, сказанным с дружеским намерением, в другом—к дружескому тону при недружественных намерениях. Мы проявили чрезвычайную терпеливость по отношению к Англии и, не вступая в войну, сделали больше, чем сделала бы любая нейтральная страна для оказания ей помощи. С другой стороны, англичане зашли крайне далеко в нарушении прав нейтральных держав, хотя это и было проделано ими самым вежливым путем.

Кроме того, вставала угроза нового разногласия с Англией, которая могла привести к еще более серьезным последствиям. Это относилось к германской жалобе на то, что если подводная лодка была вынуждена сделать предупреждение при задержании торгового судна, то последнее, будучи вооружено для «защиты», могло потопить подводную лодку. Об этой сложной проблеме Хауз вел переписку с Бальфуром и поднял этот вопрос перед лордом Редингом, приехавшим в США для ведения финансовых переговоров.

«*2 октября 1915 г.* В десять часов я был у министра Лансинга; мы совещались в течение часа... Лансинг придерживается того взгляда, что если мы будем возлагать на немцев ответственность за потопление судов без предупреждения, мы также должны настоять на том, чтобы торговые суда не были вооружены. Если же торговое судно вооружено, а мы требуем, чтобы подводные лодки не топили без предупреждения, то все преимущества оказываются на стороне торгового судна.

Я лучше Лансинга понимаю английскую точку зрения, но не считаю ее вполне справедливой...

Я просил С. Р. Вертрона пригласить лорда Рединга к себе домой на завтрак с тем, чтобы, кроме нас троих, там никого не было. Вертрон угостил нас прекрасным завтраком, кушанья были отличные. После завтрака он оставил Рединга и меня наедине, и мы беседовали более часа. Я рассказал ему о разногласиях между Англией и США в вопросе об изменении морских законов. Я не упомянул имен Бальфура или сэра Хорэса Планкетта, но сообщил, что получил из Англии письма, в которых была изложена английская точка зрения, и что час или два тому назад я обсуждал этот вопрос с Лансингом и обнаружил много связанных с этим вопросом затруднений.

С одной стороны, английское правительство желает, чтобы мы потребовали от Германии не топить торговые суда без предупреждения, а с другой,—чтобы торговые суда имели право быть вооруженными, как в былые времена. Я упомянул о разговоре с Лангсингом по этому вопросу, о котором больше говорил Лансинг, считавший, что нельзя англичанам с одного вола две шкуры драть; явно несправедливо заставлять подводную лодку предупреждать торговые суда, а затем разрешать им открывать огонь по подводной лодке и топить ее в то время, как она давала предупреждение.

Рединг очень заинтересовался и слышал об этом вопросе, очевидно, впервые. Я сказал ему, что вопрос еще только возник и поставлен в предварительном порядке, но как только наши наиболее острые разногласия с Германией будут разрешены, немцы несомненно выдвинут этот вопрос на первый план и будут всячески подчеркивать допускаемую по отношению к ним несправедливость.

Я обратил внимание Рединга на растущее недовольство и критику английской печати по отношению к политике президента. Я привел множество цитат из статей и назвал ряд карикатур. Он выразил крайнее сожаление, но полагал, что по таким вопросам контролировать прессу почти невозможно. Правительство понимало и ценило позицию президента, чего нельзя было сказать о широкой публике,—отсюда и критика. Он намекнул, что собирается поставить вопрос перед своим правительством и выяснить, нельзя ли как-нибудь уладить дело. Я обратил его внимание на тот факт, что поддержание дружеских отношений между двумя странами оказало больше пользы Англии, чем нам. Я сказал, что президент недосягаем для такой критики, но его друзья, сторонники и поклонники по всей Америке отнесутся к ней с негодованием, а это негодование выльется в антианглийское настроение».

Но недовольство в Америке англичанами бледнело по сравнению с антиамериканским настроением, вызванным в Англии нотой протеста против задержаний и конфискации грузов. Посол Пэйдж прислал Хаузу письмо на 23 страницах, в котором не пожалел красок для изображения всей полноты английских чувств и в котором содержалось несколько специфических анекдотов. «Я не хочу вас обидеть,—сказал некий лондонский житель американскому торговцу,—но свое чувство возмущения по отношению к США я могу выразить лишь одним путем: не вести больше никаких дел с американцами».

Более серьезным был тот факт, что реакцию английского общественного мнения, казалось, полностью отображал английский посол в Вашингтоне, от которого в значительной мере зависело официальное дружественное взаимопонимание двух стран, которое, как настаивал Хауз, следовало сохранить, несмотря на английские методы и на американские ноты протеста. Спринг-Райс знал,

что уже в пути находится резкая нота, но, повидимому, он все же не был подготовлен к силе ее фразеологии.

«*14 октября 1915 г.* Я условился с английским послом о встрече в доме Билли Филиппса,—писал Хауз.—Машину, присланную из Белого Дома, я отпустил, не доезжая квартала до условленного места; чтобы не обратить на себя внимания, я продолжал путь дальше пешком. По приходе тотчас же приступил к обсуждению ноты, но обнаружил, что посол в крайне нервном состоянии. Он начал говорить о США очень неприятные вещи. Помимо всего прочего он заявил, что в историю навсегда войдет тот факт, что в тех случаях, когда нарушались законы божеские и человеческие, от нас не следовало протестов[1], но когда дело шло о нашей нефти и меди, то следовал самый энергичный протест...

При обсуждении самой ноты, которую мы собирались послать Великобритании, он заявил: «Как бы плохи ни были наши дела, мы готовы скорее воевать, чем согласиться с принципом блокады в том виде, как его истолковывает ваше правительство. Если бы мы на это согласились, все преимущества оказались бы на стороне Германии, к которой вы, повидимому, относитесь благожелательно; у Германии есть такие нейтральные порты, как Мальмё и Копенгаген, которые являются столько же немецкими, как Бремен или Гамбург, а у Англии таких портов нет; и тот закон, который вы хотите установить, изолирует нас в случае, когда наши враги блокируют наши берега. С другой стороны, никакая английская блокада не в состоянии полностью изолировать Германию».

Я предложил передать дело на арбитраж и просил сообщить это его правительству. Мне не понравился его тон, и, по привычке, я становился все более молчаливым. В разговоре он сказал: «Одно время эта страна была построена из чистого камня, но теперь она построена из грязи, песка и небольшого количества камня; и никто не может предсказать, как и куда она поползет».

Случайно я упомянул имя Бернсторфа и заговорил о немцах. Это привело его в бешенство, он заявил: «Вы доставили бы мне удовольствие, если бы больше не упоминали имени Бернсторфа в моем присутствии; я не желаю разговаривать ни с кем, кто только перед тем разговаривал с ним, или с другими немцами. В настоящий момент я еще не знаю, сколько моих родных убито в Англии после вчерашнего ночного нападения германских цеппелинов». Тут я потерял самообладание и заявил ему, что считаю его слова оскорбительными и впредь не допущу, чтобы ко мне обращались с подобными речами. Я заявил, что он не представляет ни своего начальника, ни своего правительства и что его взгляды—не их взгляды; никогда еще не слыхал я об официальном лице, которое

[1] Это—преувеличение, если принять во внимание, сколько нот протеста Вильсон послал Германии.

бы так плохо служило своей стране, как он. Он ответил, что если мое мнение таково, то ему лучше оставить свой пост и ехать домой. Я посоветовал ему действовать по собственному усмотрению, но что касается меня, то я не намерен продолжать дискуссию с ним.

Когда посол убедился, насколько далеко я готов итти, он стал извиняться и просил меня простить его тон. Его чувства, сказал он, были очень затронуты скверными известиями из дому и беспокойством по поводу вчерашнего налета. Я ответил, что не следует смешивать общественные дела с личными интересами. Что же касается моих бесед с Бернсторфом, то он должен понимать, насколько для меня важно видеться с ним в моей работе, и я намерен продолжать эти беседы независимо от его, Спринг-Райса, настроений.

Он снова просил у меня извинения с тем, чтобы наши дружеские отношения не оборвались. Он уверял, что считает меня другом и очень ценит мои советы и помощь. Он отозвался о президенте с высшей похвалой и заявил, что желал бы, чтобы судьбами Англии управлял такой человек, ибо во всем мире не было человека, подобного ему. Он сказал, что всегда относился к президенту и ко мне с величайшим уважением, его резкие слова относились к тем элементам в нашей стране, поведения которых мы не одобряли в той же степени, что и он. Он заявил, что говорил так резко из любви ко мне, и если бы не питал величайшей дружбы и уважения ко мне, он проявил бы дипломатичность, а не рассказывал бы о том, что у него действительно было на уме.

В общем оказалось, что в то время как он высказывался оскорбительно по отношению к США и восхвалял президента и меня, я восхвалял Англию и оскорблял его. Я принял его извинения, и мы дружески расстались. Он немедленно отправился в министерство иностранных дел и рассказал об инциденте Филиппсу. Филиппс пришел ко мне и заявил, что посол очень встревожен и просил его переговорить со мной о происшедшем. Я просил Филиппса заверить сэра Сесиля, что я сожалею о происшедшем, но уже забыл об инциденте; а что касается меня, то наши отношения могут оставаться прежними.

Чтобы объяснить многое из действий сэра Сесиля и его настроения, считаю долгом заметить, что он был прислан послом в 1913 г. и был так болен в момент своего приезда, что первое время не мог исполнять свои обязанности. Он долго отдыхал в Дублине, Нью-Хэмпшире, и в помощь ему министерство иностранных дел послало сэра Уилльямса Тиррела. В 1914 г., когда разразилась война, Спринг-Райс находился в Лондоне, там его и следовало оставить. Вашингтон—не место для нервного и чувствительного посла. Его назначение было несправедливостью по отношению к нему и по отношению к нам. Он—благовоспитанный, культурный и ум-

ный джентльмен, и в нормальном состоянии это лучший тип английского дипломата».

Стычка с полковником успокоила нервы сэра Сесиля, и в последующие несколько недель он всячески старался преодолеть трудности, стоявшие между обоими правительствами. Но трудно было предвидеть, как долго могло продлиться его спокойное настроение.

Письмо Хауза Пейджу

Нью-Йорк, 29 октября 1915 г.

«Дорогой Пэйдж!

...Полк сообщил вчера по телефону, что Сесиль совершенно изменил свое мнение об эмбарго и наших недоразумениях с судоходством, приняв американскую сторону чуть ли не с большей решительностью, чем мы сами; при этом он утверждает, что его правительство сделало и делает ряд ошибок.

Искренно ваш *Э. М. Хауз*».

Хауза гораздо больше беспокоило очевидное отчаяние такого проницательного и хладнокровного государственного деятеля, как сэр Эдуард Грэй. Он откровенно писал полковнику, что, по его мнению, англичане не могли прекратить свое вмешательство в торговлю нейтральных стран с Германией через нейтральные порты из-за опасения проиграть войну.

Письмо Грэя Хаузу

33, Экклстон-сквер, Лондон, 11 ноября 1915 г.

«Дорогой полковник Хауз!

...Я еще не знаю, каков будет наш ответ на вашу ноту о блокаде и контрабанде. Нота находится у наших юридических советников.

Читая ее, я чувствовал, что если мы согласимся на все выдвинутые в ней требования, то это будет равносильно тому, что, при современных условиях, мы не сможем помешать Германии вести торговлю по крайней мере через нейтральные порты как в мирное, так и в военное время, что мы должны либо продолжать расходиться во мнениях с вашим правительством, либо открыто и окончательно отказаться от всяких попыток помешать прохождению через нейтральные порты товаров в Германию и обратно. Существующие недоразумения и трения по этому вопросу настолько велики, что мне часто хотелось в отчаянии сложить руки, но это означало бы почти полный отказ от возможности не дать Германии выиграть войну. После пятнадцати месяцев практического опыта войны в современных условиях я убежден, что суть вопроса не в нормах вежливости относительно контрабанды и пр., а в том, продолжать

ли то, что мы делаем, или ничего не делать. Требования вашего правительства ограничили бы наши операции до такой степени, что Германия могла бы вовсе избежать их действия, а наши права остались бы на бумаге, совершенно бесполезные на практике.

Я не могу не думать, что если бы мы совершили все то, что сделала Германия во время войны, и если бы мы, как это очевидно делали немцы, подготовляли бы преступные заговоры на американской территории, то американское общественное мнение выразило бы по отношению к нам большее чувство злобы, чем оно выразило по отношению к Германии.

Положение сложилось сейчас так, словно США могут выбить из наших рук оружие морской войны, тем самым обеспечив немцам победу.

Искренно ваш *Э. Грэй*».

США оказались зажатыми между воюющими сторонами. Их правам, как нейтральной державы, угрожали военные методы обеих сторон. В момент, когда казалось, что в отношениях с Германией достигнуто сравнительное успокоение, появился призрак торговых разногласий с союзниками.

Полковник Хауз считал возможным тянуть дело, но был убежден, что со временем моральный авторитет США перед остальным миром сведется к нулю и в конце войны мы очутимся без друзей. Подобная перспектива была достаточно скверна на случай победы союзников. В случае же их поражения положение для Америки стало бы роковым.

Хауз уже размышлял о том, смогут ли союзники нанести поражение тевтонской коалиции без американской помощи. Он был ошеломлен германскими осенними победами, за которыми неизбежно последовали дипломатические успехи. Поражения русских прямо привели к выступлению Болгарии на стороне немцев и к полному завоеванию Сербии. Турецкие оборонительные линии у Галлиполи не поддавались. Румыния отвернулась от союзников и вела переговоры с Центральными державами. Путь немцев на Восток был открыт. Продвижение итальянцев к Триесту происходило мучительно медленно и с большой затратой сил. Французские и английские успехи на западном фронте измерялись ярдами, а потери — тысячами убитых.

1 октября посол Джерард писал: «Возможно, что на меня влияет обстановка, но мне кажется, что Германия выигрывает войну». 2 ноября: «Нам здесь кажется, что Германия выигрывает войну. Попытки взять ее измором не будут иметь успеха. Военные не обращают внимания на общественное мнение в нейтральных странах. Они говорят, что побеждают и не нуждаются в благожелательном общественном мнении. Если Германия победит, то я серьезно опасаюсь войны против нас после этой войны». 16 ноября: «Германский

народ совершенно спокоен, и вероятно, имеет основание быть уверенным в результатах войны».

Хауз настаивал на том, что США не могут согласиться на риск победы Германии, точно так же наше правительство не могло пребывать в состоянии бесконечной ссоры с обоими противниками: с немцами—из-за «несчастных случаев» с подводными лодками, заговоров и пропаганды; с союзниками—из-за помех торговле. «Выберемся ли мы когда-нибудь из этого лабиринта?»—спрашивал Вильсон Хауза.—«Только став на путь позитивной политики»,—был ответ полковника.

ГЛАВА IV

ПЛАН ФОРМИРОВАНИЯ МИРА

«США не могут допустить поражения союзников, оставив Германию господствующим над миром военным фактором».

Слова Хауза к советнику Полку, 11 октября 1916 г.

1

Осенью 1915 г. полковник понял, что перед президентом Вильсоном стоят три альтернативы. Он мог пуститься плыть по течению событий в расчете, что постоянные затруднения, возникающие с каждой из воюющих сторон, могли быть по отдельности обсуждены и благополучно разрешены. Он мог довести все еще не разрешенный спор с Германией о принесении извинений за потопление «Лузитании» до той точки, когда разрыв стал бы неизбежен, и вовлечь таким образом США в войну на стороне Антанты. Или же он мог открыто потребовать созыва мирной конференции с указанием, что США поддержат ту из групп, которая согласится на условия, избавляющие Европу от угрозы милитаристской агрессии, и что США объявят войну против страны, отказавшейся участвовать в этой конференции. Если бы война началась при таких условиях, она приняла бы форму крестового похода за мир.

Первые два плана Хауз отклонил. Продолжение политики дрейфа, прерываемого спорадическими спорами с Германией и с союзниками, означало бы потерю дружбы союзников и, возможно, победу германского милитаризма. Второй путь—разрыв с Германией из-за текста извинений за потопление «Лузитании»—казался абсурдным после столь долгих переговоров; если разрыва следовало ожидать с этой стороны, то он должен был последовать немедленно за потоплением «Лузитании», а не шесть месяцев спустя. Приняв извинения Германии за потопление «Арабика», мог ли Вильсон увлечь страну в войну на том основании, что Германия

не поместила ту или иную фразу в своем извинении за потопление «Лузитании»?

Третий план тоже имел свои очевидные слабые стороны. Союзники полагали, что они могут покончить с Германией, и несомненно расценили бы всякое предложение о посредничестве как ход, который спасает Германию от последствий поражения. Они не желали никакого компромисса, который дал бы Германии возможность возобновить борьбу впоследствии, считая, что безопасность для них принесет только полная военная победа. Но Хауз и не помышлял о каком бы то ни было компромиссе с германским милитаризмом. Условия, которые он бы предложил, означали полнейшее поражение пангерманской мечты—полное возмещение убытков Германией и исчерпывающих гарантий против войны в будущем. Германия могла принять или отказаться от этих условий. Если бы она согласилась на них (что противоречило всеобщему мнению), союзники достигли бы намеченной цели. Как заметил Фош три года спустя: «Единственная цель войны заключается в том, чтобы добиться результатов»[1]. Если Германия согласится на требования союзников, то не было смысла продолжать войну. Но было вполне вероятно, что, оставаясь победоносной и во всяком случае непобежденной, Германия отказалась бы от подобных условий. Хауз предложил, чтобы в этом случае США присоединились к союзникам и тем подкрепили их силы; при этом он подозревал, что без американской помощи у них сил нехватит. Таким образом, его предложение заключалось в том, чтобы фактически гарантировать союзникам победу с помощью США.

Необходимо было принять во внимание и другой фактор. США были настолько неподготовлены в военном отношении, что немцы по всей вероятности отнеслись бы так же безучастно к угрозе американского вмешательства, как союзники к обещаниям о нашей помощи. Несколько лет спустя полковник Хауз писал: «Если бы мы вооружились до зубов в начале войны и вмешались бы в необходимый момент, США могли бы изменить ход исторических событий. В этом, думается мне, заключалась основная ошибка, ибо и союзники и немцы считались бы со всякой угрозой вмешательства и мы смогли бы вмешаться, выдвинув наши собственные условия»[2]. К счастью, осенью 1915 г. президент Вильсон переменил свою первоначальную точку зрения и был готов выступить с требованием энергичной подготовки к войне. На собрании в Манхаттен-клубе он признался, что переменил точку зрения, и вскоре приступил к активной кампании за военные приготовления в пацифистских центрах Среднего Запада. Если бы он продол-

[1] Эти слова приводил капитан Манту, бывший переводчиком на межсоюзнических совещаниях, где вырабатывались условия перемирия в октябре 1918 г.

[2] Из письма автору, 6 апреля 1925 г.

жал свою кампанию энергично, то Америка, несмотря на пропущенное драгоценное время, все же могла обеспечить себя материальными силами, необходимыми для проведения плана Хауза.

Существовал и третий фактор, самый важный из всех. До тех пор основная цель политики Вильсона заключалась в том, чтобы не вовлечь США в войну. Согласится ли президент на предложение Хауза, непосредственно направленное к военному вмешательству? Выразит ли он готовность заявить немцам, что в случае если они не согласятся на возмещение убытков и гарантии против военных агрессий, то он добьется выступления США на стороне союзников? Однажды вечером, в сентябре, он и Хауз обсуждали проблемы нейтралитета в президентском кабинете в Белом Доме. «К великому моему удивлению,—писал полковник,—он заявил, что никогда не был уверен в том, что нам не следует принять участия в конфликте, и если станет очевидным, что Германии и милитаристским идеям суждено восторжествовать, на нас падет огромная ответственность».

Это случайное замечание дало Хаузу повод развить свою идею позитивной политики. Несколько недель спустя Вильсон приехал в Нью-Йорк, и полковник изложил ему свои соображения.

«Я очень коротко обрисовал свой план, который, как мне кажется, имеет большое значение,—писал он.—Я считал, что упустили возможность порвать с Германией и, казалось, теперь у нее больше шансов на победу, чем когда-либо; если же она победит, наступит очередь для нас; а мы не только не были подготовлены, но и не могли ожидать ни от кого помощи, чтобы выдержать первый удар. Следовательно, мы должны были теперь же сделать какой-то решительный шаг, который либо покончит с войной так, чтобы уничтожить милитаризм, либо приведет нас к выступлению на стороне союзников, чтобы им помочь в этом. Мое предложение сводится к тому, чтобы союзники неофициально сообщили мне, согласны ли они на то, чтобы мы выступили с требованием прекращения военных действий. Свое предложение мы обосновали бы тем, что нейтральные державы страдают вместе с воюющими странами, что мы пользуемся одинаковыми с ними правами и что мирные переговоры должны начаться на широкой основе разоружения на суше и на море...

Если союзники поймут наши намерения, то внешне мы могли бы говорить с ними таким же суровым языком, как и с Центральными державами. После некоторых колебаний союзники могли бы принять наше предложение или требование, и в случае согласия Центральных держав мы добились бы блестящей дипломатической победы. Если же Центральные державы отклонят наши предложения, мы могли бы путем настойчивости привести к разрыву дипломатических отношений, а затем направить против них

все силы нашего государства, а, возможно, и силы всех нейтральных стран[1]».

«*11 октября 1915 г.* За завтраком у меня был Фрэнк Полк. Я кое-что рассказал ему об изложенном мною перед президентом плане заключения мира до того, как союзники будут доведены до такого состояния, что не смогут оказать нам помощи в случае нашей войны с Центральными державами. Я рассматриваю этот вопрос как с американской точки зрения, так и с более широкой точки зрения человечества в целом. США не могут допустить поражения союзников, оставив Германию господствующим над миром военным фактором. Следующим объектом нападения несомненно были бы мы, и доктрина Монроэ в самом деле превратилась бы в «клочок бумаги»... Полк считает мой план правильным во всех отношениях; он выразил надежду, что в конце концов президент проведет это в жизнь...»

Некоторое время спустя в Вашингтоне Хауз обсуждал тот же вопрос с Лансингом, который, несмотря на резкость его нот англичанам, глубоко сочувствовал союзникам. Полковник снова подчеркнул тот факт, что интересы США и цивилизации ни в коем случае не допускают германской победы.

«Лансинг с этим согласен,—писал Хауз,—и готов вступить на путь решительной политики. Повидимому, страха у него нет, и я начинаю думать, что своей политикой «мир любой ценой» Брайан больше всех повинен в угрозе, нависшей над мирной жизнью нашей страны».

2

Предложение Хауза не встретило бы одобрения тех союзнических государственных деятелей, которые рассчитывали использовать свою еще неопределившуюся победу для обширных аннексий и сокрушительных контрибуций. Они, несомненно, были вполне искренни, когда выражали свои стремления к справедливости и к прочному миру. Но они истолковывали слово «справедливость» в том смысле, что оно соответствовало бы интересам их собственной страны, а под «прочностью мира» подразумевали политическое уничтожение врага. Русские, англичане и французы подписали договоры, предусматривавшие раздел территорий на Ближнем

---

[1] Полковник Хауз имел в виду историческую параллель, с которой он ознакомился во время изучения истории. Летом 1813 г., после битвы при Бауцене, Австрия предложила взять на себя роль посредника между Наполеоном и союзными правительствами, подчеркивая, что если Наполеон не откажется от большей части своих завоеваний за пределами естественных границ Франции, то Австрия присоединится к его врагам. Наполеон отказался от предложенных условий, Австрия выступила на стороне союзников и участвовала в Великой коалиции, которая привела к падению Наполеона.

Востоке, мало считаясь с интересами его населения, они привлекли на свою сторону Италию обещанием территорий, которые отнюдь не были итальянскими; французские претензии простирались далеко за пределы Эльзас-Лотарингии, а царская Россия имела свои планы в отношении поляков, которых предстояло освободить от Австрии и Пруссии,—планы, не предусматривавшие независимости Польши.

В расчеты Хауза отнюдь не входило, чтобы США вступили в войну для того, чтобы обеспечить выполнение подобных, тщательно скрываемых союзниками, желаний; было вполне вероятно, что многие из союзнических государственных деятелей предпочли бы обойтись без американской помощи, но не отказаться от своих завоевательских мечтаний даже в том случае, если бы это означало гибель многих жизней. Но в Европе были и другие государственные деятели, вроде сэра Эдуарда Грэя, которые стремились к победе не ради узких националистских целей, а для того, чтобы построить новую систему, которая сможет уничтожить гонку вооружений и позволит создать международную организацию для поддержания мира. Хауз надеялся, что ради достижения подобных возвышенных целей союзники откажутся от своего желания добиться мира путем завоеваний, особенно в том случае, если получат помощь от Америки. В частности, Хауз рассчитывал на Грэя, который ясно дал понять, что он видит основную цель войны в том, чтобы предотвратить будущие войны, и эта цель может быть достигнута только в сотрудничестве с США.

Письма Грэя Хаузу

Лондон, 10 августа 1915 г.

«Дорогой полковник Хауз!

... Все чаще мысль моя возвращается к тому факту, что отказ от созыва конференции явился роковым шагом, решившим в прошлом году быть войне или миру, а также к вытекающей отсюда морали: самой ценной наградой, если только она вообще в природе существует, была бы какая-нибудь лига наций, на которую можно было бы положиться, что она добьется разрешения споров между любыми двумя сторонами путем посредничества, арбитража или совещания других стран. До сего дня международное право не имело силы. Урок этой войны заключается в том, что державы должны обязаться придать этому праву силу. Если этого можно достигнуть, то вопрос о «свободе морей» и многие другие вопросы будут легко разрешимы. Но нельзя гарантировать «свободу морей» до тех пор, пока Германия заявляет, что она признает на суше только свои законы и имеет право воевать по своему усмотрению...

Искренно ваш *Э. Грэй*».

Лондон, 26 августа 1915 г.

«Дорогой полковник Хауз!

... Несколько нейтральных стран настаивали предо мной на созыве конференции нейтральных стран с тем, чтобы в удобный момент она взяла на себя роль посредника. Я заявил, что никто не может противиться стараниям независимых и беспристрастных нейтральных стран добиваться мира, но я не думаю, чтобы конференция нейтральных стран принесла пользу без участия в ней США.

Если конец этой войне положит посредничество, то я полагаю, что это должно произойти через посредничество США. Все наши усилия естественно сосредоточены на том, чтобы спасти себя и наших союзников путем военной победы. Но я не перестаю думать, что ужасающие страдания, вызванные этой войной, в значительной степени пропали бы даром, если после ее окончания страны не выказали бы решимости не допускать в будущем повторения подобной катастрофы.

И хотя множество людей в США и повсюду могут оставаться безучастными, поглощенными своими делами и материальными интересами, ваша страна обладает отзывчивым общественным мнением, которое готово поддержать эту идею и руководить ее осуществлением. Поэтому я ожидаю помощи от вашей страны, руководимой президентом и той частью общественного мнения, которая заинтересована в широких перспективах будущего мира, одинаково важных для нейтральных и воюющих стран...

Искренно ваш *Э. Грэй*».

Лондон, 22 сентября 1915 г.

«Дорогой полковник Хауз!

... Для меня основная цель искоренения милитаризма на суше и на море лежит в будущей безопасности от агрессивной войны. В какой мере США готовы действовать в этом направлении? Предложит ли президент создать Лигу наций, которая возьмет на себя обязательство выступить против любой державы, нарушившей договор, любой державы, нарушившей определенные законы ведения военных действий на суше и на море (соответствующие законы были бы, конечно, установлены после окончания этой войны), или державы, которая для решения споров не признавала иных методов, кроме войны?

Только в подобном соглашении я усматриваю возможность уничтожить в будущем милитаризм на суше и на море, так чтобы никакая нация не создавала армий и флотов для агрессивных целей. Нельзя сказать, какие правительства примут подобные предложения, но я уверен, что правительство США является единственным правительством, которое могло бы действительно провести это в жизнь...

Искренно ваш *Э. Грэй*».

Это письмо Грэя было получено Хаузом в момент, когда полковник старался выработать метод воплощения своих идей в определенную политическую линию и события складывались в его пользу. Он немедленно сообщил о письме Грэя Вильсону, который согласился с тем, что в качестве первого шага по линии предложения американской помощи Хауз должен послать сэру Эдуарду ободряющий ответ на тот случай, если Германия откажется от условий, предложенных Америкой и совпадавших с официально провозглашенными военными целями союзников. В своем дневнике полковник писал: «Это одно из самых важных писем, какие я когда-либо писал». Оно указывало англичанам спасительный путь от германской угрозы к заключению прочного мира. Вильсон сразу одобрил письмо, сделав лишь несколько незначительных изменений. Одно из этих изменений состояло в слове «вероятно». Президент заявил, что предложение абсолютно правильное и он «молит бога», чтобы оно принесло результаты.

«*19 октября 1915 г.* Мисс Дентон и я,—писал Хауз,—решили, что вместо шифрования письма мы пошлем его в виде «разрозненного сообщения». Я написал сэру Эдуарду разъяснительное письмо так, чтобы при получении двух писем он знал, как их составить по примеру головоломки. Я надеюсь что письма дойдут благополучно. Мы послали их через два разных почтовых отделения».

Письмо Хауза Грэю

Нью-Йорк, 17 октября 1915 г.

«Дорогой сэр Эдуард!

... Я вспомнил, что скоро может наступить время, когда наше правительство вмешается в дела воюющих сторон и потребует, чтобы мирные переговоры начались на широкой основе уничтожения милитаризма на суше и на море...

По-моему, было бы катастрофой для всего мира, если бы война продолжалась до тех пор, пока союзники, даже с помощью США, не смогли бы добиться мира на условиях, которые мы с вами так часто обсуждали. Я хочу, чтобы вы знали, что в тот момент, когда вы найдете необходимым наше вмешательство, я представлю это предложение президенту. Он, возможно, пожелает, чтобы я отправился в Европу с целью выработать более тесное взаимопонимание относительно необходимой процедуры.

Я считаю, что после совещания с вашим правительством я должен отправиться в Берлин и заявить им, что президент намерен приостановить эту разрушительную войну и что США станут на сторону тех, кто соглашается на наше предложение.

Разумеется, я не дал бы знать Берлину о каком-либо соглашении с союзниками и скорее заставил бы их предполагать, что наши предложения будут отвергнуты союзниками. Это могло бы заста-

вить Берлин согласиться на наши предложения, но если бы он не согласился, то его несогласие послужило бы поводом к вмешательству. В случае, если бы Центральные державы продолжали упорствовать, то, вероятно, нам пришлось бы присоединиться к союзникам и форсировать решение вопроса[1].

Я хочу обратить ваше внимание на то, как опасно откладывать решение на долгое время. Если бы союзники не достигли успеха и оказались бы не в состоянии выполнить свою роль, то наше вмешательство стало бы затруднительным, а то и вовсе невозможным. Я бы выдвинул это предложение перед президентом еще прошлой осенью, но вы не должны забывать, что тогда союзники считали предложение неправильным.

Желательно, чтобы вы телеграфировали мне по установленному коду, или же ответили письмом. Подразумевается, что обмен мнений совершается только между нами двумя, пока не окажется желательным распространить его шире...

Искренно ваш *Э. М. Хауз*».

9 ноября сэр Эдуард телеграфно запросил полковника Хауза, следует ли рассматривать предложение Хауза в связи с предложением Грэя в письме от 22 сентября о создании по окончании войны Лиги наций. С согласия президента Хауз ответил на этот запрос утвердительно. Президент переставал проявлять равнодушие к мировым проблемам и готов был сделать первые шаги к тому выдающемуся положению, которое ему суждено было вскоре занять. Хауз всемерно поддерживал его в этом направлении.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 10 ноября 1915 г.

«Дорогой начальник!

... Мне кажется, что мы должны употребить все влияние нашей страны для выполнения плана, с помощью которого должны быть соблюдены международные обязательства, и для осуществления какого-то плана, который помог бы сохранить мир. Сделать это мы должны не только для блага цивилизации, но и ради своего собственного благополучия, ибо кто может сказать, что мы не будем вовлечены в такой же ураган, какой опустошает теперь Европу?

Не должны ли мы принять участие в составлении более человечных правил ведения войны и не должны ли мы употребить наше влияние для обеспечения свободы на суше и на море? Мне

---

[1] На копии письма против этого абзаца стоит следующее: «Я выразился неудачно и не хочу быть несправедливым по отношению к Берлину. Э. М. Хауз». Слово «вероятно» в этой фразе было добавлено президентом Вильсоном.

думается, что судьба избрала вас сыграть именно эту роль в настоящей мировой трагедии, и эта роль—самая почетная из всех, какие когда-либо выпадали на долю сына человеческого. Наша страна последует за вами по этому пути, не считаясь ни с какими жертвами.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

3

Полковник Хауз не закрывал глаза на трудности, которые встретит его предложение в США и в Европе. Оно влекло за собой полную перемену в американской политике, перемену, которая подвергла бы испытанию власть Вильсона в момент, когда общественное доверие к президенту казалось не особенно устойчивым. Политика, которую он старался проводить до сих пор, превращала его в мишень истерических нападок со стороны шовинистов и со стороны пацифистов, сторонников союзников и сторонников Германии.

«Мне не нравится, как сложилось общее положение на сегодня,— писал Хауз 17 ноября.—Нас осаждают со всех сторон, дома и за границей. Под словом «нас» я подразумеваю правительство. Лишь одно дает нам уверенность в правильности избранного пути: тот факт, что все критиканы озлобленно спорят между собой о лучшей панацее. Я не сомневаюсь, что мы избрали правильный путь, и это будет доказано, если только нам не помешают экстремисты у нас дома и за границей. Теперь для меня совершенно ясно, что должна делать наша страна. Все дело в том, сможет ли президент безболезненно для себя сделать все необходимое. Положение осложняется в связи с предстоящим конгрессом, а также постоянной сменой кабинетов во Франции и в Англии. Неразумный посол может в любую минуту испортить все дело. Я счастлив, что благодаря своей философии сохраняю спокойствие. Изо дня в день я делаю все, что в моих силах, и даю президенту какие только могу советы. Пусть будет так».

В течение всей осени Хауз призывал к терпеливости всех крайних пацифистских деятелей, желавших, чтобы Вильсон немедленно созвал мирную конференцию, и игнорировавших тот непреложный факт, что, пока почва не подготовлена, ни США, ни прочие нейтральные державы не могли рассчитывать оказать какое-либо влияние на воюющие страны. Полковника пригласили участвовать в наивном предприятии, поддержанном Генри Фордом, вознамерившимся установить мир путем посылки партии восторженных пацифистов, которые обладали усердием не по разуму. Способность Хауза распознавать практические и абсурдные идеи спасла его от принятия приглашения, но он продолжал поддерживать тесную связь с пацифистскими лидерами, чье сентиментальное влияние нельзя было

недооценивать, но его надо было направить в более практическое русло.

Хауз также поддерживал отношения со сторонниками союзников, чье влияние в зоне войны, вместе с влиянием руководимых им английских журналистов, могло помочь расчистить путь для планов президента и Хауза. Таким образом, Хауз держал в руках много нитей.

«*1 сентября 1915 г.* После обеда меня посетили д-р Якобс и мисс Эмили Болч,—писал Хауз.—Д-р Якобс—голландская дама, которая созвала в Гааге женскую мирную конференцию, заседавшую в мае. На этой конференции председательствовала Джэйн Адамс. Они только что вернулись из Вашингтона, и в письме, которое они мне показали, президент рекомендовал их Лансингу и мне. Беседа с Лансингом их совершенно не удовлетворила. Они заявили, что Лансинг сторонник союзников и очень несочувственно отнесся к их предложению, чтобы США созвали все нейтральные страны для совместного выступления в пользу мира. Выразив глубокое сочувствие к идее мира вообще, я пытался объяснить им, насколько явно невыполним их план. С доктором Якобс мы условились еще раз встретиться в Нью-Йорке...».

«*25 октября 1915 г.* Дэйвид Старр-Джордан, президент Стэнфордского университета, телеграфно просит назначить ему свидание... Он председатель Американского общества мира. На последней конференции их общества в Сан-Франциско принята резолюция о мире, которую он уполномочен представить президенту...

Джордан заявил, что я лучше других знаком с этим вопросом и что он желал бы повидать меня до своей встречи с президентом для того, чтобы узнать, как вести с ним беседу и в какой мере касаться данного вопроса. Я вкратце рассказал ему, что я делал до войны и с того момента, как она началась. Я дал ему понять, что президент, пожалуй, лучше кого бы то ни было в мире знал, что можно и чего нельзя сделать, ибо никто другой так не стремился действовать в направлении мира, как он. Все же я полагал, что попытки форсировать вопрос скорее вредили, чем помогали положению. Джордан, повидимому, был вполне удовлетворен моими объяснениями и сказал, что ограничится вручением резолюции президенту и не будет надоедать ему объяснениями. Он выразил желание повидать меня снова в Нью-Йорке после своей встречи с президентом».

«*9 ноября 1915 г.* Сегодня рано утром зашел Гувер, чтобы попрощаться. Его пароход отплывает в двенадцать. Он поблагодарил меня за помощь. Я настоятельно просил его внушить немцам в Бельгии и в других местах, насколько бесполезны налеты цеппелинов на Лондон. Я поднимал этот вопрос перед Бернсторфом и правительственными чиновниками в Берлине, но, повидимому, особого действия это не оказало. Гувер сказал, что имеет основание пола-

гать, что германский генеральный штаб не одобряет этих налетов, но все зависит от морских властей, которые, не будучи в состоянии предпринять что-нибудь по своей линии, занялись цеппелинами. Я сомневаюсь, чтобы в истории существовал кто-нибудь, кто вместе со своим окружением нанес бы столько вреда стране, сколько фон Тирпиц нанес Германии. Он выпятил грубые инстинкты своего народа, и мир никогда не забудет, что означало бы для цивилизации торжество германского оружия...»

«*14 ноября 1915 г.* В 11 ч. 30 м. за мной заехал Сидни Брукс; мы вместе отправились через Парк, обсуждая по пути международные вопросы. Я старался разъяснить ему политику президента, рассказывая ему не слишком много, но достаточно для того, чтобы он писал благожелательные телеграммы и статьи. Нортклиф прислал его сюда, чтобы писать для «Таймс» и «Дэйли мэйл».

Он рассказывал о своем вчерашнем интервью с Рузвельтом. Рузвельт зол на президента. Он называет его внешнюю политику малодушной и сознается в том, что сейчас его единственная цель нанести Вильсону поражение на перевыборах. Я ответил Бруксу, что впервые в своей карьере Рузвельт восстает против правильного пути, который требует политической дальновидности, мужества и хороших мыслительных способностей...»

«*15 ноября 1915 г.* Сегодня утром был Сидни Брукс; он очень обеспокоен появившейся в «Нью-Йорк Трибюн» передовой, осуждающей внешнюю политику президента. Я посоветовал ему успокоиться и не расстраиваться тем, что пишут в нью-йоркских газетах. Он сказал, что мои слова напомнили ему поговорку: «Англия видит не дальше Нью-Йорка, а Нью-Йорк видит не дальше своего забора».

Ему кажется, что президент совершает ошибку, не отсылая немедленно Бернсторфа. Он считает, что если президент совершил бы этот шаг, его поддержали бы все колеблющиеся до сих пор республиканцы. Я снова просил его воздержаться от окончательного суждения и положиться на конечные результаты. Я решительно заявил, что президент не позволит республиканцам или их газетам диктовать политику ему. Брукс набросал текст телеграммы своим лондонским газетам и просил, чтобы я его утвердил, что я и сделал. Я даже разрешил ему намекнуть в телеграмме, что, вопреки всеобщему мнению, США считают, что для них война не кончена и что в соответствующий момент и соответствующим путем они дадут почувствовать свое влияние...»

«*21 ноября 1915 г.* После обеда у меня были мисс Джэйн Адамс, мисс Лилиан Уолд и м-ль фон Швиммер из Вены. Повторилась старая история попыток добиться от президента того, чтобы он совместно с другими нейтральными странами созвал мирную конференцию, которая будет заседать в Гааге и, не переставая, выдвигать мирные предложения, пока они будут приняты. Я объ-

яснил, что президент не мог проделать все это официально. Тогда они пожелали узнать, будет ли президент возражать против неофициальной комиссии; я сказал, что, по-моему, он не станет возражать. Как всегда, я вызвал споры между ними, которые доставляют мне удовольствие тем, что отвлекают их внимание от меня...»

«*22 ноября 1915 г.* Сегодня после обеда у меня была фрау Селенка из Мюнхена, одна из полчища пацифистов, которое меня осаждает. Она выказала некоторые проблески разума, заявив, что президент, пожалуй, лучше их знает когда наступит благоприятный момент для шага в направлении мира. Я поздравил его с такой проницательностью. Она называет себя «интернационалисткой», но я думаю, что ее скорее можно назвать немкой с антимилитаристскими взглядами.

Посетил меня автомобильный фабрикант Генри Форд. Он тоже явился в роли пацифиста. Он привел с собой секретаря Дэйвида Старр-Джордана, молодого человека, который, несмотря на то, что я очень ясно дал понять, что желаю говорить с Фордом, почти все время сам только и говорил. Взгляды Форда на мир оказались настолько незрелыми и малозначительными, что я постарался перевести разговор на более плодотворную тему, но всякий раз, как только мне удавалось заставить его говорить о своем большом заводе в Детройте и о его планах улучшения положения своих рабочих, молодой человек вмешивался и переводил разговор на другую тему. Форд, надо полагать, гений механики.., который может стать жертвой всевозможных чудаков, охотящихся за его деньгами...»

Письмо Хауза Джерарду

Нью-Йорк, 1 декабря 1915 г.

«Дорогой судья!

... Генри Форд настоятельно просит меня отправиться на его корабле мира, о чем я, конечно, ни на минуту не помышлял. Я думаю, что эту идею ему подали какие-нибудь пацифистки, и в припадке энтузиазма он на нее согласился. Полагаю, что впоследствии он пожалеет о своем поступке. Само собой разумеется, что правительство ни прямо, ни косвенно, ни каким-либо иным путем, не заинтересовано в этом предприятии, так как оно не может привести ни к каким результатам...

Искренно ваш *Э. М. Хауз*».

4

К концу ноября полковник Хауз получил от Грэя ответ, которого он ожидал с нетерпением. Хотя Хауз предпринял шаг, равнозначащий предложению американской помощи, с целью положить конец войне на базе организованных гарантий против милитаризма, но он не ждал категорического согласия, так как

знал о существовавших среди лидеров союзников влияниях, которые могли заставить их колебаться. Откажутся ли они от своих планов обширных аннексий, поймут ли они, что путем поддержки предложения Хауза они, по всей вероятности, смогут вовлечь в войну США? Но испытывая даже эти сомнения, полковник был искренно разочарован тем малым интересом, какой проявил сэр Эдуард Грэй. Английский министр иностранных дел был, очевидно, настолько уверен в том, что союзники отвергнут план, что даже не обсуждал его с ними. Прежде чем настаивать на принятии плана, он должен иметь более определенные предложения; он ясно давал понять, что союзники отнесутся с подозрением ко всякой мирной конференции.

«Я не знаю, как могут они заранее согласиться на какое-либо предложение,—писал он,—не зная в точности, в чем оно заключается и не будучи уверены, что, в случае их согласия, США готовы вмешаться».

В остальной, гораздо большей, части письма подчеркивалось распространенное в союзнических странах убеждение, что Вильсон не относится к ним дружески и своим несогласием с принципом союзнической блокады угрожает выбить из рук Англии оружие морского могущества.

«*25 ноября 1915 г.* Сэр Эдуард Грэй, очевидно, расценивает положение с пессимистической точки зрения,—отмечает полковник.— Когда он писал мне, моя телеграмма до него еще не дошла, но даже в этом случае изложенное в моем письме предложение, которое фактически гарантировало победу союзникам, должно было встретить более теплый прием. Во многих отношениях англичане тупы... По мере того как мы богатеем, соглашаясь на их настойчивые просьбы продавать им военное снаряжение, мы становимся все менее популярны. Они не могут справедливо оценить положение, так же как, возможно, не смогли бы при аналогичных обстоятельствах и мы... Мне противна мысль, что мы наживаем деньги на их несчастьи, но это, тем не менее, неизбежно; и если мы откажемся оказывать экономическую помощь такого рода, то нас все равно предадут анафеме...»

В предложении полковника Хауза столько же соблюдались интересы союзников, сколько и Америки; для того, чтобы провести его в жизнь, от США потребовались бы огромные, неисчислимые жертвы. Английские предположения о том, что, готовясь помочь союзникам, Вильсон словно просит об услуге и простить его можно лишь в том случае, если он сразу же откажется от своего плана,— были по меньшей мере смешны.

Но Вильсон и Хауз слишком горячо стремились достичь того, что могло нанести решительный удар войне, и не желали допустить, чтобы их труды пропадали даром из-за неправильного понимания американских побуждений. Очевидно, союзники рассматривали

наши протесты против ограничения торговли, как доказательство враждебного отношения к делу союзников; они также с подозрением относились к Вильсону и не верили, что он вовлечет США в войну независимо от того, как сложатся обстоятельства. Эти пункты требовали объяснения. «Больше всего сейчас необходимо,— писал Хауз Грэю 7 декабря,—лучшее действенное взаимопонимание; все наши помыслы направлены к этому. Методы наших действий не вполне удовлетворительны».

Президент Вильсон был убежден, что этого взаимопонимания нельзя достигнуть через послов. В письмах Пэйджа он усматривал недостаточное сочувствие его планам, что заставило его усомниться в способности Пэйджа излагать взгляды правительства. В равной мере казалось маловероятным, что английский посол в Вашингтоне сумеет рассеять тучи, нависшие над англо-американской дружбой. Постоянные недоразумения, вызванные проблемой блокады, настолько взвинтили нервы английского посла, что даже те чиновники министерства иностранных дел, которые относились лично к нему особенно благожелательно, соглашались, что не всегда легко иметь дело с сэром Сесилем. «X—ярый сторонник союзников,— отмечает полковник;—он сказал, что, уходя от Спринг-Райса, он почувствовал симпатию к немцам».

«*7 ноября 1915 г.* Устроил Сидни Бруксу свидание с Фрэнком Полком, чтобы обсудить вопрос о торговле между обеими странами. Полк говорит, что эти вопросы становятся серьезными; в понедельник английский посол снова «взорвался» и фактически бросил перчатку. Брукс утверждает, что этого чувства не разделяют (английские) правительственные круги, и я не могу с ним не согласиться...»

«*6 декабря 1915 г.* Заходил сэр Пол Харви, чтобы передать мне заявление от английского посла. Я выслушал его нелюбезно, так как заявление представляло повторение рассуждений посла об американской политике, главным образом в вопросе о мире. Я дал понять сэру Полу, каково мое нетерпение, заявив, что, вероятно, посол еще возбужден и нервно настроен. Я сказал, что из-за возбудимости посла все мы проявили осторожность в обсуждении с ним разных вопросов. Я выразил убеждение, что США прекрасно знают, пожалуй, лучше, чем это знает английский посол, как им следует поступать, и ему незачем беспокоиться о нашей безопасности...»

С каждым днем становилось все яснее, что положение требует каких-то действий. Для нормального ведения дел необходимо было достичь лучшего взаимопонимания между союзниками. Это было тем более необходимо, если предполагалось проводить в жизнь план Хауза об американском вмешательстве. Лансинг был вполне согласен с Вильсоном и Хаузом, что нельзя позволить событиям развиваться по воле случая. Он высказал предположение, что на-

ступил момент, когда личные чувства надо подавить и смена посла необходима.

«*28 ноября 1915 г.* Я старался убедить Лансинга,—писал Хауз,—в необходимости твердо внушить союзникам, что мы считаем их дело нашим делом и что, насколько позволят нам наши силы, мы не намерены допустить, чтоб миром правила военная автократия. Мы убеждены, что борьба идет между демократией и автократией, и мы будем стоять на стороне демократии. Я говорил о невозможности сохранения дружеских отношений с Германией не только потому, что ее концепция власти разнилась с нашей, но и потому, что против нас возбуждено столько ненависти. Для того, чтобы она рассеялась, потребовались бы десятки лет. Германии внушали, что причины ее неуспехов следует приписать непосредственно нам. Было очевидно, что тамошнее правительство пыталось найти какое-нибудь оправдание своей неудаче, а самым легким и лучшим оправданием оно считало «пристрастную позицию США в отношении доставки военного снаряжения и предоставления денег врагам». Я также считал, что если у нас не будет полного и удовлетворительного взаимопонимания с союзниками, мы, когда война кончится, очутимся совершенно без друзей, и наше положение будет не только опасным, но и станет уязвимым с экономической стороны. Лансинг был с этим согласен, и мы рассуждали о том, как лучше всего достигнуть необходимого взаимопонимания. Он полагал, что они должны отозвать английского посла и прислать такого человека, как лорд Брайс, с которым мы могли бы разговаривать, понимая друг друга».

Президент Вильсон, чье уважение к дипломатам было ограничено и который не придавал большого значения смене послов, утверждал, что самый скорый и верный путь к цели—это снова послать Хауза во Францию и в Англию. Там он сможет объяснить причины американских протестов против блокады союзников и рассеять неосновательные подозрения о нашем враждебном отношении к союзникам. Если обстоятельства сложатся благоприятно, Хауз докажет, что правительство США хочет помочь выиграть войну при условии, что победа будет использована не на корыстные территориальные стремления, а для обеспечения подлинного торжества идеалов.

«Президент вернулся в 5 часов—продолжает записывать Хауз,—и, никем не прерываемые, мы беседовали с ним полтора часа. Я очень подробно и в том же духе, как с Лансингом, коснулся всех вопросов. Президент считает, что мы должны разъяснить союзникам направление наших мыслей, но сменой послов мы этого не достигнем. Он считает, что моя поездка—единственный путь к цели. Он предложил мне заявить английскому правительству, что мы не можем иметь дело с «крайне возбудимым инвалидом», который представляет здесь английские интересы».

«*15 декабря 1915 г.* Я обратил внимание президента на невозможность быстро вести дела в Лондоне; вопросы, которые он или я решили бы в один день, там потребовали бы недели или двух. Я напомнил ему о медлительности английского ума; даже в таком кризисе, как эта война, англичанам понадобилось полтора года, чтобы окончательно понять создавшееся положение вещей. Президент высказал предположение, что для ускорения хода дел мне следовало бы поехать во Францию еще ранее намеченного срока и уговорить французов помочь продвинуть дело.

Что касается посещения Германии, то он полагал, что это будет зависеть от того, как сложатся обстоятельства. Мы решили, что туда я отправлюсь лишь в том случае, если меня пригласят. Мы довольно долго говорили о том, какой вообще повод избрать для поездки. Со времени нашей прошлой беседы на эту тему мне пришла на ум новая и более удачная идея. Президент согласился ею воспользоваться. Заключалась она в следующем: вызывать наших послов в воюющих странах в данное время нецелесообразно, и вот, по требованию президента, я предпринимаю поездку для того, чтобы ближе ознакомить послов с нашей позицией в нерешенных еще международных вопросах...

Я попросил президента еще раз зачитать письмо Джерарда о его беседе с кайзером. Президент отправился к сейфу, достал письмо и прочитал его Лансингу и мне. Оба они очень критиковали Джерарда за то, что он не прислал полного текста беседы. Я считал, что лучше было суммировать беседу в тех немногих строках, которые он написал, чем писать целый том, который был бы не более полезен. Основной пункт письма Джерарда заключался в следующих словах кайзера: «Америкой я займусь, когда кончится эта война; позиция президента Вильсона по отношению к Германии исключает для него всякую возможность выступить в роли посредника».

5

Полковника Хауза не особенно беспокоили настроения кайзера, ибо он прекрасно понимал, что власть уже давно выскользнула из его рук. Тем не менее он внимательно изучал письма посла Джерарда, так как его миссия в Европе, к тому времени окончательно решенная Вильсоном, могла быть чувствительно затронута новым кризисом в наших отношениях с Германией. Все еще неразрешенный спор об извинении за «Лузитанию», пропаганда, приведшая к отозванию фон Паппена и Бой-Эда, или потопление «Анконы» австрийской подводной лодкой могли во всякий момент привести к разрыву. Хауз надеялся избежать этого, по крайней мере, на время. Хауз был убежден, что для того ,чтобы не допустить германской победы и обеспечить продолжительный мир, США в ко-

нечном счете должны будут принять участие в войне, но он хотел разъяснить всему миру, что Германия отказалась от мира, основанного на возмещении убытков и разоружении.

Задача заключалась, следовательно, в том, каким образом лучше разъяснить проблему. Этой задачи не облегчало то, что в то время как военные хозяева Германии не были настроены в пользу мира того рода, о котором думал Хауз, вокруг шли безответственные разговоры о готовности Германии прекратить военные действия.

Письма Джерарда полковнику Хаузу

Берлин, 7 декабря 1915 г.

«Дорогой полковник!

... И вдруг—разговор о мире. Канцлер готовится к выступлению в рейхстаге; он ждет, чтобы разузнать настроение депутатов рейхстага, которые уже все собрались в Берлине, и поплыть с ними по течению. Многие несоциалистические депутаты настроены в пользу мира, и канцлер вынужден будет выступить с какой-нибудь декларацией о том, почему и ради чего они воюют.

Вчера один банкир говорил мне, что война им надоела, крупные промышленники (Крупп и т. п.) зарабатывают большие деньги и затягивают войну, требуя сохранить Бельгию для того, чтобы контролировать европейскую торговлю сталью, железом и углем; а юнкеры (прусские помещики) тоже настроены в пользу продолжения войны, так как они получают за свои продукты в три-четыре раза больше, чем прежде, причем работы производятся пленными, получающими шесть центов в день. Он сказал, что «Kaufleute» (дельцы) должны будут оплатить расходы по войне, а юнкеры не будут обложены налогами...

Гинденбург выступил с интервью, в котором заявил, что время для мира еще не настало. Это—правительственная мера для того, чтобы искоренить разговоры о мире среди депутатов рейхстага.

Наилучшие пожелания миссис Хауз.

Всегда Ваш *Дж. У. Дж.*».

Берлин, 14 декабря 1915 г.

«Дорогой полковник!

Я полагаю, что германской печати приказали в осторожном тоне говорить об отозвании фон Паппена и Бой-Эда. Главная опасность теперь в Австрии и в ноте об «Анконе». Здесь есть большая группа промышленников, судовладельцев и т. п., которые в последний момент стали высказываться против войны с США и стараются соответственным образом влиять. Но в Австрии, где нет подобной группы, которая могла бы помочь делу мира, и где во главе министерства иностранных дел находится кучка пустоголовых восточ-

ных людей (ибо именно таковы венгерцы), может случиться, что угодно.

Фон Ягов конфиденциально сообщил мне, что Ринтельн[1] был послан в Америку скупить продукцию пороховой фирмы Дюпон и, если он занимался чем-нибудь, кроме этого, он превысил свои полномочия...

Всегда ваш *Дж. У. Дж.*».

Берлин, 3 января 1916 г.

«Дорогой полковник!

... По достоверным сведениям, одному человеку, который недавно был у фон Тирпица, фон Т. сказал, что за ним, фон Т., следят, как за шпионом, и все его письма вскрываются. Фон Т. сказал, что подлинный хозяин Германии—Гинденбург; все, что говорит Бетман, предварительно проходит цензуру. Г. в данный момент против беспощадной подводной войны, но любая крупная неудача на суше заставит его изменить свое мнение. Фон Т. сказал, что К. теряет рассудок и проводит все свое время в молитвах и в изучении древне-еврейского языка...

Ваш *Дж. У. Дж.*».

Посол фон Бернсторф был испуган высылкой германских атташе и считал положение критическим. Он, естественно, превозносил поездку полковника в Европу, так как, по его мнению, она давала надежду на какое-то соглашение, если не на мир.

«*2 декабря 1915 г.* Звонил германский посол,—записывает Хауз,—и просил назначить ему свидание. Ввиду предстоявших важных дел, я просил его приехать немедленно. Я убедился, что он потрясен. Впервые я видел, что хладнокровие ему изменило. Вчера Лансинг сказал ему, что намерен отослать германских военного и морского атташе, и Бернсторф, очевидно, стал беспокоиться за себя...

Бернсторф полагает, что мы постепенно становимся на сторону союзников, а газеты тотчас же поднимут крик и вой, рассчитывая добиться также его отъезда...»

Письма Хауза президенту

Нью-Йорк, 16 декабря 1915 г.

«Дорогой начальник!

... Сегодня утром был Бернсторф. Он очень убедительно просил не посылать резкой ноты в Берлин. Он считает, что если ему дадут срок, он сумеет добиться извинений за «Лузитанию» и возмещения убытков. Он считает, что сразу этого трудно будет добиться.

---

[1] Агент германской разведки.

Рейхстаг будет распущен в субботу. После этого, по его мнению, можно будет кое-чего добиться, не подвергая опасности его правительство. Он полагает, что общественное мнение воспротивится извинениям в той форме, которая удовлетворила бы нас, но несколько позднее извинения могут быть принесены таким образом, что публика не узнала бы их полного текста.

Он склонен полагать, что Австрия удовлетворит наши требования в отношении «Анконы».

Я говорил с ним о поездке и сказал, что она может ограничиться Лондоном, но зависеть это будет от его правительства...

Он заявил, что в Германии я буду более желанным гостем, чем любой иной человек, на которого была бы возложена такая миссия.

Он утверждает, что здесь немцы не составляют никаких заговоров, и рано или поздно мы в этом убедимся. Он считает, что вера в эти заговоры является основной причиной трений и объясняет ваше намерение порвать отношения.

Я сказал, что среди американцев создалось убеждение, что если Германия победит, она в конечном счете поссорится с нами независимо от того, будут ли для этого основания; и если это чувство можно рассеять, а сделать это можно только уничтожением милитаризма, то враждебное отношение немедленно заглохнет. С этим он согласился.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Нью-Йорк, 22 декабря 1915 г.

«Дорогой начальник!

Только что был Бернсторф. Он получил известия от своего правительства. Они хотят, чтобы я отправился прямо в Берлин для обсуждения мира на общих условиях военного и морского разоружения.

Бернсторф понимает, что поехать я должен сперва в Лондон и сообщить об этом своему правительству. Они считают, что лучше было бы, чтобы я отправился сперва в Берлин. По-моему,—нет.

В беседе, содержание которой Бернсторф сообщил затем своему правительству, я сказал, что если они согласятся на план, который включал бы всеобщее разоружение, вы готовы бросить на чашу весов влияние нашего правительства и потребуете прекращения войны. Мы заинтересованы не в территориальных вопросах и контрибуции, а в более широких проблемах, касающихся не только воюющих стран, но и нейтральных государств.

О территориальных вопросах и возмещении убытков позаботятся союзники, и для нас нет необходимости на этот раз обсуждать эти вопросы. Если мы начнем с подобных обсуждений, то это может привести к бесконечным и непреодолимым разногласиям.

Мне думается, что мы должны действовать с осмотрительностью и не дать возможности германскому правительству создать такое положение, при котором мы очутились бы в неприятной позиции по отношению к союзникам. Возможно, что немцы попытаются это сделать. Я всегда отношусь с подозрением к их дипломатии. Все же, зная об этом заранее, я чувствую, что мы можем избежать все их западни. Осторожность здесь не помешает.

Для меня было бы крайне ценно, если бы время от времени, в свободную минуту, вы мне писали с тем, чтобы я мог показывать ваши письма тем или иным членам правительства тех стран, где мне придется бывать. Ваши прошлогодние обращения к Пуанкаре и Делькассе принесли огромную пользу. Эти письма не были адресованы им непосредственно, благодаря чему их ценность даже увеличилась. Нельзя недооценивать влияния лести и вежливости на европейцев, это столько же касается англичан и немцев, как и латинских рас. Таким вещам они придают гораздо больше значения, чем мы думаем...

Остаюсь глубоко преданный вам *Э. М. Хауз*».

«*17 декабря 1915 г.* День прошел в хлопотах, в последних приготовлениях к отъезду. В четыре часа заехал английский посол и оставался в течение полутора часов. Никогда не видел я его более разговорчивым, любезным и рассудительным. Он был таким, каким при случае, мы знали, он мог быть. Хвалил он меня так неумеренно, что я едва не рассмеялся. Он сказал, что собирается написать книгу, посвященную своему пребыванию в качестве посла в Вашингтоне для того, чтобы отдать должное мне за все, что я сделал, так как иначе это навсегда осталось бы неизвестным. Он напомнил, как более года назад я заблаговременно уловил оскорбительную фразу в ноте к Англии. Он утверждал, что если бы был послан первоначальный текст этой ноты, то между Англией и США не могли бы существовать добрые отношения; оскорбление никогда не было бы забыто... Как смогу я ехать в Лондон и требовать его головы? Я попытаюсь придумать что-нибудь для его спасения, а желания президента, Лансинга и мои о его отозвании придется несколько изменить.

Из беседы с послом я узнал, что Х. слишком много болтает... Я узнал, что капитан Гонт[1] рассказал ему, что я непосредственно сообщался шифрованными телеграммами с сэром Эдуардом Грэем. Все это доказывает абсолютную невозможность держать такие вещи в тайне. Некоторым людям приходится кое-что сообщать, но после этого можно быть уверенным, что эти сообщения будут разглашены. Эту проблему я никогда не мог разрешить. Все

[1] Английский морской атташе, с которым Хауз, по своему обыкновению, установил тесную связь.

больше убеждаюсь я в том, что человеку присуще разговаривать и передавать сведения, которые следовало сохранить в тайне. Я уверен, что большинство неприятностей возникает в результате передачи правильной или неправильной информации одним лицом другому и одним правительством другому. То, что вначале было правильной информацией, превращается в ложное сообщение прежде, чем оно достигнет своего назначения, и в результате возникают бесконечные неприятности и недоразумения».

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 21 декабря 1915 г.

«Дорогой начальник!

... Вчера здесь был сэр Сесиль. Он провел у меня полтора часа. Никогда еще не видел я его более любезным и рассудительным. Записку, в которой он просил назначить ему свидание, он заключил словами «очень любящий вас». Странный этот сэр Сесиль. Он спрашивал, сердит ли он чем-нибудь министерство иностранных дел или же, наоборот, всем своим поведением он доставляет министерству удовольствие. Это был довольно затруднительный вопрос, и я должен был ответить ему, что некоторые его методы могли быть лучше. Он обещал исправиться...

Ваш преданный друг *Э. М. Хауз*».

24 декабря в письме к Хаузу президент выразил свое раздражение дипломатами в Вашингтоне. Сэр Сесиль казался ему странным и непонятным. Едва ли Бернсторф удовлетворял его в большей степени, и Вильсон был согласен с Хаузом, что все его сообщения из Берлина нуждались в подтверждении. На запрос Хауза об инструкциях президент ответил, что для него они излишни: письма полковника точно отображали его, президента, взгляды и намерения; США заинтересованы только в одном: в установлении всеобщего мира и в обеспечении этого мира. Основной гарантией, заявил президент, должно быть разоружение (на суше и на море) и Лига наций, которая обезопасила бы любую нацию против агрессии и сохранила бы абсолютную свободу морей. Президент указал, что миссия Хауза тем более необходима, что сенат требовал немедленного продолжения давления на Англию и ее союзников, чтобы они отменили свои ограничения по отношению к торговле нейтральных стран.

6

Основное затруднение, которое полковнику надо было преодолеть, заключалось в том, чтобы убедить союзников, что его миссия не преследовала цели завязать переговоры, в результате которых Германия могла бы использовать свои сегодняшние военные успехи

для того, чтобы обеспечить себе компромиссный мир. Союзники твердо решили не обсуждать условия, которые только восстановили бы status quo ante, т. е. новый вооруженный мир, новую эру вооружений, которая привела бы к еще более разрушительной войне. Хауз был отлично осведомлен об этой решимости.

26 ноября в письме к полковнику Хаузу лорд Брайс напоминал ему об условии держать его в курсе всего, что могло характеризовать английские взгляды, о которых Хаузу следовало бы знать. Брайс утверждал, что в Англии нисколько не поколеблены чувство долга и решимость вести войну со всей энергией, не прислушиваясь ни к каким предложениям о переговорах с германским правительством. Англичане были уверены, что Германия отвергнет всякие условия, какие ей могут быть предложены, так как эти условия включали бы эвакуацию Бельгии с соответствующей компенсацией за все понесенные ею потери, а также, естественно, эвакуацию Северной Франции и Люксембурга. Германия, с другой стороны, утверждал Брайс, будет настаивать на контрибуции, ибо без нее она очутилась бы лицом к лицу с банкротством.

Поэтому, заявлял Брайс, не оставалось ничего другого, как продолжать войну. Он слышал, что Джэйн Адамс, «которой все должно было стать ясным после ее поездки по Европе», и другие женщины, а также некоторые представители крайнего пацифистского течения пытались создать движение в пользу посредничества; лучше бы они и не старались. Англичане нисколько не испуганы балканскими затруднениями, и армянская резня, которую германское правительство могло предотвратить, еще более озлобила англичан не только против немцев, но и против турок. Владычеству турок над христианами, заявлял Брайс, должен быть раз навсегда положен конец.

Но полковник Хауз и в мыслях не имел покончить с войной на германских условиях. Скорее он готов был настаивать, чтобы война продолжалась до тех пор, пока немцы не примут условий, которые гарантировали бы весь мир против угрозы милитаризма и дали бы возможность создать организацию для сохранения всеобщего мира. Если непобежденная Германия откажется подчиниться подобным условиям, то США помогут союзникам обеспечить необходимую победу. Для Хауза становилось все более очевидным, что собственными силами союзники не могут добиться победы. Взамен союзники должны отказаться от всяких планов уничтожения Германии в политическом смысле слова и от вступления на путь массовых аннексий.

Таким образом, союзникам будет дана возможность, которую, если у них хватит ума, они могут использовать для того, чтобы привлечь США на свою сторону.

ГЛАВА V

ВТОРАЯ ПОПЫТКА...

«Полковник Хауз... да будет мне позволено заявить на основании долгого и непосредственного опыта... соединяет в себе в исключительной степени некоторые наиболее полезные и привлекательные качества государственного деятеля: хладнокровие, независимость суждения и абсолютное бескорыстие».

Асквит, «Происхождение войны».

1

К великому неудовольствию Хауза, всякий его отъезд или приезд превращался в событие международного значения. «Полковник Хауз,—писала спрингфилдская газета «Рипабликен»,—пожалуй, единственный частный гражданин в Америке, который не мог бы теперь отправиться в Европу без того, чтобы не привлечь внимания всего мира». Американская печать пестрела сообщениями о его миссии, разглашенной одним вашингтонским журналистом, чьи способности, по выражению Хауза, превосходили его скромность. Обсуждая цели поездки Хауза, газеты выдвигали всевозможные предположения, начиная с того, что он послан для немедленного созыва мирной конференции, и кончая тем, что ему поручено отчитать американских послов в европейских столицах». «Всемирное внимание», «Любопытная миссия», «Перспективы мира», «Здравая дипломатия», «Осторожный посол»—подобными заголовками пестрели американские газеты, и эти заголовки фигурировали на страницах газет по нескольку дней.

Газеты, наиболее враждебно настроенные к правительству, подняли вопрос о конституционном праве президента назначать «агента высшей дипломатии» без одобрения сената. Но за некоторыми редкими исключениями, американские журналисты, не зная,

в чем заключается настоящая цель миссии Хауза, одобряли ее на том основании, что она потребует дипломатического такта, а в этом отношении полковник Хауз не имел себе равных. «Полковник Хауз зарекомендовал себя осторожным и сдержанным послом,— писала газета «Джёрнал» в городе Провиденс, которая не отличалась особой доброжелательностью к Вильсону,—и, несомненно, подтвердит свою репутацию в этой новой миссии». «Он будет желанным гостем в Англии,—комментировал «Кришчен сайенс монитор»,—для тех журналистов, которые... заинтересованы в познании по крайней мере одного американца, не только умеющего держать про себя то, что нужно, но обладающего даже более редкой способностью разубеждать своего собеседника в том, будто тот вообще знает, что заслуживает быть напечатанным».

Полковник Джордж Гарви писал в сатирическом, но доброжелательном духе: «Вместо того, чтобы посылать полковника Хауза за границу, президент Вильсон должен был бы поехать в Европу сам, чтобы узнать, что о нем думают люди там... Вильсон мог бы оставить здесь полковника Хауза, чтобы он на это время исполнял обязанности президента».

Никто из журналистов и не подозревал действительного значения миссии. Очень немногие из них претендовали на то, что понимают Хауза, но все журналисты признавали его влияние.

«Несмотря на то, что он не занимает и не занимал никакой должности,—писал один корреспондент,—его роль неизмеримо выше чиновников кабинета и начальников департаментов в Вашингтоне. Он, может быть, и не представляет из себя силу, стоящую за президентским креслом, но он—сила рядом с ним. Это—фигура, какой не знала наша политическая история...

Полковник Хауз ничего не требует для себя. Он до такой степени ненавидит популярность, что это исключает для него всякую возможность занять официальный пост. Он не филантроп и не реформатор, но он знаток в политике...

Полковник Хауз один из тех незаметных, но сильных людей, которые совершают большие дела без всякого шума. Это исключительно слаженный человеческий механизм; он двигается быстро, без единого скрипа или дребезжания. Его нельзя классифицировать, ибо подобных ему людей еще не бывало. Поэтому его назвали «помощником президента»—новое название для новой загадочной личности».

«*28 декабря 1915 г.* Когда мы прибыли на пристань,—писал Хауз,—нас ожидала огромная толпа журналистов с фото- и киноаппаратами. Такой большой толпы газетчиков я еще не видал. Их наверное было не меньше пятидесяти, выстроившихся для свершения казни. Я с крайней любезностью соглашался на их просьбы и позировал перед ними в течение пяти минут. После этого

репортеры и фотографы не давали мне покоя до отплытия парохода. Нас провожало несколько друзей.

Перед тем как покинуть пристань, главный директор Голландско-Американской линии приказал перенести наши вещи из занятой нами каюты в каюту «Люкс», состоявшую из гостиной, двух спален и двух ванных комнат».

Полковника Хауза, как и во всех его других поездках, сопровождала жена, не считавшаяся с опасностями и неудобствами путешествия в военное время. Так же, как ее супруг, она умела находить и сохранять друзей в Европе; она любила приключения и обладала большой способностью переносить физические неудобства. Начиная с 80-х годов, она принимала участие во всех фазах политической карьеры Хауза. После войны европейские государственные деятели писали ей в таком же почтительном тоне, как они обычно писали полковнику. Хауза так же неизменно сопровождал его секретарь, мисс Дентон, без помощи которой он едва ли сумел бы довести до конца все переговоры; ежедневно под его диктовку она записывала результаты секретных совещаний, осторожно выполняла самые деликатные поручения, шифровала и расшифровывала телеграммы, поддерживала не прекращавшуюся переписку, при помощи которой полковник, как бы быстро он ни переезжал с места на место, всегда находился в связи со всеми его источниками информации в Америке и Европе.

Любопытно отметить, что капитан Бой-Эд, этот слишком усердный германский морской атташе, находился на том же пароходе. Обычному дружелюбию Хауза по отношению к газетным репортерам, вероятно, пришлось подвергнуться тяжелому испытанию, когда один предприимчивый журналист смонтировал вместе отдельно сделанные снимки Хауза, Бой-Эда и Брэнда Уитлока, который также находился на борту парохода, так что трое составили дружескую группу.

Дружба с Уитлоком, начавшаяся в это время, с годами окрепла. «Он обладает добрыми человеческими чувствами,—писал Хауз.— Он не подвержен чувству ненависти или мщения. Он знаком с литературой и изящными искусствами. Он знает наши политические организации, наш народ и его стремления. Я думаю, что после заключения мира президенту следовало бы дать ему повышение». Прибыв 5 января в Фалмут, полковник убедился, что английское правительство придавало его посещению такое же значение, как «американская публика»[1].

[1] Сравните следующую выдержку из письма Планкетта Бальфуру. Впоследствии это письмо было размножено для секретного осведомления членов английского кабинета:

«...На протяжении целого поколения я тесно соприкасался с людьми и вещами в США. Благодаря моему интересу к американским сельскохозяйственным проблемам, меня знали три последних президента и их правительства.

«*5 января 1915 г.* (Фалмут). Мы прибыли сегодня в три часа дня, английское правительство позаботилось о пропуске нас на берег. Остальным пассажирам не разрешено покидать пароход в течение 24 часов, пока они не исполнят все формальности, связанные с войной. Явившиеся на пароход морские офицеры распорядились донести наш багаж до вокзала, заказали таксомоторы, спальные места в поезде и сделали все возможное для того, чтобы обставить нашу поездку в Лондон всяческими удобствами».

Полковник Хауз немедленно приступил к беседам с английскими государственными деятелями. Он все же не намеревался предложить свой особый план до того, как разберется, есть ли необходимые факторы для обеспечения успеха. Прежде всего он хотел объяснить отношение американского общественного мнения к спору о торговле и обсудить более общие контуры американского сотрудничества в деле создания всемирной организации, которую мыслили себе Грэй и он сам.

Телеграмма Хауза президенту

Лондон, 7 января 1916 г.

«Прибыл вчера. Вел беседы с Грэем и Бальфуром порознь. В понедельник мы встретимся втроем, чтобы попытаться сформулировать план, который я мог бы представить вам, а они могли рекомендовать своим коллегам.

Их взгляды совпадают с нашими, но я сомневаюсь в их коллегах.

Грэй сейчас настроен в пользу идеи свободы морей при условии, если в это понятие входит уничтожение милитаризма, и при том еще условии, что мы будем сообща участвовать в гарантийном пакте.

Ваши меры, касающиеся «Лузитании» и «Персии»[1], окажут влияние на все, что удастся сделать. Грэй и Бальфур нас понимают,

---

Таким же образом около трех лет тому назад мне посчастливилось познакомиться с полковником Хаузом, с которым я с тех пор поддерживал тесную связь. Если когда-нибудь будут описаны действия президента Вильсона во время этого кризиса, то немалую роль во всем этом сыграл отказ президента от всех дипломатических правил, путем использования услуг этого мудрого и проницательного политического наблюдателя и советника...

105 Манут-Стрит, Лондон
24 февраля 1916 г.».

[1] Пароход «Персия» был потоплен 30 декабря 1915 г. в Средиземном море. Не было никаких доказательств, которые могли бы установить ответственность Германии, Австро-Венгрии или Турции. В меморандуме, переданном Бернсторфом 7 января 1916 г., Германия заявила, что командиры германских подводных лодок в Средиземном море получили приказ обращаться с торговыми судами противника в этих морях согласно требованию Вильсона, и что офицеры, не подчиняющиеся этому приказу, будут наказаны. Повидимому, Германия шла навстречу американским требованиям.

но их коллеги выражают сомнения относительно подлинного значения предпринимаемой вами решительной внешней политики.

Если бы вы могли телеграфировать мне какое-нибудь заверение о вашей готовности сотрудничать в политике, направленной к тому, чтобы достигнуть и поддерживать постоянный мир, это очень облегчило бы мое положение на совещании в понедельник.

Эдуард Хауз».

В ответ президент Вильсон телеграфировал Хаузу, что он может передать заверения в том, что он готов и будет рад, когда представится случай, сотрудничать в политике, преследующей цель установить и поддержать постоянный мир между цивилизованными народами. Эта телеграмма вполне может считаться исторической. Она показала, что Вильсон решительно вступил на путь, который должен был сделать его главным борцом за Лигу наций. Это был резко выраженный отказ от традиционной американской политики изоляции. Президент, который вплоть до лета 1915 г. мало интересовался мировыми делами, теперь сосредоточил все свое внимание по линии действий, которая могла бы спасти мир от захватившей его катастрофы.

В беседе с Грэем полковник Хауз подчеркнул, какое значение для Англии имел бы всеобщий международный пакт, опирающийся на разоружение и на «свободу морей», и настаивал, что только такие основные условия могли положить конец войне.

«*6 января 1916 г.* Приятно было сознавать, что сэр Эдуард шел мне навстречу,—писал Хауз.—Я считал, что «свобода морей» обеспечит Англии то, что сейчас достигается ее доминирующей военной мощью, но она стала бы менее дорогостоящей, более действенной и не раздражала бы нейтральных держав. Если «свобода морей» претворится в международную политику, то стране, нарушившей соглашение, придется посчитаться с каждой другой страной. Если бы был осуществлен тот пакт, о котором я думаю, и Германия нарушила бы его, то все страны, подписавшие пакт, помогли бы Англии наказать нарушителя. С другой стороны, если пакт будет нарушен Англией, все страны объединятся против нее.

Грэй выразил удовлетворение по поводу моей уверенности в том, что общественное мнение в США достигло такой стадии, когда мы могли бы примкнуть к всемирному соглашению о сохранении мира, если бы можно было выработать практический план.

Я считал, что демократическим странам мира гораздо лучше объединиться вокруг какого-нибудь плана, который позволит США вмешаться, чем нам—вступить в войну по поводу разрыва дипломатических отношений с Центральными державами. Он с этим согласился.

Я признался, что советовал президенту сейчас не итти на разрыв с Германией, потому что надеялся, что мы сможем притти к какому-

нибудь соглашению в соответствии с намеченным планом. Я сообщил ему, что президент сочувствовал этому взгляду. С другой стороны, министр иностранных дел настаивал на окончательном разрыве с Германией».

2

Письма Хауза президенту

Лондон, 7 января 1916 г.

«Дорогой начальник!

... Вчера я провел полтора часа с сэром Эдуардом и обедал с Бальфуром, в понедельник встретимся мы втроем. Когда сэр Эдуард спросил меня, с какими членами кабинета я желал бы встретиться на завтраке, я назвал одного только Бальфура, так как только мы трое говорим понятным вам языком.

Я сказал ему, что если мы не придем к лучшему взаимопониманию с Англией и не сможем удовлетворительно разрешить проблемы, вызванные этой войной, то причиной будет то, что его правительство и народ не смогли следовать за вами до самой вершины.

Памятуя слова Пэйджа о настроении англичан, я объяснил ему, каково, по-моему, основное настроение в Америке. Я просил не давать вводить себя в заблуждение мотивами, которые двигали Нью-Йорком, Чикаго и другими торговыми центрами, а поверить моему слову, что мы не являемся народом, обезумевшим от денег. Наоборот, я считаю, что ни одна страна в мире не обладает такими высокими идеалами и не проявляет столько готовности к жертвам ради этих идеалов, как наша.

Я напомнил ему тот факт, что наше население составилось из идеалистов, покинувших Европу в поисках большей свободы, и этот дух сейчас так силен, как никогда за всю историю нашего существования.

Я говорил с ним о наших недоразумениях в связи с судоходством и убедительно просил его облегчить наше положение. Он объяснил, на какие трудности он наталкивался, трудности, серьезность которых вы, по его убеждению, сознавали не полностью...

Я вскользь коснулся вопроса о Спринг-Райсе, подготовив почву для дальнейшего обсуждения.

Он признает, что для союзников создалось скверное положение, но заявляет, что никогда еще Англия не выказывала большей решимости, чем теперь, и что исход войны будет успешным. Все, с кем я в этот день беседовал, высказывали то же мнение. В настоящий момент они проявляют еще бо́льшую уверенность, чем в прошлый мой приезд.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Лондон, 11 января 1916 г.

«Дорогой начальник!

Я встречаюсь со столькими людьми, сколь это физически возможно; буду продолжать в том же духе вплоть до нашего отъезда 20-го. В списке моих посетителей можно найти военных, моряков, политических деятелей и редакторов газет.

Вчера провел у меня полтора часа наш друг А. Дж. Гардинер[1]. Я пожертвовал ему больше времени, чем другим, потому, что по возможности хотел укрепить его высокое мнение о вас.

Все эти старания преследовали одно — создать лучшее и благожелательное понимание ваших целей. Но мое главное усилие было направлено в сторону Грэя и Бальфура. Я не считал благоразумным обсуждать деликатные дела со всем кабинетом, и остановился на последних двух потому, что питал к ним доверие, которое разделяете и вы. Мне казалось, что лучше возложить всю ответственность на них непосредственно.

В основном я аргументировал тем, что вы позаботились о более тесном союзе американских континентов с тем, чтобы если мы не найдем нужным вмешаться в сферу мировой политики, мы сможем спокойно вести изолированное существование[2]. Я заявил им, что если мы остановимся на подобном решении, то увеличим нашу армию и флот и останемся в пределах нашего полушария.

С другой стороны, объяснял я, вы уверены в том, что для того, чтобы полностью оправдать ваше существование в качестве великой нации, может быть, окажется необходимым пустить в ход всю нашу мощь для дела мира и его сохранения.

Они спрашивали, как далеко простирается ваша готовность участвовать в соглашении, касающемся европейских дел. Я высказался в том смысле, что вы вообще не хотели бы вмешиваться в эти дела, но охотно примкнете к соглашению цивилизованного мира по широким проблемам, затрагивающим интересы и будущее всякой нации. Сюда, например, относится всеобщее уничтожение, в пределах возможности, милитаризма на суше и на море...

Бальфур сказал, что узнает, на какие уступки американскому общественному мнению согласятся его коллеги. Я просил его не ставить вопрос подобным образом, так как мы считаем, что они не делают нам никаких уступок, и дело обстоит как раз наоборот. Мы готовы рассмотреть некоторые меры помощи делу цивилизации, но мы чувствуем, что в этом случае приносим в жертву нашу традиционную политику и создаем себе опасность, которая до сих пор нам не угрожала.

---

[1] Публицист и автор особенно любимых Вильсоном биографий английских государственных деятелей.

[2] Имеется в виду панамериканский пакт.

Я заявил им также, что если они не проявят готовности подойти к вопросу в духе бескорыстия, то не стоит касаться его вообще.

Они так уверены в конечном военном успехе, что я попытался несколько пошатнуть эту уверенность. Полагаю, что это мне удалось. Я спросил, уверены ли они, что исключена возможность того, что Германия весной и летом еще больше оттеснит Россию, создав для нее тем самым предлог заключить сепаратный мир на условиях, которые смогут оказаться более выгодными, чем в случае победы союзников. В таком случае Германия сможет обрушиться всеми своими силами на западный фронт и, не пытаясь нанести Франции смертельного удара, предложит ей равным образом выгодные условия. Они допускали эту возможность.

Я сказал им, что Германия считает, что у нее только один противник и, прежде чем погибнуть, она пообещает России предоставить ей свободу действий по отношению к теплым морским портам юга и запада. Германия сможет возвратить Франции Эльзас Лотарингию и эвакуировать Бельгию, за исключением Антверпена и территории к югу от Шельды. Таким образом, Германская империя с входящей в нее фактически основной частью Австрийской империи обеспечит себе свободу действий в Малой Азии, Египте, Индии и Африке.

При таких условиях английское владычество на морях, думается мне, не продлилось бы и трех месяцев. И не потому, что английские военные силы потерпят поражение на море, а потому, что все страны заявят протест против ограничений торговли.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

3

За свое двухнедельное пребывание в Англии Хауз возобновил личные знакомства, завязанные им во время предыдущих поездок. Разнообразие его знакомств было удивительно. Он обладал даром терпеливо выслушивать своего собеседника, что давало повод людям сообщать ему всевозможные тайны, а также способностью спокойно убеждать, что помогало ему объяснять взгляды вашингтонского правительства. Многие из его встреч могли бы быть названы тривиальными, но они укрепляли личное взаимопонимание, которое составляет основу успешной дипломатии.

«*6 января 1916 г.* Сидни Брукс пригласил м-ра Бальфура, Сент-Лоу Стрэйчи и А. Х. Поллена встретиться со мной за обедом в Брукс-клубе. У меня было совещание с сэром Эдуардом Грэем, из-за чего я запоздал почти на полчаса.

Все были в хорошем настроении, и мы прекрасно провели вечер. Беседа не представляла особого интереса. Бальфур рассказал

о действиях английских подводных лодок в Балтике. Он говорит, что германские подводные лодки уступают английским как в конструкции, так и в отношении людского состава, иначе они превратились бы в серьезную угрозу для Англии...»

«*7 января 1916 г.* Со мной завтракал Пэйдж. Он только и говорил о растущей непопулярности президента и США в Англии. Он спросил, предпримет ли когда-нибудь президент решительные шаги в связи с «Лузитанией» и аналогичными вопросами. Он думает, что здешнее враждебное отношение к нам вызвано бездействием в связи с вопросом о «Лузитании». Он спросил, считаю ли я, что президент будет не доволен тем, что он писал и телеграфировал ему. Я ответил, что это вполне вероятно.

Здесь (в Англии) я нахожусь пока немногим более 24 часов, а между тем все две недели, которые я рассчитываю провести здесь, заполнены приглашениями на завтраки и обеды».

«*28 января 1916 г.* Со мной завтракал секретарь сэра Эдуарда Грэя, Эрик Друммонд. Он пользуется полным доверием Грэя, и я говорил с ним очень откровенно... Я заявил ему, что с момента превращения США в республику не было еще более удобного случая, чем сейчас, для того, чтобы достигнуть полного взаимопонимания между обеими нашими странами... Трудности, стоящие на пути к такому взаимопониманию, заключались в насильственной политике Англии на море, политике, раздражавшей не только нас, но и все нейтральные страны...

После обеда приезжал Г. К. Гувер, чтобы рассказать о своих злоключениях в Бельгии. По его словам, немцы не соблюдают соглашения о продовольственных товарах. Они облагают бельгийцев данью и на полученные деньги закупают бельгийский скот для снабжения своей армии. Это противоречит соглашению с английским и французским правительствами. Гувер попросил меня отобедать с ним, чтобы встретиться с некоторыми английскими пацифистами, в том числе с Хэрстом из «Экономиста». Он полагает, что воюющие стороны устали и будут приветствовать возможность покончить с войной. Никаких доказательств этому я не вижу».

«*9 января 1916 г.* Я обедал с Пэйджем, чтобы встретиться с Бонар-Лоу и Леверсоном Гаррисом... Нельзя сказать, чтобы взгляды Бонар-Лоу совпадали с моими, но мне удалось избежать излишних препирательств...»

«*10 января 1916 г.* Я завтракал с сэром Эдуардом Грэем и Бальфуром, чтобы обсудить конечные цели моего приезда в Европу...

Был у меня американский консул Скиннер; мы обсуждали с ним вопросы торговли между Англией и США. Он с таким же упорством защищает американскую точку зрения, как Пэйдж—английскую. Это разумный, с ясной головой парень и, думается мне, отлично работает...»

«*11 января 1916 г.* Клиффорд Карвер пригласил на завтрак министра финансов Мак-Кенна с супругой, а также директора департамента торговли Рэнсимэна...

Мы с Мак-Кенна обсуждали вечно больной вопрос о взаимоотношениях Англии и США и о той роли, какую нам следовало бы играть в этом вопросе. Он великодушно заявил, что мы сыграли благородную роль по отношению к союзникам и эта роль никогда не будет забыта; весьма вероятно, что без нашей помощи война окончилась бы победой Германии еще прошлой осенью. Я выразил надежду, что он передаст эти слова английскому народу. Мак-Кенна и Рэнсимэн несколько раз заявляли, что вся критика по адресу США исходит от безответственных и невежественных людей...

Сразу же после того, как я расстался с этими гостями, ко мне заехал лорд Брайс. Мы условились продолжить нашу беседу в четверг, в десять часов. Я хочу воспользоваться его советом для дальнейших переговоров с Грэем и Бальфуром.

Пэйдж устроил мне встречу с Ллойд-Джорджем, Реджинальдом Мак-Кенна, Остином Чемберленом и лордом Редингом.

... Любопытно было видеть Мак-Кенна и Ллойд-Джорджа за одним столом, ибо в течение последних нескольких недель они друг с другом не разговаривали. Еще любопытнее было присутствие Чемберлена среди остальных трех, так как до войны невозможно было бы заставить его снизойти до того, чтобы сидеть с ними за одним столом.

Пэйдж начал беседу, заявив, что Чемберлен и другие спрашивали его, каких действий ждут США от Англии; он просил меня ответить на этот вопрос. Я ответил: «США хотят, чтобы Англия сделала то, что дало бы США возможность помочь Англии выиграть войну». Пэйдж великодушно сознался: «Вы ответили гораздо остроумнее, чем мог бы я».

Мой ответ, естественно, встретил всеобщее одобрение, а затем началось обсуждение того, что Англия должна сделать, чтобы США могли ей помочь. Я довольно пространно коснулся наших затруднений с судоходством и рассказал им, в какое тяжелое положение ставят президента их ограничения.

Был поднят вопрос о жестокости, по поводу чего я сделал следующее замечание: «Англия должна быть благодарна за все жестокости, совершенные Германией, ибо всякий мужчина, всякая женщина и всякий ребенок, погибшие на море или на суше, умерли за Англию так же, как солдаты на фронте»[1].

Я завтракал в Брукс-клубе с Гарвином из «Обсервера», Спен-

---

[1] Аргумент полковника Хауза заключался в том, что германские нападения на мирных жителей как нельзя лучше внушали англичанам чувство близости войны.

дером из «Вестминстер газетт» и капитаном Холлом—офицером разведки. Завтрак давал А. Х. Поллен.

В посольстве был обед. Среди гостей были лорд и лэди Нортклифф и чета Эрвин Лафлин. Нортклифф довольно глупо рассуждал о продолжительности войны, о блокаде, о Дарданеллах, о здоровье кайзера и сообщил нам кучу неверных сведений».

«*14 января 1916 г.* В 11 часов я был в Букингемском дворце и приятно провел час с королем. Он отнюдь не был пессимистичен по отношению к позиции США. Более того, после того как я рассеял некоторые его сомнения, он любезно признал правоту нашей позиции. В вопросах подводной войны, настроений американских немцев и наших затруднений с Мексикой, которые вновь доставляют нам неприятности, я привел свои обычные аргументы. Он сказал, что отлично понимает, почему президент не намерен позволить Германии втянуть нас в войну с Мексикой.

Вчера вечером Нортклифф заявил, что кайзер умирает от туберкулеза горла. Король сказал, что это чепуха—у него всего-навсего карбункул на шее...

Я обедал в гостинице «Савой» с лордом Редингом и Ллойд-Джорджем. Собрались мы в отдельном кабинете. Ллойд-Джордж смотрел фильм «Рождение нации» и очень заинтересовался моими рассказами о реконструктивном периоде на Юге. За обедом, пока присутствовали официанты, мы обсуждали такие вопросы общего характера, как политическое положение в Америке и приближение избирательной кампании. Я убедился, что Джордж ничего не понимает в наших делах и политических деятелях...

Он думает, что война принесет Англии только пользу. Благодаря новым навыкам и военному воспитанию, жизнь молодежи станет более продолжительной. Производственная мощь усилится, потому что всех бездельников заставили работать, и, вероятно, они будут работать и впредь. Он считал, что все это прибавит более миллиарда долларов к национальному богатству Англии, а благодаря той умеренной жизни, какой начнут жить люди теперь, будут сбережены несчетные миллионы...»

«*16 января 1916 г.* С нами обедала леди Пэйджет и мы вместе с ней отправились в театр. Она рассказала, что недавно проводила воскресный день в одном доме, где среди гостей был лорд Керзон; он очень резко отзывался о США. По ее мнению, хорошо было бы, если бы премьер-министром стал Ллойд-Джордж...»

«*18 января 1916 г.* Сегодня мы завтракали с супругами Асквит. Я долго беседовал с миссис Асквит. Когда она хочет, то умеет быть приятной, а старалась она, кажется, изо всех сил. В беседе мы коснулись всевозможных людей и вопросов, и мне она показалась знающей, умной и живой особой...

Я обедал с Сент-Лоу Стрэйчи. Среди других гостей был архиепископ Кентерберийский, лорд Стэмфордхэм, капитан Холл

й полковник Хэнки из министерства национальной обороны. Стрэйчи сидел на одном конце стола, а я—на другом; справа от меня был архиепископ, слева—Стэмфордхэм. Обед прошел тихо и приятно. В спокойно протекавшей беседе было затронуто много вопросов, войны мы не касались. Говорили о Линкольне, о гражданской войне, о характерных чертах блокады того времени. Беседовали также о Марке Твэне, об Артемин Уорде и Джо Биллингсе, и я обнаружил, что большинству собеседников были знакомы их произведения. Я удивился, когда Стэмфордхэм сказал, что покойный король Эдуард часто читал Уорда.

Одно из любопытных проявлений войны это—ребяческая вера интеллигентных людей в рассказы о шпионах, жестокостях врага и т. п. С этим настроением сталкиваешься и здесь, и во Франции, и в Германии. Одна из подобных историй передавалась в Лондоне. Я вновь услышал ее за этим обедом. История заключалась в том, что известный американский писатель, враждебно относившийся к немцам, поехал в Голландию. Германский посол в Гааге пригласил его в Берлин побеседовать с кайзером. За ним должен был прилететь цеппелин, а по окончании беседы—доставить писателя обратно в Гаагу. Американец был восхищен приглашением и принял его. Цеппелин за ним прилетел и поднял его на такую высоту, что у писателя случился разрыв сердца...

Говорили об этом, как о подлом заговоре и осуждали в самых неумеренных выражениях. Я спросил, как звали американца; мне ответили, что его имя было Джэймс Крилмэн. Я безжалостно разоблачил эту выдумку, заявив, что хорошо знал Крилмэна; он долгие годы страдал диабетом и умер от этой болезни в одном из берлинских госпиталей, а не во время полета на цеппелине. После моего рассказа наступило долгое молчание, и я почувствовал себя виновным в том, что испортил любимое занятие военного времени».

«*19 января 1916 г.* В семь часов я отправился в дом № 33 на Экклзтон-сквере. Сэр Эдуард меня ждал. Он сказал, что сегодня вечером премьер-министр дает обед в честь французского премьера Аристида Бриана, и ему, Грэю, поручено пригласить меня. На обеде будут лишь видные члены правительства и послы союзнических стран. Именно поэтому я решил, что принимать приглашение неудобно».

Хауз мог чувствовать себя польщенным не только подобным приглашением, но и неизменно выказываемым по отношению к нему доверием. Тот факт, что члены правительств обсуждали проблемы войны с ним, иностранным подданным, почти так, как если бы он был человеком их круга, и притом накануне его отъезда во враждебную страну, все это было редким выражением похвалы осмотрительности и честности. Когда много лет спустя после войны у этих людей потребовали объяснить такое необы-

чайное положение, они просто ответили: «Ну, видите ли, это был полковник Хауз»[1].

4

Самыми важными были те совещания, на которых Хауз обсуждал с Ллойд-Джорджем, Грэем и Бальфуром проблемы окончания войны и значение сотрудничества США в случае согласия англичан на его план американского вмешательства.

«*14 января 1916 г.* (Запись совещания с Ллойд-Джорджем.) Его взгляды на возможное развитие событий будущей весной и летом близко совпадают с моими. Он сказал мне, что у англичан под ружьем будет четыре миллиона людей и артиллерия большего калибра, чем нынешняя. Хотя он и не ожидает решающих результатов, но думает, что немцы будут оттеснены во многих пунктах, что значительно облегчит положение союзников... Он считает, что к 1 сентября большие летние бои кончатся и тогда можно будет предсказать, каков будет исход.

Джордж считает, что война может продолжаться до бесконечности; так оно и произойдет, если не вмешается президент, но он считает, что для того, чтобы быть действенным, вмешательство не должно быть предложено ранее 1 сентября...

Он считал, что идея «свободы морей» исходит от немцев. Узнав, что она исходила от меня и была согласована с президентом, он, казалось, изменил к лучшему свое мнение об этом.

Он настаивал на том, что с Турецкой империей надо покончить, что Польша снова должна стать самостоятельным государством. Мы пространно обсуждали эти вопросы. У него быстрый ум, подверженный порывам, в нем нет той медлительности рассуждений, какая свойственна типичным английским государственным деятелям. Его заинтересовали мои предсказания, касавшиеся Азии, и моя уверенность в том, что Англии когда-нибудь придется подумать о том, чтобы покинуть эту часть света. Я считал, что в будущем Китай может сыграть ту же роль, какую Турция сыграла в прошлом, и стать причиной бесчисленных кровавых конфликтов.

Я попытался напугать его, как пугал других, мыслью о возможном заключении сепаратного мира с Россией...[2] Он считал,

---

[1] Беседы с лордом Грэем и лордом Бальфуром в июне 1924 г. Насколько известно, полковник Хауз был единственным иностранцем, которому когда либо разрешали пользоваться шифром английского министерства иностранных дел.

[2] Необходимо отметить настойчивость, с которой Хауз возвращается в своих беседах к этой опасности, принявшей реальные формы, когда был заключен Брест-Литовский мир, но которой, возможно, удалось бы избежать, если бы союзнические страны Запада иначе подошли к разрешению русской проблемы.

что, если бы США помогли Англии, ничто в мире не могло бы поколебать наше объединенное владычество на морях. В этом он, вероятно, прав...

Больше всего меня заинтересовало настойчивое заявление Джорджа о том, что президент мог бы положить конец войне и диктовать условия, на которые никогда не согласились бы воюющие страны, если они будут предоставлены самим себе. Каким бы фантастическим это ни показалось, но в этом есть доля правды, и если бы президент послушался моего совета и увеличил армию США в первые месяцы войны, о чем я упорно твердил, он уже сегодня мог бы сделать то, чего Ллойд-Джордж ждет от него осенью».

«*15 января 1916 г.* В половине четвертого я отправился пешком к дому № 4 в Карлтон-Гардене, чтобы встретиться с Бальфуром и Грэем. Грэй пришел вслед за мной, и мы немедля приступили к беседе. На стене висела большая карта Юго-восточной Европы и Анатолии. Я стоял перед картой и рассказывал о моей вчерашней беседе с Ллойд-Джорджем и Редингом. Я подробно объяснил, как Джордж поделил мир и какую необычайную роль он предназначил президенту. Я спросил, обсуждали ли они с ним этот вопрос. Он ответил: «Вовсе нет. Вероятно, он сам до этого додумался и воспользовался вашим пребыванием в Лондоне, чтобы обсудить дело с вами».

Почти весь разговор вели мы с Бальфуром: я выдвигал предложения, а он неизменно возражал. Он прирожденный спорщик... Сэр Эдуард почти все время молчал, а когда заговаривал, то только для того, чтобы согласиться со мной и для того, чтобы выдвинуть дополнительный аргумент в пользу моей позиции. Мы говорили обо всех элементах международной жизни, из которых сложилась бы «свобода морей» и уничтожение милитаризма, и о том, что́ выиграла или потеряла бы Англия, приняв то или иное предложение. Бальфур формулировал ряд предположительных случаев, ни один из которых не относился непосредственно к выдвинутым мною предложениям. Он продолжает оставаться неизменно недоверчивым по отношению к Германии и постоянно возвращается к вопросу о том, можно ли рассчитывать, что Германия будет придерживаться какого-нибудь соглашения и играть в открытую. Я заявил ему, что суть дела не в этом, а в том, чтобы собрать все страны в лигу и тогда, по крайней мере, большинство из них во главе с Англией и США вело бы честную игру; если же Германия не будет выполнять взятые на себя обязательства, она только проиграет. В этом вопросе Грэй меня крепко поддержал. Мы расстались, условившись, что этот вопрос они еще обдумают и обсудят его с премьером и Ллойд-Джорджем с тем, чтобы продолжить нашу дискуссию, когда я вернусь с континента.

Мы с Грэем вышли вместе и прошли по Пэлл-Мэлю до Сент-Джэймс-стрит, где я его оставил у входа в Брукс-клуб. По пути

мы рассуждали о том, как трудно делать то, что кажется лучшим, потому что люди не понимают и боятся откровенных действий. Мне хочется снова воздать должное бескорыстному служению Грэя государственным интересам. Мне хотелось бы, чтобы судьбы Великобритании в большей степени были вверены ему».

«*19 января 1916 г.* Хотелось бы, чтобы премьером был Ллойд-Джордж, а министром иностранных дел сэр Эдуард Грэй. Тогда, думается мне, мы кое-что могли бы сделать. Нынешний кабинет слишком консервативен, а в этот момент требуется смелость. Этим качеством Джордж, кажется, обладает...

Боюсь, что английский консерватизм едва ли позволит достигнуть подлинного успеха. Насколько возможно, они будут откладывать решение так же, как в июне 1914 г. они отложили мое предложение, преследовавшее цель—достигнуть лучшего взаимопонимания с Германией. Я всегда считал, что войны, может быть, удалось бы избежать, если бы они действовали быстро».

5

Были особые причины, из-за которых отсрочка могла бы помешать успеху плана Хауза. Спор между прусским и американским министерствами иностранных дел о согласовании текста извинений за потопление «Лузитании» мог в любой момент привести к новому дипломатическому кризису. Но поскольку немцы, повидимому, заняли более примирительную позицию, вставала опасность, что сенат США потребует принятия мер против союзников, может быть, даже эмбарго, как ответа на помехи американской торговле. Если бы сенат заставил Вильсона принять решительные меры, исчезли бы все надежды на необходимое соглашение с союзниками. Предупрежденный о создавшейся опасности, Хауз настойчиво просил президента возможно дольше сохранить существующее положение дел.

12 января Вильсон телеграфировал ему, что, повидимому, все затруднения с Германией будут скоро устранены, а в таком случае, особенно если будет настаивать сенат, США будут вынуждены заставить Англию пойти, по крайней мере, на аналогичные уступки. Вильсон сам считал, что это будет только справедливо.

Письма Хауза президенту

Лондон, 13 января 1916 г.

«Дорогой начальник!

Вашу телеграмму о наших неприятностях с морской торговлей я получил.

Мне хотелось бы сегодня быть с вами, чтобы рассказать вам о здешних условиях. У Пэйджа на завтраке были сэр Эдуард Грэй

и лорд Роберт Сесиль[1]. Мы подробно обсуждали все наши дела. Лорд Роберт заявил мне, а сэр Эдуард подтвердил, что если он согласится на ваше требование, то здесь немедленно потребуют его отставки. Лично он готов на все. Он идет даже так далеко, что выражает предположение, что дело может окончиться полным отказом от блокады, в результате чего Германия возможно победит.

Он не верит в полумеры. Либо полная блокада, либо никакой...

Я изложил наши взгляды почти всем членам кабинета. Я объяснил им, как настроено общественное мнение в Америке, и сообщил им, какой опасности подвергаются союзники, действуя подобным образом и вооружая против себя общественное мнение. Ныне они так же осведомлены о вашей позиции, как и я, и высоко ценят ее.

Среди многих редакторов, с которыми я встречался, был Роберт Дональд из «Кроникл». «Кроникл» имеет теперь, пожалуй, самый большой тираж из всех английских газет. Дональд вчера обещал написать передовую о вас.

Я полагаю, что во влиятельных кругах мне удалось создать достаточно благоприятное отношение к вашей позиции для того, чтобы общественное мнение в Англии повернуло в обратную сторону, но воспользоваться им в настоящий момент нецелесообразно. Это можно будет проделать позднее.

С Брайсом я совещался дважды. Ни с кем, кроме Грэя и Бальфура, я не разговаривал так откровенно, как с ним. Мне хотелось бы, чтобы он побывал в Америке: он лучше всех разобрался бы в нашей ситуации. Под строгим секретом я рассказал кое-что о наших затруднениях с сэром Сесилем Спринг-Райсом и просил его совета. Он считает, что для меня было бы крайне неразумным поднимать здесь вопрос о нем...

Я думаю, что лучше всего отложить этот вопрос до моего возвращения, ибо, если приступать к нему сейчас, он сможет помешать некоторым нашим планам.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Лондон, 16 января 1916 г.

«Дорогой начальник!

...Было бы катастрофой, если бы что-нибудь помешало сэру Эдуарду оставаться в правительстве вплоть до заключения мира. А, между тем, если в вопросе о нейтральной торговле мы нажмем на них слишком сильно, он, вероятно, вынужден будет уйти из правительства.

Настроение становится все более и более решительным, и страна требует, чтобы правительство не шло на уступки...

Грэй, Бальфур и Джордж говорят, что если бы они могли

[1] Министр блокады.

объявить стране, что существует возможность достичь предварительного соглашения с нами, то народ уступил бы почти любым нашим требованиям. Но общественное мнение твердо уверено в том, что Америка ничего не сделает и Англии одной придется вести борьбу, пользуясь единственным оружием, которое до сих пор оказывало действие.

Почти любой проживающий здесь американец, и в том числе все наши из посольства, по-моему, с радостью приветствовали бы наше вступление в войну на стороне союзников. Это чувство, конечно, разделяют многие англичане и почти все французы, хотя постоянно и говорят, что это нежелательно...

Я уверен, что наша политика должна заключаться в том, чтобы избегать серьезных разногласий с союзниками в вопросе о блокаде и держаться по отношению к Германии таким образом, чтобы сохранить дипломатические отношения... Как бы вас ни поносили в настоящее время, это не имеет значения, если конечный результат оправдает взятый вами курс. Критические голоса как в Европе, так и в Америке—результат невежества и пристрастия; с ними будет покончено, когда вы сделаете заключительный шаг.

Преданный вам *Э. М. Хауз.*

P. S. Разумеется, я не собираюсь советовать не разрывать дипломатических отношений немедленно после того, как Центральные державы потопят без предупреждения хотя бы еще одно пассажирское судно. Если бы мы поступили иначе, то были бы повсюду дискредитированы и намного утратили бы свое влияние».

ГЛАВА VI

ЕВРОПА В ТУПИКЕ

«Мы единственная оставшаяся в мире страна, обладающая достаточной силой, чтобы вывести их на дорогу...».

Из письма Хауза Вильсону, 1 февраля 1916 г.

1

20 января полковник Хауз выехал из Англии в Германию через Париж и Женеву. Он еще не выработал точных условий американского предложения о помощи. Он хотел сперва сам убедиться, готовы ли немцы пойти навстречу настолько, чтобы появилась надежда на скорое заключение мира на тех общих условиях, какие были выработаны им совместно с Грэем, или же они решили продолжать борьбу в случае выступления США и добиваться «разумного мира».

Хауз изложил Грэю то, что он считал основой разумного мира: уступку Эльзас-Лотарингии Франции, эвакуацию Бельгии и Сербии, передачу Константинополя русским и создание лиги наций для предотвращения агрессивных войн в будущем. Он считал, что согласие Германии на такие условия означало бы поражение германского милитаризма и крушение милитаристского плана господства над Европой.

Он готов был дать Германии возможность принять эти условия, так как боялся, что если война будет продолжаться до разгрома Германии, то весь мир, победители и побежденные, погибнут от экономической разрухи. Кроме того, он не был уверен, что обеспечить справедливый и устойчивый мир путем нанесения «локаута» будет делом легким, ибо понимал в полной мере, какую опасность для идеалов союзников представляли корыстные стремления.

Пэйдж не одобрял поездки полковника Хауза в Германию.

Он стоял за полный ее разгром, без всяких переговоров, и с радостью готов был позволить союзникам диктовать любые условия[1].

Но старания Хауза встретили одобрение более умеренных английских кругов, которые, хотя и находились в гуще воинственных страстей и твердо решили не итти ни на какие компромиссы с милитаризмом, никогда не забывали, чего стоили война и ее последствия.

Они стремились к тому, чтобы была изучена малейшая лазейка к миру.

«*19 января 1916 г.* Сэр Эдуард Грэй и лорд Брайс,—писал полковник Хауз,—полностью одобряют идею моей поездки в Берлин. Я поставил перед ними вопрос прямо, потому что Пэйдж возражал против поездки, заявляя, что это ошибка...».

«*20 января 1916 г.* Сегодня утром мы выехали в Париж через Фолькстон и Булонь. Заботу о нас на время переезда взял на себя прикомандированный офицер, представитель Скотланд-ярда, и капитан парохода. На борту находились сотни солдат; других штатских, кроме нас, не было. Перед отплытием парохода все солдаты надели спасательные пояса и приготовились ко всем случайностям. На всем пути нас сопровождал миноносец. За последние 48 часов было потоплено два судна, и поэтому были приняты чрезвычайные меры предосторожности...

В Булони нас встретили начальник французской полиции и начальник английской военной полиции. Военные автомобили нас ожидали, чтобы везти в Париж, или в местную гостиницу, по нашему желанию. Погода была такая отвратительная, что мы предпочли провести ночь в гостинице. Она была полна английских офицеров. Штатских, кроме нас, не было никого. Город выглядит скорее английским, чем французским. Мне сказали, что в течение одного дня сюда доставили 22 тысячи раненых англичан. Весь город похож на огромный военный лагерь и военный склад».

Хауз остановился на несколько дней в Париже, избегая всяких решительных переговоров, которые он приберегал к своему возвращению, после того, как составит себе впечатление о Германии. Он поспешно проехал Швейцарию,—огромный коридор, наполненный шопотом, где официальные агенты воюющих стран плели друг против друга сети интриг,—и пересек германскую границу у Базеля.

«*26 января 1916 г.* В Берлин мы приехали рано утром без запоздания. На вокзале меня встретило несколько чинов посольства, в том числе секретарь Грю. Мы проехали прямо в посоль-

[1] Если читатель склонен критиковать суждения Пэйджа, имея в виду, что союзникам не удалось обеспечить безопасности даже после полного разгрома Германии, то пусть он вспомнит, что подавляющее большинство населения страны, в которой он был аккредитован, разделяло мнение американского посла; это мнение он ежедневно слышал со всех сторон.

ство. Вскоре по прибытии туда мы с Джерардом поделились нашими секретами.

Я целый день провозился с репортерами, с сотрудниками посольства, с немцами и американцами.

Джерард дал обед на 24 персоны. На этом обеде должен был быть канцлер фон Бетман-Гольвег, но кайзер вызвал его на фронт, поэтому сюда он вернется не раньше пятницы. Среди гостей, с которыми я беседовал, был голландский посланник Геверс. В Берлине он девять лет, и я решил, что он сторонник Германии. Сначала он повел беседу так, что можно было подумать, будто он сторонник союзников, но это меня не обезоружило, и я постепенно заставил его высказать свою действительную точку зрения и получил необходимые мне сведения об отношениях между Голландией и Германией и настроениях голландцев по отношению к войне...

Я забыл упомянуть, что днем у меня был граф фон Мольтке. По-моему, он стал еще менее благоразумным и уже во всяком случае не тем человеком без предрассудков, каким он слыл до войны. Фон Мольтке считает, что я вовсе лишен предвзятости. Он не знает, что, по-моему, вся вина за эту неслыханную трагедию ложится на прусскую военную автократию».

«*27 января 1916 г.* Сегодня наиболее значительные мои встречи были с фон Гвиннером из Дейче-банк и с министром колоний Зольфом. Оба они завтракали у меня.

Из всех германских официальных лиц Зольф в своих высказываниях больше всех проявляет широту взглядов. Это объясняется, я полагаю, тем, что бо́льшую часть своей жизни он провел вне Германии. Он конфиденциально сообщил мне, попросив «не повторять его слов ни послу, ни кому бы то ни было другому», что между канцлером—с одной стороны, и фон Тирпицем и фон Фалькенхайном—с другой, происходят разногласия по вопросу о подводной войне. В настоящий момент преобладает точка зрения канцлера; но Фалькенхайн все больше и больше склоняется на сторону фон Тирпица, и Зольф не уверен в конечных результатах борьбы. Он настоятельно просил меня поговорить с канцлером так же откровенно, как я говорил с ним, и указать ему на опасность разрыва между США и Германией в случае, если восторжествует идея фон Тирпица...

Следующий, с кем я разговаривал, был фон Гвиннер. Я убедился, что он довольно благоразумный человек, гораздо более благоразумный, чем можно было ожидать после рассказов Джерарда. Он тоже хочет мира, но не питает относительно этого никаких иллюзий...

Фон Ягов (министр иностранных дел) пригласил нас на обед в субботу вечером, но мы отклонили приглашение. Я думаю, что лучше не принимать никаких приглашений вне посольства. Я не

желаю случайной встречи с фон Тирпицем, что неизбежно случится, если я буду принимать приглашения со стороны. Я чувствую, что на фон Тирпица ложится почти вся ответственность за ужасы подводной войны...

Сегодня Джерард рассказал мне о своей беседе с кайзером. Кайзер не одобрил потопления «Лузитании» и убийства женщин и детей. Он осуждал действия командира подводной лодки. Такова его позиция теперь, но он должен был заранее прекрасно знать об этом потоплении.

В начале беседы с Джерардом он был настроен очень воинственно, но по мере развития беседы стал, наконец, более благоразумным.

Кайзер говорил о мире и о том, как и с кем он должен быть заключен, заявляя: «я и мои кузены, Георг и Николай, заключим мир, когда наступит время». Джерард говорит, что, слушая его, можно было подумать, что немецкий, английский и русский народы—это только пешки. Он подчеркнул, что такие демократические страны, как Франция и США, не могли бы принять участия в такой конференции. В общем он считает войну королевским спортом, предаваться которому могут только наследственные монархи и конец которого зависит от их воли. Он заявил Джерарду, что Германия права потому, что на ее стороне бог, а бог не был бы с ними, если бы они не были правы, и одержали они свои победы потому, что бог был с ними.

Я спросил Джерарда, спятил ли кайзер с ума или только позировал...

До каких пор такие правители будут существовать где бы то ни было на земном шаре! По неопытности я всегда считал, что правительства возглавляются одними великими людьми, которые действуют, исходя только из патриотических мотивов. Теперь, когда я веду игру с ними, я обнаружил, что главный их мотив—корысть. Я прихожу в ужас, когда вижу бессердечие тех людей, которые тем или иным путем извлекают из войны пользу. Во всем этом я теперь убедился и хочу, чтобы то же понял весь мир».

Вечером следующего дня Хауз вел долгие беседы с канцлером и министром иностранных дел. Беседа с Бетманом представляет самый острый интерес для историков, так как объясняет происхождение фразы о «клочке бумаги», произнесенной канцлером в беседе с английским послом сэром Эдуардом Гошеном в дни кризиса 1914 г.; в последовавшие годы фраза эта принесла Германии неисчислимый вред. Объяснение Бетмана звучит правдоподобно тем более, что беседа с английским послом велась, повидимому, на немецком языке и могло случиться, что Гошен вырвал фразу из контекста.

«*28 января 1916 г.* Среди гостей, приглашенных на обед сегодня вечером,—писал Хауз,—были канцлер, фон Ягов, турецкий посол и многие другие. Всего было 22 человека. После обеда мы с канцле-

ром уединились в голубой комнате и беседовали полтора часа. Прежде всего он разъяснил происхождение ставшего теперь историческим замечания о бельгийском договоре, как о «клочке бумаги». По его словам, дело происходило так: перед тем как начались военные действия между Германией и Англией, его посетил сэр Эдуард Гошен для того, чтобы обсудить создавшееся весьма критическое положение. Канцлер, по его словам, с большим чувством говорил о тяжести преступления, которое будет совершено против цивилизации и «белых рас», если Германия и Англия начнут друг с другом войну. Под «белыми расами» он подразумевал англичан, немцев и американцев, так как был убежден, что мир, цивилизация и безопасность всего мира в их руках. Когда сэр Эдуард Гошен заявил протест против вторжения в Бельгию, указав, что в этом случае Англия не может не объявить войны Германии, канцлер ответил, что по сравнению с тем огромным вредом, какой причинит война между этими двумя странами, договор с Бельгией был лишь «простым клочком бумаги»[1].

Канцлер настойчиво повторял, что не намеревался придать фразе то значение, какое впоследствии ей приписывали, и попрежнему считает, что был прав.

Он также заявил мне, что после русской мобилизации Германии не оставалось ничего другого, как объявить войну; он повторно требовал прекращения мобилизации, но русские отклонили это требование, и для Германии не оказалось другого выхода, кроме войны. Я напомнил ему, что Англия предлагала созвать конференцию, что Россия приняла это предложение, а Германия отвергла. Это он подтвердил, но продолжал настаивать, что Россия нечестно вела игру и продолжала мобилизацию, несмотря на предложение созвать конференцию...

Мы говорили о сэре Эдуарде Грэе: я—в самых похвальных выражениях, а он—в выражениях, в которых отсутствовала враждебность. Я старался дать понять германскому правительству, что Грэй самый благоразумный из английских государственных деятелей и если бы он был смещен, это было бы катастрофой».

Хауз вскоре убедился, что правители Германии не склонны рассматривать условия мира, которые удовлетворили бы союзников. Сам Бетман, вероятно, самый миролюбиво настроенный из немцев, чувствовал, что он переступает границы дозволенного, когда предлагает очистить территорию, завоеванную германским оружием, взамен контрибуции. Пока немцы были твердо уверены в военной победе, все переговоры о заключении мира оказались бы бесплодными.

---

[1] Это объяснение смягчает резкость фразы, но не изменяет того основного факта, что берлинское правительство, преследуя корыстолюбивые цели, грубо и цинично нарушило договор, подписанный самой Пруссией. Так или иначе, канцлер превратил бельгийский договор в «клочок бумаги».

«Самая интересная часть нашей беседы,—продолжал Хауз,—касалась мира. Он сказал, что был единственным авторитетным человеком среди воюющих сторон, который высказывался в пользу мира, и не понимает, почему на его предложение никто не отзывается. Он сожалел о войне и ее ужасных последствиях и заявил, что вина за нее не лежит на его совести. Я пытался заставить его понять, что его разговоры о мире расценивались лишь как желание Германии «инкассировать» ее победы; союзники не верят в то, что отныне Германия будет держать свое слово и не станет в последнюю минуту выдумывать что-нибудь новое. Мы несколько раз возвращались к этому вопросу, причем он продолжал твердить, что не понимает упорства союзников, я же снова и снова разъяснял существующее положение вещей.

Я сказал ему, что англичане—упрямый народ и не сомневаются в благоприятном исходе войны. Я напомнил ему ход англо-бурской войны; вначале все думали, что англичане будут изгнаны. В то время я знал, что англичане будут вести войну, пока они либо победят, либо израсходуют свою последнюю гинею и потеряют последнего человека. Позднее, вечером, я коснулся этого вопроса в беседе с фон Яговым, но с ним договориться было не легче.

Они соглашались с тем, что англичане—народ упрямый, но к этому добавляли эпитет «неблагоразумный». Канцлер дал понять, что Германия согласится эвакуировать Францию и Бельгию взамен уплаты контрибуции. Я заявил, что союзники и слышать не захотят о таком предложении. Он сказал, что мечта его жизни—тесный союз Англии, Германии и США, и выразил надежду, что эта мечта может быть осуществлена даже теперь. О Франции и России он говорил пренебрежительно, настаивая на том, что тремя величайшими народами в мире были именно те, которые он назвал.

Мы заговорили о подводной войне, о блокаде; он сказал, что бесполезны попытки Англии уморить Германию голодом. Я сказал ему, что западная цивилизация развалилась, на всех базарах и во всех мечетях Востока насмехаются над Западом. С этим он согласился, но заявил, что виновата в этом не Германия. Беседа начинала меня тяготить. Я становился молчаливым; через несколько минут мы встали и присоединились к остальным гостям.

Канцлер пил много пива. Я довольствовался минеральной водой. Повидимому, пиво не оказало на него никакого действия: к концу беседы голова его осталась такой же одурманенной, как в начале. И такому человеку были вручены судьбы народа.

Затем мы с фон Яговом отправились в голубую комнату и снова обсудили большинство вопросов, затронутых в моем разговоре с канцлером. Фон Ягов оказался несколько более рассудительным, чем канцлер, и с большей осторожностью подходил к вопросу о положении Германии. Мы разговаривали о подводной войне, поскольку это касалось США. Я говорил о безумии потопления «Лу-

зитании» и «Арабика», особенно последнего парохода, который шел на запад без груза и никак не мог везти военное снаряжение. Он с этим согласился, но сказал, что из личной беседы с командиром лодки, потопившей пароход, он убедился, что командир лодки был твердо уверен в намерении «Арабика» протаранить подводную лодку. На месте капитана он, вероятно, поступил бы так же.

Фон Ягов с большим чувством говорил о критике Германии за ее подводную войну и пытался объяснить, насколько трудно для командира подводной лодки проводить требуемое различие между судами. Я продолжал утверждать, что подводная война была так же бесчеловечна и бесполезна, как налеты цеппелинов. Общая цифра убитых в результате нападений цеппелинов не превышала в настоящий момент 200 человек, главным образом детей и женщин. В конечном счете эти нападения приносили огромную пользу союзникам. Эту мою мысль подтверждало заявление одного члена английского кабинета, который как-то выразил сожаление, что цеппелины не показывались над западной частью Англии, где набор рекрутов шел медленно. Я сказал, что посоветовал Ллойд-Джорджу установить через Англию цепь электрических сигналов, которые показывали бы дорогу цеппелинам.

Беседа с фон Яговом затянулась до 12 часов ночи, и когда мы вернулись к остальным гостям, они быстро откланялись. Уже ложась спать, я понял, что беседами с канцлером и фон Яговом удалось достигнуть очень немногого. Надеюсь добиться лучших результатов в завтрашней беседе с Циммерманом, который в известном смысле самый способный человек в правительстве, хотя и не всегда заслуживает доверия.

2

Руководители гражданских властей проявляли благожелательное отношение, но было очевидно, что они бессильны сделать какой-нибудь шаг к миру. Хаузу не оставалось ничего другого, как просить их умерить свои методы ведения подводной войны, дабы сохранить возможность искреннего примирения, когда борьба придет к концу.

«Сегодня Циммерман и вчера Фон Ягов,—писал Хауз 29 января,—выразили глубокую признательность за мои старания на пользу мира. С Циммерманом я говорил, пожалуй, в более серьезном тоне, чем с прочими представителями власти, потому что он, кажется, способен понять положение. Я убеждал его не допускать, чтобы его правительство совершало те мелкие выпады, которые раздражают противника и не имеют никакого значения с военной точки зрения. Я сказал, что Германия слишком великая страна, чтобы прибегать к подобному образу действий; он один из тех государственных деятелей, которые смогут вывести страну на лучшую дорогу; в Америке, в Англии и во Франции есть государствен-

ные деятели, движимые высокими идеалами, а не корыстными мотивами; на них и на подобных им людей в Германии мир будет взирать в ожидании лучшего и более возвышенного управления государством. Если этого не достигнут такие люди, то наша цивилизация скорее пойдет вспять, чем вперед.

Циммерман с чувством говорил о «белых расах», подразумевая Англию, Германию и Америку; он, как и канцлер, надеется, что настанет время, когда между этими странами воцарится лучшее взаимопонимание...»

Полковник Хауз решился послать президенту подробный отчет о положении в Германии лишь после того как пересек границу Швейцарии.

«В течение моего пребывания в Германии, так же как это было во Франции и в Англии, я находился под постоянным наблюдением. Германская тайная полиция установила слежку за мной в Базеле и не выпускала меня из виду, пока я снова не пересек германскую границу. Я не могу быть уверенным в том, что они не будут провожать меня через всю Швейцарию. Перед зданием моего посольства здесь всегда дежурит несколько человек в штатском, которые, как мне сказали, останутся здесь, пока я не уеду. Та же картина наблюдалась во время моей предыдущей поездки. Наблюдение не носит навязчивого и неприятного характера и, возможно, установлено не только с целью удостовериться, кто у меня бывает и что я делаю, но и для моей личной охраны».

Первый телеграфный отчет Хауза, отправленный из Женевы, говорил о неопределенности положения дел в Германии. В любой момент к власти могли притти экстремисты, которые отказались бы от всех ранее данных обязательств, касавшихся методов ведения подводной войны. Более чем когда-либо полковник Хауз был убежден, что для успеха его плана форсированного посредничества спор о выработке текста извинений за потопление «Лузитании» не должен быть доведен до разрыва отношений. Если США суждено вмешаться, то было бы гораздо лучше начать войну по тем мотивам, что наша поддержка приведет к решительному и постоянному миру, или тем, что Германия нанесла нам прямое оскорбление, чем мотивировать войну случаем почти годовой давности.

Телеграмма Хауза президенту

Женева, Швейцария, 30 января 1916 г.

«Положение рисуется следующим образом. В Германии идет большой спор о подводной войне. Флот, в той или иной степени поддерживаемый армией, полагает, что Англию можно успешно блокировать при условии, если Германия в полной мере использует свои новые и мощные подводные лодки и не будет ограничена никакими законами. Они также полагают, что их неуспех—резуль-

тат нашего вмешательства и стремления Германии пойти навстречу нашим требованиям. Они считают, что война с нами не будет так гибельна, как английская блокада. Гражданские власти считают, что если блокада будет продолжаться, они будут вынуждены уступить требованиям флота,—вот почему они не желают признавать незаконности своей подводной войны. Они уступят в чем угодно, только не в этом. Если вы будете настаивать на этом пункте, я думаю, что последует война. Джерард верно оценивает ситуацию, и я советую разрешить ему самому попробовать достичь какого-либо удовлетворительного решения. Я надеюсь, что решительный шаг не будет предпринят, пока мне не представится случай поговорить с вами. Это, думается мне, имеет большое значение, так как есть такие страны, положение которых нельзя объяснить в письме или телеграмме... Буду в Париже во вторник утром.

Эдуард Хауз».

Письмо Хауза президенту

Париж, 3 февраля 1916 г.

«Дорогой начальник!

Со времени моего последнего письма произошло столько событий, что я не знаю, с чего и начать. В ожидании личной беседы, я сейчас не буду касаться подробностей.

В Германии меня приняли хорошо—гораздо лучше, чем раньше.

В настоящее время власть в руках канцлера и императора. Во время моей предыдущей поездки туда перевес склонялся в сторону фон Тирпица и фон Фалькенхайна. Успех канцлера сблизил фон Тирпица и фон Фалькенхайна, и теперь армия относится более благоприятно к требованиям флота о переходе к агрессивным методам ведения подводной войны.

Не думаю, чтобы канцлер долго удержался на первом месте, в особенности, если мы не примем против союзников мер, которые, кстати сказать, не удовлетворили бы Германию.

Когда они обнаружат, что эти меры не могут быть предприняты, и когда результаты блокады дадут себя почувствовать сильнее, чем даже сейчас, то, вероятно, произойдет внезапное изменение настроения в сторону использования любых средств, какие могут сулить облегчение.

Флотская публика заявляет народу, что беспощадная подводная война изолирует Англию. Следовательно, в течение ближайших нескольких месяцев я предвижу неприятности с Германией и боюсь, что мое предложение держаться в стороне до тех пор, пока не наступит более благоприятный момент для вашего вмешательства в помощь союзникам, мало утешительно.

Причина моего беспокойства о том, чтобы вы не порвали с Гер-

манией из-за вопроса о «Лузитании», заключается в том, что всякая отсрочка может дать возможность выполнить наш первоначальный план вмешательства. И если это станет невозможным ввиду германской подводной войны, то мы будем силой втянуты в войну, имея преимущества на своей стороне.

Вопрос о мире я обсуждал с канцлером, Циммерманом и Зольфом. Наиболее безрассудным был канцлер, который не переставал твердить, что среди воюющих он был единственным стоящим у власти человеком, который высказывался за мир. Он сказал, что вина за продолжение войны лежит на союзниках, а не на нем. Опять и опять я указывал ему, что его желание мира означало победоносный мир, который предусматривал получение контрибуции с противников...

Он любезный, добронамеренный человек, с ограниченными способностями. Циммерман гораздо способнее, и беседа с ним была более утешительной.

Существуют определенные причины того, что офицеры, руководящие армией, не настаивают на мире. Они управляют всеми делами, и в их интересах сохранить это положение вещей. Гинденбург, например, получал до начала войны что-то около двух тысяч долларов; теперь, как мне сообщили, он имеет дворец и получает около 25 тысяч долларов.

Прусские юнкеры раньше платили рабочим в своих имениях 75 или 80 центов в день. Теперь у них работают русские пленные, которым платят 6 центов в день, а за свою продукцию они получают вчетверо больше, чем до войны. Они тоже не хотят мира.

Сомневаюсь, чтобы во время войны тут могли произойти внутренние беспорядки. Все недовольные элементы находятся на фронте, впряженные в военную машину и бессильные оказать вред. Если для Германии война будет неудачна, то когда армия будет распущена, для хозяев несомненно наступят неприятности. Если победа будет на их стороне, то военщина будет владычествовать безраздельно, и существование демократических правительств во всем мире будет поставлено под угрозу.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

3

На обратном пути из Берлина в Париж Хауз совещался с американским послом в Австро-Венгрии, который для встречи выехал в Женеву. Томас Нелсон Пэйдж настаивал, чтобы Хауз приехал в Рим, покинуть который Пэйдж считал невозможным ввиду критического положения. Но Хауз спешил вернуться в Англию, чтобы продвинуть свой план американского вмешательства или помощи. Сообщения из Вены и Рима подтверждали мнение Хауза, что война приближалась к «патовому» положению и момент для его плана назрел. Французы и англичане прочно укрепились в окопах на

западном фронте и были твердо уверены в том, что им удастся довести немцев до изнурения. Но на других театрах войны преимущество было на стороне врагов. Неудача галлиполийской операции союзников и эвакуация их экспедиционного корпуса ободрили Турцию в моральном отношении и укрепили в материальном. Путь из Берлина на Восток был открыт, и, благодаря германскому владычеству над Австрией, мечта о тевтонской Центральной Европе, казалось, была близка к осуществлению. Немцы систематически использовали поразительное отсутствие согласованности между союзниками и Италией. В результате поражения сербской армии, не получившей реальной помощи от союзников, Черногория сдалась немцам. Взаимные обвинения Италии и союзников приняли самый оживленный характер.

Письмо Хауза президенту

Париж, 3 февраля 1916 г.

«Дорогой начальник!

Пенфилд[1] приехал в Женеву, чтобы увидеться со мной. Я считал, что мне лучше не ехать в Вену, он же считал, что ему не следует приезжать в Берлин, при этом оба мы действовали из одинаковых соображений.

Он подтвердил наши предположения, что Австро-Венгрия и Турция представляют собой в настоящий момент почти не что иное, как германские провинции. Центральная империя простирается от Балтики до Дарданелл и дальше. В тревожные дни прошлой весны, когда Россия медленно вторгалась в Австрию, немцы приняли на себя все заботы и благодаря своему умению и организованности отбросили русских. Следовательно, австрийцы исполнены признательности к немцам.

Империя, как вы знаете, состоит из многочисленных разнородных элементов, действующих несогласованно, гораздо меньше доверяющих друг другу, чем Германии.

Продовольствия там гораздо больше, чем в Германии, но распределение продуктов и регулирование цен поставлено неизмеримо хуже. Стремление к миру там более ярко выражено, чем в Германии, но, опять-таки, народы Австро-Венгрии представляют собою лишь винтики в обширном германском военном механизме и так же бессильны выразить волю, как немецкий народ в окопах.

Пенфилд сообщил мне, что враждебное чувство против Америки там сильнее выражено, чем против России, Франции и Англии и даже против Италии. Он приписывает это влияние трем причинам: снабжению союзников военным снаряжением, высылке Думбы и, наконец, нотам в связи с потоплением «Анконы».

---

[1] Посол США в Австро-Венгрии.

Австрийская—самая горделивая империя в Европе, и она не может спокойно отнестись к такому отпору со стороны «неотесанной республики».

Пенфилд щедро жертвует на благотворительные дела и ввиду этого, а также его родственных отношений с римским папой, находится на хорошем счету...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Письмо Т. Н. Пэйджа Хаузу

Рим, 1 февраля 1916 г.

«Дорогой полковник Хауз!

...Мы очень разочарованы тем, что вы не могли попасть в Рим, но надеемся, что в следующий раз приедете... Положение дел здесь нельзя назвать «неизбежным», но тут носится столько слухов, что в настоящий момент лучше будет не покидать Италии и довольствоваться тем, что об этих слухах я сообщу вам иным путем.

В течение некоторого времени циркулировали слухи о стычках в кабинете, и недавно среди людей, претендующих на осведомленность, говорилось, что в отставку подал не только генерал Кадорна, но и премьер Саландра, и министр иностранных дел арон Соннино и что возвращение короля с фронта в Рим (около трех недель тому назад) объясняется необходимостью урегулировать этот серьезный вопрос и предотвратить кризис кабинета. Как говорят, разногласия являются результатом противоречивых взглядов относительно посылки Италией мощного экспедиционного корпуса по ту сторону Адриатики...

Лучший оратор в кабинете поспешно покинул Рим, чтобы выступать в важных центрах в защиту позиции Италии, заявляя, что единственным способом спасти Черногорию было спасти Сербию и что после разгрома Сербии падение Черногории было неизбежно.

Подобное заявление было принято как обвинение в том, что Черногория пала не в результате отсутствия помощи со стороны Италии, а в результате бездействия союзников Италии.

Случилось так, что как раз в это время английская и французская печать в очень едких тонах критиковала Италию за ее неспособность защитить Адриатику и спасти Черногорию, и это, очевидно, раздражало итальянцев, так как газеты внезапно напали на Англию, действуя так, чтобы отвлечь внимание публики от восточноадриатической проблемы.

В то же время резкое повышение морских фрахтов на грузы, отправляемые из Англии в Италию, особенно в отношении угля и предметов первой необходимости, привлекло внимание общественного мнения, и в печати появился ряд резких передовых статей

против позиции Англии в этом вопросе, равно как и в вопросе о ее пристрастной военной стратегии.

В этом деле меня особенно поразило отсутствие всякой согласованности между воюющими народами. Повидимому, они относятся друг к другу чрезвычайно критически. Они критически относятся и к нам, и в печати всех стран появилось много злобных выпадов по нашему адресу; но когда представители различных народов частным порядком выражают свою точку зрения, мне кажется, они критикуют нас не в большей мере, чем друг друга. Они сражаются на одной стороне и до некоторой степени друг за друга; но по существу это делается в целях чистой самозащиты.

К сожалению для них, это положение очевидно не только для таких людей, как я, которые рассматривают ситуацию с беспристрастной точки зрения, но и для их противников, которые умело используют результат своих наблюдений.

Из того, что мне известно, я делаю вывод, что даже в том положении, какое создалось в восточной части Средиземного моря, где для того, чтобы эффективно бороться против отлично организованных движений их общего врага, необходимо абсолютное и полное единодушие, они действуют хотя и рядом, но не вместе; каждая из этих стран в отдельности, повидимому, склонна считать, что она несет несоразмерно великую часть бремени войны, что является плохим предвестником с точки зрения скорого заключения мира.

Все это, вместе с явным отсутствием толковой организации дела, народы, населяющие побережье в восточной части Средиземного моря, считают, как мне говорили, доказательством того, что Центральные державы выигрывают, если уже не выиграли войну...

Италия очутилась в несколько странном для себя положении...

Она очень горда, очень подозрительна, впечатлительна и даже возбудима и—не в обидном смысле слова—полна самомнения. Несомненно итальянцы возражали бы, что и у нас не вполне отсутствует эта черта.

Во всяком случае им дела нет до кого бы то ни было вне пределов Италии. Несправедливо было так резко, как это делали, обвинять Италию в том, что она вступила в войну с целью извлечь из нее максимальную пользу. Она вступила в войну отчасти для того, чтобы осуществить мечту, которую она шаг за шагом осуществляла на протяжении жизни многих поколений, и отчасти для того, чтобы обезопасить себя от крайне реальной и большой опасности. Она вступила в войну для того, чтобы стать великой державой, но также для того, чтобы вновь не превратиться в кучку австрийских провинций.

Много сил было положено на то, чтобы заставить ее объявить войну Германии[1]. Мне кажется, что ее государственные деятели

[1] Италия объявила войну Германии только в августе 1916 г.

проявили мудрость в том, что взяли на себя не больше того, к чему они были просто принуждены; как мне сообщают, ходят слухи о большом недовольстве, так как многие вообразили, что на нее оказывается новое давление с целью заставить ее объявить войну, которую Италия не может объявлять.

Она утверждает, что итальянский народ не чувствует к немцам той вражды, с какой он относился к австрийцам, и что сперва выступив из Тройственного союза или, вернее, сперва заявив о своем нейтралитете, а затем выступив из Союза и объявив войну Австрии, а затем Турции, которая меньше всего давала повода объявить войну, Италия целиком исполнила свой долг.

Значительная часть итальянского народа не чувствует никакой вражды к Германии, между тем как почти весь народ враждебно настроен к Австрии и большая часть его против Турции. И в этих чувствах правительство не желает опережать народ.

Другая причина нежелания объявлять войну Германии несомненно заключается в понимании того, какую опасность представляла бы Австрия, владеющая южным склоном Альп в случае, если Германия объединится с ней для решительного наступления против Италии; в этом случае войска Италии были бы отброшены от гор, и ее заставили бы воевать на ее собственной земле, которая в течение столетий была для Европы полем сражений и которую Италия всячески стремится спасти от такой катастрофы.

Германия добилась успеха в своих торговых сношениях с Италией, путем применения методов, проникнутых здравым смыслом. Она посылала в Италию наблюдательных, энергичных и изобретательных людей, изучила положение и финансировала сделки на условиях обоюдно выгодных для ее народа и для итальянцев. Она открыла банки, вкладывала деньги в крупные предприятия и в общем создала большое дело, поколебать которое могла только такая война, как нынешняя, но разрушить не могла даже эта война.

Мне кажется, что король очень укрепил свое влияние за время этой войны, отправившись на фронт и живя среди своих солдат. Он держится в тени, но уже поговаривают, что действительным главнокомандующим итальянской армии является король...

Верный вам *Томас Нелсон Пэйдж*».

В Париж полковник Хауз приехал еще более убежденный в том, что германское правительство не согласится на мирные условия, предложенные даже самыми умеренными государственными деятелями союзнических стран. Даже если бы гражданские власти Германии склонны были согласиться на эти условия, они никогда не посмели бы признать этого публично, а военные ни за что не разрешили бы им предпринять какие-нибудь шаги. Четырехдневное пребывание Хауза в Берлине все же принесло некоторую пользу, ибо своими беседами с канцлером фон Яговом и Цим-

мерманом он на время устранил опасность разрыва в связи с вопросом об извинениях за «Лузитанию».

«Удовлетворенный вид полковника Хауза и его веселая улыбка,—так гласила телеграмма из Берлина,—доказывали, что его миссия завершилась успехом, по крайней мере, в Берлине... Официальная Германия довольна его визитом, не в меньшей мере, чем он сам. Он оставил о себе самое лучшее впечатление... Моральный эффект кратковременного визита полковника расценивается здесь очень высоко. В хорошо осведомленных кругах считают, что он сумел рассеять некоторые мысли, которые, к сожалению, здесь упорно высказывались, в частности—мысль о том, что Америка действует не из искренних побуждений»[1].

«Ваше посещение принесло много пользы,—писал Джерард 15 февраля;—вас должно удовлетворить сознание, что вы, вероятно, избавили нас от войны». Неделю спустя он писал: «Все немцы считают, что если вопрос будет разрешен, то это будет вашей заслугой, и они кажутся очень признательными».

Хауз понимал, что если канцлер проявит колебание, то сторонники беспощадной подводной войны навяжут свою политику кайзеру, и снова начнется безрассудное потопление судов. Хауз более чем когда-либо был убежден, что будущее США тесно связано с победой союзников, поэтому он стремился изыскать способ помочь союзникам. Трудность заключалась в том, что они желали нашей помощи только для того, чтобы разгромить Германию, в то время как Хауз чувствовал, что единственным оправданием американского вмешательства была бы надежда положить конец войне. По правде говоря, американского вмешательства опасались обе воюющие стороны, а, между тем, без этого вмешательства ни та, ни другая сторона не могли добиться победы. Полковник понимал, что в течение ближайших месяцев обе стороны предпримут отчаянные усилия, и предвидел бессилие противников кончить войну в 1916 г. путем военной победы. Появились признаки того, что Европа становится беспомощной.

В Париже, как в Лондоне и в Берлине, строили всевозможные догадки о значении миссии Хауза, но все эти догадки ровно ни к чему не приводили. Полковник встретился лицом к лицу с кучей опытных репортеров, которые в беспорядке отступили перед его учтивыми, но односложными ответами на настойчивые вопросы. Пресса была мистифицирована. «Сфинкс в мягкой шляпе». «В продолжение семи минут,—писала «Тан»,—полковник Хауз ответил более или менее абсолютным молчанием на сто с лишним вопросов». Но очарование его личности, очевидно, магнетизировало газеты. Признаваясь, что не понимают его намерений, газеты ободряли эти намерения: «Трудно преувеличить значение этой миссии, кото-

[1] «Нью-Йорк таймс» от 30 января 1916 г.

рая выполняется среди нас: скромная, сдержанная и полная значения для будущего»,—писала газета «Либр пароль». Тот факт, что Берлин явно гордился посещением Хаузом Германии, отнюдь не облегчал для него бесед с репортерами.

«*1 февраля 1916 г.* Номер «Берлинер тагеблат», где было напечатано то, что должно было представлять интервью со мной,—писал Хауз,—был получен в Париже до нашего приезда. В этом интервью я будто бы заявил, помимо других вещей, что всякий раз, как я посещаю Германию, я начинаю любить ее все больше. Французские репортеры спросили меня, правильно ли цитировала газета мои слова. Согласно своему правилу я не подтвердил и не отрицал этих слов. Я понимал, какое скверное впечатление могло бы это произвести, но решил не изменять своему правилу. Когда беседа кончилась, я заявил репортерам двух крупнейших парижских газет, что не давал никакого интервью и, следовательно, не мог сказать того, что было процитировано. Мои слова получили огласку, и вновь все прояснилось».

Но как бы молчалив он ни был в окружении репортеров, в беседах с политическими лидерами Франции Хауз разговаривал с крайней откровенностью. Премьер Бриан, которого полковнику справедливо описали как «очень способного, но очень ленивого», принял на себя функции министра иностранных дел. Хауз нашел, что он «благоразумен», менее охвачен воинственным чувством, чем многие его соотечественники, но настаивает на необходимости военной победы. С Жюлем Камбоном, бывшим послом в Берлине, в то время энергично руководившим министерством иностранных дел, высокопарным, но выдающимся дипломатом, Хауз познакомился в прошлом году. Камбон и Бриан поспешили принять Хауза немедленно по его прибытии в Париж.

Письмо Хауза президенту

Париж, 3 февраля 1916 г.

«Дорогой начальник!

Я виделся с премьер-министром и Жюлем Камбоном и вел с обоими исключительно интересные и ценные беседы.

Французская пресса снова встретила меня радушно. Со всех сторон мне говорят, что мой визит значительно укрепил добрые чувства между обеими странами.

Я совершенно откровенно говорил с Камбоном, обрисовав перед ним все положение таким, как оно представляется мне, и исполнен надежды, что результаты всего мною сказанного проявятся в самом ближайшем будущем. Я завел с ним разговор о наших недоразумениях в вопросах морской торговли; казалось, он проявляет бо́льшую готовность понять наши затруднения, чем это было в Англии. Я сказал ему, что мы стремимся только

к тому, чтобы французы помогли нам оказать им максимальную помощь.

В субботу я и Шарп должны увидеться с Пуанкаре. С остальными двумя я встречался наедине, так как беседа носила слишком конфиденциальный характер, чтобы рисковать вести ее в присутствии третьего лица. Трудно объяснить в письме, насколько критическое положение создалось повсюду не только для них, но и для нас. По-моему, этой весной и летом в Европе будет такой ад, какого еще не было; в настоящий момент я не вижу никакой возможности это предотвратить. Мои подозрения относительно России получили известное подтверждение, о котором лучше не писать. Томас Нелсон Пэйдж прислал своего второго секретаря Ричардсона с конфиденциальными письмами. Ричардсон сообщил мне, что Италия устала воевать, и в любой момент может произойти смена кабинета. Там царит сильное возбуждение против Англии из-за того, что она поступает не так, как того желает Италия. По мнению Ричардсона, настроение против Англии сильнее, чем против Германии.

Я пытаюсь внушить Англии и Франции, как ненадежно положение и как рискованно продолжать войну. Я знаю, что в некоторых кругах, где еще сохранилась доля здравого смысла, мои слова производят впечатление.

Я бесконечно рад наблюдать ваши усилия, направленные к тому, чтобы пробудить наш народ к сознанию необходимости обороняться. Нельзя жалеть усилий в этом направлении, так как опасность более велика, чем даже вы себе представляете.

Мне хочется передать вам и через вас Лансингу, насколько важно не допускать разглашения нот от нас и к нашему правительству. Жалобы на это раздаются повсюду, и это является ненужной причиной трений...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

*

«Я не поколебался заявить Камбону,—отметил Хауз в своих записках от 2 февраля,—что делаю все, что могу, для предотвращения разрыва с Германией из-за вопроса о «Лузитании».

Я уверен, что разрыв можно только отсрочить, но не предотвратить, но США очутились бы в неблагоприятном положении, если бы начали войну из-за инцидента десятимесячной давности. По-моему, Германия, если мы пожелаем, даст нам другой повод, так как результаты блокады побудят ее возвратиться к ее первоначальным методам ведения подводной войны.

Я сообщил Камбону о моих беседах с германским канцлером, фон-Яговом и Циммерманом об условиях мира. Он доволен моими ответами и, повидимому, согласен с тем, что они определят позицию союзников. Я сообщил ему, что, по-моему, если не случится чего-

нибудь непредвиденного, то мало вероятно, чтобы текущей весной и летом союзники одержали решающую победу на каком-либо из фронтов, а осенью они очутятся в том же положении, что и сейчас, с той только разницей, что их позиции несколько улучшатся».

Два дня спустя Хауз продолжил откровенный обмен мнений с Брианом, не касаясь, однако, истинной цели своей миссии. Он писал президенту, что заинтересован прежде всего в создании «благоприятной атмосферы».

«Главным событием дня был обед, данный нам послом и его супругой. Самым почетным гостем был премьер-министр. После обеда я уединился с Брианом и с моим старым другом бароном Д'Эстурнель де Констаном, служившим нам переводчиком; мы проговорили весь вечер. Английский посол, тоже находившийся среди приглашенных, отбыл до того, как ушел премьер-министр; это — характерная английская черта. Я полагаю, он был раздражен нашей долгой беседой, принять участие в которой ни он, ни американский посол не были приглашены.

Я начал беседу с рассказа о моей поездке в Берлин, Париж и Лондон в мае и июне 1914 г. до начала войны. Бриан проявил больший интерес, чем обычно, потому что кайзер пригласил его в тот период приехать в Киль, и впоследствии Бриан часто спрашивал себя, дало ли бы принятие приглашения благоприятные результаты. Он думает, что нет, но все же чувство сомнения останется навсегда. Я анализировал правительственные системы Германии, Франции, Англии и США и подробно остановился на преимуществе автократии над демократией во время войны. В течение многих лет я надеялся, что США станут такими же демократичными, как Англия и Франция, но теперь я задаю себе вопрос, не в лучшем ли мы положении в настоящий момент, чем они. Они были поражены моим заявлением, что ни один европейский монарх не обладает таким могуществом, как наш президент, даже в короткий период его президентских полномочий.

Я говорил о том, с какими трудностями столкнулся я в Англии и во Франции при попытках добиться действий и достичь определенных результатов. Я мог узнать мнение каждого члена кабинета, но почти невозможно было узнать коллективное мнение правительства по любому вопросу. Мы не могли быть уверены во Франции, так как правительство менялось там настолько часто, что нельзя было положиться на соблюдение единой политической линии. В Германии и США можно было достичь более определенных результатов за день, чем в Англии и во Франции за месяц...

Мы говорили о разных аспектах современного положения и о том, как оно сложится по окончании войны, какое влияние война окажет на будущее цивилизации. Бриан считал, что если бы теперь Германия не начала войны, она мирным способом завое-

вала бы весь мир. Это соответствует моим собственным заключениям. Он говорит, что Франция стала бы ленивой и безучастной и предоставила бы необходимые богатства, Германия предоставила бы инициативу и, в конечном счете, установила бы власть над обеими странами. Де Констан с этим не согласился. Он полагал, что в результате общения с Германией Франция переняла бы некоторую долю германской организованности, а Германия в результате общения с Францией стала бы более культурной по своим идеалам и устремлениям. Таким образом обе страны извлекли бы для себя пользу, и ни одна из них не властвовала бы над другой».

4

Тем временем, следуя своему правилу, Хауз устанавливал и укреплял личный контакт, где только возможно. Это имело важное значение, потому что общественное мнение во Франции относилось к Вильсону с подозрением и даже враждебно. Люди не понимали, почему США сочувствуют делу союзников и в то же время остаются в стороне от войны. Долгие часы Хауз тратил на разъяснения.

Письмо Хауза Гордону Очинклоссу

Париж, 4 февраля 1916 г.

«Дорогой Гордон!

Давление, оказываемое здесь на меня, почти невыносимо. Журналисты, фотографы, американцы, французы и кто угодно отнимают у меня все время...

Я получил приглашение от шведского правительства приехать в Швецию. Швейцарское правительство пригласило меня в Берн, а Томас Нелсон Пэйдж настаивает, чтобы я ехал в Рим. Ехать я не мог, и потому он посылает одного из секретарей с конфиденциальными письмами и сообщениями. Пенфилд приезжал в Женеву для совещания, а Моргентау хотел приехать из Константинополя, но я не мог его ждать. Уилларда я увижу через пару дней, и таким образом я узнаю все, что мне было нужно.

С отеческим приветом *Э. М. Хауз*».

«*5 февраля 1916 г.* В пять часов мы с Шарпом приехали в Елисейский дворец, чтобы увидеться с президентом. Он был очень приветлив, но беседа была малозначительная. Я решил ограничиться обычными приветственными фразами, что и заняло минут десять, а затем мы откланялись.

Мы обедали с принцессой Люсенж. Кроме нее, было человек восемь-десять гостей, в том числе посол. Я молчал и прислушивался к разговорам...

После завтрака я совещался с послом Уиллардом, ознакомив его с положением вещей в той мере, в какой я считал благоразумным. Он согласился с моими выводами о споре по поводу «Лузитании» так же, как Шарп и Хью Уоллэс[1]. Эти трое—единственные (американцы), с которыми я здесь совещался.

Одной из самых интересных была встреча с Жозефом Рейнаком. Я рассказал ему о президенте Вильсоне, о его панамериканской политике и ее значении для Мексики. Рейнак впервые понял истинное положение вещей и любезно заявил, что напишет в «Фигаро» статью, где обратит внимание на значение этой политики. Я намекнул, что еще более важной является европейская политика президента и в конечном счете Европа будет вынуждена признать, что недооценивала его».

«*7 февраля 1916 г.* В 12 ч. я принял в посольстве газетных репортеров. Они расспрашивали меня в течение 15—20 минут, но узнать им ничего не удалось. Они спрашивали, соответствовало ли действительности сообщение в «Геральд» о том, что Лули покупает одежду в Париже. Один из них заявил, что, повидимому, это будет единственной информацией положительного характера, которую они получат за время моего визита в Европу. Все они были добродушно настроены и понимали, как трудно мне говорить...

После обеда навестил меня Стефен Пишон, бывший в свое время министром иностранных дел, а в настоящем—издатель «Пти журналь». Шарп полагал, что мне следует встретиться с ним из-за его влияния на Бриана и других членов кабинета, а также ввиду его влияния во Франции вообще».

В результате визита полковника Хауза правительство Бриана заняло дружественную Вильсону позицию, которая нашла очень своеобразное подтверждение.

Письмо Фрэйзира[2] Хаузу

Париж, 15 февраля 1916 г.

«Дорогой Хауз!

... Позавчера газета Клемансо «Омм аншенэ» вышла с передовой, половина которой была вычеркнута цензурой. Из достоверных источников я узнал, что цензор вычеркнул ту часть, в которой содержался выпад против президента Вильсона, и что изъяли ее по требованию Бертело[3]. Вероятно, вы помните, что это тот человек, которого мне хотелось, чтобы вы встретили ввиду

---

[1] Весной 1919 г. Уоллэс сменил Шарпа в качестве посла.

[2] Секретарь посольства в Париже, выдающийся дипломат, близкий друг полковника Хауза.

[3] Генеральный секретарь министерства иностранных дел.—*Ред.*

его растущего влияния на Бриана. Вчера та же газета поместила саркастический намек на Бертело и на его деятельность в министерстве иностранных дел. Все это не имеет большого значения, но, думается мне, ясно показывает, что ваши слова оказали действие и французское правительство не намерено допускать никаких враждебных высказываний о президенте Вильсоне.

В связи с этим я могу вам сообщить, что на Рейнака ваши замечания произвели огромное впечатление; он сказал одному из моих друзей, что вы открыли ему глаза на истинные намерения президента Вильсона по отношению к союзникам и Центральным державам. Люди, с которыми мне приходится встречаться, приписывают нам всевозможные взгляды, но я с интересом услышал, как испанский посол очень точно передал ваши слова относительно способности Германии защищаться. Он, между прочим, выжидает психологического момента, чтобы объединить нейтральные страны на почве какого-нибудь предложения о посредничестве, при этом он соглашается, что настоящий момент не является подходящим...

С уважением ваш *Артур Хью Фрэйзир*».

В то же время посол Шарп писал полковнику: «Если всеобщее благожелательное чувство, возникшее после вашего визита сюда, отражает чувство, царящее в других посольствах, которые вы посетили, то вы можете испытывать полное удовлетворение».

5

Прежде чем покинуть Париж, Хауз решил откровенно высказаться перед руководителями французского правительства для того, чтобы оно окончательно осознало готовность Вильсона помочь союзникам кончить войну на разумных условиях. Если они считают, что могут добиться победы собственными силами, без посторонней помощи, то президент останется в стороне, и пусть они диктуют свои условия. Если же они чувствуют, что теряют почву под ногами, то он готов вмешаться, чтобы спасти их и гарантировать мир, основанный на справедливости. 7 февраля Хауз изложил все это Бриану и Камбону. «Это было важное, быть может, самое важное совещание за время данного посещения Европы,—писал он.—Мы полностью сошлись во взглядах относительно ближайшего будущего, и я снова заявил им, что чем хуже будут обстоять дела союзников, тем бо́льшую помощь окажет им Америка».

Письмо Хауза президенту

Булонь, Франция, 9 февраля 1916 г.

«Дорогой начальник!

Не стану особенно подробно описывать мою (последнюю) беседу с премьер-министром и Камббном, ограничусь кратким описанием.

В первых беседах я старался создать благоприятную атмосферу и не знал, останавливаться на этом или итти дальше. До сих пор я был откровенен только с английским правительством, предоставив ему привлечь союзников на свою сторону.

Все же их медлительность и отсутствие инициативы никогда еще не производили на меня такого впечатления, как в эту поездку, и я решил, что нам лучше рискнуть и откровенно поговорить с французами. Результат был неожиданно удовлетворительным.

Я изложил свои взгляды на существующее положение, перечислив все сомнительные факторы, которые могут обернуться против них: отсутствие побед, их ошибки, прекрасная германская организация, при системе автократии, резко отличающаяся от скверной организации, присущей демократической системе, и, наконец, опасность сепаратного мира с Россией и с Италией. Я говорил об этом, тщательно взвешивая свои слова. Я обрисовал перед ними, чем рискуют не только они, но и весь мир, и заявил им, что в то время как мы можем собственными силами защитить свои интересы, мы, тем не менее, глубоко заинтересованы в будущем демократического строя.

В конце концов мы пришли к соглашению, что в случае если весной и летом союзники одержат какие-нибудь значительные победы, то вы не будете вмешиваться; если же колесо войны повернется против них или перемен не наступит, тогда вы вмешаетесь. Содержание этой беседы должно остаться между Брианом, Камбоном и мной; я обещал, что в Америке о ней не узнает никто, кроме вас и Лансинга.

Я сообщил им, что аналогичные беседы вел в Англии и что знают об этом только премьер-министр, сэр Эдуард Грэй, Бальфур и Ллойд-Джордж.

Повидимому, это им понравилось.

Связь со мной они будут поддерживать посредством писем и депеш, то же буду делать я. Это даст возможность действовать более свободно, так как не носит официального характера.

Бриан и Камбон знают и, повидимому, соглашаются с советом, который я вам давал в связи с урегулированием вопроса о «Лузитании». Ни один беспристрастный человек не поверит, что США разумно поступили бы, приняв участие в этой войне, если она не будет обоснована высшими человеческими побуждениями. Мы единственная оставшаяся на земле страна, достаточно сильная,

чтобы спасти союзников, и раз мы вступим в войну[1], она со всеми ее ужасными последствиями, должна будет притти к концу. Для Центральных держав, как и для союзников, как и для нас, лучше действовать подобным образом; я не поколебался заявить об этом английскому и французскому правительствам и то же самое дать понять Германии.

Вам, мой друг, представляется великая возможность, может быть, величайшая, какая когда-либо представлялась человеку. Выход кажется мне ясным, и я уверен, что, когда я изложу перед вами все факты, он будет ясен и вам.

Во время своей поездки я убедился, что каждое правительство проникнуто упрямством, решимостью, корыстолюбием и лицемерием. Со всех сторон я слышал самовосхваления, причем все приписывали свое участие в войне соображениям высшего порядка.

Но в корне всем, как показали мои наблюдения, лежит неспособность управлять государством и корыстолюбие. Беда происходит не столько из-за упадка цивилизации, сколько из-за отсутствия мудрости у тех, которые управляют; и история, думается мне, вынесет жестокий приговор тем, кто был настолько близорук и корыстолюбив, что допустил такую трагедию.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Хауз мог бы добавить, что по его убеждению история одинаково строго осудит тех государственных деятелей, которые не сумели при первой возможности положить конец трагедии. Единственным в то время выходом Хауз считал намеченное им соглашение между США и союзниками об американском вооруженном вмешательстве. Поэтому он поспешил обратно в Англию, чтобы убедить сэра Эдуарда Грэя в необходимости принять немедленное решение.

---

[1] В результате особых разногласий с Германией.

ГЛАВА VII

АМЕРИКА ПРЕДЛАГАЕТ ПОМОЩЬ

«Если союзники будут откладывать обращение к нашей помощи до того момента, когда вмешательство не сможет принести им пользы, то мы этой попытки не сделаем».

Из дневника полковника Хауза, 17 февраля 1916 г.

1

На своем пути из Парижа в Лондон Хауз задержался для короткой беседы с бельгийским королем, к которому был приглашен еще перед отъездом из Нью-Йорка. Светловолосый, голубоглазый великан, внешне похожий на викинга, с твердым характером, сдержанный в своих суждениях, был одним из двух выдающихся людей первоначального периода войны; другим был его соотечественник Мерсье. Странный поворот колеса истории, которая в XX веке снова ненадолго выдвинула на первый план короля и кардинала!

«*8 февраля 1916 г.* Сегодня в 8 ч. 45 м., пишет Хауз, мы выехали из Парижа; нам предоставили прекрасный салон-вагон. Главный инженер дороги, несколько директоров Северной дороги и начальник полиции находились на вокзале, чтобы засвидетельствовать свое почтение и принять все меры к тому, чтобы сделать нашу поездку максимально комфортабельной.

Во время моего пребывания в Париже я часто слышал замечания, что, пока я там, налетов цеппелинов не будет. Хотя налета цепеллинов не было, тем не менее мое пребывание несомненно имело к этому такое же отношение, как приливы и отливы. Другая любопытная деталь—желание большого числа людей совершить переезд через океан на одном пароходе со мной в надежде, что мое присутствие на пароходе послужит гарантией от всех случайностей...

В Булонь мы приехали около двух часов. Нас встретил полицейский комиссар, начальник английской военной полиции и адъютант короля Альберта. Я оставил своих спутников с начальником полиции и комиссаром и направился прямо к королевскому автомобилю, ожидавшему, чтобы отвезти меня и моего помощника Клиффорда Карвера в Ля Панн.

Первые 25 миль мы ехали со страшной скоростью: по расчетам Карвера мы делали 75—80 миль в час. В Калэ мы прибыли через 25 минут, потеряв из них пять минут ввиду большого движения по дороге. После этого мы двинулись менее скорым ходом. Мы с Карвером оба решили, что они испытывают нас, ожидая, что мы попросим ехать медленнее. Адъютант несколько раз спрашивал меня, не слишком ли скоро мы едем, на что я отвечал отрицательно. Шестьдесят миль до Ля Панна мы проехали в полтора часа, включая остановки. Хуже всего было то, что дороги стали скользкими от недавно выпавшего дождя и местами были забиты военными обозами.

В Ля Панн мы приехали под дождем. Нас приветствовало много офицеров, а при выходе из машины меня встретило несколько генералов. Без зонтика я шел с ними под проливным дождем так спокойно и медленно, словно это доставляло мне удовольствие. Не успел я войти в дом и отдать свое пальто и шляпу, как вошел король. Мы разговаривали в течение полутора часов...

У короля слишком мало власти, чтобы проводить политику по своему усмотрению. Он признался мне в этом и избегал говорить о том, что сделает Бельгия и чего не сделает...

О президенте и об Америке он отозвался в похвальных выражениях, прося меня выразить его признательность президенту Вильсону за все то, что США сделали для его народа. Я со своей стороны заявил ему, что доблесть Бельгии подняла его страну на большую высоту и что история не знает примера более героической защиты.

Мы обсуждали условия мира... Он с готовностью согласился на мое предложение, чтобы все воюющие страны компенсировали Бельгию за разорение. Он считал, что для его народа будет сущим несчастьем, если в условиях мира не будут предусмотрены способы восстановления его разрушенного благосостояния. Я сказал, что весь мир, мне кажется, желает выгодных для Бельгии условий и он, король, встретит сильную поддержку в своем требовании справедливого к ней отношения.

Он спросил меня, наблюдал ли я какие-нибудь признаки близкого мира. Нет, я их не наблюдал. Я сказал ему, что положение точно такое же, каким оно было в прошлый мой приезд сюда, с той только разницей, что в Германии чувство ненависти было не так сильно выражено, как теперь, но и в Англии и во Франции это

чувство ненависти стало сильнее... Он считал, что ошибочно думать, будто участники войны (он не назвал Германию, но было ясно, что подразумевает он ее) истощены как в отношении солдат, так и экономических ресурсов...

Он несколько раз повторил, что должен быть примерным гражданином и делать то, чего народ ждет от примерного гражданина... Он не должен давать волю своим чувствам или мыслям, но должен думать так, как думает бельгийский народ, и чувствовать то, что чувствует он...

Он пригласил меня к чаю, но я отказался, заявив, что спешу обратно в Булонь. Он сердечно простился со мной и просил еще раз выразить президенту его признательность.

Возвращались мы с такой же бешеной скоростью. Было очень темно и сыро; на шестьдесят миль у нас ушло два часа, включая многочисленные задержки. Это была странная и возбуждающая поездка. Из тумана на несколько секунд, словно привидения, вставали очертания пехоты, кавалерии и артиллерии. В Булонь мы приехали во-время, чтобы поспеть к позднему обеду, на который я пригласил сопровождавшего нас на обратном пути адъютанта».

«*9 февраля 1915 г.* (Лондон). Ламанш мы пересекли на военном транспортном судне, отплывшем из Булони в 12 ч. 15 м. На борту находилось более тысячи возвращавшихся на родину солдат. Среди них были раненые и отпускники. На судне, за исключением лорда Керзона, штатских не было. Погода была ясная и море спокойное; сопровождала нас сильная охрана. В пяти-шести милях от Дувра пароход внезапно остановился. Агент тайной полиции, о присутствии которого я не знал, попросил Карвера передать нам, чтобы мы поднялись на палубу и стали возле одной из спасательных лодок. Кажется, только что недалеко от нас было пущено ко дну торговое судно, кроме того два германских гидросамолета сбрасывали бомбы на Кентское побережье. Чтобы избежать подводной лодки, мы, вместо Фолькстона, взяли курс на Дувр и согласно приказу адмиралтейства полчаса не двигались с места. Был момент, когда думали, что нам придется вернуться в Булонь.

Два английских воздушных корабля кружили над нами, высматривая подводные лодки, а также с целью защитить нас от германских гидросамолетов. На судне никто кроме нас не знал, что случилось или угрожало, хотя на каждом был спасательный пояс. Когда мы развели пары, было решено итти к Фолькстону вдоль берега, что и было проделано на полном ходу.

На вокзале Виктория наш поезд ждала огромная толпа, собравшаяся, чтобы приветствовать возвращавшихся солдат...

Меня ожидали телеграммы, записки, письма и газетные вырезки. Начали появляться репортеры, но я отказался видеть кого бы то ни было, заявив, что приму их завтра в четыре часа».

«*10 февраля 1916 г.* Среди многих посетителей был лорд-главный судья[1], явившийся вскоре после ленча. У меня было назначено другое свидание, и я смог говорить с ним всего несколько минут. Он пришел сообщить, что Ллойд-Джордж желает увидеться со мной наедине в течение ближайших двух дней для того, чтобы продолжить беседу, начатую до моего отъезда отсюда. Я просил Рединга устроить встречу. Мы условились, что по возможности он устроит обед в понедельник вечером и пригласит премьер-министра, сэра Эдуарда Грэя, Артура Бальфура, Ллойд-Джорджа и посла Пэйджа.

Я сказал ему, что действовать надо быстро и что необходимо сообщить указанным выше лицам, что если мы хотим осуществить наши планы, то обычного английского промедления быть не должно...»

Визит Рединга обрадовал полковника Хауза, так как указывал, что, по крайней мере, Ллойд-Джордж серьезно относился к его предложению. В положительном отношении Грэя полковник был уверен, это подтвердилось 10 февраля во время первой беседы с министром иностранных дел. Хауз изложил ему итоги своих наблюдений на континенте. Общественное мнение и морские круги толкают германское правительство на путь возобновления беспощадной подводной войны. Они слышать ничего не хотят, кроме как о «мире победителей». Хауз усматривал две возможные альтернативы: США могут ждать, пока немцы не откажутся от своих обещаний в отношении подводной войны, и вступят в войну из-за вопроса о подводных лодках; или же президент потребует созыва мирной конференции, и, если Германия откажется от «благоразумных» условий, которые будут предложены, США вступят в войну, чтобы силой поддержать эти условия[2].

Из двух альтернатив Хауз предпочитал вторую: она, по крайней мере, дала бы Германии возможность уступить. Если же она не согласится, что Хауз и предполагал, то вступление США в войну основывалось бы на самых ясных и высших мотивах. И Америка могла бы решительно заявить союзникам: «Мы пришли помочь вам в войне, которая навсегда покончит с войной. Но когда победа будет одержана, мы потребуем, чтобы вы объединились с нами в заключении мира справедливого и прочного, а не мира мстительного и корыстного».

---

[1] Лорд Рединг.

[2] Повидимому, выработанные тогда «благоразумные условия» заключались в следующем: полное восстановление Бельгии и Сербии, возвращение Эльзас-Лотарингии, передача Константинополя России, независимая Польша, передача Австрией Италии территории с итальянским населением, компенсация для Германии вне Европы, прекращение гонки вооружений и гарантия против военной агрессии. Основная слабость подобной программы заключалась в том, что австрийский вопрос оставался неразрешенным.

Письмо Хауза президенту

Лондон, 10 февраля 1916 г.

«Дорогой начальник!

... Я писал из Парижа сэру Эдуарду Грэю, и он отложил все дела, чтобы посвятить нашей беседе целое утро. Как всегда, я был с ним очень откровенен и рассказал все, что произошло в Берлине и Париже. Я сообщил ему также о данном мною вам совете в связи с разрешением вопроса о «Лузитании» и почему я полагал существенным для нас не вступать в войну, по крайней мере, в настоящий момент. Как и предполагал Пэйдж, сперва сэр Эдуард со мной не соглашался, но через десять минут мне удалось его убедить[1].

Тщательно обсудив создавшееся положение и все подробности международной обстановки, мы, наконец, согласились, что нам лучше всего потребовать, чтобы воюющие страны позволили вам созвать конференцию для обсуждения условий мира. Мы пришли к заключению, что подобный образ действий будет лучше вмешательства (по поводу подводной войны) и условились, хотя и не окончательно, что вы сможете приступить к этому в очень недалеком будущем, может быть, вскоре после моего возвращения.

Союзники согласятся принять участие в конференции; от вашего имени я обещал, что если Германия откажется, мы употребим все наши силы для того, чтобы заставить ее согласиться на выработанные условия.

Вы могли убедиться, что с тех пор, как я покинул Париж, дело продвинулось довольно далеко,—дальше, чем я предполагал. Завтра я должен встретиться на завтраке с премьер-министром, Бальфуром и Грэем, чтобы ознакомить их с содержанием нашей беседы и попытаться заручиться их одобрением. Если это удастся, то в понедельник будет устроен обед, на котором, по моему предложению, будет присутствовать Пэйдж. На этом обеде будут премьер-министр, Грэй, Бальфур, Ллойд-Джордж и лорд-главный судья. К дальнейшим совещаниям никакие новые лица привлечены не будут, ибо решено сделать окончательные выводы; к вам я приеду с определенными данными.

Я не могу с уверенностью сказать, какую позицию займут завтра Асквит и Бальфур, но сомневаюсь, чтобы Грэй высказался

[1] Действительно ли Хаузу удалось убедить Грэя? На время, может быть. Но один из недостатков полковника заключался в том, что благодаря силе своей хладнокровной аргументации он убеждал многих людей в том, чему они в действительности не верили. Налицо много доказательств того, что к концу беседы с Хаузом очень трудно было с ним не согласиться; но после того, как действие его личного влияния проходило, люди склонны были вернуться к первоначальным убеждениям.

так положительно, если бы не имел основания рассчитывать на их сотрудничество.

Я очень счастлив, что могу сообщить вам все это, и надеюсь, что завтра смогу телеграммой подтвердить все сказанное выше. Если вам в Вашингтоне удастся избегнуть всяких осложнений, отправки нот, протестов и т. д. и т. п. воюющим странам, то, возможно, что в скором времени произойдет нечто важное.

Обсуждение решения вопроса о «Лузитании» в печати оказалось крайне неудачным. Почти обо всех подробностях спора было передано по телеграфу, и газеты комментируют это сообщение, что создает крайне опасное положение. Я просил Грэя принять меры к тому, чтобы сейчас же прекратить враждебную критику на страницах газет, что он мне и обещал. О том же я буду просить премьер-министра.

На вашем месте я поручил бы Фрэнку Полку обратить внимание разведывательной службы на вопрос о разглашениях официальных документов с тем, чтобы попытаться найти виновных. Мне это кажется чрезвычайно важным, иначе может возникнуть угроза великому делу, которое вы стараетесь провести в жизнь. Если передать фальшивые сообщения тем лицам, на которых падает подозрение, то будет нетрудно установить виновных. Нет слов, чтобы выразить вам, насколько это важно, и я надеюсь, что вы об этом немедленно позаботитесь.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

В своих записках полковник Хауз прибавляет несколько подробностей о своей беседе с сэром Эдуардом Грэем от 10 февраля.

«До того, как Грэй согласился на вмешательство президента, я обрисовал трудности положения союзников и возможности поражения, что особенно касалось Англии, которая могла остаться в войне одна. Его заинтересовало мое сообщение о беседе с Брианом и Камбоном, и он выразил удовлетворение по поводу того, что я повел разговор непосредственно с ними; это избавляло его правительство от чьих бы то ни было подозрений в том, что только оно одно желало мира. Этого, по его мнению, следовало опасаться больше всего. Если союзники подумают, что Англия готовится обсуждать мирные предложения, может возникнуть нечто вроде паники.

Я обрисовал общее настроение союзников по отношению к Англии. Россия, сказал я, недовольна; недовольна также Италия; ее примеру может последовать Франция... Я привык в подобных случаях мысленно ставить себя на место другого человека и решать, как поступил бы я. Это привело меня к заключению, что Германия сначала попытается заключить мир с Россией, потом с Италией и впоследствии с Францией, а затем бросит вызов Англии. Я высказал ему свое мнение о социальных и экономических условиях

в Германии, утверждая, что она все еще может выставить достаточное количество людей на западный фронт, чтобы держаться на своих позициях; ее экономическое положение не так уже плохо, и до окончания войны никакая революция не нарушит ее равновесия».

2

На следующий день Хауз был на завтраке и на обеде с разными членами кабинета. В первом случае—у сэра Эдуарда Грэя—он встретился с Асквитом и Бальфуром; на обеде—с Ллойд-Джорджем и Редингом. Все собеседники были очень осторожны. Очевидно, они хотели, чтобы США вступили в войну из-за вопроса о подводной войне, так как союзникам это дало бы возможность диктовать свои условия мира. В то же время, ввиду стремления Вильсона избежать войны с Германией, а также ввиду твердого заявления американского посла о неизменном пацифизме президента, они, быть может, не доверяли готовности президента объявить Германии войну, если она откажется от предлагаемых ей условий.

«*11 февраля 1916 г.* Когда я приехал в дом № 33 на Экклзтон-сквере,—писал Хауз,—сэр Эдуард был уже там. Это дало мне возможность провести с ним несколько минут в частной беседе. Очевидно, о предмете нашей беседы он упомянул премьер-министру и Бальфуру, но за этим никаких обсуждений не последовало. Он говорил также с французским послом Полем Камбоном, который сообщил ему о моей первой беседе в Париже с Брианом и Жюлем Камбоном. У П. Камбона есть конспект этой беседы, о чем он сказал Грэю, не показывая самого конспекта.

Конспекта моей второй—и более важной—беседы у него нет. Грэй просил его достать. Он хочет узнать, каково мнение французов об этой беседе с тем, чтобы и мы с ним могли лучше понять положение.

К столу мы сели тотчас по приезде премьер-министра и Бальфура. Вначале разговор носил общий характер. Потом Грэй сообщил о нашем вчерашнем разговоре. Сперва я почти не принимал участия в беседе, выжидая, чтобы высказались другие. Бальфур упорствовал меньше обычного, и к обсуждению главного вопроса мы приступили скорее, чем я ожидал. Премьер-министр считал, что я слишком пессимистично сужу о России. Я ответил, что дело не в пессимизме, а в том, чтобы играть наверняка; может быть, сказал я, Россия и останется в рядах борющихся, но стоит ли рисковать?

Сэр Эдуард считал, что Англия ничего не сможет предпринять до тех пор, пока какой-нибудь из ее союзников не выразит готов-

ности обсуждать условия мира. Он говорил, что до сих пор война еще не нанесла Англии серьезного удара, поскольку английских солдат убито немного и территория ее не занята врагом. Эту точку зрения, повидимому, разделяли Асквит и Бальфур. Я выдвинул предположение, что если Россия объявит, что ее ресурсы пришли к концу и она готова заключить мир, то это будет означать, что она уже заключила тайное соглашение с Германией. Сэр Эдуард выдвинул такой план: если одна из союзнических стран предложит вести переговоры о мире, тогда Англия объявит о нашей готовности вмешаться. Я считал, что на это Россия не пойдет; она ответит, что предпочитает заключить соглашение сама без вмешательства США. Все согласились, что так и произойдет, если Россия уже заключила сепаратный мир с Германией. Я указал, что было бы опасным ждать, пока Россия созреет настолько, чтобы заявить, что наступило время для нашего вмешательства. Выжидая это, они рискуют сделать наше вмешательство невозможным по причинам, изложенным мною выше[1].

Следующим был вопрос о том, каким образом английское правительство сможет сообщить нам, что оно считает момент благоприятным для нашего вмешательства, не обратившись сперва к союзникам, и как в таком случае избегнуть обвинения в двойной игре.

Для решения этой задачи я предложил следующий способ: в регулярные промежутки времени я буду посылать сэру Эдуарду Грэю шифрованные телеграммы, предлагая наше вмешательство. Он мог не обращать на них внимания до тех пор, пока не наступит благоприятный момент, а затем обратить внимание союзников на наше предложение, как на предложение, исходящее от нас, а не от Англии.

Бальфур спросил, каких заявлений я жду от премьер-министра, Грэя и его самого, и какие заверения я желал бы передать президенту. Я ответил, что хочу точного понимания того, что при указанных обстоятельствах английское правительство охотно восприняло бы предложение США о прекращении войны и о созыве конференции для обсуждения условий мира. Если бы я мог повезти к президенту благоприятный ответ, мы знали бы, как действовать дальше.

Я вновь предостерег их от того, чтобы слишком запускать дело. Я заявил, что если они совершат ошибку и будут выжидать, пока Германия одержит решительную или почти решительную победу, то им нечего ждать нашего вмешательства, ибо для США было бы безрассудным вступать в войну так поздно в надежде изменить результаты войны в их пользу. При подобных обстоятельствах

---

[1] Хауз уже раньше настаивал на том, что если они хотят американской помощи, то не должны ждать того, чтобы выросла серьезная угроза быть разбитыми Германией.

мы, вероятно, создадим большую армию и флот, совершенно отойдем от европейских дел и положимся на самих себя.

Если же мой план будет принят, то я уверен, что он приведет к союзу между США, Великобританией, Францией и Италией— демократическими странами мира.

Мы условились порознь покинуть дом Грэя. Первым ушел премьер-министр, затем Бальфур, а с сэром Эдуардом Грэем мы вышли вместе. Мы условились встретиться в понедельник вечером на обеде у лорда-главного судьи. В беседе будут участвовать Грэй и Ллойд-Джордж. Отдельно с Грэем мы встретимся в понедельник, в половине одиннадцатого утра».

Тем временем Хауз обсуждал вопрос с Ллойд-Джорджем и Редингом. Все были согласны, что для принятия плана полковника нужна полная поддержка Ллойд-Джорджа, так как этот былой пацифист времен англо-бурской войны теперь превратился в энергичного поборника идеи полной победы. Предложение Хауза ему понравилось, он понимал, что оно обеспечит союзникам победу, но с сомнением относился к той его части, которая предусматривала предварительное требование Вильсона о созыве мирной конференции; согласие на такое предложение поколебало бы даже его популярность. Грэй был настроен более бодро и, по-видимому, был готов к немедленным действиям.

«Сэр Эдуард,—писал Хауз,—полагает, что для президента настало время потребовать созыва мирной конференции; но этого мнения не разделяют другие члены кабинета, если же и разделяют, то не хотят высказываться открыто. Общественное мнение здесь осудило бы всякого министра, который осмелился бы поддержать такое предложение... Все же у Грэя нет недостатка в решительности, он меньше беспокоится о личных интересах, чем любой другой государственный деятель из числа тех, что я видел в Европе. Если Грэй останется в правительстве до конца войны, он, вероятно, станет выдающейся личностью, благодаря бескорыстию своих взглядов, дальновидности и прекрасной репутации. Ни разу не пришлось мне слышать от него какой-нибудь низкой или недостойной мысли...»

Посол Пэйдж оставался в стороне от этих совещаний, потому что в принципе они неизбежно должны были быть совершенно неофициальными до тех пор, пока предложение Хауза не будет формально утверждено президентом Вильсоном. Пэйдж, несомненно, не сожалел, что представился такой удобный предлог для его неучастия, так как он явно не желал участвовать в чем бы то ни было, что могло быть названо мирными переговорами. Хауз убедился, что Пэйдж остается глух к тому доводу, что в случае если немцы согласятся на предложенные условия, то милитаризм будет обречен, а если они откажутся, то США помогут союзникам, что и соответствовало желаниям Пэйджа. Пэйдж не верил в то, что

президент и министерство иностранных дел способны провести такую энергичную политику, и потому не желал помогать им в этой затее. Полковник Хауз писал 10 февраля:

«Для того, чтобы спокойно поговорить с Пэйджем, мы обедали в посольстве. Весь вечер ушел у меня на то, чтобы выслушивать его нападки на президента, на Лансинга и на правительство вообще. Он считал, что министерство иностранных дел надо «прочистить сверху донизу». Он саркастически заявил, что министерству следовало бы покинуть занимаемое здание, разместиться в большой палатке, разбив ее на лужайке возле памятника Вашингтону, после чего здание министерства может быть снесено до основания, а работа возобновлена в новой обстановке и с новыми силами.

Спорить с ним я не стал... «У президента нет никакой политической линии. Он лишился уважения со стороны Англии и всего мира. Лансинг всех оскорбляет своими нотами и т. д. и т. п.».

Разумеется, досадно было, что Пэйдж стал настолько критически относиться к своему правительству, что не желал участвовать в этом плане спасения Европы от изнурительной войны. Возникает вопрос, не было ли отсутствие доверия к Вильсону со стороны союзников, о чем так настойчиво заявлял Пэйдж, отчасти инспирировано им самим. Стоит отметить его решительный отказ сотрудничать в предпринятой Вильсоном позитивной политике. Характерна следующая выдержка из воспоминаний Пэйджа:

«Хауз сообщил мне, что в понедельник будет совещание, где будут Асквит, Грэй, Рединг, Ллойд-Джордж, он и я. Нет, не может быть такого совещания. Ни один член правительства не может позволить себе обсуждать подобные вопросы; ни один из них нисколько не доверяет способности президента действовать.

Следовательно, в пятницу 11 февраля, я сообщил Хаузу, что не могу и не буду сопутствовать ему»[1].

Предположение Пэйджа о том, что руководящие члены английского правительства не будут обсуждать предложения Хауза, оказалось лишенным всякого основания, и 14 февраля, как было намечено, совещание состоялось. Положение Хауза было затруднено отказом Пэйджа сотрудничать, так как его позиция неизбежно ослабляла доверие англичан к Вильсону. Тем не менее, в принципе они одобрили американское предложение, хотя и отказались назначить срок для вмешательства Вильсона. Они все еще хотели попытать счастья в войне против Германии, ничем не связывая себя при выработке условий в случае победы. С другой стороны, они согласились, что если в будущем станет очевидной невоз-

[1] Жизнь и письма Уолтера Х. Пэйджа, т. III, стр. 282.

можность добиться серьезного успеха на фронте, то президент Вильсон должен потребовать созыва мирной конференции, и Хауз обещал, что если немцы откажутся принять выдвинутые им условия, США вступят в войну. Естественно, что это предварительное соглашение зависело от одобрения прочих союзников.

«*14 февраля 1916 г.* Обед у лорда-главного судьи,—писал Хауз,—был назначен на 8 ч. 30 м. Первым приехал я, затем Ллойд-Джордж, Грэй, Бальфур и Асквит. Справа от Рединга сидел премьер-министр, слева—я, сэр Эдуард—рядом со мной, Бальфур—с премьер-министром, а на другом конце стола—Ллойд-Джордж. За обедом беседа носила общий характер и касалась главным образом английских внутренних дел. Когда дворецкий удалился, началось обсуждение проблем войны, совершонных ошибок и способов их исправления. Они говорили совершенно откровенно о наличном запасе патронов и снарядов, о расточительном обращении русских с тем, что посылала им Англия, об общем моральном состоянии войск и т. д. и т. п. Я высказал предположение, что немцы, вероятно, поведут наступление на союзников на западе, возможно, у Вердена, не дожидаясь наступления весны. В своем предположении я основывался на том, что они не могли открыть обширных военных действий на русском фронте до конца апреля, а тот факт, что они не двигают дела на Балканах, убеждал меня, что они в самом непродолжительном времени перейдут в энергичное наступление на западном фронте. Моя мысль заключалась в том, что боеспособность немцев все еще на высоком уровне, и если они смогут нанести решительный удар, прорваться и захватить Париж или Калэ, то, пожалуй, это сможет положить конец войне».

Предсказание полковника о неизбежности большого германского наступления и указание точного объекта этого наступления—Вердена—неизбежно должны были укрепить его репутацию пророка; ровно неделю спустя, 21 февраля, ураганный огонь германской артиллерии к северо-востоку от Вердена возвестил начало величайшего сражения в мировой истории.

«Дальше говорили о разных новых изобретениях и о том, что немцы «припрятали у себя в рукаве». Поддерживая разговор в этом направлении, я руководствовался желанием заставить своих собеседников чувствовать себя менее уверенно и показать им, что я часто пытался сделать, какой страшный риск они берут на себя, не призывая нас к вмешательству...

Обсуждение основной цели совещания началось лишь в 10 ч. 30 м. Ллойд-Джордж начал с того, что сказал речь, аналогичную той, какую он произнес предо мной и Редингом накануне моего отъезда в Германию. Я прервал его и сказал: «Давайте будем исходить из предположительных фактов. Сегодня утром на совещании с сэром Эдуардом мы пришли к выводу, что созвать мирную конференцию в Вашингтоне будет невозможно, и я обещал, что

в случае приглашения, президент приедет в Гаагу и останется там на требуемый срок. Предположим, что конференция собралась в Гааге и председательствует президент. Прошу вас, выскажите свои соображения о развитии событий, исходя из этого предположения».

Не успел Джордж возобновить свою речь, как премьер-министр и Бальфур выразили удовлетворение тем, что президент соглашается приехать в Европу; они выдвинули те же доводы, что и мы с Грэем: руководящим государственным деятелям воюющих стран нельзя было покинуть Европу на такой долгий срок и отправиться на такое далекое расстояние, как Вашингтон. Кроме того, потребовалась бы масса материалов, которые могли бы быть быстро собраны только в Европе.

После этого Джордж перешел к изложению того, чего, по его мнению, могла бы добиться мирная конференция... Премьер-министр и я высказывались по разным вопросам по мере их возникновения.

Долго, например, обсуждался вопрос о предоставлении независимости Польше и о возражениях, которые могли бы поступить со стороны России. Бальфур считал, что если Польша будет объявлена независимым государством и превратится в буферное государство между Россией и Германией, то в будущей войне Франция оказалась бы отданной на милость Германии, потому что Россия не могла бы достигнуть границ Германии, не нарушив нейтралитета Польши. Он считал, что с французской точки зрения, равно как и с русской, эта идея натолкнется на серьезные возражения, в противном случае, вероятно, настанет конец союзу России и Франции.

Все мы с радостной готовностью поделили территорию Турции в Азии и в Европе. Долгое время обсуждали судьбу Константинополя. Джордж и Бальфур не выражали особого энтузиазма к идее передачи его России, а Грэй и Асквит считали, что если этого не сделать, то навсегда сохранится предлог для новой войны[1]. Я предложил объявить Константинополь нейтральным.

Становилось поздно, и я вновь напомнил моим собеседникам об основном вопросе совещания: когда должны США потребовать прекращения войны и созыва мирной конференции. Я заставил Джорджа высказаться по этому вопросу и твердо внушал ему мысль, что президент должен действовать в этом направлении. Но он остерегался назначить определенный срок. Грэй, очевидно, был склонен немедленно решить этот вопрос. Затем разговор коснулся того, каким образом привлечь прочих союзников.

---

[1] К этому времени Англия уже подписала договоры о разделе Турецкой империи, согласившись на переход Константинополя к России.

Асквит спросил меня, какой момент считал удобным я. Я сказал, что если бы союзники смогли произвести на фронте операцию достаточно внушительную, чтобы обескуражить Германию, тогда и наступил бы необходимый психологический момент. Асквит горячо выразил свое согласие; в общем условно решено было держаться этого курса. Все же я просил их принять во внимание следующее : если союзники пробьют глубокую брешь в германской линии, то общественное мнение в союзнических странах ободрится настолько, что оно будет требовать дальнейшего продвижения, следовательно, будет резко возражать против мирных предложений. Асквит считал, что это может произойти лишь в том случае, если успех союзников превзойдет его ожидания.

Ллойд-Джордж и Бальфур склонны были пойти на тот риск, о котором я говорил, и отложить решение вопроса.

Было уже 12 часов. Премьер-министр поднялся, чтобы уходить. Хотя совещание не носило решающего характера, тем не менее было достигнуто общее соглашение по главному вопросу: в известный момент, срок которого будет согласован позже, президент потребует прекращения войны и созыва мирной конференции. Я не рассчитывал достигнуть большего и был вполне удовлетворен этим решением.

Асквит спросил, что стали бы мы делать, если бы Россия и Франция заключили сепаратный мир с Германией до того, как Англии удастся достигнуть с ними соглашения о выступлении президента. Я ответил, что, по всей вероятности, мы немедленно приступим к созданию большой армии и флота и окончательно откажемся от какого-либо участия в европейских делах».

3

«*15 февраля 1916 г.* Сэр Эдуард явно доволен результатами нашего вчерашнего совещания. Он поздравил меня с тем, что я так основательно сумел внушить Ллойд-Джорджу необходимость вмешательства президента. Он сказал, что не хотел делать это сам, но задавался вопросом, как этого добиться. Он считал, что никогда еще за время с июля 1914 г., когда перед английским правительством стоял вопрос о мире и войне, оно не стояло перед необходимостью принять такое быстрое решение, какого требовал я. Он был очень взволнован, и, шагая взад и вперед по комнате, говорил, что, по его мнению, необходимо действовать немедленно, тогда можно будет спасти жизни миллионов людей и избежать опустошения в результате новой весенне-летней кампании.

Он знал, что в Англии эта идея будет настолько непопулярна, что возмущенные толпы могут выбить все стекла в его доме; тем не менее, он к этому готов, так как чувствует себя правым. Он счи-

тал необходимым внести план на обсуждение всего кабинета, на что я с готовностью согласился. Мы условились, что он составит меморандум о нашем соглашении, который не будет подписан, но который я увезу с собой. Он не считал нужным созывать еще одно совещание для генерального обсуждения вопроса: мы с ним вдвоем сможем лучше определить все детали. Эту мысль я тоже одобрил».

«*16 февраля 1916 г.* После завтрака я отправился с X в палату общин, с тем чтобы иметь возможность поговорить с ним несколько минут наедине. Повидимому, он тоже доволен результатом нашего последнего совещания, но выразил сожаление, что премьер-министр предпочитает, по его выражению, сидеть, «как пассажир, и не брать на себя руководство дискуссией». Именно в этом, говорит он, слабость премьер-министра, которую тот, повидимому, не сознает. X заявил, что не желал бы быть премьер-министром при настоящих условиях. Я сказал, что мне кажется, будто Асквит недостаточно твердо держит бразды правления...

Я признался, что меня огорчает необходимость ездить от одного министра к другому для обсуждения вопросов, которые, по-моему, следовало обсуждать только с премьер-министром. Я предполагал, что авторитетные ответы будут исходить от него, а он будет договариваться со своими коллегами, объединять их и сообщать мне общее мнение правительства».

«*17 февраля 1916 г.* Сегодня утром у меня был лорд-главный судья. Он пришел сказать мне, что, по его мнению, недавнее совещание в его доме имело большой успех. Как и сэр Эдуард Грэй, он считал удивительным тот факт, что Ллойд-Джордж, Бальфур и Асквит так откровенно высказывались друг перед другом. То, что всем им вместе удалось внушить необходимость принять общее решение, он считал самым серьезным успехом. Ни один из них не извлек из совещания преимущества, которое позволило бы ему атаковать другого. Это происходит оттого, что Рединг, так же как я и как все остальные, знает, что обсуждение вопроса о мире в настоящий момент было бы в Англии так же популярно, как, например, идея коронования кайзера в Вестминстерском аббатстве.

Я сказал Редингу, что Грэй и Бальфур поздравляли Ллойд-Джорджа с его дальновидностью и мужеством... Рединг считал, что премьер-министр связал себя сверх всяких ожиданий».

«*22 февраля 1916 г.* Был у меня лорд-главный судья. Он зашел рассказать мне о своей частной беседе с премьер-министром по поводу нашего совещания на обеде у Рединга. В разговоре с ним Асквит высказался в пользу соглашения гораздо тверже, чем на совещании. Предполагается в самое ближайшее время произвести наступление на западном фронте для того, чтобы как можно быстрее осуществить предложение президента. Я чувствую, какую ответственность взял на себя в этом деле, ибо они готовят быстрый

и мощный удар, исходя из моего заверения, что соглашение будет выполнено[1].

У меня был Хауард Уайтхауз, либерал, депутат парламента, который просил меня побудить президента снова предложить свое посредничество. Путем тщательных расспросов, ничего ему не сообщив, я получил от него ценную информацию. Он сказал, что вся «Ирландская партия», насчитывавшая около 80 депутатов, готова принять предложение о посредничестве, а к ней присоединится более ста депутатов-либералов. Я спросил: какое действие оказал бы факт согласия членов правительства из числа либералов и таких консерваторов, как Лэндсдаун, Бальфур и Бонар Лоу, на предложение президента о созыве мирной конференции? Он считает, что в этом случае в палате общин оказалось бы большинство по меньшей мере в сто голосов, которое высказалось бы в пользу предложения; их поддержит огромное большинство населения страны. Я спросил Уайтхауза, каковы, по его мнению, будут взгляды различных членов кабинета по отношению к посредничеству. Меня удивила правильность его суждений. Единственно, в чем он более или менее ошибался, была точка зрения Ллойд-Джорджа. Он думал, что тот воспротивится предложению так же энергично, как лорд Керзон...»

4

Эти важные переговоры перемежались менее важными приглашениями и беседами, отказаться от которых Хауз, тем не менее, считал невозможным, так как они служили ему источником информации и помогали оказывать влияние на общественное мнение.

«*10 февраля 1916 г.* Я отправился на завтрак к лэди Пэйджет, чтобы встретиться с доктором Э. Дж. Диллоном, авторитетом по делам юго-восточной Европы. Среди приглашенных находились леди Минто, полковник Репингтон и другие.

Диллон—самодовольный, знающий и интересный человек, беседа с ним доставила мне удовольствие.

После обеда я принял более 45 английских и американских корреспондентов. Я не дал им никакой информации, но было забавно, как они на меня наседали, и я с удовольствием парировал их вопросы».

Отзывы корреспондентов об этом интервью были аналогичны парижским отзывам. Несмотря на то, что они были огорчены невозможностью выудить у меня сведения, они не могли не оценить юмористической стороны интервью со мной.

---

[1] Предполагаемое наступление предпринято не было, так как немцы предупредили его своей атакой на Верден, которая заняла основное ядро французских сил, не дав им возможности действовать совместно с англичанами вплоть до наступления на Сомме.

«Полковник Хауз, посланник президента в Европу, создал тонкое искусство из умения разговаривать и в то же время ничего не говорить»,—гласил отчет об интервью в лондонской газете «Глоуб» от 11 февраля 1916 г.

Полковник Хауз—маленький, подвижной, седоусый и седовласый человек,—воплощение любезности, но самый молчаливый из дипломатов.

По прибытии в Лондон он забавным образом парировал все усилия английских и американских журналистов, пытавшихся вчера добиться от него сведений о его поездке в Париж, Женеву и Берлин. Он усвоил манеру президента принимать журналистов скопом, предоставляя им сыпать вопросами сколько им заблагорассудится.

Мало кто знает о войне и об общем положении столько, сколько он. Казалось, что, наконец, представился случай вызнать тысячу интересных тайн. Но все, чего добилась от него аудитория, заключалось в серии печальных и спокойных отрицательных ответов, прерываемых продолжительным и выразительным молчанием.

Войдя в свою комнату в отеле «Риц», где его ожидали представители прессы, он засунул руки в карманы брюк и весело заметил: «Если у вас, джентльмены, есть ко мне какие-либо вопросы, на которые я не сумел бы ответить, то выкладывайте их».

— Полагаю,—начал один американский журналист,—что вы очень оживленно провели время в Берлине.

— В каком отношении?—спросил полковник Хауз.

— Я полагаю, во всех отношениях.

— Об этом с удовольствием вам расскажут там,—ответил он спокойно.

— Где вы остановились в Берлине?

— У посла, все приемы происходили в посольстве.

— Виделись вы с князем фон Бюловым?

— Нет, не виделся. Я вернулся в Базель, оттуда—в Париж, затем—в Лондон. Здесь я останусь до 19-го, затем поеду домой на «Роттердаме».

— Слышали ли вы что-нибудь о возможности мира?

— Я нигде не слышал разговоров о мире, потому что умышленно избегал их.

— Заметили ли вы какие-нибудь признаки нехватки хлеба?

— Я вообще не видел никаких особых признаков.

— Нанесете ли вы какие-либо официальные визиты в Лондоне?

— Естественно, я увижу членов правительства. Большинство из них—мои друзья и я часто встречаюсь здесь со своими друзьями как в мирное, так и в военное время.

— Будете ли вы делать доклад сенату по возвращении к себе?

— Я еще не знаю, что буду делать. Возможно, мне нечего будет докладывать.

Наступила томительная пауза. Наконец, раздался вопрос:

— Хорошая ли погода стоит в Берлине?

— Да, всюду, где я был, погода была хороша.

— Нашли ли вы берлинскую публику очень бодро настроенной?

— Я не наводил никаких справок. Я не производил никаких наблюдений.

— Видели ли вы кайзера или кронпринца?

— Да (пауза), но не в этот раз... В Берлине я был всего четыре дня.

— Создали ли вы себе какое-нибудь впечатление о том, сколько продлится война?

— Ни малейшего.

— Но вас многое интересовало?

— Европа всегда интересна.

— Не смогли бы вы сказать, что интересовало вас больше всего во время вашей поездки?

— Боюсь, что об этом мне придется подумать...

Невероятное волнение всех охватило, когда в конце интервью он по собственной инициативе заявил:

«Я хотел бы сказать...», но конец фразы не представлял из себя ничего более сенсационного, чем выражение признательности за неизменно любезное отношение со стороны журналистов».

«*11 февраля 1916 г.* На завтраке,—писал Хауз,—Асквит и Бальфур говорили о моем интервью с корреспондентами. Я рассказал им, что когда я впервые присутствовал при подобном интервью у президента, меня едва не пробирала дрожь, но последовав его примеру, я убедился, что это такое простое дело, что потом не понимал, как мог я опасаться подобного испытания. Ллойд-Джордж сказал, что интервью породило много забавных толков, весь Лондон поражался тем, как я сумел встретиться со всеми лондонскими корреспондентами и, ничего им не сообщив, отделаться от них. Он уверяет, что не смог бы этого проделать. В действительности же никто не сумел бы сделать это лучше Ллойд-Джорджа.

Мы говорили о войне, о ее ведении и об ошибках войны. Мне казалось, что союзникам нехватает одаренности и инициативы. Я спросил, придумали ли они что-нибудь новое для весенней и летней кампании или же они пытаются добиться лишь такой боеспособности, какую немцы проявили в прошлом году. Он сознался, что на большее они, пожалуй, и не рассчитывают.

Я рассказал им об одной политической кампании, которой я руководил в Техасе. Почти все шансы были на стороне кандидата оппозиции. В разгар кампании я обнаружил, что оппозиция подражала нашим методам, но постоянно с некоторым опозданием. Я сказал нашим, что выиграем мы; когда же меня просили объяснить мой оптимизм, я ответил, что у соперников нет собственной

инициативы и они лишь идут по нашему следу. Мы всегда оказывались на один-два круга впереди. И в этой войне на суше немцы всегда оказывались на несколько кругов впереди[1].

Я спросил Джорджа, почему французы не поручили англичанам защиту побережья и почему они заняли часть английской оборонительной линии. Он смог объяснить это лишь подозрительным отношением французов, которые считали, что, раз заняв побережье, англичане могут пожелать там остаться. По его мнению, это страх напрасный. Он сказал, что англичане, подобно альбатросу, любят хотя бы одним крылом касаться воды. Они не знали, как поступать на хинтерланде, но если время от времени они могли смочить одно крыло в милом старом океане, то никакая сила не могла бы лишить их владений...»

«*14 февраля 1916 г.* Этот день мог свести с ума кого угодно. Посетители, телефонные звонки, журналисты, фотографы — в общем все то, что может вывести человека из терпения.

От Хью Уоллэса я получил телеграмму с советом заказать Лазло написать мой портрет. Я был у Лазло, он доволен предложением. Он очень занят, но, повидимому, представляет эмбрионального государственного деятеля, ибо в течение получаса с лишним объяснял мне, как нужно разрешить европейскую проблему. Так как ему предстоит писать мой портрет, я счел за благо терпеливо выслушать его мнение».

«*15 февраля 1916 г.* Вчера вечером я сказал премьер-министру и другим лицам, присутствовавшим на обеде у Рединга, что одним из самых благотворных дел, какое они могли бы сделать, это добиться изменения тона столичных газет по отношению к Германии. В Германии эти газеты имеют большое распространение, и когда я принялся объяснять германскому правительству и народу, что Англия не стремится уничтожить Германию как нацию, они тут же показали мне вырезки из передовых статей лондонских газет, в которых говорилось прямо противоположное. Подобные высказывания были отлично известны германскому народу, который считал, что Англия стремится не только уничтожить его как нацию, но желает захватить всю его торговлю. Такие статьи непосредственно играли наруку военщине и помогали ей объединять весь германский народ в борьбе с союзниками.

Грэй отвез меня во дворец и оставил у королевского входа. После краткой беседы с лордом Стэмфордхэмом меня провели в кабинет короля, с которым мы разговаривали почти час... Мы обсуждали вопросы подводной войны, разоружения торговых судов, моей поездки в Германию; говорили о кайзере, о германском настроении против США и т. д. и т. п. Его позабавило,

[1] Английская инициативность в изобретениях вскоре была оправдана применением танков в битве на Сомме.

когда я показал ему монету в 50 марок, на которой было оттиснуто «Gott, strafe England und Amerika»[1].

Я спросил, видел ли он специальный номер журнала «Лайф» под названием «Джон Булль». Меня немало удивил его ответ, что он читает «Лайф» уже в продолжение двадцати пяти лет и притом с большим удовольствием. Он рад был узнать кое-что о его издателе Эдуарде С. Мартине. Король просил меня сообщить президенту о его сердечных чувствах и крайнем сожалении по поводу критических высказываний о президенте в английских газетах... Он выказал чрезвычайное дружелюбие и настаивал, чтобы в следующий свой визит я немедленно известил его».

«*17 февраля 1916 г.* Я был на обеде, данном мне генералом Эллисоном. Слева от меня он усадил адмирала лорда Фишера, справа—генерала Айана Гамильтона. На обеде были также генерал сэр Дэйвид Гендерсон из воздушных сил и два чиновника из индийского законосовещательного собрания. Это был один из самых интересных обедов. Лорд Фишер был в ударе; он критиковал правительство, Уинстона Черчилля, союзников—все и всех с таким юмором, что стены дрожали от хохота.

Он рассказал о роковых днях, предшествовавших началу войны, когда решение Англии висело на волоске. По его словам, он был тем, кто предложил немедленную мобилизацию флота, и первым привел 80 процентов флота в английские воды.

Из рассказанных им забавных историй я вынес очень много ценного. Он ярый сторонник быстроходных крейсеров и крупных орудий; другими словами, он не считает нужным, чтобы на каждом судне были орудия различного калибра. По его убеждению, побеждают быстроходные крейсеры и крупные орудия. Он сказал, что пытаться выиграть сражение с помощью большого числа тихоходных судов и мелких орудий—то же самое, что пытаться поймать зайца с помощью армии черепах.

«Бог создал зайца так, чтобы поймать его могла гончая, а не черепаха. Весь вопрос, — сказал он, — заключается в рецепте поваренной книги, как зажарить зайца. Этот рецепт начинается со слов: «Сперва поймайте зайца».

Именно Фишер взял из эскадры Джеллико два самых быстроходных броненосца и послал их в погоню за крейсерами фон Шпее в южноамериканские воды. Броненосцы пришли к означенному месту в кратчайший срок и выполнили свою работу, не подвергаясь опасности, потому что были недосягаемы для орудий фон Шпее.

Фишер заявляет, что это он объяснил японцам, как уничтожить первую русскую эскадру во время русско-японской войны. Он предвидел, что русский адмирал наделает глупостей. Начать с того,

[1] «Боже, накажи Англию и Америку».—*Ред.*

что скорость хода русских судов отставала на три узла по сравнению с японскими судами; русские суда были нагружены углем, что уменьшало скорость хода еще на пару узлов. Фишер посоветовал японцам запастись минимальным количеством угля, достаточным лишь для того, чтобы подойти к русскому флоту и маневрировать. В результате японцы сумели забраться в лоб плывущей русской эскадры и топить одно судно за другим.

С восторгом отзываясь о США, он сказал: «Не плоха была та птица, которая высидела американского орла».

Генерал Гамильтон рассказал о галлиполийской кампании, о ее трудностях и неудачах. Он считает, что было ошибкой отказаться от нее: еще немного усилий и она кончилась бы успешно. Он жалуется, что в критические моменты не получал поддержки...

Фишер рассказал мне о том, какой совет он дал английским сухопутным силам... Он хотел, чтобы французы предоставили англичанам защищать все побережье. После этого он хотел подвести флот и обстреливать германские окопы с моря. Он считал, что таким путем им удастся оттеснить немцев вдоль всего побережья на расстояние, равное дальнобойности английских морских орудий. По его словам, генерал Френч одобрил его предложение, но Жоффр не хотел допустить занятия англичанами всего побережья, угрожая, что, в случае если они будут настаивать, он заключит сепаратный мир. Фишер заявил, что сказал бы Жоффру,—пусть тот заключает сепаратный мир и убирается к чорту; Великобритания владычествует на морях; у нее все германские колонии; она достает все деньги; кроме того, она сражается на суше. Если они хотят заключить сепаратный мир, Великобритания к этому готова, ибо она единственная страна, которая выйдет из войны победительницей...»

«*19 февраля 1916 г.* В 12 ч. ко мне приехал лорд Брайс и пробыл в течение полутора часов. Мы говорили о разоружении торговых судов, о подводной войне, о Германии, об условиях мира, об англо-американских спорах и т. д. Я просил его написать мне письмо, в котором он изложил бы свои доводы против разоружения торговых судов с тем, чтобы я мог представить письмо президенту вместе с другими слышанными мною соображениями. Он сказал, что если когда-нибудь я не смогу установить непосредственный контакт с английским правительством, то смогу сделать это через него».

«*21 февраля 1916 г.* Лорд Лорберн был один и ждал меня. Он спросил, какого я мнения о том, чтобы он произнес в палате лордов речь в осуждение блокады. Я предостерег его от подобного шага, посоветовав вместо этого заявить, что союзным правительствам не следует делать ничего такого, что могло бы вызвать ненужное раздражение в нейтральных странах или со стороны немцев, но предпринимать лишь такие действия, которые представляют

действительную ценность с военной точки зрения. Англия, сказал я, некоторым образом достигает блокадой того же, чего Германия достигает своими цеппелинами. Хотя эти способы не одинаково жестоки, они, тем не менее, оказывали раздражающее действие и порождали враждебность общественного мнения.

Лорберн записал мои слова и обещал выдвинуть эти мысли в своих речах. Я настойчиво просил его сказать, что Англии следует положить конец заявлениям в печати и высказываниям общественных деятелей о том, что эта война представляет войну с целью истребить германскую нацию и разрушить германскую торговлю. В самом деле, для Англии эта война имела тот смысл, чтобы в будущем кучка корыстных личностей не могла вовлечь весь мир в войну ради своих выгод. Я считал, что если он будет придерживаться этого тона, то милитаризму в Германии будет нанесен ущерб, а намерения союзников станут ясны для всех. Ни разу еще до сего времени никто в таком тоне не высказывался, и если премьер-министр и сэр Эдуард Грэй об этом не заявят, хотя они и намеревались, то это следует сделать ему.

Лорберн критиковал сэра Эдуарда Грэя за то, что тот дал себя втянуть в войну. Он считал, что не следовало заключать с Россией и с Францией даже условный договор; Грэй подвел его..., тем, что не сообщил в решающие дни перед войной о существовании союза между Францией и Англией. Он сказал, что только впоследствии Грэй публично объявил в одной речи, что Англия не могла пренебречь своими обязательствами по отношению к Франции. Он невысокого мнения о способностях Грэя, хотя и преклоняется перед его характером. Я просил его поддержать Грэя, заявив, что он единственный человек, на которого я надеюсь. К этому я добавил, что ему, Лорберну, не следует допускать, чтобы какие-нибудь былые дела повредили той пользе, какую можно было бы достигнуть в настоящий момент путем совместной работы. Лорберн обещал все это сделать, хотя и сознался, что для него это—горькая пилюля.

Я отправился на чай к миссис Асквит. Опоздал я почти на час. Она была одна и ждала меня. Наша беседа носила довольно интимный характер. Она рассказывала мне об официальном мире вообще и об Асквите в частности. Она терзалась тем, что ее считали сторонницей Германии, и была расстроена судебным делом, которое она начала против газеты «Глоуб», в котором ей, вероятно, придется выступать в роли свидетельницы. Так как она несдержана на язык и говорит все, что придет на ум, то стала критиковать президента, но я заставил ее замолчать, заявив, что она не понимает ни создавшихся условий, ни помыслов президента и усвоила обычное предубежденное мнение о нем, неверное и несправедливое.

По возвращении в «Риц» я застал лэди Пэйджет, которая, оставалась у нас до восьми часов. Она хорошо служит нашему делу и является одной из немногих проживающих в Лондоне американок, которые лойяльны к своей стране и подтверждают эту лойяльность во всех необходимых случаях. В этом отношении она заслужила уважение английского народа».

5

Перед тем как вернуться в Вашингтон с целью получить от президента Вильсона окончательную санкцию, Хауз приступил к «застегиванию», по его выражению, предварительного соглашения с Грэем. Это было закончено во время продолжительного совещания 17 февраля.

«Грэй показал мне полученный им от французского посла меморандум, в котором было подробно приведено содержание моей второй беседы с Брианом и Жюлем Камбоном. За некоторыми исключениями беседа была изложена правильно. Согласно меморандуму я заявил, что, как бы плохи ни были дела Франции, мы вмешаемся только в том случае, если они сами попросят нас о помощи. Я просил Грэя обязательно разъяснить французам, насколько неправильно их толкование; это важно по многим причинам; главная — та, что если союзники будут откладывать обращение к нашей помощи до того момента, когда наше вмешательство не сможет принести им пользы, то мы не станем даже пытаться им помочь.

Я стараюсь добиться скорых действий, внушая Англии и Франции, что они рискуют окончательно лишиться нашей поддержки, если не будут действовать быстро.

Грэй и я составили меморандум обо всем мною сказанном не только в Париже, но и на последнем совещании у лорда Рединга. Грэй покажет меморандум французскому послу и копию вручит мне до моего отъезда для того, чтобы не было никаких недоразумений насчет того, как далеко я зашел в обязательствах, данных мною от имени президента.

Я обратил его внимание на тот факт, что, если союзники одержат полную победу, Россия, Италия и Франция несомненно выдвинут требования и совершат поступки, которые Англия не одобрит и которые не послужат интересам прочного мира[1].

Все свои силы я употребил на то, чтобы доказать, какому риску они себя подвергают, откладывая момент действия. Помимо прочего, они рисковали еще тем, о чем сэр Эдуард не подумал:

---

[1] Напомним историю Парижской мирной конференции.

это возможная смерть президента, естественная или насильственная... Я напомнил ему, что через год состоятся президентские выборы и нельзя быть уверенным в его переизбрании. Если победа будет одержана республиканцами, то создастся положение, сходное с тем, какое создалось бы, если бы лорд Керзон стал здесь премьер-министром, возглавляющим реакционный кабинет.

Грэй ответил с большим чувством: «История предъявит суровые обвинения тем из нас, кто в такое время отказывался от предложенных вами услуг».

Между нами не было разногласий относительно того, что действовать надо быстро. Оба мы считаем, что Англия выиграет от вмешательства президента в настоящий момент больше, чем если бы союзники одержали полную победу через год. Он так же, как и я, полагает, что практическое соглашение между Англией и США в разрешении международных дел и то число жизней, которые будут спасены благодаря немедленному действию, по результатам превзойдут полную победу...».

«*21 февраля 1916 г.* Грэй показал Асквиту, Бальфуру и Джорджу французское коммюнике, а также меморандум, составленный нами на прошлой неделе. Он виделся с французским послом, который спросил Грэя, насколько серьезным считает он мое предложение: намереваемся ли мы, я и президент, действовать решительно или хотели лишь создать среди англичан и французов благожелательные отношения к президенту для того, чтобы оно могло оказать влияние во время президентской кампании. Я просил сэра Эдуарда сказать Камбону, что он обдумал его слова и находит нужным напомнить, что президент и я не могли в данном случае преследовать какую-либо внутреннюю политическую выгоду, так как хорошо известно, что враждебные высказывания за границей служат только на пользу всякому, кто выдвигает свою кандидатуру на пост президента США. На это Грэй улыбнулся, но признал мою правоту и сказал, что непременно передаст это Камбону.

От дома № 33 на Экклзтон-сквере мы вместе отправились пешком по направлению к дому Лорберна. Грэй подарил мне свою фотографию и, улыбаясь, сказал, что лучше не показывать ее Лорберну, иначе у него испортится настроение».

«*23 февраля 1916 г.* Сегодня утром я более часа совещался с сэром Грэем. Он вручил мне копию соглашения, в котором участвовали Асквит, Бальфур, Ллойд-Джордж и я. По одной копии он собирался вручить каждому члену кабинета, но после моего энергичного протеста согласился ограничиться прочтением им текста соглашения. Я просил Грэя по получении от меня соответствующей телеграмы послать в США лорда Рединга для того, чтобы он мог вместе со мной отправиться к президенту и лично услышать от него о возможных изменениях или дополнениях к тек-

сту нашего соглашения[1]. Я предложил бы для этой цели лорда Брайса, но этого не позволяет его преклонный возраст.

Все это я рассматриваю как предохранительную меру, в том числе—для собственной защиты. Может случиться так, что сперва президент одобрит наше соглашение и я телеграфно извещу об этом Грэя, затем что-нибудь заставит президента изменить свое мнение, и тогда меня осудят здесь в самых неумеренных выражениях. Тем временем могло оказаться, что союзные правительства действуют в соответствии с нашим соглашением.

Мимо меня несется непрерывный поток посетителей низших и высших рангов. Правительство делает все возможное, чтобы помочь нам выбраться отсюда с максимальным комфортом. Я отказался от предложенного мне экстренного поезда, но согласился на отдельный вагон. Так как возвращаемся мы на голландском пароходе, то ко мне прикомандирован агент Скотланд-Ярда, чтобы охранять мои бумаги... В списке пассажиров он будет значиться моим слугой».

25 февраля полковник Хауз отплыл из Фалмута. Даже не догадываясь об истинном значении его миссии, пресса по обеим сторонам Атлантики восхищалась тем, с каким искусством он сумел, как она и предполагала, объяснить позицию США и политику президента, и тем, насколько политически ценные наблюдения он вынес из своей поездки.

«Посещение полковником Хаузом нашей страны,—писал лондонский журнал «Нэйшен» в номере от 26 февраля 1916 г.,— по нашему мнению, представляет веху в истории войны. Ни у кого не было столько возможностей, сколько у него, для того чтобы оценить общие факторы, которые решат судьбу Европы, стоящую на страшном распутье. Эта задача—не малая. Не считая совещаний между союзниками, дипломатия на обширных полях Европы кончилась. Одна сторона не знает, о чем думает другая; а чем больше люди напрягают слух, тем громче слышен грохот орудий. Поэтому хорошо, что мир имеет хотя бы одного носителя идей и разума. Полковник Хауз на всех произвел впечатление своим благоразумием, здравым смыслом, сдержанностью, искренностью, способностью оценить силы и определить подобающее им место».

«Ни один англичанин не знает Германии лучше полковника Хауза,—писала выходящая в Олбани (США) газета «Уикли таймс» в номере от 2 марта 1916 г.—Ни один немец не имел таких возможностей, как полковник Хауз, чтобы познать общественное мнение и грядущие судьбы Англии и Франции. Он всюду был, всюду слушал все, что говорят, и остался при своем мнении. Он все впитал,

[1] В 1917 г., после того, как США вступили в войну, лорд Рединг приехал в Вашингтон со специальным поручением и сменил сэра Сесиля Спринг-Райса в качестве посла.

но ничего не выдал и вернется домой, не нажив ни одного врага, не проронив ни одного неосторожного слова, не возбудив ни малейшего подозрения».

Даже наиболее резко настроенная антивильсоновская пресса в Нью-Йорке была вынуждена печатать хвалебные статьи своих лондонских корреспондентов.

«Хаузу удалось оставаться уклончивым и в то же время многозначительным, не отступая от своей обычной манеры,—гласила статья в номере газеты «Трибюн» от 27 февраля 1916 г.—Он все видел и все слышал, а между тем показал себя выдающимся мастером тонкого искусства говорить как можно меньше. По его взгляду можно было судить, что его молчание скрывает не мало юмора. Он настолько преуспел в трудной задаче быть одновременно угрюмым и приятным, что даже приобрел популярность среди репортеров, которым ничего не сказал. Ясно, он один из самых тонких людей».

На англичан миссия Хауза произвела такое впечатление, что газета «Обсервер» в номере от 20 февраля 1916 г. предложила Грэю последовать примеру Вильсона и «послать со специальной миссией к американскому народу какого-нибудь достаточно выдающегося и пользующегося авторитетом государственного деятеля. Такая миссия не должна была бы базироваться на людях и делах прошлого. Мы убедились, что разрешить текущие проблемы нельзя методами профессиональной дипломатии, с каким бы усердием и совершенством ее ни применять... Полковнику Хаузу представляется возможность сделать замечательный доклад президенту Вильсону, и мы твердо считаем, что нашей стране следует добиться такого же успеха». Немного времени спустя Джерард писал из Берлина, что германское правительство рассматривает вопрос об отправке в Америку какого-нибудь своего «полковника Хауза». Имя полковника уже начинало обозначать определенную функцию.

6

Глава истории, которую создал Хауз, далеко превосходила самые пылкие предположения любого корреспондента. Даже если она не имела последствий, то и тогда должна вызывать удивление. Собственными усилиями и без всяких полномочий, не считая нескольких случайных писем от президента, он создал величайшую и единственную возможность, которая, если бы за нее ухватились президент и союзники, представляла путь к миру либо через американское посредничество, либо в результате вступления США в войну на стороне союзников. Способность союзников оценить все значение этого предложения оставалась под сомнением. В согласии президента Хауз не сомневался.

Вера в него была оправдана 6 марта, когда он приехал в Вашингтон и сделал доклад президенту.

Гарвин телеграфировал нью-йоркской «Трибюн»:

«Когда полковник Хауз будет иметь свою первую продолжительную беседу наедине с президентом Вильсоном, то стены в Вашингтоне, если бы они имели уши, удостоятся исключительной привилегии. Текст вступительной части беседы заперт в сейфе — в собственной груди полковника Хауза. Я не буду пытаться строить догадки»[1].

В действительности первая продолжительная беседа между ними произошла на открытом воздухе, и стен, чтобы слышать, не было.

«*6 марта 1916 г.* После завтрака,—писал Хауз,—президент, миссис Вильсон и я совершили автомобильную прогулку, продолжавшуюся более двух часов. За это время я рассказал о всех значительных подробностях моей поездки. На обратном пути президент довез меня до министерства иностранных дел, где в часовой беседе с Лансингом я в сжатой форме сообщил ему все то, что сказал президенту.

Затем я вернулся в Белый Дом. Мы с президентом снова углубились в беседу, продолжавшуюся почти до семи часов. Я показал ему меморандум, который мы с сэром Эдуардом Грэем считали основой моего соглашения с Францией и Великобританией. Президент согласился с ним in toto (целиком) и только предложил вставить слово «вероятно» на девятой строке после слова «США» и перед словом «покинут». Он также предложил, чтобы на следующий день мы с ним составили полный текст моего сообщения Грэю...»

Противники президента утверждали, что он холодный человек, которому не свойственно выражать благодарность. В данном случае, по крайней мере, подобная критика была бы неуместной. Когда Хауз встал, чтобы удалиться, президент положил руку на плечо полковника и сказал: «Невозможно представить себе более трудную задачу, чем та, которая была поручена вам, но выполнили вы ее—сверх всяких моих ожиданий». На слова Хауза, какую он почувствовал бы гордость, если бы Вильсону только дана была возможность провести план в жизнь, президент ответил: «Вы должны гордиться собой, а не мною, так как все это сделали вы».

Обещание Хауза союзникам было формально санкционировано президентом 7 марта, и притом в самой выразительной форме, так как телеграмма к Грэю с подтверждением его меморандума собственноручно написана Вильсоном, хотя подписал ее Хауз.

---

[1] Нью-йоркская «Трибюн», 27 февраля 1916 г.

«Самым важным событием дня, — отмечал полковник, — было составление телеграммы сэру Эдуарду Грэю. После недолгого обсуждения президент стенографической записью зафиксировал наше мнение, а затем сел за свою пишущую машинку и напечатал весь текст телеграммы... Тот факт, что он письменно одобрил всю мою деятельность, дает мне глубокое удовлетворение».

Меморандум Грэя и подтверждавшую его телеграмму, составленную Вильсоном и Хаузом, можно рассматривать как документальное доказательство готовности президента бросить все наши силы на дело заключения справедливого мира. Эти документы гласят:

«Меморандум сэра Эдуарда Грэя.

Конфиденциально.

Полковник Хауз сообщил мне, что если президент Вильсон будет уведомлен Францией и Великобританией, что наступил благоприятный момент, он готов предложить созыв конференции с целью покончить с войной. Если союзники примут это предложение, а Германия откажется от него, то США, вероятно, вступят в войну против Германии.

Полковник Хауз выразил мнение, что, в случае созыва такой конференции, она обеспечит мир на условиях не неблагоприятных для союзников; если же конференции не удастся обеспечить мир, США (вероятно[1]) покинут конференцию в качестве воюющей на стороне союзников державы, если Германия проявит неблагоразумие.

Полковник Хауз определенно высказался в пользу восстановления Бельгии, передачи Эльзас-Лотарингии Франции и приобретения Россией выхода к морю, хотя и считал, что потеря Германией территории в одном месте должна быть компенсирована ей в других местах, вне Европы. Если союзники будут откладывать принятие предложения президента Вильсона, и если с течением времени война выльется в настолько неблагоприятные для них формы, что вмешательство США не оказало бы эффективного действия, то США перестанут проявлять интерес к Европе и позаботятся о своей безопасности, опираясь на собственные силы.

Я сказал, что считаю подобное заявление, исходящее от президента США, настолько важным, что я должен информировать

---

[1] Президент Вильсон вставил слово «вероятно» для того, чтобы оно соответствовало тому же слову, стоящему тремя строками выше и восемью строками ниже. Ценность предложения нисколько не была уменьшена добавлением слова «вероятно», которое было обычным выражением дипломатических документов: так как объявление войны зависит от конгресса и поскольку президент разделяет с сенатом контроль над иностранной политикой, то Вильсон не мог в категорической форме гарантировать образ действий США в будущем. Все же на практике президент может решить вопрос, о мире и войне и его намерения выражены здесь в наиболее энергичной и допустимой форме.

о нем премьер-министра и моих коллег, но что я не могу ничего сказать, пока не узнаю их мнения. Английское правительство ни при каких обстоятельствах не могло принять или выдвинуть какое-нибудь предложение, не посовещавшись и не достигнув соглашения с союзниками. Я полагал, что кабинет, вероятно, сочтет, что ныне создавшееся положение не благоприятствует попытке начать переговоры с союзниками по этому вопросу в настоящий момент; но ввиду того, что полковник Хауз имел конфиденциальную беседу с г-ном Брианом и г-ном Жюлем Камбоном в Париже, я полагаю правильным сообщить г-ну Бриану частным порядком, через французского посла в Лондоне, то, что передал нам полковник Хауз, и, разумеется, я готов во всякий момент, когда представится возможность, приступить к переговорам по этому вопросу с г-ном Брианом, если он того пожелает».

Подписано инициалами *Э. Г.*

Телеграмма Хауза Грэю

Нью-Йорк, 8 марта 1916 г.

«Я доложил президенту об общих выводах, к которым мы пришли на нашем совещании от 14 февраля, и в свете этих выводов он уполномочивает меня заявить, что постольку, поскольку он может ручаться за будущее США, он согласен с переданным вами мне меморандумом с единственной следующей поправкой: после слова «США» и перед словом «покинут» в строке девятой будет добавлено слово «вероятно».

Прошу подтвердить получение этой телеграммы.

Э. М. Хауз».

Таким образом, случай громко постучался в двери союзнических кабинетов. Это было приглашением и предостережением. Если они примут приглашение и Германия согласится на выработанные Хаузом условия, то союзники всего добились бы в пределах разумных требований; если Германия откажется, что казалось вероятным, то Вильсон предлагал помощь США, чтобы заставить ее принять эти условия. Хауз показал воюющим странам, что достаточно подать знак рукой для того, чтобы они могли заручиться помощью США либо для заключения справедливого мира, либо для одержания победы. Но если союзники сигнала не подадут, то как и предупреждалось, США самостоятельно защитят себя.

Это предложение было сделано в момент, когда правительство США предавали анафеме за его абсолютное безразличие к делу справедливости и гуманности. Рузвельт призывал проклятия на голову президента, который предоставил союзникам самим спасать цивилизацию от угрозы варваров-гуннов в то время, как США

из трусости и корыстолюбия оставались в стороне. Общественное мнение во Франции и в Англии открыто выражало свое презрение. Несколько месяцев спустя посол Пэйдж в одном из особенно тщательно написанных донесений министру иностранных дел объяснял суть английского общественного мнения, приведя для этого злобные выпады по адресу президента, раздававшиеся с подмостков мюзик-холлов, и насмешливые замечания солдат в окопах, окрестивших неразорвавшийся снаряд кличкой «Вильсон». Писал он о мнении среднего благонамеренного англичанина, но делал это с таким красноречием, которое свидетельствовало о его, посла, сочувствии этому мнению.

«Англичане пришли к заключению,—писал Пэйдж,—что наше правительство не понимает морального значения их борьбы с разрушительной военной автократией... Они сомневаются в том, сознаем ли мы необходимость во взаимной симпатии народов, говорящих на английском языке, уважаем ли мы наше национальное единство, наши национальные стремления, наше национальное мужество. Они сомневаются, попрежнему ли мы считаем превосходство демократии единственной мерой защиты от хищного абсолютизма. Они не ждали, что мы откажемся от нейтралитета. Но, сражаясь за сохранение свободного строя, они разочарованы тем, что наше правительство не делает морального различия между ними и врагами свободного строя. Они чувствуют, что пользуются моральной поддержкой почти всего цивилизованного мира, за исключением правительства США. Они спрашивают себя, смогут ли они в будущем довериться искренности нашего правительства в международных делах».

На все это президент Вильсон не ответил ни единым публичным выступлением, ни разу не пытался оправдываться. Но предложение, тайным образом переданное им через Хауза, служило исчерпывающим ответом. Если бы Франция и Англия не сумели воспользоваться предоставленной им возможностью, то вызвали бы подозрение, что они воевали не ради заключения справедливого мира, а ради корыстных целей. Во всяком случае, они более уже не могли бы утверждать, что несут бремя человечества, между тем как Америка остается в стороне.

ГЛАВА VIII

ПОСЛЕ ПОТОПЛЕНИЯ «СУССЕКСА»

«Человеку безответственному легко, сидя за стаканом вина, с сигарой во рту, решать, как поступить лучше».

Из дневника полковника Хауза, 9 апреля 1916 г.

1

Президент Вильсон на известных условиях согласился на участие США в войне. Об этом свидетельствовало предложение, сделанное им союзникам через полковника Хауза. Но он не желал вступать в войну лишь для того, чтобы удовлетворить националистские стремления союзных держав, и без всякой гарантии, что американская помощь послужит делу постоянного мира.

«Мы держимся в стороне,—заявил он публично, несколько месяцев спустя, —не потому, что мы считаем, будто война нас не касается, а потому, что когда мы прибегаем к силе нашей страны, мы хотим знать, ради чего мы к ней прибегаем... Определим составные части, убедимся, что мы сражаемся не во имя превосходства одной нации над другой, не во имя удовлетворения честолюбивых замыслов одной группы наций за счет честолюбия другой группы наций; дайте нам веру в то, что мы призваны на великое дело борьбы за права человечества, и тогда Америка объединит свои силы и прольет свою кровь ради великих задач, в которые она всегда верила и которым всегда следовала».

Этими словами президент предупреждал союзников, что если они хотят помощи Америки, то должны искренно держаться своих деклараций о том, что они сражаются за всеобщий мир и за безопасность малых народов, а не для того, чтобы уничтожить Германию. Высшее оправдание американского вмешательства заключалось в надежде положить конец этой войне и предотвратить будущие войны. Германии следует дать возможность согласиться на умеренные условия; если же она откажется, то долг Америки

будет ясен. «Доблесть,—заявил Вильсон 26 февраля,—остается в стороне от мелких стычек и препятствий, ожидая великого момента, когда меч блеснет, словно на его клинке отразился свет с неба». Подобным образом он открыто обратился к союзникам с тем, чтобы дать им возможность воспользоваться американской помощью.

В ожидании ответа союзников президенту приходилось действовать в очень трудных условиях. Отношения с Германией были напряженными; в то же время, имея в виду переговоры Хауза, президент прежде всего стремился избежать разрыва до получения ответа от союзников. Германия уступила в вопросе об «Арабике» и обещала больше не топить пассажирских судов без предупреждения. Неограниченная подводная война, которой требовали германские морские круги, распоряжением канцлера была приостановлена. Но Берлин упорно отказывался принести извинения за «Лузитанию», на которых Вильсон настаивал. Немцы согласились уплатить компенсацию за жизни американских граждан и выразить сожаление, принимая во внимание «дружбу между обеими странами». Но Циммерман все же настаивал, что в качестве контрмеры потопление «Лузитании» было оправдано английской продовольственной блокадой, и отказывался признать, что потопление было незаконным. Лансинг, с другой стороны, заявил, что когда репрессивные меры затрагивают граждан нейтральных стран, они противоречат законам ведения войны, а изданием новых приказов командирам подводных лодок после потопления «Арабика» Германия молчаливо признала незаконный характер нападения на «Лузитанию», поэтому Лансинг требовал от германского правительства откровенного признания этого беззакония.

Спор шел вовсе не только о словах. До того времени Германия, хотя и соглашалась на требование Вильсона, чтобы подводные лодки давали предупреждение перед нападением и считались с условиями безопасности для пассажиров и команды, не признавала незаконности неограниченной подводной войны и не собиралась этого признавать. В противном случае она была бы лишена возможности изменить приказы командирам подводных лодок и начать интенсивную борьбу с английской торговлей. На время она соглашалась воздержаться от неограниченной подводной войны, но она не соглашалась связать себя по рукам на будущее путем признания незаконности нападения на «Лузитанию». Германскую точку зрения иллюстрируют приведенные ниже письма.

Письмо Циммермана Хаузу

Берлин, 29 января 1916 г.

«Дорогой полковник!

... К сожалению, я должен заявить, что последнее предложение, только что переданное нам графом Бернсторфом, неприемлемо

для императорского правительства. В то время, как мы с радостью готовы уладить инцидент путем, который может оказаться приемлемым для правительства США, недавнее предложение содержит следующие две фразы, с подчеркнутыми местами которых мы согласиться не можем:

«Этим самым немецкие контррепрессии затронули граждан нейтральных стран, чего не предполагалось, так как *контррепрессии становятся незаконным актом, когда они применены к подданным невоюющей страны*», и далее: «императорское правительство, которое в соответствии с этим случаем отдало своим морским офицерам новые инструкции, находящиеся сейчас в силе, выражает глубокое сожаление, что граждане США пострадали при потоплении «Лузитании», *и, признавая незаконность создания таким образом опасности и свою ответственность*, предлагает компенсацию за жизни (sic!) погибших граждан США в виде удовлетворительного платежа».

Боюсь, что если правительство США будет настаивать на таком тексте, то разрыв будет неминуем, о чем, я уверен, вы будете сожалеть в такой же мере, как и я, по причинам, которые мы оба признали наиболее важными для будущей политики и благосостояния белых рас.

После всех хлопот, предпринятых обеими сторонами, чтобы уладить вопрос, мне все еще не хочется верить, что дела обстоят так плохо, как кажется. Мне думается, что должен существовать выход. Но предложенный текст, который фактически равноценен объявлению незаконности подводной войны, никогда не сможет быть одобрен германским правительством и, кроме того, будет нетерпим для общественного мнения в Германии, с которым нельзя совсем не считаться.

Я буду вам очень признателен, дорогой полковник, если вы сможете довести вышесказанное до сведения президента, как вы любезно предложили.

Заранее благодарю вас за ваши услуги...

Остаюсь, дорогой полковник,

искренно ваш *Циммерман*».

Письма Джерарда Хаузу

Берлин, 1 февраля 1916 г.

«Дорогой полковник!

Вчера вечером я был на обеде у фон Ягова. Он сказал, что сегодня я получу ноту, в которой будут приняты все предложения Бернсторфа, за исключением, как он выразился, одного слова, а именно: Германия признает свою ответственность за потери американских жизней при потоплении «Лузитании», но не согла-

сится с тем, что акт потопления был незаконным. Он сказал, что международное право должно быть изменено, подводные лодки стали новым оружием, а если даже случится разрыв с Америкой, то у них есть множество новых подводных лодок и они сумеют организовать эффективную подводную блокаду Англии...

Всегда ваш *Джэймс У. Джерард*».

Берлин, 8 февраля 1916 г.

«Дорогой полковник!

Проездом здесь остановился на один день Моргентау. Я отправился с ним к фон Ягову, с которым мы беседовали около часа. Потом группа немцев устроила ему свидание с Циммерманом, который спросил его, не думает ли он о том, что в случае войны между Германией и США американские немцы поднимут восстание.

Фон Ягов очень определенно заявил, что Германия не заключала с нами *никакого соглашения* о подводной войне, а лишь *заявила*, что командирам подводных лодок дан определеный приказ. Он совершенно ясно дал понять, что Германия оставила за собой право в любой момент изменить этот приказ. Касаясь общей проблемы, он снова повторил, что подводные лодки стали новым оружием и законы международного права должны быть изменены; очевидно, он отстаивал право Германии изменять эти законы по своему усмотрению и без согласия какой-либо другой заинтересованной державы...

Всегда ваш *Джэймс У. Джерард*».

Все эти разногласия были обострены новым вопросом, который угрожал привести не только к спору с союзниками, но и к внутреннему кризису, затрагивавшему вопрос о президентстве Вильсона. Начиная с прошлой осени, Лансинг был занят вопросом о том, каким образом удовлетворить германские жалобы на то, что подводные лодки не могли придерживаться законов посещения и обыска судна ввиду того, что вооруженное торговое судно могло потопить подводную лодку в тот момент, когда она давала предупреждение. Немцы утверждали, что подобные торговые суда в действительности были вооружены для агрессивных целей и, следовательно, должны рассматриваться как вспомогательные крейсеры.

Лансинг соглашался, что лучшим разрешением этого вопроса был бы отказ от закона, допускающего вооружение торговых судов с целью самозащиты.

«До 1915 г.,—утверждал он,—право вооружения торговых судов, повидимому, основывалось на слабой степени подобного вооружения по сравнению с сильно вооруженными крейсерами и на худшем вооружении пиратских и каперских судов, против

которых вооруженные торговые суда могли защищаться. Появление подводной лодки изменило эти условия, потому что, основывая свою защиту только на погружении, подводная лодка по своей конструкции почти беззащитна, так что даже торговое судно, вооруженное легким орудием, может эффективно использовать его против подводной лодки. Кроме того, пираты исчезли с главных морских путей, и каперство уничтожено, следовательно, установка орудий на торговые суда в наши дни подводной войны может быть объяснена лишь желанием сделать торговые суда более сильными, чем подводные лодки, и предотвратить предупреждение, посещение и обыск. Поэтому всякое вооружение на торговом судне неизбежно будет иметь характер агрессивного вооружения»[1].

Многие американцы, в том числе посол в Германии, чувствовали логичность аргументов Лансинга. «Я всегда сочувствовал в этом вопросе скорее подводным лодкам»,—писал Джерард Хаузу 15 февраля. Неделю спустя он писал:

«Подводная лодка—оружие войны, признанное самими англичанами, так как они сами пользуются этим оружием, и мне кажется абсурдным предложение, чтобы подводная лодка всплывала на поверхность, давала предупреждение, предлагала доставить в безопасное место пассажиров и команду, а сама превращалась бы в мишень для торговых судов, для которых открывать огонь по подводным лодкам не только вошло в обычай, но которые несомненно получили приказ действовать подобным образом.

Англичане не пытались оспаривать логику Лансинга. Они обосновали свою точку зрения тем, что Германии нельзя доверять, и если торговые суда будут разоружены, их будут топить без пощады. «Единственное возражение против принятия каких-либо предложений со стороны германского правительства в отношении действий германских подводных лодок в случае, если бы мы обязались разоружить наши торговые суда,—писал лорд Брайс Хаузу 19 февраля 1916 г.,—заключается в том, что мы не можем доверять никаким германским обещаниям... И в то время, как мы лишимся чего-то определенного и осязаемого, мы выиграем лишь абсолютно иллюзорные обещания... Нам приходится иметь дело с уклончивым и вероломным правительством...»

В самом начале разногласий, ранней осенью прошлого года, Бальфур писал Хаузу, избегая всяких технических аргументов и лишь утверждая, что если США одобряют германские претензии, то тем самым они окажут содействие бесчеловечным способам ведения морской войны.

---

[1] Циркулярное письмо от 26 января 1916 г. министра иностранных дел посольствам в Европе.

Письмо Бальфура Хаузу

12 сентября 1916 г.

«Дорогой полковник Хауз!

Вы очень любезно предлагали мне писать вам по любому интересующему меня вопросу, и я написал бы вам уже давно, если бы не был уверен, что другие лица держали вас в курсе дела здесь. Я только что узнал об одном вопросе, который сможет очень сильно отразиться не только на интересах нашей страны, но, как мне думается, и на интересах всего цивилизованного мира, нейтральных и воюющих стран. Несомненно, что этот вопрос станет предметом официальной переписки между нашим и вашим министерствами иностранных дел; но это—не есть письмо от министерства к министерству, а частное письмо человека к человеку.

Только час тому назад я узнал в нашем министерстве иностранных дел, что ваше министерство иностранных дел рассматривает вопрос о том, не следует ли ему изменить установленные в Вашингтоне правила, касающиеся обращения с торговыми судами воюющих стран, вооруженных исключительно с целью самозащиты и производящих лишь чисто торговые операции. Причиной этого изменения будто бы является тот факт, что подобные суда, хотя и вооруженные только для самозащиты, перешли к агрессивным действиям против германских подводных лодок. Позиция вашего министерства иностранных дел сводится к тому (насколько я понимаю), что законы США, применимые к прежнему положению вещей, требуют изменений перед лицом новых обстоятельств, и министерство иностранных дел изучает сейчас вопрос о необходимости и о характере этих изменений.

Я, как вы знаете, менее кого-либо другого буду поддерживать точку зрения, что перед лицом быстро меняющихся условий ведения войны устаревшие законы не должны подвергаться никаким изменениям. В своем обращении к вам я исхожу из гораздо более широких оснований, чем довод о прецеденте.

Правило немцев заключается в том, чтобы топить без предупреждения всякое судно, которое по их предположению ведет торговлю с Англией. Все нейтральные державы признают, что это противоречит как международным законам, так и принципам гуманности. Но помешать в этом они до сих пор были бессильны; никто и не воображает, что в этом вопросе Германия послушается иного голоса, кроме голоса собственной выгоды. Но нейтральные державы, не обладающие никаким военным эффективным орудием, которое можно было бы направить против немцев, обладают другим очень мощным орудием в виде своих собственных законов, которые они могут применить против союзников. Если они почти бессильны парализовать нападение, они зато могут сильно затруднить защиту; и я очень опасаюсь, что подобный несчастливый ре-

зультат будет достигнут, если ведущие нейтральные державы мира воспротивятся вооружению торговых судов с целью самозащиты.

Выдвигаемые немцами аргументы по этому вопросу кажутся настолько же циничными, насколько их действия—бесчеловечными. Они жалуются на то, что торговые суда, плавающие в морях, где действуют подводные лодки, двигаются зигзагообразно, что иногда несомненно приводит к тому, что их нос или корма оказываются направленными в сторону подводной лодки. Это, заявляют немцы, является доказательством агрессивных намерений торгового судна; раз нос судна направлен к подводной лодке, то налицо очевидное намерение протаранить ее; если же судно повернулось кормой к подводной лодке, то оно явно стремится обстрелять подводную лодку из своих орудий. И в том и в другом случае немцы считают себя вправе в целях самозащиты атаковать судно тотчас по его появлении. Другими словами, немцы заявляют, что один лишь факт попытки жертвы спастись заключает в себе угрозу враждебного действия, которое оправдывает крайнюю степень жестокости.

Несомненно, можно утверждать, что события не всегда развиваются так. Если капитан вооруженного или невооруженного торгового судна заметит на носу судна германскую подводную лодку, то, думается мне, весьма вероятно, что он попытается ее протаранить. Откровенно сознаюсь, что на месте капитана я так и поступил бы, хотя и знал бы отлично, что в случае моей неудачи подводная лодка попытается пустить мое судно ко дну. Но дело в том, что подводная лодка будет пытаться потопить судно при любых условиях, и я не вижу, за что можно обвинить капитана торгового судна. Когда морская война велась на основе цивилизованных законов, то всякое торговое судно, которое пыталось бы совершить враждебный акт, заслуживало бы всяческого порицания. Поступая подобным образом, оно незаметно превратилось бы в вооруженный крейсер и при захождении в порты нейтральных стран не могло бы требовать, чтобы с ним обращались, как с мирным торговым судном. Но когда мы имеем дело с врагом, не признающим никаких законов, и который не раз и не два, не случайно, а повторно и намеренно топил мирные торговые суда без предупреждения, то как могут эти суда безучастно ждать, пока им предложат сдаться? К тому же никаких предложений о сдаче никогда и не бывало. Пускается торпеда или открывается огонь из орудия—и все кончено. Хладнокровная резня заняла место старой процедуры, санкционированной и одобренной международным правом.

Я не могу не думать, что если подойти к этому вопросу более широко, то мы увидим, что каковы бы ни были законы ведения морской войны и каким бы изменениям они ни подвергались, изменение собственного закона какой-либо крупной нейтральной

страны в направлении, благоприятствующем инициатору незаконных поступков и враждебном жертвам этих поступков, не послужило бы интересам международной морали. Несомненно, что разрешение мирным порядком проблем, поставленных этой войной, будет делом чрезвычайно трудным; но беру на себя смелость предположить, что эти трудности не уменьшатся, а увеличатся, если в то время, как лучшая часть общественного мнения нейтральных стран относится враждебно к злоупотреблению немцами подводными лодками, действия нейтральных стран в то же время косвенно поддерживали бы эти злоупотребления.

Прошу мне верить.
Искренно ваш *А. Дж. Бальфур*».

Но Лансинг, несмотря на свое личное сочувствие союзникам, настаивал на логичности германской позиции и заявлял, что если подходить к ней с точки зрения справедливости, то он не мог требовать от немцев, чтобы они строго придерживались правил посещения и обыска. 18 января 1916 г. он передал союзным послам неофициальную ноту с предложением разоружить все торговые суда, взамен чего они будут избавлены от нападений без предупреждения и по ним не будет открываться огонь, за исключеним тех случаев, когда они будут оказывать сопротивление или попытаются скрыться. Союзники были недовольны. Позиция Лансинга была ослаблена подозрением, что он выдвинул это предложение с целью дать возможность Германии проявить бóльшую уступчивость в споре о «Лузитании». Еще хуже было то, что предложение было опубликовано 28 января 1916 г., так что вся проблема была отдана на публичное обсуждение. Несмотря на то, что предложение Лансинга было условным и неофициальным, английская печать с негодованием выступала против «капитуляции» Вильсона перед Германией.

Телеграмма Лансинга Хаузу

Вашингтон, 3 февраля 1916 г.

«... Пэйдж телеграфирует, что Грэй серьезно обеспокоен предложением, так как, по его мнению, оно целиком направлено в пользу Центральных держав и против союзников.

Пэйдж опасается, что это предложение будет рассматриваться как германская победа и все наше влияние среди союзников будет потеряно.

Я твердо считаю, что это предложение честное и служит единственным гуманным разрешением вопроса о подводной войне.

Если торговые суда вооружены и на них установлены орудия для того, чтобы топить нападающие подводные лодки, что имело место до сих пор и о чем торговые суда сейчас имеют определенные инструкции, то несправедливо настаивать, чтобы подводные лодки подвергались риску всплывания на поверхность для предупреждения торгового судна.

По-моему, отказ от того, чтобы хладнокровно рассмотреть наше предложение, только укрепит позицию Германии. Это предложение не имеет никакого отношения к разрешению вопроса о «Лузитании», и Германии о нем не было сказано ничего, стало же оно необходимым в результате положения, создавшегося в Средиземном море, и ввиду того, что сюда прибывают вооруженные пушками торговые суда. Я чувствую, что в этом вопросе мы требуем от Германии слишком многого.

Лансинг».

2

Английские подозрения о том, что предложение Лансинга было выдвинуто в надежде доставить удовольствие Германии и добиться благоприятного разрешения вопроса о «Лузитании», в известной мере оправдались, когда 10 февраля германское правительство объявило, что после 29 февраля вооруженные торговые суда будут рассматриваться как военные суда и что с ними будут поступать соответствующим образом. Сомнительно, чтобы подобным образом немцы хотели заставить Вильсона сообщить союзникам, что вооруженные торговые суда в американских портах будут интернированы как военные суда. Если же они на это рассчитывали, то ошиблись. Вильсон не собирался уступать никому и меньше всего — Германии. Он немедленно дал понять, что предложение Лансинга носило условный характер, что, согласно обычаю, торговые суда имели право вооружаться в целях самозащиты и в случае, если германская подводная лодка совершит нападение на несопротивляющееся торговое судно без предупреждения, Берлину придется считаться с дипломатическими последствиями. Он потребовал от Германии заверений в том, что подводная война против торговых судов будет вестись таким образом, чтобы не подвергались опасности путешествующие по морям американцы.

Другие американцы не так решительно реагировали на германскую угрозу. Многие граждане, главным образом те, которые проживали в глубине страны и редко путешествовали, требовали, чтобы сами американцы остерегались ездить на судах воюющих стран, где их присутствие может привести к международным осложнениям. Если бы американцы избегали опасной зоны, то не подвергались бы опасности быть потопленными, и тем самым кончился

бы спор с Германией о подводных лодках. Конгресс подхватил это требование.

Из-за этого вопроса президент решил рискнуть своим руководящим положением, ибо он столкнулся с тем, что в тот момент казалось открытым бунтом конгресса, возглавляемого его собственной партией. Члены палаты представителей почти открыто предупредили его, что если он не обратится с предупреждением к американским гражданам о том, чтобы они не совершали переездов на вооруженных судах, то палата сама сделает это предупреждение в форме постановления. Соответственный проект резолюции был внесен Джефф. Мак-Лемором из Техаса; спикер палаты Чэмп Кларк возглавил делегацию к президенту и предупредил, что постановление будет принято двумя третями голосов. Председатель иностранной комиссии сенатор Стоун утверждал, что если Вильсон не уступит, то будет осужден своей собственной партией; сенатор Гор из Оклахомы представил сенату проект резолюции, аналогичный резолюции Мак-Лемора.

Но президент не намеревался отступать перед угрозой бунта в своей партии, равно как и перед угрозой со стороны немцев. Он немедленно написал письмо Стоуну, заявляя, что он будет защищать право американцев путешествовать на морях в безопасности.

«Ни одна группа наций,—писал он,—не имеет права, в то время как идет война, изменять или игнорировать принципы, принятые всеми нациями для смягчения ужасов и страданий войны, и если законные права американских граждан будут ограничены или в них будет отказано, то мне кажется, что честь указывает нам только один путь. Что касается меня, я не могу согласиться ни на какое ограничение прав американских граждан. Речь идет о чести и самоуважении нации. Мы стремимся к миру и сохраним его любой ценой, кроме потери чести... Достаточно раз согласиться на какое-либо ограничение прав, чтобы за ним последовали другие унижения, и вся сложная паутина международного права по кусочкам расползется в наших руках. Наши стремления в этом вопросе представляют самую сущность того, что сделало из Америки независимую нацию. Она не может уступить в этом вопросе, не признавшись в своем бессилии как нации и фактически сдав свою позицию независимой страны среди государств всего мира...».

Решимость Вильсона была поддержана общественным мнением и решением палаты представителей, отвергнувшей 7 марта резолюцию Мак-Лемора 275 голосами против 135. Президент одержал в своей партии даже более яркую победу, чем два года тому назад во время споров о панамских пошлинах. Демократические лидеры голосовали против него, но рядовые депутаты его поддержали; большинство голосов за резолюцию об уступке американских прав

было подано республиканцами[1]. Результат голосования укрепил положение Вильсона в стране, так как публика поняла, что, стремясь избежать разрыва с Германией, он в то же время полон решимости отстоять права американских граждан; одновременно результат голосования ослабил позиции республиканцев, утверждавших, что они защитники американских свобод, но на поверку возглавивших группу сторонников капитуляции.

Хауза очень беспокоили разногласия по вопросу о вооруженных торговых судах, так как он усматривал в этом опасность, которая могла разрушить его планы американского посредничества путем угрозы применения силы. Во время пребывания Хауза в Европе эти разногласия усилились, и он опасался, что союзники сочтут предложение Лансинга признаком враждебности и откажутся отнестись с доверием к предложению Вильсона о помощи, для установления справедливого мира. 5 февраля он телеграфировал Лансингу, что его предложение само по себе «кажется справедливым, но что параллельно необходимо рассмотреть много вопросов».

Неделю спустя он телеграфировал: «В связи с разногласиями о вооружении торговых судов затронуто столько других вопросов, что, я горячо надеюсь, вы отложите вопрос до моего возвращения».

Пересекая Атлантический океан, Хауз не терял связи с Вашингтоном; создавшаяся ситуация его не радовала.

«*4 марта 1916 г.* Капитан ежедневно передавал мне полученные им радиограммы. Из них я узнал, что в результате несвоевременного предложения о разоружении торговых судов президент и Лансинг попали в затруднительное положение. От президента я получил две радиограммы, в одной из которых он требовал моего немедленного возвращения в Вашингтон, а в другой предупреждал, что Бернсторф поджидает меня в Нью-Йорке, и советовал мне избежать встречи с ним.

Углубив это разногласие с конгрессом и создав несколько обостренные отношения с Германией, президент и Лансинг в значительной мере помешали моим стараниям за границей. Если бы они сохранили положение в прежнем виде, на чем я настаивал, то я уверен, что план вмешательства США с целью покончить с войной прошел бы без заминки. Я глубоко разочарован, но надеюсь, что положение может быть исправлено таким образом, чтобы план мог быть осуществлен.

Безрассудная поспешность Германии, выразившаяся в заявлении о том, что с 1 марта подводные лодки будут рассматривать

---

[1]

	за	против
Республиканцы	93	102
Демократы	182	33
	275	135

вооруженные торговые суда как военные корабли, дало правительству США возможность отказаться от предложения Лансинга.

«Ввиду нового решения германского Тайного совета в отношении вооруженных торговых судов,—телеграфировал Лансинг Хаузу,—и ввиду интервью, данных разными германскими офицерами, неправильно осветивших позицию нашего правительства в этом вопросе, мы намерены двигаться медленно». Когда Хауз разъяснил положение Вильсону, президент обеспокоился. Он «воспользовался случаем, чтобы винить себя и Лансинга,—отмечал Хауз 7 марта,—за то, что они позволили этому разногласию всплыть на поверхность...»

Президент показал прекрасный пример, отказавшись уклониться от ответственности. Предложение Лансинга было отклонено союзниками и забыто; правительство США удовольствовалось получением от капитанов торговых судов официального заверения, что их вооружения предназначены только для самозащиты.

3

Разногласия о вооружении торговых судов в самом деле угрожали подорвать планы Хауза, так как союзники были уверены, что предложение Лансинга было направлено к тому, чтобы оказать помощь Германии и добиться разрешения спора о «Лузитании». Все же Хауз чувствовал, что занятая в конечном счете Вильсоном твердая позиция по отношению к Германии, а также к более умеренным лидерам в конгрессе доказывала готовность президента действовать решительно, если союзники доверятся ему и примут его предложение о посредничестве.

Но союзники не были готовы принять это предложение. Успешная защита французами Вердена укрепила их в уверенности, что контрнаступление союзников может привести к победе над Германией на западном фронте и тогда они смогут навязать Германии более жесткие условия, чем те, которые предложены в меморандуме Хауза-Грэя и одобрены Вильсоном. Для США, следовательно, не оставалось ничего другого, как ждать, пока обе воюющие стороны не поймут, что они в тупике. Все же полковник не преминул напомнить союзникам, что если они не слишком будут откладывать принятие американского предложения, то прежняя возможность оставалась перед ними еще открытой.

Письмо Хауза Грэю

Нью-Йорк, 10 марта 1916 г.

«Дорогой сэр Эдуард!

После того, как я рассказал президенту о нашем совещании, он написал телеграмму, посланную мною вам 8 марта. К ней я ни-

чего не прибавил, так как она полностью одобряла все, что мы сделали.

Если положение будет оставаться прежним и если конгресс не свяжет его по рукам, то все пойдет так, как было решено. Его недавняя победа в конгрессе была полной и показывает, что дело целиком в его руках.

Все демократические лидеры в конгрессе выступили против президента, так же как это было в пору разногласий по поводу панамских пошлин, все же им удалось собрать не более 33 демократических голосов. Голоса против были поданы главным образом теми республиканцами, которые в критический момент неожиданно изменили всем своим торжественным заявлениям.

Теперь только от вас зависит сделать следующий шаг, для этого достаточно вашей телеграммы. Если хотите, я каждые две недели буду посылать телеграмму с повторением предложения с тем, чтобы вы могли ее использовать так, как мы в свое время решили. Пожалуйста, дайте мне знать, следует ли мне так действовать или же никак не действовать, пока не поступит указаний от вас.

Будьте уверены, мой дорогой друг, что я постоянно думаю о вас и мне хотелось бы как-нибудь уменьшить то бремя, которое так сильно на вас давит.

Искренно ваш *Э. М. Хауз*».

Пока союзники колебались, обратиться ли им за американской помощью на условиях, выработанных Хаузом, американские отношения с Германией, казалось, улучшились. Спор о праве Германии нападать на вооруженные торговые суда без предупреждения прекратился после победы президента в конгрессе. Роковое 1 марта не было ознаменовано началом обещанной кампании неограниченной подводной войны. Как всегда, политика момента в Берлине зависела от чьих-то взлетов и падений в том непрерывном соперничестве, которое совершалось между германскими властями, удерживаемыми боязнью разрыва с США, и сторонниками фон Тирпица, которые твердили, что Англию можно изолировать и войну выиграть, если им будет предоставлена свобода действий. Отказ Вильсона согласиться на германское толкование понятия агрессивного оружия «болезненно удивил» представителей гражданских властей Германии. Но они продолжали сопротивляться фон Тирпицу, который в конце концов подал в отставку, очевидно, надеясь путем обращения к общественному мнению вернуться к власти полным хозяином положения.

Письма Джерарда Хаузу

Берлин, 29 февраля 1916 г.

«Дорогой полковник!

У меня был грипп, и на несколько дней я отправился в Партенкирхен; но первая с июля 1914 г. ночь на свежем воздухе наполнила меня такой энергией, что я попытался ходить на лыжах, упал и сломал себе ключицу. Я вернулся в Берлин и могу сидеть за письменным столом, но чувствую себя очень неважно.

Мне кажется, что Германия уже собралась было заявить, что она готова прекратить потопление торговых судов без предупреждения, доставлять в безопасное место команду и т. д., если Англия разоружит торговые суда; но теперь, после письма президента Стоуну, канцлер и фон Ягов заявляют, что они убеждены в существовании между Америкой и Англией тайного соглашения и уже ничего нельзя поделать.

Всегда ваш *Дж. У. Дж.*».

Берлин, 7 марта 1916 г.

«Дорогой полковник!

... Мне кажется, что положение с продовольствием здесь становится очень серьезным; но прежде, чем уморят голодом немцев, они сами уморят голодом шесть миллионов бельгийцев, одиннадцать миллионов русских и поляков и два миллиона пленных, так что, в конце концов, вся эта система навязывания голода оказывается непрактичной.

На прошлой неделе высший военный совет заседал в Шарлевилле с целью определить, следует ли приступить к выполнению предложения фон Тирпица о неограниченной подводной блокаде Англии, т. е. о потоплении без предупреждения всех судов вражеских и нейтральных. Фалькенхайн был за это, а канцлер — против, и фон Тирпиц проиграл. Решил, конечно, император...

Всегда ваш *Дж. У. Дж.*».

Берлин, 14 марта 1916 г.

«Дорогой полковник!

... Как говорят, фон Тирпиц «заболел». Я чувствую, что это означает его отставку, и в этом смысле я телеграфировал в Вашингтон. Весьма вероятно, что о его отставке вовсе не будет объявлено.

К. и военным не понравилось, чтобы при конфликте с высшими властями какой-нибудь офицер или чиновник обращались за поддержкой к второстепенным газетам и к толпе вообще.

Я слышал, что и канцлер и фон Ягов угрожали отставкой, если будет принята предложенная фон Тирпицем политика нео-

граниченной подводной блокады против Англии. Как говорят, этот инцидент произошел во время совещания в Шарлевилле...

Всегда ваш *Дж. У. Дж.*».

Берлин, 20 марта 1916 г.

«Дорогой полковник!

События начинают развертываться. Сначала было объявлено о «болезни» фон Тирпица, затем последовала его отставка. Вчера был день его рождения и ожидали демонстрации; на улицу было выведено много полиции, но демонстрантов я не видел. Шумиха может начаться в рейхстаге.

Существуют два источника опасности. Первый—тот, что неуспех под Верденом и новые продовольственные законы могут настроить народ в пользу *гарантии* фон Тирпица, которая заключается в том, что если ему будет разрешено действовать по-своему, то война будет выиграна и кончена. У него уже много сторонников, которым нравится его план. Во-вторых, некоторые депутаты рейхстага и другие люди думают, что фон Тирпиц и его публика не смирятся, пока не будет нового канцлера...

Всегда ваш *Дж. У. Дж.*».

В Вашингтоне и Нью-Йорке полковник Хауз поддерживал связь с Бернсторфом, твердившим, что берлинское правительство будет строго придерживаться своих обещаний, данных в связи с потоплением «Арабика»:

«*10 марта 1916 г.* Я получил от германского посла письмо,—писал Хауз,—в котором он сообщал, что проведет здесь субботу и воскресенье. Я ответил ему приглашением увидеться в воскресенье, в 10 часов. Чтобы показать, насколько тщательно они за ним наблюдают, Флин[1] сообщил, что знал о его приезде. Флин считает необходимым проверять мой телефонный провод, и это будет производиться каждую неделю...»

«*12 марта 1916 г.* Я повторил (Бернсторфу) то, что говорил его правительству в Берлине о бессмысленности налетов цеппелинов на Англию и Францию, и доказал ему, что с точки зрения военной эти налеты давали преимущество Англии, нанося в то же время вред Германии.

Мы обсудили международное положение и говорили о том, что произойдет в случае, если США присоединятся к союзникам против Центральных держав. Мне кажется, что я убедил Бернсторфа, что единственной надеждой на скорое окончание войны было бы вмешательство США. Если нам удастся добиться от союзников подачи сигнала, то мне кажется, что Германия уступит; но отсрочка грозит опасностью...»

---

[1] Начальник тайной полиции.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 12 марта 1916 г.

«Дорогой начальник!

Бернсторф сегодня утром провел у меня час. Как всегда, он рассуждал трезво и готов вполне беспристрастно обсуждать текущие вопросы.

Он считает, что сейчас лучше ничего не делать и ничего не говорить по вопросу о разоружении торговых судов. Он конфиденциально сообщил, что они согласны прекратить спор, если его прекратим мы. Он заявляет, что впутался в этот вопрос случайно и в результате нашего подстрекательства.

Он полагает, что со стороны подводных лодок не будет враждебных действий, которые могли бы поссорить наши две страны, по крайней мере, в настоящее время, пока власть в руках канцлера. Я выразил мнение, что новое преступление такого рода ускорило бы объявление войны, и объяснил ему, почему я полагаю, что война будет иметь самые худшие последствия не только для Германии, но и для союзников; если мы будем вовлечены в войну, то некому будет указать выход из положения. Эта концепция очень его заинтересовала; он спросил, при каких условиях может наступить момент вашего вмешательства. Я сказал ему, что по этому вопросу вы не выражали никакого мнения, но что я советовал вам вмешаться в соответствующий момент. Он спросил, когда, по-моему, настанет соответствующий момент. Я ответил, что не раньше, чем кончится их наступление на Западе, и возможно не раньше, чем союзники произведут контрнаступление. Он спросил, сколько это, по-моему, займет времени. Я ответил, что, по-моему, это займет несколько месяцев. Он считает, что Германия будет приветствовать наше вмешательство и спросил, ожидаю ли я согласия на него со стороны союзников. Я сказал, что, по-моему, англичане отвергнут наше вмешательство. Это верно, но ему я сказал это с определенной целью...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

4

Надежды полковника Хауза на то, что дипломатические отношения останутся без перемен, были скоро разрушены самым грубым образом. 24 марта в курсирующий по Ламаншу пароход «Суссекс», невооруженное пассажирское судно, была пущена торпеда, снесшая всю его носовую часть. Корма продолжала держаться на воде, но было убито и ранено около 80 мужчин и женщин всевозможных возрастов, подданных нейтральных держав. Нападение было совершено без предупреждения, подводную

лодку даже не видели, и первым указанием на опасность был след на воде от приближавшейся торпеды. Более того, нападение, повидимому, свидетельствовало о продуманном намерении возобновить неограниченную подводную войну, так как в период между 9 и 29 марта было потоплено 8 пароходов. На борту каждого из этих пароходов находились американские граждане, хотя ни один американец не погиб.

Внезапность возобновившихся нападений несомненно удивила посла Джерарда и, видимо, озадачила Бернсторфа. Насколько историк может судить из позиции германского канцлера и министра иностранных дел до и после кризиса, нападение произошло без их приказания и просто показывает, как развилась политическая анархия в Германии, где морское командование действовало посвоему, помимо воли политических вождей.

Как и в период после потопления «Лузитании», Хауз полагал, что, как бы ни была мала ответственность тех, кто считались руководителями германской политики, разрыва с Германией нельзя было и не следовало избегать. Он надеялся, что США смогут вмешаться с целью покончить с войной; раз война будет объявлена, она будет продолжаться до полного разгрома Германии; поэтому он боялся экономических и моральных последствий всякой проволочки. Но он знал, что если в наступившем кризисе Вильсон не будет действовать решительно, то американскому влиянию во всем мире придет конец.

«Похоже, что на сей раз мы должны действовать без дальнейших разговоров,—отмечал Хауз 27 марта.—Пожалуй, физически я чувствую себя недостаточно хорошо, чтобы предпринять поездку в Вашингтон, но считаю, что мне следует быть там, чтобы в эти критические часы помочь президенту советом. Я боюсь, что он затянет дело и будет писать новые ноты, между тем как нам нужны действия».

На следующий день Хауз отправился в столицу и сразу же по приезде отправился в Белый Дом для беседы с президентом.

«До обеда оставалось всего несколько минут,—писал Хауз,— и мы отложили более подробное обсуждение дел на завтра. Но поговорили мы достаточно для того, чтобы я мог проникнуть в его мысли; и по тому, как он глядел на меня, я сужу, что он намерен извиниться за медленность своих действий в этом новом кризисе, навязанном потоплением «Суссекса»... Очевидно, он не сознает, что одной из основных причин враждебной ему критики является то, что хотя говорит он смело, но действует нерешительно...»

«*29 марта 1916 г.* Ни президент, ни Лансинг, ни Полк, ни я не можем понять, что вызвало оживление германской подводной войны. Бернсторф в министерстве иностранных дел не был и, насколько мы знаем, не проявляет ни малейшего беспокойства».

Лансинг был настроен воинственно и считал, что США не остается ничего другого, как немедленно порвать с Германией.

«...Он зачитал письмо к президенту,—писал Хауз,—написанное им по поводу наших разногласий с Германией, в котором настойчиво советовал отправить Бернсторфа домой и порвать отношения с Германией. Письмо было написано в спокойном тоне, и я его одобрил, но под тем условием, что последующая информация оправдает его настояния[1].

Оба мы полагаем, что президент крайне неохотно пойдет на то, чтобы подкрепить свои собственные угрозы...

Другое, в чем я не могу убедить президента, это необходимость приготовиться к кризису, который может наступить в любой день. В свое время по отношению к Мексике ему пришлось действовать экспромтом. То же самое случится в связи с европейским положением... Только впервые начинается пополнение рядов армии и то лишь в силу необходимости организовать погоню за Виллой, после чего у нас осознали, что мы не имели никакой сколько-нибудь значительной армии. Я пытался убедить его приступить к этому прошлым летом и пытался заставить обратить внимание на армию почти за год до начала войны».

Вильсон колебался. Величайшим его желанием было покончить с войной, поэтому он считал, что для США легче привести ее к концу путем посредничества в качестве нейтральной страны, чем путем вмешательства в качестве воюющей страны. Если же вмешательство оказалось бы необходимым, то он предпочитал оправдывать его не нарушением Германией наших прав, но надеждой на то, что это покончит с войной. 30 марта президент и полковник Хауз совещались долго.

«После завтрака мы с президентом снова углубились в беседу. Я весьма резко поставил перед ним вопрос о нашем разногласии с Германией. Он опасался того, что разрыв отношений затянет войну на неопределенное время и некому будет указать выход из положения. Он повторял аргумент, который я выдвигал перед ним в течение последних шести месяцев, что в известной мере привело меня в смущение. Но я ему сказал, что придумал другой способ, при помощи которого мы могли бы найти выход для воюющих стран даже тогда, когда вмешаемся в войну.

Я посоветовал, чтобы после того, как он отошлет Бернсторфа, сделал бы беспристрастное заявление о причинах войны и о побуждениях союзников в войне. Я предлагал не говорить о германском народе ничего недружелюбного, но обратить удар против системы, которая вызвала эту мировую трагедию, и заявить, что если с этой системой будет покончено, то, что касается нас, спор с Герма-

[1] Т. е. в том случае, если будет доказано, что «Суссекс» был потоплен торпедой с германской подводной лодки.

нией будет кончен. Затем я считал, что в соответствующий момент, который наступит, может быть, в середине лета, мне следует отправиться в Голландию и после совещания с союзниками, с их согласия, приступить к непосредственным переговорам с Берлином, объявив ему, на каких условиях мы готовы покончить с войной[1].

Я считал, что в этом случае можно будет осуществить мой прежний план, т. е. президенту надлежит председательствовать на конференции, и мы примем участие в войне. Таким образом, наше участие в конференции окажется более действенным, чем если бы мы оставались нейтральными, и может, таким путем мы достигнем большего и лучшего, чем ранее намеченным нами путем.

Он был доволен моим предположением, и я думаю, теперь он будет более склонен к действию. Я пытался убедить его в том, что если он откажется действовать, то скоро лишится доверия американского народа и союзников... и не сможет оказать никакого влияния на мирную конференцию. Я пытался доказать ему, что если он не добьется выполнения Германией его требований относительно подводной войны, то лишится уважения всего мира...

Президент хочет, чтобы я повидал Бернсторфа и заявил ему, что мы накануне разрыва отношений и, если не произойдет какое-нибудь решительное изменение в немецкой политике подводной войны, мы наверняка вступим в войну».

«*2 апреля 1916 г.* Склонность президента к бездействию заставляет его колебаться перед тем, как нырнуть; но стоит сделать этот шаг, как все остальное он выполнит, я уверен, достойным образом. Во всяком случае, непосредственно окружающие его люди, начиная с министра иностранных дел, сейчас переживают скверные минуты. Ни с кем из них он не советуется, и намерения его им так же неизвестны, как любому прохожему. Я думаю, что он последует моему совету... Но даже мне он не сообщает своих намерений. В этом все же нет ничего необычного, так как он редко, вернее никогда, не говорит, что собирается делать. Это я знаю из опыта прошлого...»

По возвращении в Нью-Йорк полковник Хауз снова советовал президенту усвоить твердый тон. Все же он предложил, чтобы союз-

---

[1] Перечитывая свой дневник девять лет спустя, полковник Хауз заметил: «Теперь мое предложение кажется бессмыслицей и даже недоброкачественной бессмыслицей». Это замечание не совсем справедливо. Его предложение преследовало очевидную цель убедить Вильсона, что вступление США в войну могло и должно было стать фактором, который превратил бы войну в войну за дело мира. Он обратился к пацифистскому инстинкту президента для того, чтобы пробудить в нем воинственный дух. Как показали последующие события, президент Вильсон согласился на эту мысль в 1917 г., назвав войну крестовым походом за дело мира.

никам была дана возможность заявить, предпочтут ли они выступление США в качестве воюющей страны, или требование США—о прекращении войны.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 3 апреля 1916 г.

«Дорогой начальник!

...Если немцы не откажутся от своей теперешней политики, разрыв, кажется, будет неизбежным. Не считаете ли вы, что прежде, чем он произойдет, следовало бы телеграфно сообщить Грэю о положении вещей и спросить его, что будет более разумным: вмешаться сейчас или же ждать разрыва?

Наше превращение в воюющую сторону будет иметь свои преимущества, так как оно укрепит вашу позицию внутри страны и среди союзников. Оно устранит необходимость привлечения на конференцию какой-нибудь нейтральной страны, ибо единственной целью их вовлечения могло бы быть включение нас самих.

Вместо того, чтобы уменьшиться, ваше влияние на мирной конференции возрастет до огромных размеров, ибо на конференции мы окажемся единственной страной, не желающей ничего иного, кроме конечного блага человечества.

Мы все еще сможем быть той силой, которая остановит войну, когда наступит благоприятный момент, путем, изложенным мною вам в Вашингтоне.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Вслед за этим письмом полковник Хауз сам поехал в Вашингтон и много раз совещался с президентом и министром иностранных дел. Нота о разрыве дипломатических отношений уже была составлена.

«*5 февраля 1916 г.* В шесть часов пришел Лансинг, мы разговаривали почти час. После получения президентом моего письма от 3 апреля он, очевидно, решился последовать моему совету и сделать более энергичные шаги. Так, он велел Лансингу приготовить Джерарду меморандум для представления германскому правительству. Лансинг показал мне свой набросок меморандума. Документ написан в крайне энергичных тонах, и мне думается, что президент сильно его изменит. Составлен он весьма удачно. Меморандум содержал отозвание Джерарда и уведомлял германское императорское правительство о том, что графу фон Бернсторфу будут вручены паспорта...»

«*6 апреля 1916 г.* Перед тем, как президент начал диктовать, мы совещались в зале, прилегающем к моей комнате; совещание затянулось настолько, что он отказался от намерения просмотреть почту и отпустил стенографистку.

Я сказал ему, что разрыв с Германией кажется мне неизбежным: они топили суда без предупреждения, что противоречило взятым ими на себя торжественным обязательствам; потопление «Суссекса» ничем не отличалось от потопления «Лузитании». Я считал, что ему следует окончательно выработать план действия; а если он согласится со мной, что разрыв неизбежен, то должен готовиться к нему уже сегодня с тем, чтобы выгадать две-три недели на подготовку, прежде чем немцы узнают о наших намерениях.

Мы обсуждали, целесообразно ли дать союзникам в последний раз возможность принять наши предложения о вмешательстве. Было высказано много доводов за и против такого шага. Первоначально предложение исходило от меня, оно было в моем письме от 3 апреля, но я уже не был уверен в его целесообразности. Президент тоже допускал, что оно может породить у них подозрение в том, что мы желаем, чтобы они действовали ради нашего спасения. Президент не хотел, чтобы с этой стороны в его позиции оставались уязвимые места. Тем не менее, он считал, что им следует знать, что, по нашему мнению, война дольше протянется, если мы превратимся в воюющую сторону, чем если останемся нейтральны.

Президент просил меня составить телеграмму сэру Эдуарду Грэю, но я настаивал, чтобы он сделал это сам...

Телеграмма, составленная президентом «его собственной рукой», как мы называем его маленькую пишущую машинку, гласила следующее:

«Так как кажется вероятным, что наша страна должна будет порвать с Германией из-за вопроса о подводной войне, если только не случится что-нибудь непредвиденное, и так как война несомненно затянется, если наша страна станет воюющей стороной, я позволю себе высказать предположение, что, если в какой-нибудь мере мы имели в виду предпринять в ближайшем будущем какие-либо шаги в связи с одобренным нами планом, вы, может быть, пожелаете переговорить с вашими союзниками с целью приступить к немедленным действиям»[1].

М-сс Вильсон сказала, что теперь, когда президент фактически принял решение, он меньше тревожится по поводу внешнего положения. Так я и думал: его тревожила собственная нерешительность...

---

[1] Возвращаясь к этим переговорам, полковник Хауз 14 марта 1925 г. писал: «Я думаю, что телеграмма, составленная Вильсоном и мною для Грэя, была ошибкой. Нам следовало бы знать, что на нее не последует желанного ответа. Я не уверен в том, не совершили ли мы еще большей ошибки, не созвав мирную конференцию вместо того, чтобы предоставить союзникам быть судьями. Вот почему я хотел большой армии и флота. Если бы мы их имели или приступили к их созданию в 1916 г., то было бы несомненно разумно продолжать действовать, не обращая внимания на желание немцев и союзников потребовать прекращения войны на тех основаниях, какие задумали мы».

После ухода президента мы с Лансингом несколько минут беседовали наедине. Затем я совершил часовую поездку с военным министром... Мне хотелось... объяснить ему, насколько критическими стали наши отношения с Германией и посоветовать ему немедленно выяснить, каким количеством войск можно располагать для защиты Нью-Йорка, Чикаго и других крупных центров и достаточно ли у нас солдат, чтобы не отзывать войска из Мексики. Если бы оказалось, что войск нехватает, то я полагал, что нужно отказаться от преследования Виллы и правильно распределить наши силы.

Я просил его считать мои слова конфиденциальными и использовать их лишь в указанном направлении. Он решил завтра отправиться в Нью-Йорк и обсудить вопрос с генералом Вудом, а затем для выяснения положения на Западе встретиться в Кливлэнде с командующим чикагским военным округом. Я внушал Бэйкеру, чтобы он действовал решительно в случае, если возникнут какие-либо беспорядки. Я считал, что было бы ошибкой проявлять милосердие и нерешительность при прекращении беспорядков подобного рода: подобный образ действий приведет лишь к расширению беспорядков и в конечном счете потребует еще бóльших жертв...

Я считал, что в этом кризисе Вуда нужно использовать для видной роли, так как всем известно его недружелюбное отношение к правительству и близость к Рузвельту и к республиканским лидерам; если же президент обойдет его, а далее последуют волнения, это послужит сигналом для критических высказываний о правительстве. Бэйкер сказал, что он именно и намерен выдвинуть на первое место завзятых сторонников Рузвельта[1].

Мы подробно обсудили положение с военной точки зрения, включая силы милиции[2], полицейские силы в разных городах и т. д. и т. п.».

5

Как и следовало ожидать, из телеграммы сэру Эдуарду Грэю ничего не вышло. Союзники рассуждали, очевидно, так: если Вильсон не возьмет резкого тона по отношению к Германии, то им дела нет до его предложения о вмешательстве, так как налицо было бы окончательное доказательство его непреклонного пацифизма; если же он возьмет резкий тон, в результате чего произойдет разрыв, то выступление США в качестве воюющей страны, поссорившейся с Германией по своим особым причинам, было для них гораздо ценнее, чем любое посредничество.

Тем временем полковник Хауз объяснял Бернсторфу насколько серьезное положение создалось.

[1] Похвальное намерение, но впоследствии выполнить его оказалось невозможным ввиду возражений со стороны генерального штаба. В этом вопросе Вильсон и Бэйкер следовали советам своих военных экспертов.

[2] Территориальные войска.—*Ред.*

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 8 апреля 1916 г.

«Дорогой начальник!

Сегодня утром целый час провел у меня Бернсторф. Я обрисовал ему положение так, как мы сговорились. Он признался, что не больше нас понимает, что происходит.

Он сказал, что разрыва допускать нельзя и что он немедленно начнет действовать. Он просил у меня совета; я высказал предположение, что ему следует телеграфировать своему правительству, что вы испытываете полное разочарование; что при потоплении судов без предупреждения только милостью неба не погибли американские жизни, но это может случиться сегодня, завтра или на будущей неделе и несомненно случится, если они не откажутся от своей политики подводной войны...

Бернсторф признал, что, если пассажирские суда будут пускать на дно без предупреждения и при этом погибнут американские граждане, у вас не будет другого выхода, как порвать дипломатические отношения с Германией. Он сказал, что сообщил об этом своему правительству, но так как он столько раз кричал «волк, волк», то его сообщение, может быть, и не окажет желаемого действия.

Я указал ему, что самое прискорбное в этом разрыве то, что мы не сможем найти выхода для воюющих стран. Он ответил, что надеется на вашу готовность указать этот выход сейчас и хотел бы знать, когда, по-моему, наступит благоприятный для этого момент. Я сказал, что, вероятно, обе стороны попытаются осуществить свои наступательные планы в период весны и начала лета. Германия начала с Вердена и потерпела явную неудачу; когда с этим будет покончено, наступление начнут союзники, и если эта попытка тоже окончится неудачно, то для всех станет ясно, что обе стороны зашли в тупик, а тогда с успехом могли бы вмешаться вы.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

«Бернсторф сохраняет спокойствие и мужество,—добавлял Хауз в своем дневнике,—и нельзя не восхищаться этими его качествами». Но как многие немцы, он никак не мог понять отношения Вильсона к войне.

«Бернсторф спросил меня,—писал полковник,—желает ли президент порвать отношения с Германией. Я высказал предположение, что требования политического характера делали для президента желательным такой разрыв; Бернсторф спросил, могут ли такие требования оказать какое-либо влияние. Я ответил, что был советником многих общественных деятелей и всегда утверждал, как утверждаю сейчас, что политика не должна играть никакой роли

в решении общественных дел. Если чьи-нибудь личные интересы будут спутаны с долгом, то несчастье неминуемо... Лучшая политика заключается в том, чтобы лучше служить обществу...».

«*9 апреля 1916 г.* Меня посетил Сидни Брукс; он оставался в продолжение полутора часов. Я ему дал кое-какой материал для телеграммы, и мы довольно основательно обсудили международное положение... Он настаивал, чтобы я направлял президента в его выступлениях; при этом он заметил, что президент способен совершить правильный поступок, но неправильным путем. Брукс, очевидно, хочет услужить президенту и быть ему другом, хотя и выражает нетерпение по поводу его медлительности в решениях. Он, как и другие, забывает, что вся ответственность лежит на президенте, и благополучие и счастие ста миллионов людей в значительной мере зависят от него. Человеку безответственному легко, сидя за стаканом вина, с сигарой во рту, решать, как лучше поступить...».

В конце недели Хауз снова был вызван в Вашингтон, чтобы обсудить с Вильсоном составленную президентом ноту.

«*11 апреля 1916 г.* Он окончательно отверг ноту Лансинга,— писал полковник,—и написал другую, гораздо более сильную, в которой изложены все факты с самого начала и осуждено использование подводных лодок против торговых судов. Я мог убедиться, что все привезенные мною из Англии сведения, в том числе очень толковое объяснение создавшегося положения, данное А. Г. Полленом, а также сэром Хорэсом Планкеттом, оказали свое действие.

Я возражал против последней части ноты, которая не носила исчерпывающего характера и открывала возможность для новых препирательств... Он терпеливо спорил со мной.., но отказался признать, что в ноте были слабые места.

Он утверждал, что если поступит по нашему совету, то это будет означать объявление войны, а объявить войну без согласия конгресса он не мог. Я полагал, что если он не внесет в ноту изменений, то очутится в скверном положении потому, что даст Германии возможность снова ответить нотой с заверениями о готовности согласиться на требуемые уступки при условии, если Англия также подчинится букве закона. Президент со мной не согласился, но все же вычеркнул последний параграф, что придало ноте несколько более решительный характер; кроме того, он вписал слово «немедленно», что придало ей еще более решительный характер.

Я настаивал, чтобы он упомянул, что на случай, если Германия не согласится на немедленное прекращение подводной войны, послу Джерарду даны инструкции потребовать паспорта. Это скорее сохранит мир, сказал я президенту, чем его план, потому что таким образом Германии будет предоставлено выбирать между миром и войной, между тем как первоначальный текст открывает возможность для препирательства, а в конце концов все, вероятно, кончится той же войной...

Я хотел, чтобы после разрыва он выступил перед конгрессом с филиппикой против Германии,—не против германского народа, а против культа, который сделал возможным ныне происходящую катастрофу. До сих пор еще никто не предъявлял им в достаточно резкой форме обвинения от имени цивилизации, и мне хотелось, чтобы это было сделано президентом самым искусным образом.

Наше совещание длилось два часа, вплоть до того момента, когда президенту нужно было отправляться на заседание кабинета, назначенное на 11 часов. Он колебался, прочитать ли ему ноту перед кабинетом... В конце концов он решил зачитать им ноту почти полностью, но не как ноту, которую он намеревался вручить Германии, а как изложение своих доводов против подводной войны».

Вскоре после своего возвращения в Нью-Йорк полковник Хауз получил от германского посла письмо, в котором говорилось о необходимости не допустить дело до разрыва, так как он уверен, что Германия совершенно искренна в своем решении выполнить взятые на себя обязательства. Полковник, который знал о разногласиях, царивших в то время среди германских официальных кругов, придавал сообщению Бернсторфа меньше веры, чем его добрым намерениям.

Письмо Бернсторфа Хаузу

Вашингтон, 14 апреля 1916 г.

«Дорогой полковник Хауз!

...Мое правительство выражает готовность вести подводную войну с соблюдением прав нейтральных стран. Оно подтверждает наше заверение Соединенным штатам и отдало настолько точные инструкции в этом направлении, что, поскольку дело зависит от человеческой предусмотрительности, совершение ошибок исключено.

Если же вопреки ожиданию какие-либо ошибки произойдут, мое правительство готово исправить их любым образом. Ввиду увеличивающихся с каждым днем случаев нарушения Англией международных прав, Германия не может совсем отказаться от подводной войны и сожалеет, что Англии, очевидно, удается нанимать небольшое число американских граждан на торговые суда, курсирующие в военной зоне, и подобным образом пытаться привести дело к разрыву между США и Германией.

В добрых намерениях моего правительства сомневаться нельзя, так как канцлер повторно заявил перед всем миром, что Германия готова заключить мир, и сказал, что мы преследуем только цели самозащиты. Но враги с презрением оттолкнули нашу протянутую руку и продолжают проповедывать экономическое и военное уничтожение Германии. Мое правительство полностью разделяет

ваше желание заключить мир и надеется, что отношения между США и Германией останутся настолько дружественными, что оба правительства смогут совместно сотрудничать для достижения этой цели, столь желательной для интересов человечества и всех народов.

Вышеуказанное заявление полностью основывается на инструкциях, полученных от моего правительства. Со своей стороны я беру на себя смелость высказать предположение о целесообразности того, чтобы прекратить дальнейший обмен официальными нотами, опубликование которых всегда вызывает раздражение... Мы всегда достигнем лучших результатов, если я обращусь к моему правительству конфиденциально, иначе в Берлине не создастся правильного впечатления о положении дел в вашей стране.

Остаюсь, дорогой полковник Хауз,

искренно ваш *И. Бернсторф*».

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 15 апреля 1916 г.

«Дорогой начальник!

При сем прилагаю для вашего сведения копию письма Бернсторфа.

Не думаю, чтобы через него мы достигли чего-нибудь реального, так как о намерениях своего правительства он знает, повидимому, не на много больше, чем мы.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

6

18 апреля Вильсон отправил свою ноту Германии. Тон ноты был спокойным, но выводы ее—окончательными, так как президент в конце концов принял совет Хауза и вычеркнул параграф, который мог дать повод к рассуждениям. «Если императорское правительство,—заявлял Вильсон,—немедленно не заявит и не проведет в жизнь отказ от своих теперешних методов подводной войны против пассажирских и торговых судов, то у правительства США не останется другого выбора, как порвать дипломатические отношения с Германской империей».

Таким образом, Германии был предоставлен выбор между двумя альтернативами: либо—разрыв с Америкой, либо—строгое ограничение действий подводных лодок. Представители армии и флота в Берлине не были склонны уступить. Фон Бернсторф делал все возможное для того, чтобы внушить немцам, что намерения Вильсона вполне серьезные.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 25 апреля 1916 г.

«Дорогой начальник!

Только что был у меня Бернсторф. Он получил от своего правительства телеграмму, смысл которой заключается в следующем: «Мы хотим избежать войны. Пожалуйста, сообщите, каким образом этого достигнуть. Что подразумевается в ноте под «незаконной подводной войной?» Если мы согласимся на их требования, то окажут ли они давление на Англию в отношении блокады?..»

Я посоветовал ему отправить другую телеграмму с предостережением, чтобы они не предлагали никаких компромиссов; если они действительно желают избежать разрыва, то должны немедленно и полностью прекратить подводную войну...

Он спросил, может ли он передать своему правительству, что, по моему мнению, принятие ваших требований приблизит момент заключения мира. Я сказал, что может...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Борьба внутри германских официальных кругов продолжалась в течение двух недель, причем представители армии и флота отказывались итти на уступки, а правительственные чиновники заявляли, что разрыва с Америкой надо избежать.

Приняв свое решение, президент Вильсон отказался вести дальнейшие переговоры, и Хауз неустанно указывал на этот факт Бернсторфу.

«Я вижу,—писал полковник Хауз 3 мая,—что президент твердо решился заставить Германию отказаться от ее взглядов на подводную войну. С большим чувством говорил он об ответственности Германии за эту мировую катастрофу и считал, что виновники должны лично понести наказание...

Во время моего последнего посещения (Вашингтона) он проявлял такое нежелание быть твердым по отношению к Германии, что я опасался, что он утратит свое влияние. Поэтому я сделал все возможное, чтобы заставить его держаться твердо. Очевидно, я перестарался, так как сейчас он в непреклонном и воинственном настроении и недостаточно заботится о предотвращении войны...

Я снова хочу отдать должное Бернсторфу... Он прекрасно представлял свое правительство, лучше, чем они сами сумели представить себя в Берлине; и если бы к его советам прислушивались с самого начала, то наши отношения с Германией никогда бы не зашли в подобный тупик».

Противоречивые мнения в Германии отразились в ноте от 4 мая, содержавшей ответ на вильсоновскую ноту. Тон и содержание ноты были настолько непоследовательны, что можно было почти с уверенностью предположить, что нота, которая в своем первоначаль-

ном виде отвергала требования Вильсона, была наспех исправлена с таким расчетом, чтобы сделать ее приемлемой. В ноте был подхвачен вопрос о заверениях на будущее и содержались иронические жалобы на неуспехи наших попыток заставить Англию смягчить продовольственную блокаду.

«Германское правительство может лишь повторно выразить свое сожаление о том, что чувства гуманности, проявляемые правительством США с такой готовностью по отношению к несчастным жертвам подводной войны, не распространяются с такой же теплотой на многие миллионы взрослых и детей, которые согласно заявлениям английского правительства будут доведены до голодной смерти... Германское правительство, в согласии с германским народом, отказывается понимать это различие...»

Ни один аргумент не был так дорог германскому правительству, как тот, с помощью которого оно пыталось изобразить подводную кампанию как справедливую ответную меру на продовольственную блокаду союзников: Берлин выдвигал этот аргумент в течение всей войны и после нее. Между тем, никогда еще ни один аргумент не был так слабо подкреплен фактами. Ведь еще весной 1915 г. Германия отказалась рассмотреть предложение об ослаблении продовольственной блокады при условии, если она откажется от подводной войны[1].

Но хотя таким образом немцы в своем ответе на требования, выработанные президентом Вильсоном, продемонстрировали свое злобное настроение и дурную логику, они в основном согласились на эти требования, заявив, что правительство дало новые инструкции командирам своих подводных лодок и «готово сделать все возможное, чтобы на все время войны вести военные операции лишь против вооруженных сил воюющих стран». Торговые суда не будут больше потоплены «без предупреждения, и человеческие жизни будут спасены при условии, что эти суда не будут пытаться скрыться или оказать сопротивление».

Этого только США и требовали.

Но Германия все же пыталась поставить свои обещания в зависимость от прекращения Англией нарушений торговли, которые немцы считали незаконными, и сделала оговорку, что ее обязательство может быть взято обратно, если США не удастся добиться от англичан выполнения требований Германии.

«Если шаги, которые предпримет правительство США, не достигнут поставленной им перед собой цели—соблюдения законов гуманности всеми воюющими странами, то германское правительство очутится перед лицом нового положения, при котором оно должно оставить за собой полную свободу решения».

---

1 См. том I, гл. XIV.

Первое краткое изложение германского ответа, присланное Джерардом, подчеркивало его враждебный тон и, казалось, предупреждало, что для президента ответ будет неприемлемым.

«Фрэнк Полк звонил из Вашингтона,—писал полковник Хауз 4 мая,—что будет здесь в девять часов и снесется со мной. В тот момент он не мог сообщить мне ничего важного из Берлина. По прибытии в Нью-Йорк он позвонил мне и сказал, что от Джерарда в министерство иностранных дел поступила телеграмма с изложением содержания германской ноты, которая будет послана завтра. Если изложение Джерарда правильно, то нота удовлетворительной не будет и разрыв, повидимому, неизбежен...».

«*15 мая 1916 г.* Германская нота начинает поступать, и «Юнайтед пресс» передает ее мне по частям. Джерард сообщил нам, что сначала она будет послана этим путем, а в шифрованном виде он передаст ее обычным путем. Она передается по радиотелеграфу...

Сегодня утром меня столько раз вызывали к телефону и столько людей просили у меня свидания, что все спуталось. Все интересуются германской нотой и спрашивают моего мнения о том, что следует предпринять нашему правительству.

Первым звонил германский посол. Я просил его приехать к половине пятого...»

В конце дня пришла телеграмма от президента, в которой он спрашивал мнения Хауза о германском ответе: какую позицию ему следует занять и что сделать. Полковник Хауз считал, что так как Германия согласилась на выдвинутые президентом условия, то повода для разрыва не было; если Германия сдержит свое обещание, американская точка зрения восторжествует, а в данном случае германские обещания шли дальше, чем в вопросе об «Арабике», когда они согласились лишь не нападать на пассажирские пароходы. Хауз утверждал, что не следует обращать никакого внимания на те параграфы ноты, в которых поднимался вопрос об английской блокаде; важно было покончить со всякими дискуссиями.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 6 мая 1916 г.

«Дорогой начальник!

...В одном я совершенно уверен: официально отвечать на германскую ноту не следует. Я также полагаю, что для нас лучше будет, если Лансинг сделает какое-либо соответствующее заявление публике.

Ни одна из газет не отметила главных уступок, на которые пошли немцы. Между тем, мне думается, что это было бы полезно, после чего необходимо выступить с кратким заявлением о том, что с другими воюющими странами, которые нарушат международные законы, мы поступим по своему усмотрению.

Я не вижу, каким образом мы можем порвать с Германией из-за этой ноты. Все же я дал бы германскому правительству ясно понять через Джерарда и Бернсторфа, что малейшее нарушение обещания повлечет за собой немедленный разрыв дипломатических отношений, и неофициальным способом я дал бы знать об этом публике. После этого нам останется ждать и надеяться на лучшее.

Во вчерашней беседе с Бернсторфом я советовал ему предостеречь свое правительство от каких-либо нарушений своих обещаний. Он сказал, что сделает это, но не думает, чтобы такие нарушения имели место. Неприятные части ноты, заявил он мне, были необходимы из-за германского общественного мнения, но он признал, что мы не можем заставить Англию соблюдать международные законы в отношении блокады. По его словам, вам легче добиться заключения мира, чем смягчения блокады...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Посол Бернсторф рассматривал ноту как свою победу, и, по правде говоря, он много сделал, чтобы убедить берлинское правительство сдаться. Характерно то, что немцы отказались следовать его совету в отношении соблюдения приличий; он настаивал перед канцлером, что в случае, если Германия уступит, сделать это надо изящно и красиво. Пятого мая Хауз подробно обсуждал этот вопрос с ним, а также с английским военным атташе капитаном Гаем Гонтом, с которым он был связан тесной дружбой.

«Бернсторф,—писал Хауз,—явно доволен нотой, хотя и сожалел о ее злонравном тоне и о том, что они не согласились на его предложение, которое поставило бы их в гораздо лучшее положение».

«*16 мая 1916 г.* У меня был капитан Гонт; я откровенно рассказал ему, что я посоветовал президенту. Гонт заявил, что к сожалению, вынужден согласиться со мной... Я сказал, что в отношении мужества, спокойствия и деловитости он напоминает мне Бернсторфа. Хотелось бы, чтобы Гонт был английским послом, а Бернсторф министром иностранных дел в Берлине. Я намерен поставить перед английским правительством вопрос о достойном признании заслуг Гонта во время войны...»

Министр Лансинг, который своими предложениями о разоружении торговых судов навлек на себя много несправедливых нареканий за свою будто бы антибританскую позицию, не считал германский ответ удовлетворительным.

«Полк звонил,—писал Хауз 6 мая,—и сообщил, что Лансинг несогласен с моим мнением. После первого ознакомления с нотой он заявил, что этого мало; после второго чтения он заявил, что этого достаточно, а после третьего вернулся к своему первоначальному мнению и полагает, что Бернсторфа нам следует отослать.

Таким образом, Лансинг будет советовать президенту одно, а я другое».

В этом вопросе Вильсон согласился с точкой зрения полковника, но решил официально ответить на германскую ноту, о чем Хауз сожалел.

«*8 мая 1916 г.* Президент написал одну ноту,—отмечал Хауз,—а Лансинг другую, но в конце концов президент целиком принял текст Лансинга, за исключением последнего параграфа, составленного им самим и содержавшего главный удар. Нота прекрасна во всех отношениях, возражаю я только против того, что она посылается в форме ноты. По-моему, было бы лучше, если бы Лансинг сделал неофициальное заявление и таким образом осведомил публику о содержании ноты. Была бы достигнута та же цель, но Германия не могла бы ответить. Сейчас дело обстоит так, что мы все еще стоим перед опасностью разрыва, а также перед опасностью дальнейших препирательств, которые мне кажутся ненужными. Если нам удастся ограничиться этой нотой, то это будет успех. Если же из-за нее все дело подымется с самого начала и повлечет за собой разрыв, это будет провал».

Заключительный параграф с «ударом», который особенно понравился Хаузу, содержал окончательное уведомление, что США «ни на минуту не могут принять и еще меньше—обсуждать предположение, что уважение со стороны германских морских властей к правам граждан на море каким-либо образом могло зависеть от поведения какого-либо другого правительства по отношению к правам граждан нейтральных стран и мирных людей. Ответственность в таких вопросах ложится на одну сторону, а не является совместной; она абсолютна, а не относительна».

Мирный исход кризиса все наиболее заинтересованные люди считали чудом. Всего лишь за несколько дней до получения германской ноты Хауз писал Грэю, что для Бернсторфа приготовляются паспорта, а Джерарду,—что надеется скоро его увидеть. Он столько же времени провел с военным министром, с начальниками полиции и с агентами секретной службы, обсуждая меры, необходимые на случай войны, сколько он провел с Бернсторфом, обсуждая возможность сохранения мира.

Невозможное было достигнуто, ибо Вильсон избежал войны и в то же время поддержал американский престиж. Даже союзнические газеты похвально отозвались о его позиции. Никто не решался предсказывать, как долго немцы будут выполнять свое обязательство. Германское общественное мнение было настроено против Америки, но опасалось ее вступления в войну. «Каждый вечер,—писал Джерард 5 апреля,—50 миллионов немцев не могут заснуть от досады, что вся Мексика не восстала против нас». Неделю спустя он писал: «Я думаю, что Германия теперь решила сохранить мир с Америкой, так как простой народ убежден, что

в противном случае война затянется». Посол не жалел усилий, чтобы предотвратить войну, но утверждал, что рано или поздно воевать с Германией придется.

Письмо Джерарда Хаузу

Берлин, 10 мая 1916 г.

«Дорогой полковник Хауз!

Прежде всего—мои горячие поздравления президенту по поводу проявленной им твердости характера.

Несмотря на ваши предсказания в последнем письме, мы все еще здесь.

Не знаю, было ли это желательно, но я много работал для мира, и, тем не менее, я надеюсь, что наша страна готовится, так как если у этого народа не отобьют вкуса к войне, то впоследствии он нападет на нас—вероятнее всего путем нарушения доктрины Монроэ—в Бразилии или Мексике.

Я хотел бы, чтобы министерство иностранных дел меня лучше информировало...

В то время как я добиваюсь признания наших требований о «Суссексе», перемен в подводной войне и сохранения мира и не могу заслужить даже того, чтобы меня погладили по головке, в то время, как газетные агенты г-на... заявляют, что все другие послы—тупицы, меня следовало бы по крайней мере информировать о том, что непосредственно относится к моей работе. Это я только слегка лягнул...

Всегда ваш *Дж. У. Дж.*».

Решимость, которую Вильсон проявил, наконец, в кризисе по поводу «Суссекса», оказалась достаточной, чтобы влиять на Германию почти целых восемь месяцев. Уступка его ультиматуму показывала, что по крайней мере гражданские чины в Берлине стремились избежать войны с Америкой. Хауз утверждал, что именно в этот момент союзники должны были принять предложение, сделанное им в феврале. Для них лучше было бы принять выдвинутые Хаузом мирные условия, за которые США стали бы воевать в случае отказа от них Германии, чем ждать, пока выяснится, во что обойдутся им и всему миру последствия полной победы, к которой они стремились, победы, которую в конечном счете едва ли можно было одержать без американской помощи.

По мере того как прошла весна и лето 1916 г., полковник Хауз отгадал то, что теперь понял историк: война остановилась на мертвой точке, сдвинуть с которой ее могло бы только вмешательство силы извне.

ГЛАВА IX

СОЮЗНИКИ ОТКАЗЫВАЮТСЯ ОТ ПОМОЩИ

«Победу предстояло купить такой дорогой ценой, что она почти не отличалась бы от поражения. Она не обеспечила бы безопасности даже победителям».

Уинстон Черчилль, «Мировой кризис».

1

При анализе хода военных событий 1915—1916 гг. историка охватывает острое чувство кошмара. Маневренная война на западном фронте сменилась позиционным тупиком, не прекращающимся и страшным напряжением без сколько-нибудь значительных результатов. Обе стороны предпринимали гигантские, но бесплодные наступления. Величайшие усилия произвели немцы под Верденом, но напрасно. Аналогичные результаты дало контрнаступление союзников на Сомме.

И если союзники угрожали истощить Германию хотя бы только тем, что им удавалось удержать свои позиции во Франции, то на других фронтах противник продолжал одерживать успехи в течение всего 1916 г. В начале лета русские части под командованием Брусилова одержали временный успех; в результате этого, а также обещаний обширных аннексий, Румыния вступила в войну. Но русские были отброшены, румынская армия разгромлена, и румынская территория оккупирована. Итальянцам с большим трудом удалось остановить наступление австрийцев от Трентино, с другой стороны, продвижение итальянцев по направлению к Триесту было настолько медленным, что его можно было заметить лишь на картах самого крупного масштаба. Войска союзников, находившиеся в Салониках, нарушили греческий нейтралитет, но не одержали военных успехов. Германский флот находился в безопасности в своих укрепленных портах. Он вышел лишь один раз в открытое море, и результат его столкновения с английским

флотом носил настолько неопределенный характер, что еще десять лет спустя военно-морские эксперты могли спорить о том, кто выиграл сражение: англичане или немцы.

Всю свою надежду союзники возлагали на блокаду, которая с течением времени должна была ограничить приток сырья для военных нужд; кроме того, союзники рассчитывали на постепенное уменьшение германских людских резервов на Западном фронте, где непрерывно совершался процесс взаимного убивания людей без значительных изменений позиционных линий. Союзники были убеждены, что их превосходство в области военных материалов и людской силы будет возрастать. Следовательно, единственный метод достижения победы, какой могла породить изобретательность, была война на истощение.

«Нет более кровавой войны, чем война на истощение,—пишет Уинстон Черчилл.—Не только ужасным, но и невероятным покажется будущим поколениям, что подобные доктрины были применены военной кастой по отношению к ревностному и героическому населению, которое подчинялось ее приказам. Это—повесть о пытках, об искалечении и истреблении миллионов людей и о принесении в жертву всего, что было лучшего и благороднейшего в целом поколении. Искалеченный и расшатанный мир, в котором мы живем сегодня,—наследник этих ужасных событий»[1].

Полковник Хауз чувствовал, что только американская помощь сможет вывести Европу из этого тупика и спасти ее от ужасного будущего. Страны Европы разделились почти поровну, ополчились друг против друга и в своем бессилии кончить борьбу совершали самоубийство. Брошенная на чашу весов мощь Америки оказала бы решающее влияние. Хауз предлагал американское вмешательство не для того, чтобы спасти германскую милитаристскую систему от последствий поражения. Он с отвращением относился к политическим воззрениям германского императорского правительства и был возмущен германскими методами ведения войны. Если бы Германия отвергла условия, которые доказали бы народу ненужность милитаризма и обеспечили бы мир от германского нападения в будущем, он, Хауз, хотел бы использовать всю мощь Америки для того, чтобы силой заставить Германию принять эти условия.

С другой стороны, он соглашался с Вильсоном, что не имело смысла предлагать союзникам американскую помощь лишь для того, чтобы дать им возможность удовлетворить свои национальные притязания: уничтожить Германию политически и экономически так, чтобы Франция и Россия смогли разделить владычество над континентом, а Англия избавилась от соперничества германского военного и торгового флотов. Он хотел, чтобы США оказали услугу

---

[1] *У. Черчилл*, Мировой кризис, изд. Чарлз Скрибнерз и С-вья, т. II, стр. 4—5.

делу цивилизации, но вовсе не желал, чтобы они таскали каштаны из огня...

Казалось, президент Вильсон готов был положить план Хауза в основу своей политики и соглашался с его образом мыслей, за исключением следующего пункта: Вильсон в большей степени подозревал наличие корыстолюбивых элементов среди союзников и менее Хауза был убежден в необходимости присоединиться к союзникам в случае, если Германия отвергнет умеренные требования. Тем не менее, он дал свое согласие, и, по крайней мере, полковник Хауз был уверен, что отказ Германии приведет к оказанию Америкой помощи союзникам при условии, если они примут эту помощь, основываясь на установленных принципах.

Ни одна из воюющих сторон не желала американского вмешательства, если оно могло помешать их национальным притязаниям. Немцы уступили ультиматуму Вильсона по вопросу о «Суссексе» и ненавидели его еще больше, чем прежде. В США американские немцы считали президента привеском к английскому министерству иностранных дел, потому что он разрешал вывоз военного снаряжения в союзнические страны и ограничивался протестами, не предпринимая никаких действий против блокады Германии.

«Среди других посетителей у меня был Пол Ф. Мюллер из чикагской газеты «Абендпост»,—писал Хауз 2 мая.—Он приехал из Чикаго для того, чтобы объяснить мне в течение каких-нибудь 30 минут, которыми я располагал, как приверженные Германии американские немцы относились к президенту. Рассказ Мюллера меня заинтересовал. Его отец покинул Германию в 48-м году, спасаясь от ареста и смерти; он отправился в Англию, достиг там известности... Между тем от Англии или от английского правительства Мюллер не ждет ничего хорошего и является настолько убежденным сторонником Германии, что его нельзя назвать американцем, хотя он и прожил здесь всю жизнь. Я не стал возражать по выдвинутым им вопросам, чтобы не тратить зря времени».

Посол Пенфилд писал из Австрии про появившиеся там карикатуры, изображавшие Вильсона в момент, когда он выслушивает приказание сэра Эдуарда Грэя, лично наблюдает за изготовлением американских разрывных пуль и равнодушно взирает на умирающих от голода германских женщин и детей.

Официальные германские представители, как например фон Ягов, 7 июня жаловались на то, что Вильсон «взял на себя роль некоего лорда-протектора, который поднимает на щит все, что, по его мнению, означает право и справедливость»[1]. Немцы отнюдь не возражали против туманных высказываний Вильсона о мире,

[1] Из письма фон Ягова Бернсторфу («Официальные германские документы, относящиеся к мировой войне», стр. 978).

что давало им возможность ободрить германский народ и сохранить власть в руках канцлера; могло наступить время, когда его помощь пригодится им для начала переговоров с тем, чтобы они могли материализовать свои военные победы, но они не желали, чтобы он устанавливал условия. Кроме того, австрийцы и немцы отнюдь не были убеждены, что они не выиграют войны и не будут диктовать свои условия.

Письма Джерарда Хаузу

Берлин, 17 мая 1916 г.

«Дорогой полковник!

...После недавнего кризиса здесь наступило сравнительное затишье. За мной посылал канцлер и заявил, что надеется, что мы предпримем что-нибудь по отношению к Англии или же предложим заключить всеобщий мир; в противном случае, считает он, его положение станет довольно затруднительным. Вице-канцлер Дельбрюк, прусский медный лоб, очень враждебный Америке, вылетел. Причина тому—его неумение на посту министра внутренних дел организовать продовольственное снабжение. Канцлер спросил моего совета о том, как ответить на нашу недавнюю ноту; я посоветовал ему воздержаться от дальнейших нот и дать делам улечься.

Я бы посоветовал в настоящий момент не дразнить здешних зверей запросами о том, как был наказан командир подводной лодки, потопивший «Суссекс» и т. д.

Всегда ваш *Дж. У. Дж.*».

Берлин, 24 мая 1916 г.

«Дорогой полковник!

...М-сс Джерард только что вернулась из Будапешта, где провела неделю у своей сестры. Венгерцы снова веселы и полны уверенности. Их давнишние враги—итальянцы—отступают, а на русском фронте, повидимому, установилось нечто, подобное молчаливому перемирию в праздничные дни: нет ни столкновений, ни налетов на окопы, обстановка полного дружелюбия, продовольствие в изобилии.

На скачках здесь в прошлое воскресенье присутствовало рекордное число зрителей, а ставки в тотализаторе достигли суммы, небывалой в истории германского конного спорта. Более дешевые места были настолько переполнены солдатами, что толпа казалась серой, и это дает повод заметить, что на фронт посланы еще не все до последнего человека...

Моего испанского коллегу, которому поручено было запросить о наказании, наложенном на командира подводной лодки, потопив-

шей «Суссекс», мне удалось убедить, чтобы, после того как в министерстве иностранных дел ему отказали в требуемых сведениях, он заявил, что слышал, будто в Америке говорят, что командир получил орден. Фон Ягов ответил, что это наверняка не так, но он не знает имени командира и вообще о роде наказания сообщать «не принято». Таким образом, если я не получу формального распоряжения запросить о наказании, то дело заглохнет...

Надеюсь услышать, что скоро вы отплывете в Европу с веткой мира.

Всегда ваш *Дж. У. Дж.*».

Берлин, 7 июня 1916 г.

«Дорогой полковник!

Не думаю, чтобы Австрия или Германия желали, чтобы президент Вильсон выработал какие-либо условия мира. Может быть, после мирного конгресса будет другой конгресс, но тем временем все круги здесь считают, что Америке дела нет до мирных условий. Америка может свести стороны, но и только. Как я слышал, речь о правах малых народностей[1] привела австрийцев в бешенство, так как Австрия состоит из множества национальностей, и немцы говорят, что если рассуждать о правах малых народностей и самоопределения народов, то следует поговорить об ирландском, индийском, бурском, египетском и о многих других вопросах, касающихся союзников...

Всегда ваш *Дж. У. Дж.*».

Письмо Пенфилда Хаузу

Вена, 5 июня 1916 г.

«Дорогой полковник Хауз!

...Изо дня в день я следил, как таяла здесь надежда на мир, получилось даже так, что теперь представитель австрийских властей далеко не уверен, пожелает ли окончания войны до того, как некоторые вопросы будут разрешены таким образом, чтобы сделать почти невозможной новую войну.

Объяснить эту полную перемену взглядов можно, очевидно, следующими четырьмя причинами:

Во-первых, недавний военный заем превзошел все ожидания и позволяет рассчитывать на дальнейшие займы.

Во-вторых, войска монархии настолько удачно действуют на итальянском фронте и на итальянской территории, что многие хотят воевать, пока австрийские армии не войдут в Верону и ненавистная Италия не будет покорена.

---

[1] Речь президента Вильсона, произнесенная 27 мая перед Лигой насаждения мира.

В-третьих, победа Германии над английским флотом в Северном море дает повод полагать, что в недалеком будущем Центральные державы смогут диктовать условия мира без посредников.

В-четвертых, здесь растет опасение, что президент, может быть, и не является тем посредником, который мог бы облагодетельствовать монархию, населенную таким конгломератом национальностей, как Австро-Венгрия, с ее девятью или десятью различными народностями. До них дошли слова президента Вильсона о праве каждой нации на самоуправление, и австрийцы опасаются, что подобная точка зрения идет вразрез с интересами монархии, управляющей австрийцами, венгерцами, богемцами, словенами, кроатами и другими народностями. Некоторые сторонники предложений о мире заявляют, что испанский король—наполовину Габсбург и католик—окажется для монархии более полезным, чем благонамеренный американский президент...

Здесь широко распространяются слова президента, заявившего перед Лигой мира, что все народы должны иметь право избирать форму своей конституции и что мелкие государства по примеру великих держав должны иметь право требовать уважения к своей независимости. Вполне возможно, что чтение этих речей не доставит удовольствия народу, завоевавшему в этой войне Черногорию, Албанию и часть Сербии...

Искренно ваш *Фредрик К. Пенфилд*».

Неделю спустя Джерард снова коснулся вопроса о мире и писал Хаузу:

«Фон Ягов заявил мне, что вы с президентом не должны заключать из прений в рейхстаге, будто президент нежелателен как посредник». Но почти одновременно германское правительство телеграфировало Бернсторфу инструкции, смысл которых прямо противоречил сказанному выше: «Как только планы Вильсона о посредничестве начнут угрожать облечься в более конкретную форму,—писал фон Ягов,—и как только со стороны Англии наметятся тенденции принять его предложение, обязанностью вашего превосходительства будет не допустить, чтобы президент Вильсон обратился к нам с позитивным предложением о посредничестве».

Для полковника Хауза тупость германской политики была очевидна. Если они действительно хотели мира, им гораздо лучше было молчать до того момента, как будет сделано определенное предложение. Их официальные декларации, опровергаемые их же тайными инструкциями, лишь придавали союзникам уверенность в том, что война вступает в свою последнюю стадию. Хауз очень откровенно говорил с графом Бернсторфом, который был одним из немногих немцев, всегда готовых итти на действительные жертвы в пользу мира.

«15 мая 1916 г. Не могу понять образ мыслей немцев,—писал полковник.—Они убеждали весь мир, что желают мира, и это настолько придало союзникам уверенности, что они не желают делать никаких шагов в сторону мира. Если бы немцы хоть на время притихли, мы смогли бы начать кампанию за мир...»

«22 мая 1916 г. Меня посетил германский посол. Я опять указал ему на безрассудность разговоров о мире со стороны Германии. Я посоветовал им ничего не предпринимать, ничего не говорить и совершенно притихнуть, хотя бы на некоторое время. Я спросил, почему они подняли такой крик о нехватке продовольствия. Я полагал, что это делалось с целью возбудить сочувствие в нейтральных странах. Но это не дало желаемых результатов, а привело лишь к тому, что убедило союзников, будто Германия идет ко дну, и сделало их глухими ко всяким предложениям о мире. Я считал, что со стороны союзников вполне законно измором заставить Германию пойти на мир и какие бы действия мы ни предприняли, они будут направлены к тому, чтобы укрепить наши законные права...»

2

Союзники не переставали сообщать полковнику Хаузу о своем решении драться до полного разгрома Германии. Возможно, борьба будет долгой, но они уверены в конечной победе, а германское зондирование почвы для мира только ободряло союзников.

Письма Пэйджа Хаузу

Лондон, 23 мая 1916 г.

«Дорогой Хауз!

...Англичане не понимают, какое может быть посредничество, и, признаться, я—тоже. Германский милитаризм должен быть раздавлен. Я не хочу этим сказать, что германский народ надо бить до изнеможения и вообще надо бить. Среди англичан я не замечаю чувства мести. Но эта германская военная каста явилась причиной всей войны, и до тех пор, пока она будет находиться у власти, безопасности в Европе быть не может. Такова английская точка зрения. Военщина насиловала монахинь в Бельгии, она отнимала пищу у людей, она даже и сейчас облагает контрибуцией все города, она подготовила гибель «Лузитании» и теперь она, как нежный голубь, воркует в США. Она пойдет на все. Теперь, когда стало очевидно, что она будет разбита, она хочет мира на условиях, которые дадут ей возможность безмятежно продолжать свое существование... Еще через год-два немецкая военная каста будет сломлена вместе с хозяевами страны. И никаким заявлениям о раскаянии с ее стороны в Европе не поверят. Вот как, коротко говоря, обстоит дело...

Сердечно ваш *У. Х. П.*».

Лондон, 30 мая 1916 г.

«Дорогой Хауз!

Все эти разговоры о мире со стороны Германии вызывают здесь усмешки и рассматриваются как признание немцев в том, что они знают, что проиграли войну. Все разговоры о мире, идущие из США, вызывают удивление и рассматриваются как подтверждение укрепившегося мнения, что народ США ничего еще не знает о войне...

Отсюда еще не видно никаких признаков скорого окончания войны, и всякие рассуждения о мире выводят англичан и французов из себя...

Сердечно ваш *У. Х. П.*».

Лондон, 16 июня 1916 г.

«Дорогой Хауз!

...Я считаю, что интересную роль нам суждено будет играть *после войны*, ибо я не вижу для нас никакой возможности каким-либо образом помочь кончить ее,—разве что нам суждено будет передать прелиминарную ноту о мире от одной воюющей стороны другой, точно так же, как я передаю десяток таких нот о менее важных вещах. Союзники одержат настоящую победу; это становится все более и более очевидным. Победа английского флота (так глупо описанная в печати, невероятно глупо!), смерть Китченера, бои под Верденом, наступление русских—все теперь ободряет союзников. Среди англичан наступила резкая перемена. Бульдог вцепился в свою жертву и не отпустит ее. Они и слышать не хотят слова «мир». Они не стремятся ни к мщению, ни к уничтожению, ни ко всякой другой чепухе, но к настоящей победе, победе, которая так или иначе положит конец военной диктатуре. И когда они этого добьются, то они заключат мир. После этого начнется организация всего мира на более прочной основе безопасности. После этого, только после этого, для нас наступит момент подсчета наших очков...

Сердечно ваш *У. Х. П.*».

Полковник Хауз не согласен был с Пэйджем. Он чувствовал, что для того, чтобы спасти мир от политического и экономического развала, США должны помочь покончить с войной. Даже если Россия останется верна союзникам,—а он всегда опасался сепаратного мира,—бесконечная борьба вовлекла бы Европу в такие огромные людские и материальные потери, в такой глубокий развал промышленной организации, что сама цивилизация была бы поставлена под угрозу.

Война превратилась в пожар, затушить который не могли ни государственные деятели, ни генералы. Государственные деятели были настолько безрассудны, что дали огню разгореться. Генера-

лы, как писал Уинстон Черчилл четыре года спустя,—были не способны «сдержать его в пределах хотя и огромных, но не ускользающих от контроля. Поэтому огонь бушевал до тех пор, пока не заглох сам по себе. Поэтому события в значительной мере развертывались помимо людской воли. Правительства и отдельные лица подчинились ритму трагедии и, спотыкаясь и шатаясь, шли вперед по пути насилий и убийств до тех пор, пока структуре человеческого общества не были нанесены удары, следы которых не смоют столетия и которые могут оказаться гибельными для дела теперешней цивилизации. Победу предстояло купить такой дорогой ценой, что она почти не отличалась бы от поражения. Она не обеспечила бы безопасности даже победителям... Наиболее полная победа, когда-либо выигранная силой оружия, не разрешила европейской проблемы и не устранила опасностей, вызвавших войну»[1].

Подобной катастрофы Хауз, очевидно, опасался в 1916 г., когда он заявлял, что в своей попытке разгромить Германию союзники рисковали лишить цивилизацию ее людской силы и промышленной жизни. Они подвергали риску и самих себя: как бы велики ни были их собственные усилия, могло случиться, что союзники не смогли бы нанести поражение Центральным державам без помощи со стороны. Хауз боялся разгрома России, что позволило бы Германии сосредоточить превосходные силы для решающих боев во Франции. Эти опасения оправдались два года спустя, когда премьер-министры Англии, Франции и Италии телеграфировали президенту Вильсону следующее:

«Существует большая опасность, что война будет проиграна, если численность войска союзников не будет возможно скорее увеличена прибытием американских войск».

Но в 1916 г. среди англичан преобладало желание решительно отвергать все предложения о мире, какими бы привлекательными они ни были, и не считаясь с тем, во что может обойтись борьба. Существовали и другие течения, но они были совершенно бессильны повлиять на политику. Даже такой искренний сторонник мира и такой опытный государственный деятель, как лорд Брайс, полагал, что ради всеобщей безопасности необходимо сосредоточить все усилия в военном направлении.

31 мая Брайс писал Хаузу, что англичане убеждены, что германское правительство не согласится заключить мир на условиях, приемлемых для союзников; это было совершенно ясно видно по тону Берлина. Поэтому англичане решили продолжать войну до тех пор, пока не станет ясным, что Германия, осознав свое поражение, готова принять условия, которые союзники считают необходимыми для обеспечения своей безопасности. Брайс опасался, что этот момент «еще несколько отдален». Как ни велики были

[1] «Мировой кризис», т. II, стр. 1—2.

страдания, причиненные войной, общее чувство было таково, что мир на условиях, выдвинутых Германией, не обеспечил бы безопасности Англии и над ней осталась бы висеть угроза новой войны вместе с необходимостью держать наготове огромный военный аппарат. Брайс утверждал, что англичане не стремились уничтожить Германию, но убеждены, что ни одно обещание немцев не стоило бы бумаги, на которой они его написали бы, и, следовательно, прочность дела мира в будущем была бы весьма сомнительной.

Полковник Хауз полагал, что четкая и по видимости вразумительная точка зрения, выраженная в письмах Пэйджа и Брайса, основывалась на трех ошибочных представлениях, вызванных военными настроениями. Во-первых, союзники были уверены, что они нанесут поражение Германии без помощи извне. Как показали дальнейшие события, эта уверенность была преувеличенной. Во-вторых, бесполезно было спорить по поводу нежелания принять американское посредничество ввиду того, что «германское правительство не заключит мира на условиях, приемлемых для союзников». Согласно условиям американского предложения, могло произойти следующее: либо Германия согласится на условия, и союзники получат то, за что они боролись, либо Германия отвергнет эти условия, как того ожидали англичане, и США вступят в войну с целью заставить принять эти условия. Попытка посредничества выявила бы неискренность Германии и привела бы к вмешательству США. В-третьих, позиция англичан была проникнута несправедливым чувством подозрения к президенту Вильсону, уверенностью в том, что он никогда не предпримет решительных действий и что на американскую помощь рассчитывать не приходится.

Эти чувства подозрения по отношению к Вильсону постепенно переходили во враждебность. В 1914 г. никто серьезно не высказался бы за вступление США в войну для защиты бельгийского нейтралитета. В 1915 г. сэр Эдуард Грэй выразил полное удовлетворение по поводу первой ноты Вильсона о «Лузитании». Но в 1916 г. Вильсона за то же самое обвиняли в «бесхребетной политике». Такой горячий почитатель Вильсона, как сэр Хорэс Планкетт, писал в марте 1916 г. о необходимости рассеять «недоразумения по поводу его политики в отношении Бельгии и «Лузитании», недоразумения, которые несомненно уронили престиж США в глазах Европы».

Общественное мнение союзнических стран забыло о поддержке, оказанной США делу Антанты: огромные займы, отправку военного снаряжения,—эту поддержку президент Вильсон мог и не оказать, если бы он несколько строже интерпретировал роль нейтральной страны. Правда, президент проявил большое долготерпение перед лицом нападений германских подводных лодок. Но, тем не менее, он заставил берлинское правительство подчиниться

его точке зрения и тем самым оказал услугу судоходству союзников. После потопления «Арабика» он добился от Германии обещания, что она больше не будет производить нападения на пассажирские суда без предупреждения; он отверг германские претензии на то, что вооруженные торговые суда на самом деле являются военными судами; наконец, после нападения на «Суссекс» он принудил Германию дать обязательство, что ни на одно торговое судно не будет произведено нападения без предупреждения. Это произошло в момент, когда фон Тирпиц обещал, что если подводным лодкам предоставят полную свободу действий, Англия будет изолирована и война окончена. Настойчивость Вильсона спасла английский торговый флот от усиленной подводной войны, опасность которой стала очевидной год спустя и полного применения которой руководители германского флота требовали уже сейчас[1].

Решимость президента защищать американские права перед лицом Германии почти не встретила одобрения со стороны союзников, несмотря на всю ту пользу, которую приносила им эта решимость. Они также, повидимому, не оценили проявленную им умеренность при обсуждении спора, вызванного вмешательством союзников в американскую морскую торговлю. Правда, наше министерство иностранных дел послало много резких, может быть, излишне резких протестов. Но президент никогда не уступал постоянному давлению на него, которым хотели побудить его к действиям в направлении реализации его протестов. Для него легче всего было бы потребовать принятия контрмер, которые без промедления одобрил бы конгресс, сочувствовавший отнюдь не союзникам. Снова и снова выдвигалось требование о наложении эмбарго на вывоз военного снаряжения. Но вплоть до лета 1916 г. Вильсон не испрашивал права на введение контрмер и не допускал объявления эмбарго, давая союзникам возможность широко использовать наши военные заводы.

Все это прошло незамеченным или было забыто даже в ответственных кругах союзников. Союзники относились к Вильсону с подозрением, потому что, даже дружественно настроенный к ним, он отказывался усвоить их взгляды и защищал американский взгляд. Английская печать восхваляла благородство своей страны, вступившей в войну ради спасения Бельгии и защиты прав малых государств, и об этом говорилось в то время, когда союзники попирали греческий нейтралитет и злобно нападали на Вильсона за

[1] Историку все же следует принять во внимание тот довод, что Берлин был вынужден отложить начало неограниченной подводной войны не в результате протестов Вильсона, а из-за неподготовленности Германии. Однако этот довод в значительной мере теряет свое значение ввиду заявления руководителей германского флота о том, что к весне 1916 г. они были вполне подготовлены; согласно утверждению посла Джерарда, это обосновывалось реальными данными.

то, что он держался в стороне. Бывший генерал-губернатор Канады лорд Грэй (родственник сэра Эдуарда Грэя) заявил на страницах одной американской газеты: «В момент этого напряженного кризиса, с которым связаны высшие помыслы человечества, мне кажется, что вы не исполнили своего долга... Бельгия потеряла все, кроме своего духа. Что можно сказать об Америке?»[1].

Принимая во внимание подобное настроение, едва ли можно было рассчитывать, что общественное мнение в союзнических странах встретит с одобрением какое-либо предложение президента Вильсона о посредничестве. Англичане и французы обрадовались бы помощи, чтобы победить Германию, но гораздо меньше интересовали их идеалистические фразы о будущем мировом устройстве. На эту тему полковник Хауз получил много писем.

Письмо Джорджа Сэйла Хаузу

5 Уэст Клифф, Сент-Джонс роуд, Истборн, 2 февраля 1916 г.

«Сэр!

Сегодня я прочитал текст речи президента Вильсона и полагаю, что его политика представляет взгляды идеалистов, заявляющих в качестве опекунов мировой морали, что справедливость не может иметь места в атмосфере войны и что за энергией американцев кроется готовность пожертвовать жизнью скорее ради идеалов, чем ради долларов.

Разрешите обыкновенному англичанину сделать на этот предмет несколько замечаний: во-первых, я оспариваю право Америки на первое место в качестве опекуна мировой морали, ибо это положение требует *действий* в момент, когда богатства, доверенные опекуну, поставлены под угрозу. Англия предприняла эти действия, а Америка—нет. Правда, на карту поставлены непосредственные интересы Англии, но это не мешает ей действовать в общих интересах всего мира.

И если справедливость, как принцип, не может быть сохранена в атмосфере войны, то что должен я думать о Линкольне, который в моих глазах является величайшим вождем в мировой истории, если только может служить мерилом чистота побуждений в ведении войны.

Что касается идеализма во внешней политике и международной жизни, то вы с президентом, сэр, должны помнить, что американская политика так же рассчитанно своекорыстна, как политика Германии. Вы закрыли для посторонних даже такие водные торговые пути, как Нью-Йорк—Сан-Франциско. Наши пути открыты для

---

[1] «Нью-Йорк Сан» от 4 июня 1916 г.

всех. Вашим товарам и товарам всего мира открыт беспошлинный доступ в Сингапур и Гонконг и на равных с нами условиях—в Индию. Что можно сказать о ваших разграничительных пошлинах на Филиппинах и на Кубе? Какую роль играет здесь идеализм?

Преданный вам *Джордж Сэйл*».

«Только что вернулся из Парижа Элмер Робертс,—писал Хауз 30 апреля.—Он прожил там достаточно долго, чтобы основательно проникнуться французскими взглядами. Говоря об отношении французов к США, он заявил: наблюдается чувство сожаления, что США не оказались на высоте великих идеалов, которые, по мнению французов, руководили американским народом и т. д. и т. п.

Повторяется старая история. В действительности французский народ думает, что наши идеалы простираются не дальше доллара. Чего союзники хотели—это забраться в наш денежный ящик. В то время, как война превратилась в войну демократии против автократии, ни одна из демократических стран не вступала в борьбу ради того, чтобы бороться за демократию, а исключительно ради самосохранения. Если мы вступим в войну, то только из-за нашей веры в демократию и из-за того, что мы не желаем изменений в нашей системе и в характере нашей цивилизации».

«*22 мая 1916 г.* У меня на обеде были капитан Гонт, писательница мисс Элизабет Робинс и м-сс Деверо. Других мужчин, кроме Гонта, я не приглашал, так как хотел поговорить с ним наедине. Он сказал, что Австралия всегда считала США своим идеалом, но теперь она осуждает нас за то, что мы не вступаем в войну. Он получил от своего друга письмо, в котором говорилось, что в будущем Австралия предпочитает приобретать товары в Германии, а не в США. Он рассказал также о глубоком недовольстве французов нами, возникшем по тем же причинам. Он полагает, что союзники решили не допускать нас к участию на мирной конференции...»

«*24 мая 1916 г.* Становится очевидным, что если США не выкажут готовности пожертвовать сотнями тысяч жизней и миллиардами долларов, мы никогда не будем в хороших отношениях с союзниками...».

Такой выдающийся государственный деятель, как лорд Кромер, чье влияние было настолько значительным, что следовало ожидать, что он особенно тщательно взвешивает свои мысли, не поколебался открыто выразить критическое отношение англичан к президенту Вильсону.

«Мы все можем признать добрые намерения и высшие побуждения президента Вильсона, мы можем допустить, что он беспристра-

стен, но, несмотря на наши весьма дружеские чувства к Америке и к американцам вообще, более чем сомнительно, чтобы народ нашей страны при любых обстоятельствах приветствовал мысль о роли президента в качестве посредника. Вера в государственные способности президента Вильсона резко поколебалась...»[1].

Даже полковник Хауз, несмотря на все его сочувствие союзникам, не мог скрыть своей досады по поводу того, что война так ослепила Антанту, которой Америка оказала помощь в качестве нейтральной страны.

«Когда здесь был Ноэл Бакстон,—писал полковник 29 июня,—я указал ему, насколько трудно удовлетворить союзников. Они постоянно требуют большего. Я считал, что если бы мы вступили в войну, то сперва союзники воздали бы нам всяческую хвалу, а затем, когда они убедились бы, что мы не поставляем достаточного количества солдат (или вообще не поставляем, ибо у нас их нет), то стали бы упрекать нас точно так же, как французы англичан, и говорить, что мы не проливаем нашей крови, что мы трусы и т. д. и т. п. Что бы мы ни проделали в течение первого года после вступления в войну, это не удовлетворило бы их.

Я сказал Бакстону, что уже надоело слушать заявления англичан о том, будто они сражаются за Бельгию и войну начали из-за нее. Я спросил, считает ли он, что Англия начала бы войну против Франции, если бы последняя нарушила нейтралитет Бельгии, или же Англия не выступила бы на стороне союзников даже если бы Франция нарушила бельгийский нейтралитет. По-моему, Англия вступила в войну по совершенно иным причинам. Выступить на стороне Франции и России против Центральных держав заставила ее напряженность обстановки. Это вызывалось прежде всего тем, что Германия стремилась иметь мощную армию и флот, т. е. то, чего Англия не могла допустить во имя собственной безопасности».

3

Антивильсоновские настроения за границей в значительной мере, если не исключительно, были результатами взаимного непонимания, а при сложившихся обстоятельствах обычные дипломатические представители Англии и США, повидимому, не могли рассеять это непонимание. Английская публика и многие английские общественные деятели считали Вильсона неисправимым пацифистом, способным всячески вилять, только бы избежать решительных действий. Долг английского посла в Вашингтоне заключался в том, чтобы дать своему правительству более точное пред-

---

[1] Июльский номер журнала «Каррент хистори» за 1916 г.

ставление о президенте, но сэр Сесиль, к сожалению, совершенно не сочувствовал Вильсону и находился несомненно под влиянием республиканских лидеров, с которыми он поддерживал тесную связь и которые к президенту относились, пожалуй, не без пристрастия.

Письма Хауза президенту

Нью-Лондон, Нью-Хэмшир, 12 июня 1916 г.

«Дорогой начальник!

...Только что вернулся из Европы Артур Буллард. Он сообщил мне, что, находясь в Лондоне, слышал от сэра Хорэса Планкетта, будто тот читал телеграмму от Спринг-Райса, адресованную английскому министру иностранных дел, в которой указывалось, что наша страна ни в коем случае не будет воевать с Германией. Это происходило в самый острый период нашего недавнего кризиса отношений с Германией.

Со сколькими злосчастными обстоятельствами и людьми нам приходится бороться! Спринг-Райс имеет дело только с вашими врагами, как, например, У., прислушивается к их мнению и передает это своему правительству...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Кроме того, Хауза беспокоило неправильное изложение речей Вильсона в заграничной прессе и неспособность наших послов подчеркнуть перед Антантой, какое значение имело ограничение германской подводной войны, равно как разъяснить истинное направление вильсоновской политики.

Нью-Лондон, Нью-Хэмшир, 14 июня 1916 г.

«Дорогой начальник!

...Нашим представителям за границей следовало бы доводить эти выступления не только до сведения правительств, при которых они аккредитованы, но и до сведения публики через печать... От Артура Булларда я получил еще одно письмо, в котором он жалуется, что английская и французская печать публикует искаженные отчеты о ваших выступлениях и не объясняет их истинного значения.

Если вы согласитесь, я устрою, чтобы Фрэнк Полк написал нашим представителям в Европе, чтобы те позаботились о правильном изложении ваших взглядов перед правительством и перед публикой. Все ваши выступления, касающиеся международных дел, будут передаваться им по телеграфу, а они в свою очередь должны будут это публиковать.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Нью-Лондон, Нью-Хэмшир, 23 июня 1916 г.

«Дорогой начальник!

Прилагаю копию письма, только что полученного от лорда Брайса. Оно касается того, что я говорил вам об искажениях ваших выступлений французской и английской печатью путем публикования произвольных выдержек из ваших речей.

Если бы Пэйдж больше заботился о том, чтобы в более благоприятном свете изложить перед английской публикой вашу точку зрения, а меньше думал бы о том, как объяснить эту точку зрения в неправильном свете, тем самым он в значительной мере помог бы осуществить наши намерения.

Жюссеран не перестает настаивать перед своим правительством, чтобы оно не допускало неучтивости во французской печати.

От Пенфилда я получил письмо, в котором он пишет:

«15 мая одна второстепенная газета поместила прилагаемую карикатуру на президента. Я потребовал немедленного свидания с бароном Бурианом и энергично протестовал против подобных выпадов по адресу суверенного главы государства, с которым Австрия не находилась в состоянии войны. Спустя 24 часа я получил письменное извинение и заверение правительства, что недружественные выступления газет немедленно прекратятся».

Если Пенфилд может добиться этого в Австрии, то Пэйдж и Шарп могут сделать то же в Англии и во Франции. Мы не можем надеяться на сближение с союзниками, если их прессе и мюзик-холлам будет позволено выражать неуважение к вам и вашему правительству. В мирное время нельзя сделать того, что легко сделать в военное время, когда существует цензура.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

В Лондоне Пэйдж поддерживал самые тесные отношения с сэром Эдуардом Грэем и через него мог получить доступ к другим членам кабинета. Но, к сожалению, он сам не сочувствовал политике Вильсона, о чем свидетельствовали письма посла. Не заявляя себя сторонником выступления Америки в качестве воюющей стороны, он в то же время настаивал на разрыве дипломатических отношений с Германией с тем, чтобы ясно показать, что мы сочувствуем союзникам[1].

Рассуждая таким образом и считая, что Вильсон ведет неправильную политику в том, что сохраняет дружественные отношения с Германией и надоедает в то же время союзникам вопросами о тор-

[1] Это предложение, часто обсуждавшееся в Англии теми, кто не хотел просить США вступить в войну, Вильсон и Хауз никогда не считали политически практичным. Дипломатический разрыв почти неизбежно привел бы к войне, как это произошло в 1917 г., и мог иметь место только в том случае, если бы мы определенно рассчитывали на войну и подготовились бы к ней.

говле, Пэйдж затруднялся объяснить англичанам политику президента. Вильсон долгое время защищал Пэйджа против тех, кто утверждал, что посол придерживался скорее английских, чем американских взглядов на войну, но и его терпению приходил конец. 17 мая он писал Хаузу, что министр иностранных дел настолько недоволен всем поведением Пэйджа в его сношениях с английским министерством иностранных дел, что желает вызвать его сюда для проведения отпуска с целью «вдохнуть в него немного американского духа»[1].

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 18 мая 1916 г.

«Дорогой начальник!

По-моему, о Пэйдже мы можем не особенно беспокоиться. Если он приедет домой немедленно, то, полагаю, мы сможем его исправить. Вы припомните, что более года я настаивал на его приезде.

Не думаю, чтобы в настоящий момент его присутствие там было необходимо: штат посольства сможет сам справиться со всей работой. К посольству только что прикомандирован Хью Гибсон из Брюсселя, человек дельный.

Надо прожить три года в окружавшей Пэйджа атмосфере, чтобы понять, какое влияние она оказывает; следовательно, он уже не так виноват, как можно думать.

Он прекрасно отвечал бы своему назначению в мирное время, но война совратила его с правильного пути.

По личным причинам он, возможно, пожелает остаться здесь, а если он проявит такое желание, я бы не стал его отговаривать. С другой стороны, если он проведет здесь обычный шестидесятидневный отпуск, то, вероятно, обретет равновесие и дальнейших неприятностей с ним не будет...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

4

Пожалуй, было естественно, что предложение президента Вильсона о помощи союзникам, в случае если Германия отклонит умеренные условия, не встречало немедленного отклика. Союзники были уверены, что им удастся разгромить Германию и диктовать ей условия; они страшились слов «мирная конференция» и к Вильсону относились подозрительно. Тем не менее, Хауз полагал, что они не будут настолько недальновидны, чтобы отказаться от того, что фактически было равноценно залогу победы, хотя и ограниченной американскими условиями. В этом мнении его укрепляли горячее сочувствие Грэя в Лондоне, намек Бальфура на

[1] Эта фраза цитируется из дневника полковника Хауза, но, очевидно, представляет мысль президента.

то, что американское предложение, возможно, будет принято, и победа Вильсона в деле Гора—Мак-Лемора.

Письмо Бальфура Хаузу

Адмиралтейство, Уайт-Холл
Лондон, 2 марта 1916 г.

«Дорогой полковник Хауз!

Сожалею, что не смог лично попрощаться с вами и с м-сс Хауз; всегда буду расценивать мое общение с вами во время двух ваших посещений как наиболее интересное воспоминание. Если я не ошибаюсь, мне кажется, что в скором времени я снова буду иметь удовольствие встретиться с вами и со всей откровенностью обсудить некоторые из великих проблем, возникших в результате переживаемого нами мирового кризиса...

Если произойдет что-либо интересное, о чем, по моему мнению, вы не сможете узнать из других источников, то я дам вам знать. Передайте поклон м-сс Хауз.

Остаюсь искренно ваш
Артур Джэймс Бальфур».

Письмо Планкетта Хаузу

Лондон, 7 марта 1916 г.

«Дорогой полковник Хауз!

Считаю необходимым сообщить вам этим письмом, что позиция президента в вопросе о правах американцев, путешествующих на английских пароходах, способствующая укреплению гуманных сторон международного права, произвела глубокое впечатление в этой стране. В то время как я писал это письмо, я не знал, какова будет позиция палаты представителей по отношению к президенту, но его друзья здесь преисполнены уверенности, что конгресс поступит так же, как сенат. Каковы бы ни были результаты выборов, вы можете положиться на то, что в глазах английского народа президент стоит выше, чем тогда, когда его политика была понята здесь даже хуже, чем это, повидимому, было в некоторых частях его собственной страны...

Искренно ваш *Хорэс Планкетт*».

Но период перемены отношений в пользу Вильсона был недолговечен. Проходили недели, а сэр Эдуард Грэй ни словом не обмолвился о своей пропаганде в пользу условного предложения Вильсона о помощи. Пока союзники тревожились об исходе германского наступления на Верден, они, пожалуй, были более склонны принять предложение Вильсона. Но по мере того как сопротивление французов усиливалось, их надежды укреплялись, и они вернулись к мыслям о том, что смогут покончить с врагом без посторонней помощи.

Французы, естественно, были менее склонны воспользоваться американским предложением, чем англичане, ибо они рассматривали вражду Германии как постоянный фактор. Ничто не могло их удовлетворить, кроме политического развала Германии в результате полной военной победы. Для Франции, казалось, никогда не представлялся такой удобный случай уничтожить своего вековечного врага, ибо казалось маловероятным, чтобы когда-либо в будущем удалось снова создать такую мощную антигерманскую коалицию. Теперь настало время покончить с Германией. Лучше было продолжать войну без американской помощи, чем принять эту помощь на условиях, которые помешали бы Франции поступить с Германией по своему усмотрению.

Англичане ни в коей мере не сочувствовали всем притязаниям французов. Впоследствии они оказали энергичное сопротивление некоторым их притязаниям. Но в то время они не собирались рисковать солидарностью Антанты, давая понять, что если Франция уступит в своих притязаниях, то война может быть окончена раньше; но французы в конце концов приняли на себя всю тяжесть германского нападения и приобрели тем самым известное право решать, сколько должна продолжиться борьба. Кроме того, англичане подписали в сентябре 1914 г. Лондонский пакт, который ставил условием, чтобы мир был заключен всеми союзниками сообща. Отсюда явствовало, что они не могли итти навстречу американскому предложению о вмешательстве, не получив на то полного одобрения со стороны французов.

Сэр Эдуард Грэй был самым совестливым государственным деятелем в Европе. Можно было с уверенностью сказать, что он не предпримет ничего такого, что каким-либо образом могло быть истолковано как попытка Англии уклониться от своих обязательств по отношению к союзникам. Отсюда понятно, почему он не желал отстаивать перед союзниками план Хауза: в нем заключалось предложение о созыве мирной конференции, и кроме того, как заявил он впоследствии, «я боялся, что если упомяну о мире, французы подумают, что мы собираемся их бросить». Труднее понять, почему он не считал нужным упомянуть о второй части предложения, т. е. о том, что Америка вступит в войну, если Германия откажется принять благоразумные условия.

Сам Грэй писал в своих мемуарах, что «если Германия отказалась бы от участия в мирной конференции или отказалась бы согласиться на намеченные условия, то США присоединились бы к союзникам на несколько месяцев раньше, а для союзников это был бы выигрыш[1]».

---

[1] *Э. Грэй*, Двадцать пят лет, т. II, стр. 136. В 1925 г. князь Бисмарк говорил Хаузу, что германское правительство ни на минуту не согласилось бы рассматривать эти условия.

Письмо Грэя Хаузу

Лондон, 24 марта 1916 г.

«Дорогой полковник Хауз!

Получив вашу телеграмму, я сообщил о ней тем из коллег, которые уже видели отчет о нашей беседе, на которую вы ссылаетесь в телеграмме.

Все мы чувствуем, что в настоящий момент не можем взять на себя инициативу предложить французам рассмотреть вопрос о созыве мирной конференции.

С тех пор, как я передал Камбону содержание нашей беседы, я не получал никаких указаний на то, что в настоящий момент французы более склонны, чем тогда, рассматривать вопрос о созыве конференции. Исход борьбы за Верден еще неизвестен (хотя говорят, что французы чувствуют себя очень уверенно), и я не думаю, чтобы французы смогли принять какое-либо важное решение, пока этот вопрос не будет решен.

Лично я считаю, что в тот момент, когда они выразят какое-либо желание положить конец этой борьбе путем созыва конференции, мы должны будем оказать предпочтение их взглядам. Ввиду того, что их территория оккупирована и принимая во внимание обращение немцев с их населением, их страдания, равно как и страдания Бельгии, которые значительно больше наших (хотя наше участие в войне в материальном отношении, возможно, и более велико), мы не можем требовать от них бо́льших жертв, чем те, к которым они сами готовы.

С другой стороны, настаивать перед ними на созыве конференции до того, как они выразят желание о созыве таковой, значит привести их к мысли, что мы не желаем поддержать их в момент, когда они хотят продолжать войну. Помимо того, что это произвело бы катастрофическое политическое действие, создавать такое впечатление было бы крайне противно нашим взглядам и чувствам.

Я предлагаю, следовательно:

1. Сообщить Бриану, что после вашего отъезда я слышал, что в случае готовности Франции и Англии президент Вильсон по своей собственной инициативе созовет конференцию, чтобы положить конец войне на условиях и в духе, указанных вами в Париже и Лондоне.

2. Я скажу, что мы можем поставить вопрос перед другими союзниками, лишь посовещавшись с французским правительством, и, следовательно, не намереваемся упоминать об этом вопросе на конференции союзников в Париже, которая состоится на этой неделе.

3. Если Бриан пожелает выразить какое-либо мнение по этому вопросу, то он несомненно сообщит мне о нем лично или же через Жюля Камбона, пока мы будем находиться в Париже.

Мы с премьер-министром выезжаем туда в четверг вечером. Естественно, что ничто, мною сказанное, не мешает вам сообщить французам то, что вы считаете своевременным.

Искренно ваш *Э. Грэй*».

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 8 апреля 1916 г.

«Дорогой начальник!

Вот два письма, только что полученные от сэра Эдуарда Грэя. Мне кажется, что я отлично понимаю его желание, чтобы с французами мы снеслись непосредственно. Сделать это сам он не решается. Когда я был в Лондоне, он выразил особенное удовлетворение по поводу того, что во время моего пребывания в Париже я снесся с французами непосредственно. Он сказал, что это избавило его от некоторых затруднений.

Его правительство понимает, что страдания Англии были настолько незначительны по сравнению со страданиями Франции, что оно не желает первым предложить приостановить войну. Эта мысль сквозит во всем его письме, и она постоянно чувствовалась во всех наших беседах.

Как бы вы отнеслись к тому, чтобы во вторник, когда я буду в Вашингтоне, я побеседовал с Жюссераном и рекомендовал ему в практическом духе переговорить со своим правительством о том, что было предметом нашей телеграммы сэру Эдуарду?

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

К сожалению, Хауз не установил с французским правительством каких-либо способов непосредственного общения, как с Грэем, а посол Жюссеран выразил определенное нежелание поставить перед Парижем вопрос об американском вмешательстве. Несомненно, телеграмма президента непосредственно к Бриану оказала бы некоторое влияние на французов, но опасались того, что ее примут как форменное и официальное предложение о посредничестве, которое, при существующих обстоятельствах, могло бы привести к кризису отношений с союзниками.

Сэр Эдуард послал Бриану напоминание об американском предложении, но он упорно отказывался открыто упомянуть о нем французам, пока они сами не поднимут вопроса, но, очевидно, французы тщательно этого избегали. По иронии судьбы на конференции союзников эта возможность вовлечения США в войну была обойдена полным молчанием, между тем, там лились потоки красноречия, не приведшие все же к согласованным действиям союзников. Может быть, они надеялись, что германские подводные лодки заставят США вступить в войну без всяких условий.

Письмо Грэя Хаузу

Лондон, 7 апреля 1916 г.

«Дорогой полковник Хауз!

Перед своим отъездом в Париж я отправил Бриану через здешнее французское посольство сообщение, о котором я вам писал в письме от 24 марта.

Сама конференция свелась к громоздким переговорам по общим вопросам, но несколько вопросов мы с премьером обсудили отдельно с Брианом и Камбоном, причем ни один из них не упомянул о вашем деле.

Французская печать полна сообщений о неудаче немцев под Верденом и о потоплении «Суссекса»; по общему настроению, царящему в Париже, было видно, что французское правительство не могло в то время поставить вопрос о созыве мирной конференции.

Я вынужден сказать, что у нас, как мне думается, царит аналогичное настроение. Все чувствуют, что прежде, чем добиться даже самого неопределенного мира, необходимо, чтобы немцы потерпели дальнейшие неудачи, а союзники одержали несколько успехов. Переданная сегодня речь германского канцлера укрепила эти чувства.

Я не могу считать, что вступление США в войну, произойдет ли оно из-за «Суссекса» или из-за конференции и условий мира, приведет к затяжке войны. Более того, я чувствую, что это вступление ускорит ее конец; но я помню, вы выразили опасение, что каким-нибудь насильственным действием Германия заставит вас пойти на разрыв, а вы предпочитали, чтобы разрыв был вызван иными причинами.

Это я понимал и понимаю, но нет сомнения, что случай с «Суссексом» и беспощадное потопление нейтральных судов—норвежских, датских, испанских (хотя я не знаю всех обстоятельств), создало некую дилемму.

Если правительство США займет энергичную позицию по отношению к этим актам, то, я полагаю, ему трудно будет предложить Германии созыв конференции; если, с другой стороны, оно пройдет мимо этих актов, то союзники не поверят, что правительство США займет на конференции достаточно энергичную позицию, которая обеспечила бы нечто большее, чем поспешный и ненадежный мир.

Мое личное соприкосновение с вами и через вас—с президентом вселяет в меня большие надежды, но в столкновении ужасных сил частное мнение отдельного лица играет лишь незначительную роль.

Искренно ваш *Э. Грэй*».

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 19 апреля 1916 г.

«Дорогой начальник!

Только что я получил от сэра Эдуарда другое собственноручное письмо, копию которого прилагаю.

Вы заметите, что он особенно останавливается на том, что мы считаем неизбежным: если позволить Германии беспрепятственно продолжать ее политику подводной войны, то мы лишимся дружбы и уважения союзников до такой степени, что они не будут доверять нашей способности действовать достаточно энергично во время мирных переговоров.

Сегодняшний ваш шаг[1], я уверен, встретит одобрение лучшей части общественного мнения нашей страны и Европы. Он знаменует эпоху в американской истории.

Глубоко преданный вам *Э. М. Хауз*».

5

Принятие Германией требований Вильсона по вопросу о «Суссексе» убедило полковника Хауза в необходимости сделать новое и более определенное усилие с целью заставить союзников согласиться на его план. Среди союзников обозначилось некоторое настроение в пользу Вильсона. «С этим правительством у нас все идет как следует,—писал Пэйдж;—нота президента, ударившая по немцам, помогла основательно. Если он больше не намерен терпеть глупостей, то мне наверное удастся дожить до конца войны». Тем не менее, Хауз понимал, что, уступив в вопросе о подводной войне, Берлин потребует, чтобы США приняли некоторые меры для ограничения вмешательства англичан в нейтральную торговлю, если же это не сделать, представители флота в Германии потребуют возобновления беспощадной подводной войны. Ввиду германских неудач под Верденом наступил благоприятный момент для выражения союзниками готовности принять благоразумные мирные условия; если Германия откажется, то станет ясно, что все ее мирные декларации были пустым звуком.

Исходя из этого, полковник обратился к Грэю с новым призывом, подчеркнув эти факты и выдвинув предложение, что президент при созыве конференции публично заявит о готовности США принять активное участие в международных делах. В то же время он предупредил сэра Эдуарда, что в случае, если Германия действительно откажется от подводной войны, то в США в результате английского вмешательства в почтовую службу и огра-

---

[1] Отправка Германии ультиматума по вопросу о «Суссексе».

ничения торговли антибританские настроения быстро усилятся. Вильсон с радостью одобрил план Хауза и санкционировал отправку телеграммы.

Телеграмма Хауза Грэю

Нью-Йорк, 10 мая 1916 г.

«Здесь все более настойчиво требуют, чтобы президент предпринял какие-либо действия, чтобы положить конец войне. Все больше создается впечатление, что союзники стремятся скорее наказать Германию, чем выдвинуть условия, которые нейтральные страны могли бы считать справедливыми. Это впечатление усилится, если Германия прекратит свою незаконную подводную войну.

Я полагаю, что в настоящий момент президент согласен публично заявить о готовности США объединиться с другими странами для того, чтобы заключить конвенцию о поддержании мира после окончания этой войны, при условии, если он в то же время сможет заявить, что в случае продолжения войны он намерен созвать конференцию для обсуждения мира.

Если президенту суждено послужить человечеству, то необходимо сделать шаги сейчас и не ждать, пока обстановка станет менее благоприятной. Его заявление соответствовало бы тем пунктам, о которых я так часто разговаривал с вами и о которых вы упомянули в вашем письме от 22 сентября 1915 г., т. е., что страны, подписавшие это соглашение, должны взять на себя обязательство объединиться против всякой державы, нарушившей какой-либо договор. Конвенция должна будет сформулировать законы, направленные к ограничению морских и сухопутных вооружений, и выработать более человечные методы ведения войны по отношению к тем, кто фактически защищает жизнь и достояние граждан нейтральных стран и мирных жителей.

Конвенция должна обязать все подписавшиеся державы объединиться против всякой страны, которая в случае спора откажется прибегнуть к иному методу его разрешения, кроме войны[1].

Я уверен, что сейчас настал психологический момент для этого заявления, и прошу вас сообщить мне по телеграфу ваше мнение о целесообразности подобного шага. Если не сделать этого сейчас, то возможность может быть утеряна навсегда.

Эдуард Хауз».

Вслед за телеграммой полковник отправил письмо, в котором как бы предсказал последствия полного разгрома Германии.

---

[1] Историк заметит, что этот параграф заключает в себе сущность принципа принудительного арбитража, который восемь лет спустя лег в основу плана Блисса—Шотуэлла—Миллера для обеспечения мира, был включен в протокол, утвержден ассамблеей Лиги наций и составил основу локарнских пактов. В приведенной телеграмме Хауз предлагал принятый впоследствии метод определения агрессора.

Письмо Хауза Грэю

Нью-Йорк, 11 мая 1916 г.

«Дорогой сэр Эдуард!

... Мы так долго пребывали накануне разрыва с Германией, что я вам не писал, так как казалось, что разрыв может произойти в любой день. Сейчас на время все успокоилось, и если со стороны Германии больше не будет враждебных поступков, то разрыва, вероятно, не случится.

Если мы вмешаемся в войну, это не сулит ничего хорошего для Англии. Война, вероятно, приведет к окончательному разгрому Германии и Австрии; в таком случае Италия и Франция будут больше озабочены разделом добычи, чем заключением соглашения с целью обеспечить мир в будущем и смягчить ужасы войны.

Изнурительный процесс зашел для Германии достаточно далеко, чтобы она была способна почувствовать силу, которую можем выставить мы; это огромное преимущество, и оно поможет нам при окончательном решении вопроса. Год тому назад мы не смогли заставить ее принять условия, на которые она согласилась теперь, и кажется очевидным, что на мирной конференции она предпочтет пойти на дальнейшие уступки, чем прибегать к мечу.

Из моей телеграммы вы увидите, как много сделал президент в течение этого года. Мы уверены, что общественное мнение поддержит его намерение настоять, чтобы США сыграли свою роль в деле поддержания мира.

Я также уверен, что сейчас настал психологический момент предложить то, что дорого вам и президенту. Промедление опасно и может разрушить наши планы.

Наша программа в одинаковой мере касается и других стран. Но сейчас они представляют ее себе не так ясно, как Англия и США. Следовательно, Англия должна немедленно откликнуться на наш призыв. Если ее государственные деятели проявят медлительность или колебание, они примут на себя большую ответственность, и если из-за их отказа действовать быстро программа провалится, история сурово их осудит.

Сейчас, повидимому, настал момент выполнить все то, чего мы с вами желали. Я со всей серьезностью надеюсь, что вам удастся убедить ваше правительство использовать представившуюся возможность.

Искренно ваш *Э. М. Хауз*».

Но сэр Эдуард Грэй, поставленный лицом к лицу с необходимостью дать определенный ответ, очевидно, был вынужден отказаться использовать представившуюся возможность. Он не мог поступать независимо, он понимал, что ни его коллеги, ни мини-

стры союзных стран не были готовы принять предложения Хауза, и считал, что не стоило настаивать перед ними на этом предложении.

Странная инертность, казалось, охватила дипломатов союзных стран, и, словно связанные в своих действиях, они не надеялись влиять на ход событий. В своих мемуарах, написанных после войны, Грэй замечает, что «дипломатия в Европе почти ничем не могла помочь выиграть войну». А, между тем, появилась возможность для союзников вовлечь США в войну на их стороне, что означало верный шаг к победе. Обрисовывая основные цели союзнической дипломатии, Грэй объясняет это бездействие так: «Основной целью, несомненно, было сохранить солидарность главных союзников». Если в этом, чисто пассивном, стремлении заключалась основная цель, то он не мог настаивать на плане Хауза, иначе он возбудил бы недоверие французов. Единственно, чего хотели французы и большинство английского кабинета,—это воевать, вести войну на истощение.

Полковнику Хаузу Грэй объяснил нежелание союзников рассмотреть американское предложение в выражениях, свидетельствовавших о его смущении. Союзники чувствовали, что это посредничество было «преждевременным», и они «негодовали» по поводу утверждения Германии, что она вела войну оборонительную, но в то же время союзники игнорировали американское предложение о вступлении в войну, если Германия будет неблагоразумной в своих требованиях. Они опасались действия, которое произведет посредничество Вильсона на общественное мнение, и, повидимому, забыли, что президент предложил через Хауза условия, являвшиеся отнюдь не неблагоприятными для союзников. Телеграмма Грэя Хаузу подчеркивала английские обязательства по отношению к французам и русским, но неспособность англичан досконально разобраться в американском предложении указывала либо на стремление положиться на ход военных событий, либо на странную слепоту.

Телеграмма Грэя Хаузу

Лондон, 12 мая 1916 г.

«Я получил вашу телеграмму. Без обмена мнений с коллегами и союзниками мой личный взгляд играет лишь незначительную роль, а если бы в настоящий момент я стал советоваться с ними о возможности созыва мирной конференции, это в лучшем случае привело бы, по-моему, к получению ответа, что посредничество или конференция преждевременны, особенно после недавнего вы-

ступления германского канцлера, язык и мирные условия которого вызвали негодование среди союзников[1].

Предложение президента о созыве мирной конференции без указания основы, на которой может быть заключен мир, будет рассматриваться как предложение, сделанное по наущению Германии, с целью добиться мира на условиях, неблагоприятных для союзников, в то время как ее позиция с военной точки зрения все еще остается для нее удовлетворительной[2].

Насколько трудно избавиться от этого впечатления, не оскорбив Германии, вы оцените, пожалуй, лучше, чем я; но опасность создания нежелательного впечатления среди союзников очень реальна, так как существует широко распространенное, хотя, может быть, и преувеличенное мнение, что Германия переживает серьезные затруднения, могущие привести ее к поражению, особенно в том случае, если окончательно определится ее неспособность взять Верден.

В остальном мое письмо от 22 сентября предусматривало сокращение вооружений в результате создания Лиги наций, обязавшихся объединиться против всякой державы, которая нарушит договор или известные правила ведения войны на суше и на море.

Я не решился потребовать установления законов, непосредственно ограничивающих вооружение, не по принципиальным соображениям, а ввиду практических трудностей в установлении подобных законсв.

Во всем остальном я лично—сторонник предлагаемого вами соглашения между нациями, хотя и не могу ручаться за то, как другие страны отнесутся к этому предложению. Я полагаю, что оно приведет к сокращению вооружений. Я сочувствую намерениям президента и чувствую, что его предложение о создании Лиги наций сможет оказать величайшую услугу человечеству; но что касается желательности принятия этого предложения в настоящий момент, а также созыва мирной конференции, я могу лишь ограничиться вышесказанным мнением.

Э. Грэй».

---

[1] Бетман в своем выступлении в рейхстаге 5 апреля утверждал, что Германия вела войну в целях самозащиты и мир должен гарантировать, что Бельгия не будет находиться под англо-французским контролем. Легко понять, что тон выступления вызвал среди союзников негодование, но гораздо труднее понять, почему подобное чувство должно было отозваться на соображениях высшей политики.

[2] Эту фразу трудно понять. Грэй уже имел в своем распоряжении посланный в феврале меморандум, который содержал ясное «указание основы, на которой может быть заключен мир», притом на условиях, отнюдь не «неблагоприятных для союзников». Если предположить, что союзники знали о меморандуме, то они ни в коем случае не могли заподозрить, что предложение Вильсона сделано по наущению Германии. Возможно, что Грэй хотел лишь показать, какое действие предложение произведет на общественное мнение, вовсе не осведомленное о меморандуме.

6

Полковник Хауз был, естественно, горько разочарован. В ответ на призывы англичан и французов к Америке, чтобы та взяла на себя долю бремени человечества, он составил смелый план, суливший революцию в международных отношениях Америки. Но, казалось, союзники не придавали никакой цены американскому предложению. Очевидно, они желали американской помощи без всяких условий не столько для того, чтобы обеспечить постоянный и справедливый мир, сколько для того, чтобы раздавить Германию. Хауз чувствовал, что эти две цели друг другу не соответствовали, и знал, что Грэй с ним согласен.

«Я разочарован, — писал Хауз 13 мая, после получения телеграммы от сэра Эдуарда,—тем, что он не оказался на высоте положения. На протяжении двух лет он заявлял мне, что решение вопроса о международном спокойствии зависит от готовности США принять участие в мировых делах... Я определенно разочарован. Мы наталкиваемся на отсутствие согласованности в английском правительстве. Каждый член правительства говорит сам от себя и, повидимому, не знает, что думают его коллеги. Я также отчетливо вижу, что после Вердена союзники петушатся. Это состояние еще больше усилится, если они сами одержат какие-либо успехи, и я чувствую, что с ними будут неприятности. Международное положение может измениться так же быстро, как меняются отношения между частными лицами, т. е. в 24 часа. Если союзники нанесут поражение Германии, то может создаться положение, при котором они попытаются занять в Европе и других частях света роль диктаторов. Я совершенно отчетливо вижу, в чем они могут изменить свои взгляды на милитаризм на суше и на море. Это зависит исключительно от того, какая страна применяет его и считает ли она это добром или злом».

Полковник Хауз считал необходимым внушить Грэю, что союзники не только упускали благоприятный случай, но что холодный прием, оказанный ими предложению президента, вызовет некоторые сомнения относительно побуждений союзников. Хауз предупредил их еще в январе, что в случае их несогласия принять американскую помощь, США будут энергично настаивать на соблюдении их прав нейтральной страны, и союзникам придется иметь дело с растущими трениями в связи с теми препятствиями, которые они чинили американской торговле. Президент Вильсон согласился, что Грэю следует внушить, какие последствия влечет позиция союзников. Если они откажутся от американского посредничества, сопровождаемого предложением об оказании помощи, то они должны будут нести все последствия затянувшейся войны; одним из этих последствий будет спор с США, и им следует ожи-

дать, что мы будем энергично настаивать на соблюдении наших прав.

16 мая президент написал Хаузу, что настало время приступить к «тяжелой работе». Америка, заявил он, должна либо сделать решительный шаг в сторону мира на какой-то постоянной основе, либо настоять на своих правах перед Англией с той же энергией, как по отношению к Германии. Бездействовать нельзя, заявлял он. Поэтому он просил Хауза приготовить соответствующую телеграмму Грэю, обрисовав ситуацию дружественным, но твердым тоном.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 17 мая 1916 г.

«Дорогой начальник!

Ваше письмо я получил вчера поздно вечером и не успел на него ответить.

Посылаю Вам текст телеграммы сэру Эдуарду Грэю. Прошу Вас сделать необходимые изменения, после чего я ее зашифрую и немедленно отправлю.

Всегда было очевидно, что когда кончатся наши затруднения с Германией, тогда начнутся наши затруднения с союзниками; эта проблема меня сильно беспокоит.

Чем больше я присматриваюсь к образу действий правительств по отношению друг к другу, тем сильнее я убеждаюсь в сугубо корыстном характере их намерений. Благодарность—понятие для них незнакомое, и все, что мы сделали для союзников, будет немедленно позабыто в момент возникновения спора с ними. Тем не менее, я убежден, что наш долг—настаивать на созыве мирной конференции всеми силами, какими вы располагаете, ибо понравится им конференция или нет, я полагаю, что вы можете этого добиться...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Снова Хауз телеграфировал Грэю, предупреждая его, что, если союзники откажутся от американской помощи, США будут вынуждены охранять свой нейтралитет и появится угроза разногласий с Англией. Полковник не настаивал на немедленном созыве мирной конференции, если союзники полагали, что застойное положение войны изменится в результате военных успехов, намеченных на лето. Но он настаивал на том, что отказ от американского сотрудничества, которое должно было обеспечить разрешение вопроса на условиях, которые союзники официально декларировали, заставит США обратиться к защите собственных интересов. Союзники могут делать, что им нравится, но сами должны нести всю ответственность и впредь не винить США за индиферентность. Вслед телеграмме Хауз отправил письма, на-

поминая Грэю, что в результате его плана Германия должна будет либо уступить, либо воевать с США.

Вильсон отправил телеграмму. Он чувствовал, что в достаточной мере выразил свою готовность оказать помощь в случае, если Германия будет упорствовать, и начал проявлять признаки недовольства теми, кто отвергал его предложение.

Телеграмма Хауза Грэю

Нью-Йорк, 19 мая 1916 г.

«Посланные мною в течение последних нескольких дней телеграммы и письма ни в коем случае не преследовали цели связать союзников по рукам или заставить их принять что-нибудь, к чему они не готовы. Скорее я стремился обрисовать ситуацию, создавшуюся тотчас же после того, как Германия согласилась прекратить незаконную подводную войну.

Америка подошла к распутью, и если в ближайшем будущем мы не сможем приступить к каким-либо мирным переговорам, то наш народ потребует, и к этому требованию, вероятно, присоединятся все нейтральные страны, чтобы на соблюдении союзниками наших неоспоримых прав мы настояли с той же твердостью, какую мы проявили по отношению к Центральным державам...

Здесь создалось настроение, которое, как говорят, наблюдается в других нейтральных странах,—что с войной надо покончить, и всякое государство, которое отвергнет предложение мира, примет тем самым тяжелую ответственность.

Если мы будем нажимать на союзников с необходимым для нас упорством, то, несомненно, это вызовет трения...

Я говорю со всей откровенностью, которую всегда проявлял по отношению к вам, ни о чем не умалчивая, и побуждаемый лишь желанием установить между обеими странами отношения, которых мы так искренно желаем. Момент критический и промедление опасно.

Если Англия действительно сражается за освобождение Европы, то мы готовы объединиться с ней с целью дать возможность всем странам земного шара, малым и большим, жить так, как они хотят, и освободиться от тени автократии и призрака войны.

Если нам суждено объединиться в этом великом деле, тогда Англия должна согласиться на единственно реальные в данной обстановке условия, игнорировать которые мы не можем.

Германия не сделала нам никаких предложений о созыве мирной конференции, наоборот, германский посол вручил мне вчера телеграмму от своего правительства, заявляющего, что в настоящий момент германское общественное мнение не потерпит президента в качестве посредника.

В планы президента не входит немедленный созыв мирной конференции, и в распоряжении союзников имеется достаточно времени, чтобы доказать, действительно ли Германия идет ко дну и могут ли военные действия быть сдвинуты с мертвой точки.

Я предложил бы вам переговорить с тремя вашими коллегами, с которыми мы обсуждали эти вопросы, ибо это дело не терпит отлагательства.

Э. М. Хауз».

Письма Хауза Грэю

Нью-Йорк, 23 мая 1916 г.

«Дорогой сэр Эдуард!

... Мы думаем, что войну можно кончить на условиях, которые почти или совсем исключат возможность ее повторения. Я думаю, что милитаризм уже сломлен и дальнейшее продолжение войны ничего не прибавит в смысле ее удовлетворительного разрешения, а скорее этому помешает.

В настоящее время мы в гораздо большей степени сможем повлиять на справедливое разрешение вопроса, чем в случае, если война будет продолжаться или если мы будем в нее вовлечены. Благоприятное отношение, которое союзники создали для себя в этой стране, может быть выгодно использовано, но совершенно очевидно, что в случае продолжения войны это премущество с каждым днем будет терять свою силу.

Я сожалею, что Англия этого не понимает. Англия и Франция, повидимому, думают, что сотрудничество, предлагаемое им Америкой с целью добиться удовлетворительного разрешения затруднительных вопросов, которые несомненно возникнут после заключения мира, окажется менее ценным, чем сомнительное преимущество, которое они могли бы извлечь в случае полного разгрома Германии. Если произойдет последнее, то со всей очевидностью должен возникнуть ряд новых проблем, которые нас всех поставят втупик.

Кажущееся у вас отсутствие желания сотрудничать с нами расхолодит наблюдающийся здесь энтузиазм, который, я боюсь, никогда больше здесь не появится, по крайней мере, в наши дни. Налицо благоприятное стечение обстоятельств, дающее возможность продвинуть и установить всеобщий мир и безопасность, и надо надеяться, что это преимущество не будет упущено. Если же оно будет упущено, то повинны в этом будем не мы.

Остаюсь, дорогой сэр Эдуард, с наилучшими пожеланиями

искренно ваш *Э. М. Хауз*».

Нью-Йорк, 27 мая 1916 г.

«Дорогой сэр Эдуард!

... Я хочу обратить ваше внимание на один факт: заявление германского канцлера о согласии Германии заключить мир на основе сохранения нынешней географической карты. Это не может означать ничего иного, кроме победоносного мира для Германии. Если, приняв наше приглашение, Англия и Франция согласились бы участвовать в мирной конференции, то Германии, вероятно, пришлось бы выбирать между отказом от своей позиции и войной с нами.

Я полагал, что мне следует обратить внимание на все это, хотя уверен, что вы уже рассмотрели эту возможность.

Искренно ваш *Э. М. Хауз*».

Ответ сэра Эдуарда был повторением его прежних ответов: без согласия Франции он действовать не мог. Пока не поднимает вопроса Франция, англичане вынуждены бездействовать. Несколько недель спустя он писал Хаузу: «В настоящий момент, после речей Пуанкаре и Бриана в связи с боями за Верден, ни один англичанин не спросит Францию: «Разве не настало время заключить мир?».

Но полковник никак не мог понять нежелания Англии заявить Франции: «Согласившись на предложение Вильсона, вы получаете возможность вовлечь в войну США и разоблачить Германию». Казалось, англичане думали, что, предлагая им помощь, Вильсон едва ли не просил об одолжении.

Полковник Хауз еще раз снесся с Жюссераном. Французский посол дал ясно понять, что французы не пожелают обсуждать никакого плана, в котором значилось бы слово «мир». Объяснялось ли это их недоверием к Вильсону? Надо помнить, что Камбон выдвинул перед Грэем предположение о несерьезности предложения президента и о том, что оно преследовало исключительную цель: помириться с союзниками перед началом президентской кампании. В телеграмме сэра Эдуарда тоже намекалось, что Вильсону необходимо завязать переговоры непосредственно с Францией с той целью, чтобы французское правительство «таким путем в достаточной мере убедилось в его истинных намерениях и доброй воле».

Было вполне допустимо, что французы не придавали большого значения американской помощи. Они прекрасно помнили, сколько времени понадобилось Англии для того, чтобы снарядить большую армию. Они знали, что мы в гораздо меньшей мере были готовы, чем англичане, и несомненно считали, что США смогут оказать материальную помощь к тому времени, когда уже опре-

делится исход войны[1]. Кроме того, участие Америки в войне могло создать осложнения для союзников в случае, если оно помешало бы соблюдению тайных договоров, о которых в то время Вильсон ничего не знал. Россия согласилась с Францией, что последней будет предоставлена свобода действий для аннексии Рейнской области с ее многомиллионным немецким населением, а Англия согласилась на создание новой французской империи в Сирии. План Хауза мог заставить Францию отказаться от этих притязаний.

Но простейшее объяснение французской позиции заключалось в том, что продолжение войны давало наилучшую и последнюю возможность уничтожить Германию как опасного политического соперника. Хауз, очевидно, склонился к этой гипотезе.

«Я объяснил,—писал он после совещания с президентом Вильсоном 24 мая,—истинные побуждения Франции, а именно, что ей лучше драться до полного разгрома Германии, ибо она не может рассчитывать, что когда-нибудь Англия, Россия, Италия и Бельгия будут снова сражаться на ее стороне».

Жюссеран во всяком случае не усматривал ничего привлекательного в предложении Хауза, и полковник встретил отказ союзников с сожалением, но философски.

Письмо Хауза Грэю

Нью-Йорк, 8 июня 1916 г.

«Дорогой сэр Эдуард!

...Я долго совещался с французским послом, который специально приехал для этого в Нью-Йорк. Я не показал ему ни посланной вам телеграммы, ни ваших ответов, но изложил ему сущность всего сказанного вам, не упоминая вашего правительства.

Он полагает, что в настоящее время Франция не пожелает рассмотреть никакие мирные предложения независимо от того,

---

[1] Девять лет спустя Хауз писал: «Я не сомневаюсь, что когда мы в упор поставили перед Грэем вопрос о нашем вмешательстве, то мнение союзников почти совпадало с мнением немцев: они считали нас абсолютно неподготовленными ни к тому, чтобы оказать большую помощь, ни к тому, чтобы причинить больший вред, чем прежде. Союзники получали от нас деньги, продовольствие, оружие и в то же время мешали нашим судам заходить в нейтральные порты. По примеру Германии они, вероятно, пришли к заключению, что если мы вступим в войну, то сможем дать не больше того, что давали до тех пор. Кроме того, они, очевидно, полагали, что лучше сохранить существующий порядок вещей, чем допустить наше вмешательство в войну и в определение условий мира.

Не думаю, чтобы союзники рассчитывали на то напряжение сил, которое мы произвели впоследствии, и я думаю, что они были удивлены не меньше немцев. Я считаю, что величайшая наша ошибка была в том, что мы не обеспечили себе возможности вмешаться вопреки протестам немцев или союзников» (Письмо автору, 6 апреля 1925 г.).

насколько далеко мы пойдем в нашей готовности предотвратить агрессивные войны в будущем. Франция чувствует, что никогда больше ей не удастся иметь на своей стороне такую же мощную объединенную силу, и она хочет окончательного разгрома Германии.

Боюсь, пройдет еще год, а линия фронта останется почти такой же, как сегодня. Из высоко авторитетных источников мне сообщили, что лорд Китченер мыслил так же.

То, что Франция, вероятно, могла бы извлечь из войны сейчас, это—мир, главным образом на основе status quo ante, может быть, с добавлением Эльзас-Лотарингии и компенсированием Германии в другом месте, например, в Малой Азии[1]. Россия могла бы получить незамерзающий морской порт, а Италия—то, на что она имеет право[2]. Для земного шара установилось бы нечто вроде постоянного мира.

Президент многое сделал, чтобы возложить на нашу страну ее долю ответственности за будущее. Иногда у меня руки опускаются, когда союзные правительства и их печать забывают все, что президент сделал для них почти во всех фазах войны, но выхватывают из контекста какое-нибудь его выражение и придают ему смысл и значение, которых он им не придавал...

Если только вы не владеете возможностью знать положение лучше, чем мы, то у союзников нет особых оснований для оптимизма. Правда, блокада подтачивает силы Германии и создает для нее большие неприятности, но согласно нашим сведениям, она может держаться бесконечно, пока будет поступать продовольствие.

Ваша уверенность в том, что предложение президента о постоянном мире не может иметь успеха при наличии победоносной Германии, не относится, как нам кажется, к вопросу, так как наше предложение предусматривает все, что угодно, только не это[3].

Рассматривая положение со стороны, видишь, как легко может случиться, что впоследствии Англия окажется в худшем по-

[1] Это не соответствовало бы намерениям дипломатов Антанты, которые уже поделили Малую Азию между Россией, Францией и Англией и часть обещали предоставить Италии.

[2] Т. е. районы Тироля и Гориции с итальянским населением. Что касается передачи Италии Триеста (население которого на $^2/_3$ состояло из итальянцев) и западного побережья Истрии, то на этот счет полковник Хауз ничего не сказал.

[3] 23 июня Хауз писал: «Глупо отказываться от нашего вмешательства на условиях, изложенных мною в Париже и Лондоне. Я точно объяснил обоим правительствам, что в случае вмешательства мы не будем поддерживать мир, которому не сопутствовал бы план установления постоянного мира в пределах, доступных человеческой дальновидности. Я обещал, что если Германия не согласится на такое решение вопроса, то мы примем сторону союзников и постараемся силой заставить ее согласиться на это решение».

ложении, даже если счастье изменит Германии. Я считаю, что следует рассматривать положение не только с сегодняшней точки зрения, но с точки зрения вероятного будущего. Пытаясь избавиться от германской опасности, можно легко создать новую опасность. Вопрос требует беспристрастного обсуждения, свободного от всех предрассудков текущего периода...

Насколько я понимаю, сейчас ничего нельзя добавить или сделать, и если союзники выражают готовность рискнуть будущим, то мы должны этим довольствоваться...

Искренно ваш *Э. М. Хауз*».

В свете опубликованных после войны германских документов историк может с известным догматизмом утверждать, что те, кто владычествовали в Берлине в 1916 г., ни на минуту не стали бы рассматривать условия, предложенные полковником Хаузом. Меньше всего помышляли немцы об уступке Эльзас-Лотарингии; наоборот, даже самые великодушные их условия предусматривали обширные уступки со стороны Франции и Бельгии. Если бы союзники воспользовались возможностью, создавшейся в результате американского предложения, то согласно условиям этого предложения они могли заручиться активной помощью США.

ГЛАВА X

НАСТРОЕНИЯ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

«По мере того как напряжение растет, они все больше и больше теряют рассудок. Скоро во всем мире не останется здравомыслящих людей».

Из письма Пэйджа Хаузу от 2 июня 1916 г. из Лондона.

«Вы не представляете себе, какой нервный упадок переживает этот народ».

Из письма Джерарда Хаузу от 30 августа 1916 г. из Берлина.

1

Отказываясь от плана, предложенного Вильсоном через Хауза, союзники почти на год отсрочили американское выступление на помощь Европе. Но план все же имел свое историческое значение, так как заставил президента Вильсона окончательно сформировать свой взгляд на роль Америки в международных делах и публично объявить 27 мая 1916 г., что впредь США должны принять активное участие в мировой политике. В то же время он проповедовал создание Лиги наций, как главной опоры общепринятой международной системы.

К этой идее Вильсон постепенно склонялся в течение предшествовавших двух лет. Он сдержанно одобрил миссию Хауза в 1914 г., цель которой заключалась в установлении соглашения между Англией, Германией и США для того, чтобы рассеять создавшуюся угрозу войны. Он горячо принял план заключения панамериканского пакта, который предусматривал взаимную гарантию политической независимости и территориальной неприкосновенности всех американских стран. В начале 1916 г. он телеграфировал Хаузу для сведения Грэя и Бальфура, что он готов присоединиться к всемирному пакту аналогичного характера. Теперь

он заявлял об этом открыто, распространяя на весь мир принципы намеченного панамериканского пакта.

Так как подобная декларация создала бы подлинную революцию в американской внешней политике, положив конец традиционной политике изоляции, Хауз стал искать удобного случая для такого важнейшего шага. «Мне пришло на ум,—писал он 9 мая,—что 27 мая, день, когда в Вашингтоне собирается Лига укрепления мира, будет соответствующим моментом для этой декларации, что я и посоветовал президенту. Я сговорился с секретарем Лиги, чтобы бывший президент Тафт, являющийся председателем Лиги, послал приглашение президенту». На следующий день полковник Хауз получил от Тафта письмо, приглашавшее президента Вильсона выступить с речью.

Этот случай мог бы иметь еще большее значение, так как согласно первоначальным планам он должен был преследовать двоякую цель. В своей речи президент потребовал бы созыва конференции, которая смогла бы положить конец войне, и в то же время изложил бы принципы, на которых должен основываться прочный мир. Вся речь должна была быть проникнута мыслью, что в будущем США будут готовы делить со странами всего мира ответственность за поддержание мира и справедливости.

Но позиция союзников убедила Вильсона и Хауза, что требование о немедленном созыве мирной конференции принесло бы скорее вред, чем пользу. Поэтому накануне намеченного выступления они решили использовать его только для того, чтобы обрисовать контуры американской внешней политики и американскую готовность сотрудничать в содружестве народов.

«Мы согласились,—писал полковник Хауз 24 мая, после совещания с Вильсоном,—что при создавшихся обстоятельствах разумнее будет значительно изменить речь, которую он должен произнести в будущую субботу перед Лигой укрепления мира. Как мы и задумали, он коснется вопроса о мире только намеком. Он попросил блок-нот и набросал план речи. Мы разбили речь на четыре части и составили точные формулировки».

Хауз полностью сознавал, какую революцию в американской политике будет означать эта декларация, ибо Вильсон совершенно отложил в сторону доктрину изоляции. «Хотим мы того или нет,—заявил президент,—но мы живем жизнью всего мира. Интересы всех стран—наши собственные интересы. Мы—партнеры всем остальным. То, что затрагивает интересы человечества,—неизбежно наше дело, точно так же, как дело всех стран Европы и Азии».

Вместе с Вильсоном полковник выработал все детали речи с полным сознанием серьезности предстоящего шага. Он был уверен, что этот решительный шаг позволит президенту захватить в свои руки моральное руководство человечеством. «Это решение,—

писал Хауз,—означало поворотный пункт в наших международных отношениях и в нашей прежней политике невмешательства.

Если он будет следовать до конца нашим теперешним планам, то я уверен, что история предоставит ему одно из первых мест среди государственных деятелей всего мира. Неважно, будет он посредником или нет; важно то, чтобы он задал высокий, правильный тон и не сбавлял его, невзирая ни на какие для себя последствия. При создавшемся положении он может занять и займет доминирующее место, потому что из всех современных государственных деятелей он единственный, кто обладает необходимой властью для выполнения этой задачи».

В письме от 18 мая президент благодарил Хауза за предложение и просил его дальнейших советов. Каково мнение Хауза о том, чтобы в основу речи он положил соглашение с Грэем о будущих гарантиях мира? Вильсон попросил также копию одного своего письма, касавшегося этих гарантий, что обнаружило тот довольно удивительный факт, что президент не хранил копий некоторых своих самых важных писем.

Очевидно, Вильсон намеревался использовать соглашение Грэя—Хауза о гарантии как основу своей речи и был в значительной степени обязан Грэю за основную идею своей речи: мировая война не вспыхнула бы, если бы существовала какая-нибудь организованная система, при помощи которой страны могли быть собраны для совместного обсуждения дела в момент возникновения кризиса. Интересно отметить, что полковник Хауз настаивал, чтобы Вильсон не выдвигал предложения о создании такого сложного механизма, какой предлагала Лига укрепления мира, а ограничился общими высказываниями впредь до того, как страны согласятся с самой идеей объединения государств. Дело в том, что в тот момент, как и впоследствии в споре с сенатом, Хауз не хотел, чтобы спор о деталях угрожал затмить принципиальную сущность плана.

Письма Хауза президенту

Нью-Йорк, 19 мая 1916 г.

«Дорогой начальник!

Посылаю вам для просмотра кое-какой материал, который может пригодиться вам при составлении вашей речи.

Норман Эйнджел передал мне выдержки из речей Асквита, Грэя, Бальфура и других и статью Брайса в «Нью-рипаблик», которые непосредственно касаются этой темы.

Я считаю, что в настоящий момент программа Лиги укрепления мира неосуществима, потому что убежден, что прежде всего надо заставить правительства согласиться сообща отстаивать самые

задачи, которые вы так прекрасно обрисовали в вашем письме ко мне и о сущности которых я телеграфировал Грэю[1].

Если один из этих пунктов будет нарушен, то возникнет вопрос об их практическом применении, и тогда можно будет создать нечто вроде предлагаемого ими трибунала... Как только вы начнете обсуждать детали, вы натолкнетесь на расхождения, которые могут затемнить сущность вопроса.

Напишу вам еще в воскресенье.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Нью-Йорк, 21 мая 1916 г.

«Дорогой начальник!

Сообщаю вам свои соображения относительно подготовленной вами речи. Я излагаю их наспех и в общих чертах, и потому они весьма условны...

Надеюсь, перед тем как выступить, вы покажете речь Лансингу. Он может быть полезен и, наверное, будет оскорблен, если не будет осведомлен об этом важном шаге.

Пишу наспех, но с чувством глубокой любви.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Набросок речи, приложенной полковником Хаузом к письму от 21 мая, представляет исторический интерес, поскольку президент использовал его в своем обращении от 27 мая, которое подытоживает сущность его внешнеполитических стремлений на протяжении последующих лет[2]. В своих позднейших речах Вильсон только отшлифовывает детали и развивает мысли, содержавшиеся в этом обращении.

В основу его легла мысль о провале дипломатии и бессилии Европы, что было доказано началом войны и ее затяжным характером. Для того, чтобы охранить принципы, которые, как настаивал

[1] В письме Вильсона от 16 мая была фраза, подводившая итог его предложению. Эта фраза с небольшими изменениями легла в основу его речи: «Всеобщий союз для поддержания «свободы морей» и для предотвращения всякой войны, начатой либо: а) вразрез с договорными условиями или б) без предупреждения и полного расследования, единственно гарантирующего территориальную неприкосновенность и политическую независимость». (Из дневника полковника Хауза, 17 мая 1916 г.). В своей речи Вильсон заменил слово *союз* словами *ассоциация наций*; *свобода морей*—словами *нерушимая безопасность на морских путях для всеобщего и беспрепятственного пользования всеми нациями мира* (эти изменения были сделаны для того, чтобы успокоить англичан и показать, что речь направлена против их торговых ограничений в той же степени, как против подводных лодок); *полное расследование*—словами *исчерпывающим изложением причин войны перед мировым общественным мнением*.

[2] См. приложение к главе, где набросок Хауза сопоставлен с окончательным текстом речи Вильсона.

Вильсон, должны служить основой международных отношений, необходима новая система. Вильсон тщательно формулировал эти принципы:

«Во-первых, всякий народ имеет право выбирать ту верховную власть, под которой он будет жить...

Во-вторых, малые государства имеют право пользоваться тем же уважением к своему суверенитету и территориальной неприкосновенности, которых ожидают и требуют крупные и могущественные державы.

И, в-третьих, все страны мира имеют право быть избавленными от всякого нарушения мира, в основе которого лежит агрессия и пренебрежение к правам народов и наций».

Эти принципы Вильсон уже подчеркивал раньше в своей речи в Мобиле, но теперь, точно определив, какой механизм должен внедрить эти принципы, он перешел от негативной и абстрактной политики к позитивной и конкретной. Для того, чтобы поддержать эти принципы, анархия и конфликты должны быть заменены международным сотрудничеством путем создания «всемирной ассоциации наций, которая будет поддерживать нерушимую безопасность на морских путях для всеобщего и беспрепятственного пользования всеми нациями мира и предотвратит всякую войну, начатую вопреки договорным условиям или без предупреждения и исчерпывающего изложения причин войны перед мировым общественным мнением, единственно гарантирующим территориальную неприкосновенность и политическую независимость». Таким образом текст панамериканского пакта был распространен на предполагаемый всемирный пакт; этому тексту суждено было приобрести еще большее значение в качестве статьи 10 устава Лиги наций. Вильсон считал его основой всего устройства.

2

Уже в то время некоторые люди поняли все значение этого обращения, которое заключало в себе обещание всему остальному миру помощи США в деле поддержания безопасности, мира и справедливости. Брэнд Уитлок писал полковнику Хаузу из Брюсселя: «Со времен провозглашения доктрины Монроэ, это— самая важная декларация, касающаяся нашей внешней политики, хотя потребуется много лет прежде, чем это станет вполне осязаемым и будет понято полностью».

Полковник Хауз сам чувствовал, что своим публичным изложением идеи, над которой он работал вместе с президентом, Вильсон открывал великие возможности; Хауз полагал, что эти идеи полностью совпадают с идеями английских либералов. Характерно, что Хауз, после того как он положил столько сил, чтобы помочь президенту, не присутствовал при выступлении президента и не

видел окончательного текста речи Вильсона. Быть может, об этом следует пожалеть, так как президент включил в свою речь одну короткую фразу, не имевшую никакой связи с общим смыслом его обращения, и совершенно ненужную фразу, которая могла быть истолкована как проявление безучастия к целям войны. Такова была пагубная привычка президента, которой он, по крайней мере в четырех случаях, испортил эффект самых важных своих заявлений, употребляя фразы, которые поддавались ложному толкованию[1].

«Я восхищен речью президента,—писал полковник Хауз 28 мая.—Моим советам он следовал сверх ожидания... Я надеюсь, что страна и весь мир откликнутся на его призыв. Была у него одна досадная фраза о войне,—там, где он говорит: «Нас не касаются ее причины и цели». Союзники пройдут мимо всего, что есть хорошего в его речи, а выпятят эту фразу. Это—замечательная речь, и, как я писал президенту, она будет поворотным пунктом в истории. Она знаменует начало нового порядка государственной деятельности и закат старого порядка. Она соответствует его вступительному президентскому посланию к конгрессу и его речи в Мобиле».

Как и предвидел Хауз, союзники не поняли истинного значения декларации Вильсона и, обойдя ее молчанием, ограничились критикой одной единственной фразы. Возможно, что при тогдашнем состоянии умов в Европе союзников ничто не могло бы удовлетворить, так как война начинала оказывать всю силу своего действия и вызывала раздражение, которое затемняло перспективу. Несколько английских либералов сердечно отозвалось на речь Вильсона. «Прекрасная вещь,—писал лорд Лорберн Хаузу,—когда люди поддерживают идеалы, находясь у кормила власти. Я глубоко убежден, что когда эта страшная война кончится, ужасный материализм и те звериные взгляды на жизнь, которые он порождает, будут уничтожены не силой оружия, а неизбежным торжеством нравственных сил. Тем временем Европа совершает самоубийство, и это принесет несчастье всем остальным частям света».

Лорд Брайс тоже не раз писал Хаузу, что речь Вильсона ободрила в Англии тех людей, которые стремились выработать план предотвращения агрессий и беспричинных нарушений всеобщего мира. Без Америки, утверждал Брайс, было бы мало надежды на успех. Но с помощью Америки многое может быть сделано. Он обещал употребить все усилия, чтобы декларация президента была лучше понята и чтобы, как только появятся признаки при-

[1] «Слишком горды, чтобы драться». «Нас не касаются ее причины и цели». «Цели обеих сторон... фактически одинаковые, поскольку дело касается общих формулировок, преподанных народам и всему миру». «Мир без победы».

ближения конца войны, больше внимания было обращено на Лигу наций, при этом особенно важно будет подчеркнуть, что Америка одобряет эту идею.

Но общее впечатление от речи президента среди союзников сводилось к тому, что он ставил Францию и Англию на одну доску с Германией и что если Вильсон не знал, что войну начал кайзер и что союзники сражались, чтобы защитить права малых народов, то ему не следовало произносить речи, и что во всяком случае Бернсторф его одурачил; эта речь была лишь предлогом для германской кампании за мир, а союзникам лучше всего не обращать на речь никакого внимания.

Письмо Планкетта Хаузу

Дублин, 7 июня 1916 г.

«Дорогой полковник Хауз!

...Бесспорно, что ложное истолкование речи президента на заседании Лиги укрепления мира нанесло огромный вред общему настроению в Англии... Я понял, что слова: «нас не касаются ее причины и цели», значат, что США не играли никакой роли и не были ни в какой мере ответственны за войну, что ее проблемы ограничены международными отношениями в Европе, и что каковы бы ни были цели воюющих сторон в Европе, в Азии или в Африке, вашей страны они тоже не касались. С другой стороны, на карту поставлены принципы, которые жизненно затрагивают всю западную цивилизацию, а нарушение прав нейтральных держав коснулось главным образом Америки.

Все это, конечно, совершенно правильно, но в эти волнующие дни вы не можете помешать людям ухватиться за какую-нибудь фразу—чем короче, тем она лучше запоминается—и истолковать ее по-своему...

Искренно ваш *Хорэс Планкетт*».

Письмо Пэйджа Хаузу

Лондон, 30 мая 1916 г.

«Дорогой Хауз!

Речь президента о мире на заседании Лиги укрепления мира произвела смятение. Кое-что в ней было сказано настолько замечательно, что англичане убедились в том, что в делах он разбирается; между тем другие части речи, повидимому, заставляют их предполагать, что он ни в малейшей степени не понимает проблем войны, и показывают, по мнению англичан, что он обращался к галерке, кишевшей полусумасшедшими пацифистами... Вот почему они так насмехаются над президентом...

Они никак не могут понять, куда президент гнет. Поэтому они говорят, как вы заметите из прилагаемых газетных вырезок, что он только играет в политику.

В этом смысле вода здесь опять замутилась. Шумиха о мире никого не удовлетворяет; она вызывает сомнения и боязнь, боязнь, что мы никогда не поймем сущности войны...

Но вы не хуже меня разберетесь в этих нескольких вырезках (я не посылаю вам множества непристойных вырезок, а мог бы...).

Сердечно ваш *У. X. П.*

P. S. *2 июня 1916 г.* Проклятая шумиха усиливается. Сейчас в Лондоне больше говорят о том, что Америка (и президент) «не способны понять войну», и о том, что мы попались в германскую «мирную» западню, чем о самой войне. Фраза президента о том, что нас не касаются цели войны, представляет в глазах англичан повторение фразы: «слишком горды, чтобы драться». Бывают моменты, когда я теряю терпение при общении с ними и должен надевать на себя два намордника и тугой корсет, чтобы сдержать себя.

Но разговоров о мире никто не хочет слушать, и чем меньше мы ими будем здесь заниматься, тем лучше. Немецкая игра в мирные переговоры сделала это понятие оскорбительным для англичан. По мере того как растет напряжение, они все больше теряют способность рассуждать. Скоро во всем мире не останется здравомыслящих людей».

Хауза беспокоило главным образом то, что сам сэр Эдуард Грэй, хотя и одобрял основную идею речи и писал Хаузу: «Я прочитал речь в свете моих разговоров с вами и приветствовал ее», повидимому, до известной степени разделял всеобщее критическое отношение к этой речи. Он жаловался, что Вильсон включил в свою речь «упоминание о безопасности на морских путях... без какого-либо определения того, что под этим подразумевается», а это вызвало подозрение у английской печати[1]. Грэй также отметил расхолаживающий эффект фразы, касавшейся причин и целей войны.

Хауз полностью сознавал вред и бесцельность совершенной Вильсоном ошибки и приписал ее тому, что президент не изучил европейского общественного мнения.

«Хотелось бы,—писал он 23 июня,—чтобы президент обращал больше внимания на иностранные дела. Повидимому, он заинтересован главным образом внутренними делами, что подтверждается его собственными словами о его «одностороннем уме». Не ве-

---

[1] Совершенно ясно, что подразумевал президент: нейтральная торговля должна быть в одинаковой мере избавлена как от препятствий, чинимых английским адмиралтейством, так и от губительных нападений германских подводных лодок.

рится, что он читает письма Джерарда и Пенфилда, которые я получаю через него для того, чтобы и он мог ознакомиться с их содержанием. Если бы он хорошо разбирался в положении, то не подрывал бы своего влияния за границей, что время от времени случалось с ним из-за некоторых фраз в его речах».

Но при всем том полковник Хауз не мог подавить возгласа нетерпения по поводу неспособности Европы понять все значение предложения Вильсона. Европейские государственные деятели жаловались Хаузу на то, что Америка остается в стороне, и твердили, что без американской помощи спокойствия в мире не может быть. Но наряду с этим они проявили весьма слабый интерес и уже во всяком случае—никакого энтузиазма к декларации президента.

«Предложение президента об установлении постоянного мира,—писал Хауз 23 июня,—не встретило никакого отклика в официальных кругах Франции и Великобритании. Мы услышали только бормотание критиков: во Франции—по поводу фразы, не имеющей никакого значения, а в Англии—из-за предложения об умеренной свободе морей. Говорит не народ, а его хозяева, но я надеюсь, что когда-нибудь голос народа найдет свое прямое выражение в интернациональных делах, как он уже находит его в делах национальных[1]».

«Я пришел к убеждению,—писал Хауз Пэйджу,—что если союзники не способны разглядеть будущее более отчетливо, чем прошлое, то вряд ли нам стоит так беспокоиться, как до сих пор».

3

Безучастное отношение союзников бесспорно задело Вильсона в его чувствах, тем более, что Германия, уступив его настойчивым требованиям по вопросу о подводной войне, не давала больше поводов к беспокойству. Франция и Англия прошли мимо его предложения о немедленном оказании помощи с целью заставить немцев согласиться на умеренные мирные условия и не обратили внимания на его предложение об оказании помощи в будущем, при заключении мира. Между тем, союзническая печать жаловалась, что президент нисколько не интересуется результатами войны и что американский народ думает лишь о своих долларах. Все это могло вызвать раздражение даже у человека менее восприимчивого, чем Вильсон, и так же, как участники войны, президент начал проявлять признаки нервозности. С этого периода он стал подозрительно относиться к военным целям союзников. Эту подозрительность не сумели полностью рассеять совместные дей-

[1] С другой стороны, возникает вопрос, не объяснялись ли затруднения скорее раздражающим действием войны на настроение умов, что лишало людей способности здраво рассуждать, чем подавлением народных чувств.

ствия против Германии после 1917 г., а во время мирной конференции она даже усилилась.

Введение англичанами новых ограничений против нейтральной торговли в течение лета 1916 г. вряд ли могло разрядить атмосферу. Через несколько недель после начала наступления на Сомме стало очевидным, что это наступление, равно как и германская атака на Верден, не сможет закончить войну. Английский генеральный штаб был удовлетворен тем, что немцы понесли большие потери; потери союзников были, возможно, не меньше немецких потерь. Но английские политические деятели чувствовали, что продвижение шло медленно, и общественное мнение потребовало усиления блокады.

После долгого молчания англичане и французы ответили на американскую ноту протеста, врученную предыдущей осенью. Ответ не способствовал дружественному взаимопониманию. Один американский корреспондент сэра Хорэса Планкетта, упорный сторонник англо-американской дружбы, в письме к сэру Хорэсу критиковал ноту в выражениях, почти сходных с теми, которые Пэйдж употреблял по отношению к протестам министерства иностранных дел США:

«Перечитав только что последний ответ сэра Эдуарда Грэя на американскую ноту, посланную в ноябре прошлого года, я потерял все надежды. Для того, чтобы рассмотреть вопрос, ему понадобилось шесть месяцев, а посему я полагаю, что ответ окончательный.

Тон ноты говорит об искусном спорщике, избегающем главного и пытающемся на деталях победить своего противника «по очкам». В ответе нет и намека на желание примириться, рассмотреть и сгладить затруднения, нет ни малейшей попытки заложить основы искреннего соглашения.

Вы знаете, как я стремлюсь к тому, чтобы была установлена настоящая Антанта. Я убежден, что серьезного расхождения в интересах и идеалах нет. Но этот ответ совершенно обескураживает...

Мы, люди, дружески настроенные к Англии и желающие, чтобы чувство дружбы восторжествовало над теперешним взаимным недоверием, ничего не сможем сделать без вашей помощи. Я, например, не вижу, что́ выиграет Англия, сняв с американского парохода «Чайна» полсотни подозрительных людей, а ведь этот инцидент вызвал большое недовольство. И после этого к оскорблению прибавляется издевка: сэр Эдуард заявляет, что это сделано им для того, чтобы избавить нас от неприятностей. Нелегальные действия, которые могли совершить эти пассажиры, обеспокоили бы, мол, нашу полицию... При всем своем желании сэр Эдуард не мог бы придумать ничего другого, что так охладило бы англофильский пыл таких американцев, как я...

Не можем мы поверить, что вся вина лежит на нас. Ради дружбы мы готовы итти на большие уступки, но не можем отказаться от нашего права иметь собственное мнение в вопросах, настолько жизненных для нас, как этот вопрос о международном праве на море... До тех пор, пока в Англии не поймут, что все нейтральные страны испытывают по отношению к ней настоящее чувство обиды, я не вижу никакой надежды на установление более сердечных отношений. Я не хочу вдаваться в рассуждения о правильности или ошибочности позиций нейтральных стран,—важно понять их действительное настроение.

«Кровь гуще воды», «Мы сражаемся за ваше дело», «Мы подняли меч в защиту международного закона», «Мы защищаем права малых народов»,—такие утверждения почти не производят действия в Америке, когда всякое письмо из нейтральной европейской страны, письмо, которое проскальзывает к нам мимо вашего цензора, рассказывает и о вымышленных и о действительных несправедливостях, являющихся делом ваших рук, когда всякая наша попытка добиться соглашения наталкивается на насмешливый отказ».

Англо-французский ответ на американские протесты оказал тем более неблагоприятное действие, что он был получен в разгар кризиса по вопросу о «Суссексе», в момент, когда все внимание министерства иностранных дел было сосредоточено на отношениях с Германией. Всякий, кто знал чиновников английского министерства иностранных дел, не поверил бы, что они воспользовались этим кризисом для того, чтобы неудовлетворительный ответ проскользнул незамеченным[1]. Но английский посол сам признал, что момент был не вполне благоприятным, и полковник Хауз, который всегда был снисходителен и объективен, назвал отправку ноты в такой момент глупостью.

«*19 апреля 1916 г.* После ухода Моргентау,—писал полковник,—пришел Гонт. Он показал полученное им от английского посла шифрованное сообщение, в котором тот спрашивал моего совета, следует ли вручить министерству иностранных дел только что полученную англо-французскую ноту или же задержать ее для того, чтобы не создавать путаницы в нашем вопросе с Германией».

«*21 апреля 1916 г.* Отсутствие сообразительности со стороны дипломатов союзнических стран выходит за пределы моего понимания. Глупости, совершаемые время от времени их правительствами, делают человека скептическим в отношении конечного результата соглашения о мире... Отправка их ответа на наши ноты в такой момент—неслыханное дело.

Небольшой иллюстрацией к их методам может служить такой случай: лорд X должен был передать важное письмо от сэра

[1] Кое-кто подобное предложение выдвигал.

Эдуарда Грэя. Вместо того чтобы вручить письмо лично, X с оказией посылает мне письмо в Нью-Йорк. Когда я упомянул об этом случае капитану Гонту, он был ошеломлен».

«22 апреля 1916 г. В обеденное время меня посетил капитан Гонт. Он получил письмо от английского посла, который просил его узнать мое мнение о том, следует ли вручить англо-французскую ноту в понедельник и следует ли подчеркнуть и передать прессе некоторые места ноты, на которые он укажет. На оба вопроса я ответил утвердительно... Раз нота прибыла и об этом знают, то пусть она появится».

Месяц спустя из-за незначительного инцидента вновь создалась угроза припадка истерии. Американский контрпротест в ответ на объяснения союзников о захвате почты был отправлен англичанам без копии французам. Контроль над ограничением в торговле, естественно, находился в руках англичан, и участие французов сводилось в значительной степени к формальности. Хауз указывал Грэю на опасность, которой англичане подвергались за то, что они не делили с французами ответственности за блокаду, поэтому нота союзников была отправлена обеими державами совместно. Этого, повидимому, не заметили в нашем министерстве иностранных дел, которое в вопросах торговли думало лишь об англичанах. К счастью, было достаточно времени, чтобы исправить ошибку, которая, естественно, расстроила бы Грэя, повидимому, опасавшегося, что в Вашингтоне действовало какое-то зловещее влияние.

Телеграмма Грэя Спринг-Райсу

Лондон, 23 мая 1916 г.

«Во-первых, действия в отношении почты не вытекают из особой инициативы правительства его величества.

Правительство его величества действовало сообща с французским правительством, и, по крайней мере, некоторые жалобы на захват и задержку почты вовсе не относятся к действиям английских властей.

Английское правительство вполне одобрило наш образ действий, который был объяснен в ноте, составленной французским правительством и представленной обоими правительствами на французском языке.

Оба правительства совместно выполняют все операции по блокаде, и французские крейсеры принимают участие в нашей дозорной службе. Всякое изменение в политике блокады правительства его величества делается с согласия французского правительства и при его сотрудничестве; иногда изменения производятся по предложению французов.

Перечисление случаев, ответственным за которые считается исключительно английское правительство, и отправка нам отдельной ноты были бы при данных обстоятельствах поняты в Соединенном королевстве как несправедливый и недружественный поступок.

Министерству иностранных дел США хорошо известно, что мы не можем ответить на его ноту или изменить нашу процедуру в этом деле, не имея на то согласия французского правительства, и если мы ответим, не посоветовавшись с ним, то это будет равносильно нарушению союза с Францией. Мы привыкли к попыткам со стороны Германии делать различия между союзниками с целью создать между ними разногласия, но подобной процедуры со стороны правительства США мы не ожидали.

Ввиду того, что нота еще не прибыла, все это не должно быть понято как заблаговременная жалоба на ее содержание; но вы должны неофициально и устно заранее указать министерству иностранных дел на вышеизложенные соображения относительно представления правительству его величества отдельной ноты, охватывающей весь этот вопрос.

Со своей стороны я также заявлю завтра американскому послу о том, каково мое мнение. Метод, усвоенный министерством иностранных дел США, может быть рассчитан на то, чтобы создать к США еще более враждебное настроение, могущее выйти из рамок контроля.

Э. Грэй».

«23 мая 1916 г. Гонт только что вернулся из Вашингтона,—писал полковник Хауз,—и передал мне копию телеграммы, полученной английским послом от сэра Эдуарда Грэя...

Гонт, как и Грэй, повидимому, был сильно расстроен. Они хотят, чтобы копию ноты о захватах почты мы послали Франции. Очевидно, только сейчас они начинают понимать, что Англии невыгодно принимать на себя все бремя ответственности...».

«24 мая 1916 г. (Запись совещания с президентом Вильсоном в Нью-Йорке.) Я показал ему ноту сэра Эдуарда Грэя английскому послу и с удивлением услышал от него, что от нас уже пошла нота к английскому правительству. Я просил его немедленно послать копию во Францию, на что он согласился. Он рекомендовал мне телеграфировать Грэю о том, что копия послана. Я протянул ему блок-нот и попросил написать текст телеграммы...

Мисс Дентон тотчас зашифровала телеграмму. Президент, очевидно, вполне доверяет моему поручительству за ее скромность и знает, что, кроме него, меня и мисс Дентон, никто не будет знать об этих конфиденциальных переговорах...

Гонт сказал, что английский посол был очень взволнован резкостью нашей ноты о захвате почты, адресованной английскому

и французскому правительствам. Он считает, что тех же результатов можно было достигнуть более умеренным тоном. Я не уверен в его правоте. Похоже, что только дубиной можно привлечь их внимание».

Телеграмма полковника Хауза Грэю

Нью-Йорк, 24 мая 1916 г.

«Могу вас заверить от имени президента, что здесь никогда не помышляли о том, чтобы всю ответственность возложить на Англию, и никакие силы в министерстве иностранных дел не действуют в этом направлении.

Все случаи, повлекшие за собой жалобы в отношении почты, явились результатом действий английских властей, но копия ноты будет послана французскому правительству.

Эдуард Хауз».

Телеграмма Грэя Хаузу

Лондон, 26 мая 1916 г.

«Весьма успокоен, что нота о почте будет адресована Франции и нам...

Э. Грэй».

Этот инцидент показывает ценность неофициальных отношений, установленных Хаузом с Грэем. Они позволяли ему гладко и быстро разрешать небольшие, но значительные вопросы. К сожалению, никакие старания дипломатии не могли покончить с основными противоречиями между обеими странами. Впоследствии Хауз утверждал, что если бы не кровавые и незаконные способы ведения морской войны Германией, то почти нельзя было бы избежать войны с Англией. Ни англичане, ни американцы не могли уступить; они были во власти своих материальных интересов и общественного мнения, которое с обеих сторон все в большей мере проявляло неспособность без раздражительности рассматривать создавшуюся проблему.

Письмо Пэйджа Хаузу

Лондон, 16 июня 1916 г.

«Дорогой Хауз!

...Сэр Эдуард и другие лица, занимающие высокие посты, весьма обеспокоены тем, что американское правительство продолжает тянуть волынку о блокаде. Блокаду они не ослабят, этого они не могут сделать. Общественное мнение не потерпело бы этого ни минуты. Положение сейчас таково, что один адмирал заявил в пу-

бличном выступлении в Лондоне, что если они намерены выиграть войну, то надо повесить Грэя. Мы стали на твердую позицию: 1. Мы определили нашу позицию в отношении международного права; наше заявление по этому вопросу зафиксировано. 2. Мы расчистили почву для требования о возмещении убытков. По-моему, большего мы не можем сделать, если не хотим порвать отношений с Великобританией и приготовиться к войне после провала попыток арбитражного решения.

Больше всего вреда нанесли тон и содержание инструкции нашего министерства торговли...

Сердечно ваш *У. Х. П*».

Письмо Хауза Пэйджу

Нью-Йорк, Нью-Хэмшир, 30 июня 1916 г.

«Дорогой Пэйдж!

... С сожалением слышу от вас, что англичане остаются непреклонными в вопросе о блокаде, так как боюсь, что еще до того, как конгресс прервет свои работы, там произойдет беда. Так сообщают мне из Вашингтона. Народ особенно раздражен по поводу захватов почты...

Искренно ваш *Э. М. Хауз*».

Положение не улучшилось, когда 18 июля английское правительство опубликовало список более 80 деловых фирм в США, с которыми английским подданным запрещалось вести дела по причине их торговых связей с врагами союзников. Общее число бойкотируемых фирм в нейтральных странах достигало почти 1 500.

Для многих американцев стало очевидно, что опубликование такого обширного черного списка неизбежно носит характер жестокого и несправедливого поступка. Эта мера мало чем помогла эффективности блокады, так как торговые сделки заподозренных американских фирм были уже строго ограничены и число перечисленных в списке американских фирм было невелико по сравнению с общим числом. Но формулировка приказа о черном списке вызвала в США острейшее недовольство. Английские пароходные компании получили предупреждение не принимать грузов от указанных в списке фирм, а пароходным компаниям нейтральных стран было дано понять, что если они примут груз от этих фирм, им не будет разрешено набирать уголь в английских портах. Банкиры нейтральных стран опасались предоставлять кредиты фирмам, названным в черном списке, а коммерсанты нейтральных стран боялись контрактовать свои товары. Некоторым фирмам было дано понять, что их могут включить в черный список в любое время и без предупреждения.

Письмо Полка Хаузу

Вашингтон, 22 июля 1916 г.

«Дорогой полковник Хауз!

... Только что опубликованный англичанами черный список вызывает огромное раздражение, и нам придется что-нибудь предпринять. Ничего нового в этом нет, и если бы английское правительство сохранило спокойствие, то вопрос можно было бы разрешить сравнительно легко, но... действовали они, конечно, неправильным путем...

Искренно ваш *Фрэнк Х. Полк*».

Беспокойство Вильсона усилилось еще больше. 23 июля он сообщил Хаузу, что Пэйдж вызван из Лондона и, таким образом, сможет ознакомиться с американскими взглядами. Что касается англичан и союзников, то Вильсон сознавался, что чаша его терпения переполняется и что черный список был последней каплей. Он откровенно говорил об этом с английским послом; Спринг-Райс, равно как и Жюссеран, считали опубликование черного списка ошибкой. Президент дошел, наконец, до того, что счел целесообразным испросить у конгресса право запретить займы и ограничить экспорт в союзнические страны. Он заявил, что подготовляет отправку крайне резкой ноты Германии по вопросу о подводной войне. Он спрашивал мнения Хауза.

После отказа союзников от американской помощи полковник Хауз отошел в сторону; он не ожидал никаких важных событий в течение лета и стремился избежать тысячи и одного вопроса, которые сыпались на него, равно как и бесчисленных визитов, определявших его ежедневный распорядок, пока он был на Северном берегу. Лето он провел в Нью-Хэмшире.

«*31 мая 1916 г.* Сунапи находится в девяти милях от железной дороги и в четырех милях от почтового отделения. Я нарочно избрал это уединенное место, чтобы мне не мешали. Если бы я остался на обычном месте на Северном берегу Массачусетса, меня беспокоили бы ежеминутно. В Сунапи я могу отдыхать, читать и размышлять. Это место настолько отдалено от проторенных путей, что кто-то даже сказал: «Это одно из тех мест, к которому стремишься, но которого никогда не достигаешь».

Из своего уединения полковник Хауз советовал Вашингтону действовать по отношению к союзникам осмотрительно. Даже если их методы были неправильны и они были слепы к представлявшимся им возможностям, Хауз, тем не менее, считал их сотрудничество с США неизбежным. Тем временем необходимо было сглаживать разногласия, где только возможно. Позиция союзников являлась главным образом результатом их непонимания решимости американцев сохранить торговые права и своеобразной

уверенности англичан, что владычество над морями принадлежит им. Единственное разумное решение этой проблемы заключалось в том, чтобы твердо, но спокойно настоять на американской точке зрения.

Письмо Хауза Полку

Нью-Лондон, Нью-Хэмшир, 25 июля 1916 г.

«Дорогой друг!

Ваше письмо от 22 июля я получил одновременно с письмом от президента.

Он, повидимому, очень расстроен и склонен принять решительные меры...

Лучше было бы достигнуть наших целей, не прибегая к такой открытой демонстрации нашей позиции. Дело в том, что именно публичность в подобных делах всегда наносит вред, и против этого они и протестуют. Они не раз заявляли, что если мы конфиденциально сообщим им о нашей позиции, они постараются пойти нам навстречу. Я полагаю, что таким способом вы добьетесь нужного действия на американское общественное мнение, ибо американцы поймут, что произошло. Так или иначе, факты говорили бы за себя...

Я рад, что вам удалось вызвать Пэйджа домой... По совести говоря, если бы он сообщил английскому правительству то, что вы с президентом говорили Спринг-Райсу, этот черный список вовсе не был бы опубликован.

Когда он приедет, я надеюсь, что его пришлют на Запад с тем, чтобы он создал себе полное представление об американских взглядах...

Искренно ваш *Э. М. Хауз*».

Письмо Хауза президенту

Нью-Лондон, Нью-Хэмшир, 25 июля 1916 г.

«Дорогой начальник!

...Сожалею, что отношения между Англией и США в полосе кризиса... Прежде чем потребовать от конгресса полномочий для запрещения займов и ограничения экспорта, я посоветовал бы предложить Жюссерану и Спринг-Райсу довести до сведения их правительств, что если они немедленно не изменят метода действий, то вы исполните ваши намерения. Я объяснил бы им, что ввиду вероятного скорого роспуска конгресса у вас нет времени лавировать и, следовательно, вы просите их действовать быстро.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

В августе Полк снова написал Хаузу, что захват союзниками американской почты все еще служит причиной раздражения и что получить от них какой-либо ответ на американскую ноту протеста, повидимому, невозможно. По его мнению, не оставалось ничего другого, как предоставить президенту полномочия на ограничение американского экспорта и займов в виде контрмеры.

«Я знаю, что затрагивать этот вопрос опасно,—заявлял он,—но мне кажется, что получение президентом от конгресса некоторых полномочий было бы хорошим делом. Эти полномочия можно использовать как дубинку против Англии в случае, если англичане не пойдут на реальные уступки в вопросе о вмешательстве в торговлю. До сих пор их позиция была в высшей степени неудовлетворительной».

Совету Полка последовали, и в сентябре, перед самым своим роспуском, конгресс предоставил президенту право принять решительные контрмеры. Кроме того, 8 сентября конгресс приступил к голосованию ассигнования на флот в размере, небывалом для законодательного собрания страны, не находящейся в состоянии войны. Билль предусматривал постройку 137 новых судов всех классов, что поставило бы США на второе место среди мировых держав[1].

Эти две меры, последовавшие одна за другой, выдвигают вопрос, действительно ли правительство США готовилось силой оспаривать английское владычество на морях. Хауз, вернувшийся из своего уединения, предупредил президента об опасности создания такого впечатления и о том, в каком затруднительном положении очутились бы США, если бы в конце войны дружба с победоносной группой союзников оказалась совершенно расстроенной. Вильсон, который в тот период меньше, чем когда-либо, чувствовал симпатию к союзникам, повидимому, оставался непоколебимым и готовым к любым последствиям.

«Утром ко мне в гостиную вошел президент,—отмечал Хауз 24 сентября;—мы провели несколько часов в обсуждении международных дел, главным образом—наших расхождений с Англией. Пэйдж привез кучу записей, которые президент читал вслух. В свою очередь я передал ему все полученные мною в последнее время письма сэра Эдуарда Грэя, лорда Брайса, Ноэла Бакстона и др. По-моему, основное расхождение с Англией в настоящий момент заключается в том, что США приступили к строительству большого флота; торговля наша расширяется в необычайных размерах, мы быстро становимся на место, которое Германия зани-

---

[1] 14 марта 1925 г. полковник Хауз писал: «Я всячески разъяснял эту меру во время мирных переговоров и затем на мирной конференции в Париже, и многие английские и американские знатоки считали, что этот закон не только уравнит наш флот с флотами других стран, но и выведет его на первое место».

мала перед войной. В Англии никто не сознался бы, что названные мною причины и определяли растущее против нас раздражение, но тем не менее таковы факты. Президент ответил: «Давайте построим флот сильнее, чем у нее, и будем делать, что захотим». Я напомнил ему, что именно так решила действовать Германия, но Англия осадила ее, прежде чем та успела выполнить свои намерения; кстати, весной 1914 г. я это предсказывал. Я считал маловероятным, чтобы англичане позволили нам построить флот, равный их флоту, если только они смогут этому помешать».

Грэй тревожился о более вероятных возможностях. Он впоследствии признавался, что главное его опасение заключалось в том, что США решат сопровождать американские торговые суда военными судами. В таком случае странам, проводящим блокаду, пришлось бы либо разрешить проход этим судам, что означало бы конец блокады, или же попытаться силой задержать сопровождающие суда, что означало бы войну.

Положение еще более осложнилось возникшим в Англии подозрением, что американская полиция основывалась не столько на принципе, сколько на антибританском настроении, которое бесспорно окрепло после тех методов, какими была разрешена ирландская проблема вслед за пасхальным восстанием[1]. Сэр Хорэс Планкетт писал Хаузу: «Ирландскую проблему разрешили настолько неправильным путем, что побили все рекорды английских грубых промахов в моей несчастной стране». Американская общественность сосредоточила свое внимание на обращении с ирландскими заключенными, что нашло выражение в сенатской резолюции. Все это не разрядило напряженности официальных отношений с Англией.

Письмо лорда[2] Грэя Хаузу

Лондон, 28 августа 1916 г.

«Дорогой полковник Хауз!

...Я надеюсь, что США разъяснят, что во всех поднятых ими вопросах международного права движущим мотивом служит самая сущность этих вопросов, а не популярность Англии или антибританские чувства.

Принятая сенатом резолюция об ирландских заключенных, в то время как тот же сенат обошел молчанием зверства в Бельгии

---

[1] Речь идет о восстании в Ирландии в апреле 1916 г. против английского владычества, жестоко подавленном англичанами. Кровавая расправа с ирландскими националистами вызвала волну антибританского настроения в США особенно среди многочисленной группы ирландско-католического населения.

[2] К этому времени Грэй был возведен в пэры под именем виконта Грэя оф Фаллодон.

и резню армян, не создала среди нас благоприятного впечатления. Именно последние названные мною действия были вопиющи и жестоки и ничем не вызваны, между тем, единственным, ничем не оправданным, действием во время недавних ирландских событий было само восстание, в течение нескольких дней представлявшее огромную опасность. Я прилагаю краткий список, составленный здесь в связи с резолюцией сената, хотя мы еще не послали его президенту. В связи с выступлением сената возникает естественный вопрос: «Если им двигала гуманность, то почему он игнорирует действительно вопиющие действия в Бельгии и т. д.?»

Искренно ваш *Грэй оф Фаллодон*».

4

Проблему дружественных отношений с Англией Хауз обсуждал с Пэйджем, который был вызван в США, чтобы провести отпуск; но собеседники не могли придумать разрешения вопроса. Пэйдж считал, что США должны ограничиться сделанными протестами, а по окончании войны предоставить разрешение вопроса арбитражу. Хауз не считал такой путь практичным, поскольку ничто не предвещало конца войны; тем временем американская торговля могла потерпеть ущерб, который не смогли бы возместить никакие арбитражные решения и никакие компенсации.

«*25 сентября 1916 г.* Сегодня после обеда у меня был Уолтер Пэйдж,—писал Хауз.—Мы беседовали два часа. Не видно, чтобы его образ мыслей изменился. Более чем когда-либо он настроен англофильски и не может усвоить американские взгляды. Он нападал на Лансинга, как только мог, но высказывал глубокое уважение к президенту, в чем, мне кажется, он преувеличивает. Он жаловался, что Лансинг обсуждает дела с английским послом, не уведомляя об этом его. В то же время он с некоторым удовлетворением передал мне слова Лансинга о том, что английский посол совершенно не подходит для своих обязанностей и его следует заменить кем-нибудь с более ровным темпераментом и лучшим пониманием положения. Пэйдж не знает, что об английском после Лансинг, пожалуй, чуть более высокого мнения, чем о самом Пэйдже.

Он сказал, что англичане негодуют по поводу наших попыток добиться заключения мира... Я не считал это стремление таким неблагородным, каким оно казалось Пэйджу. Он заявляет, что никто из нас не разбирается ни в ситуации, ни в высших побуждениях англичан в этой войне. Я ответил, что мы недовольны некоторым лицемерием и ханжеством англичан, например, относительно Бельгии. Пэйдж допускал, что англичане стали бы сражаться на стороне Франции, даже если бы Франция нарушила бельгийский нейтралитет, с целью быстрее достигнуть германской территории.

Я спросил Пэйджа, считает ли он, что очевидное раздражение Англии усилилось из-за нашей морской программы и не становимся ли мы с английской точки зрения в то же положение, что и Германия. Я говорил о традиционной дружбе между Германией и Англией, существовавшей до тех пор, пока Германия не стала мешать английской торговле и помышлять о создании достаточно большого флота, чтобы это стало им угрожать; я спрашивал, не усматривали ли англичане с нашей стороны аналогичную угрозу их торговле и владычеству на морях.

На это Пэйдж ответил отрицательно, но все же заявил, что Англия не позволит нам обладать флотом, равным ее флоту или более сильным. Если начнем строить флот мы, они будут строить еще больший, хотя делать это они будут с соблюдением дружеского духа.

Пэйдж считает, что если бы мы действовали иначе, мы могли бы установить добрые отношения с Англией. Это рассердило меня, и я рассказал о многочисленных случаях, в которых США проявляли дружелюбие и даже симпатию к союзникам, но только с тем результатом, что наши отношения с ними стали сейчас хуже, чем в начале войны. Я рискнул высказать предположение, что если бы мы отправили Бернсторфа домой и вступили в войну, то в течение нескольких недель нас бы превозносили, а затем потребовали бы денег. Если бы деньги были предоставлены, то на известное время они были бы удовлетворены, а потом потребовали бы неограниченного количества людей. И даже если бы мы это все исполнили, то в конечном счете они все же обвинили бы нас в попытке предоставить Германии условия, которые выходят за рамки дозволенного».

В течение двух последующих лет прогнозам Хауза суждено было подтвердиться с курьезной точностью; его предвидение относительно характера требований союзников, так же как его понимание европейского отношения к Америке, объясняют в значительной мере значение услуг, которые он впоследствии оказал делу межсоюзнического сотрудничества. По мере того как в течение осени 1916 г. со всех сторон к нему поступали сообщения о возрастающих трениях между англичанами и американцами, будущее представало пред Хаузом все менее утешительным.

«Сегодня был интересный день,—писал Хауз 20 сентября.—Фредерик Диксон из «Кришчен сайенс монитор» навестил меня по настоянию английского посла, чтобы ознакомить меня с настроениями Англии и Франции в отношении контрмер, проголосованных конгрессом последнего состава. Диксон считает, что напряжение более велико, чем мы думаем. В Англии он вел долгие беседы с Грэем и Сесилем, и в то время как Грэй проявлял обычную умеренность, Сесиль заявил, что если мы попытаемся провести подобные меры в жизнь, то это, вероятно, будет означать разрыв

16*

дипломатических отношений и прекращение всякой торговли. Эти слова я расцениваю как своего рода блеф...

X (из нашего министерства иностранных дел) выразил сильное беспокойство по поводу наших напряженных отношений с Англией, которые скорее ухудшаются, чем улучшаются. Он приписывает это обоим послам—Пэйджу и Спринг-Райсу. Из обоих больше винить следует Райса, потому что в Лондоне Пэйдж persona grata и не вызывает раздражения, так как полностью согласен с английской точкой зрения. Спринг-Райс, с другой стороны, вызывает раздражение и сам раздражителен. Филиппс полагает, что Спринг-Райс регулярно посылает в Лондон сообщения, которые заставляют их думать, что мы стремимся поссорить с ними».

Согласно своим правилам и привычкам полковник Хауз приступил к сглаживанию раздражения путем открытого и дружеского обсуждения. Чем больше было затруднений с какой-нибудь страной, тем важнее было поддерживать тесную связь с ее представителями. На следующий день после своей беседы с Филиппсом полковник отмечал:

«Со мной завтракали посол Спринг-Райс и капитан Гонт. Сэр Сесиль находился в самом лучшем настроении, а никто не умеет быть обаятельнее его. Мы прекрасно провели вместе два часа и устранили несколько вопросов раздражающего характера. Я звонил Полку в Вашингтон, чтобы навести у него справку об одном спорном вопросе, и получил объяснение, вполне удовлетворившее посла. Когда Полк начал давать объяснения, то они оказались настолько ясными, что я повернул телефонную трубку так, чтобы сэр Сесиль мог слышать слова Полка...

Мы с послом условились держать более тесную связь. Он спросил меня, может ли он обращаться ко мне в тех случаях, когда он увидит перед собой подводные камни, так чтобы я мог помочь в предотвращении неприятностей. Мы расстались в прекрасном настроении, как это всегда бывает, когда он в любезном расположении духа».

Хауз поддерживал такие же тесные отношения с Жюссераном. Он очень откровенно изложил ему свое критическое отношение к методу ведения войны союзниками, ибо Хауз не верил в войну на истощение. Она могла принести конечную победу союзникам, но ценой, значительно превышающей стоимость результатов этой победы. Купленный такой ценой мир сделал бы Европу бессильной—такой фактически она уже была—разрешать свои проблемы без помощи извне.

«*10 октября 1916 г.* В десять часов прибыл французский посол,—писал Хауз,—и провел у меня час. Я убедился, что он менее агрессивен и не так уверенно, как прежде, говорит, что Франция будет сражаться до тех пор, пока ее усилия не увенчаются полной победой. Я обратил его внимание на то, что́ я считаю ошибками

союзников. Я повторялся, но я хочу повторяться до тех пор, пока не внушу им своего мнения. Он признал, что многие мои предсказания оправдались. Я снова предсказал, что на западном фронте союзники не смогут одержать существенных успехов, а если союзникам суждено победить, то победа явится результатом выхода Австрии из игры в Юго-восточной Европе...

Я утверждал, что союзники совершили ошибку, не проведя в жизнь предварительного соглашения, выдвинутого нами в Париже и в Лондоне в феврале прошлого года; а это соглашение по всей вероятности привело бы к окончанию войны и дало бы Франции возможность заключить мир на благоприятных условиях. Но если бы и не так, то все же теперь мы уже были бы вовлечены в борьбу».

В первых числах октября возникла угроза нового кризиса. Германская лодка U-53 вошла в Ньюпорт Харбор и, пробыв там несколько часов, вышла в море и невдалеке от Нантукета (но вне зоны территориальных вод) потопила несколько судов. Все произошло согласно правилам крейсерской войны, т. е. в каждом случае было дано предупреждение, а при посещении Ньюпорта подводная лодка соблюла все правила, ограничивающие время стоянки. Но англичан ужаснуло расширение радиуса действия подводных лодок, и в досаде они не преминули критиковать США. Полк считал, что подозрения англичан относительно американской небрежности в обращении с подводной лодкой объяснялись ложным истолкованием обстоятельств, а главным образом—той раздражительностью, которая с каждым днем становилась более подчеркнутой. К счастью, сэр Сесиль Спринг-Райс спокойно отнесся к происшедшему, а Полк проявил в этом деле большое дипломатическое искусство».

«*9 октября 1916 г.* В четыре часа был капитан Гонт,—писал Хауз.—Я никогда не видел его таким расстроенным. Потопление лодкой U-53 шести судов у наших берегов расстроило даже его крепкие нервы, и я посоветовал соблюдать спокойствие, пока не выяснятся все обстоятельства дела. Я постоянно опасаюсь того, что кто-нибудь ускорит беду, тогда как минутное спокойствие может предотвратить кризис».

Телеграмма Пэйджа Лансингу

Лондон, 18 октября 1916 г.

«В частной беседе лорд Грэй сообщил мне, что его вчерашняя речь в палате лордов представляла попытку сдержать ярость против нашего правительства до тех пор, пока мы официально не сообщим обо всех фактах относительно германской подводной лодки U-53. Он выразил надежду, что мы вскоре опубликуем эти факты.

Газеты сообщали, что в Ньюпорте подводной лодке была дана возможность определить движение и местонахождение английских и нейтральных судов, вслед за чем она вышла в море и потопила их. Лорд Грэй сказал мне: «Я не знаю, так это было или не так, но если это правда, то разрешите задать вам один вопрос: представьте, что английский крейсер вошел в Ньюпорт, получил там аналогичные сведения, вышел в море, остановил нейтральные суда и обыскал их в поисках контрабанды в тех же самых водах,—разве не вручили бы нам немедленный протест?»

Затем он добавил: «Если американское правительство позволит германской подводной лодке топить нейтральные суда настолько близко к американским водам, то английский премьер-министр будет настаивать, чтобы английское правительство распорядилось об обыске нейтральных судов в тех же водах».

Проявив свое личное возмущение по поводу инцидента, он заявил, что не будет выносить какого-либо суждения до тех пор, пока не станут известны официальные факты, но помешать вынесению преждевременных суждений другими он не может. Ввиду молчания нашего правительства быстро нарастает очень сильное возбуждение.

Проявления этого яростного возбуждения весьма обильны. Инцидент—преобладающая тема в разговорах повсюду.

Публика обсуждает версию инцидента, приведенного лордом Грэем; особенно интересуется она тем, правда ли, что наши истребители повиновались командиру германской подводной лодки, приказавшему им уйти из зоны его деятельности с тем, чтобы он мог приступить к потоплению нейтральных судов. Этому обстоятельству граф (не виконт) Грэй посвятил вчера вечером речь в палате лордов, сопоставляя с предполагаемым поведением командира нашего истребителя поведение английского командира в Манилле, описанное Грэю адмиралом Дюи. Кроме того, говорят, будто Бернсторф выступил с заявлением о том, что Германия соблюдает свои обязательства по отношению к нам; на самом же деле ее подводные лодки все время топят суда без предупреждения и с уничтожением человеческих жизней в Северном и в Средиземном морях.

Английская публика склонна рассматривать наше продолжительное молчание как нежелание даже протестовать перед Германией против подвигов U-53.

Пэйдж».

Естественное стремление воюющей страны принимать слухи за правду вылилось, таким образом, в сильные антиамериканские настроения в Англии, где не поняли, что действия U-53 находились в полном соответствии с правилами морской войны и что выдвинутое против американских истребителей обвинение было лишено

основания. Полк совершенно правильно заявил, что министерство иностранных дел готово ответить на вопросы, но ни в коем случае не даст никакого добровольного объяснения или какого-либо объяснения вообще.

Письмо Полка Хаузу

Вашингтон, 19 октября 1916 г.

«Дорогой полковник!

...По-моему, если англичане хотят получить какие-либо сведения, то должны обсудить этот вопрос с нами. Они могли бы это сделать в дружелюбном тоне, который не был бы оскорбителен. Спринг-Райс пригласил меня сегодня на завтрак. Он был крайне приветлив и сказал, что держится подальше от министерства, так как предвидит, что его посещения вызвали бы слишком много толков в газетах. Вначале он не задавал никаких вопросов, но я поощрял его, и мы с ним и с Барклэем имели хотя и приятную, но в некоторые моменты напряженную беседу...

Я сказал, что нет оснований воздерживаться от откровенного обсуждения этих вопросов в конфиденциальном порядке, и я полагаю, что откровенность всегда окупается. Самому мне кажется, что они чувствуют обиду и расстроены, но не знают точно, с чего начать...

Лично я считаю, что нам следовало бы предложить Пэйджу неофициально заявить Грэю, что нет никаких доказательств того, что подводная лодка получила какую-либо информацию; всякий знает, что подводной лодке достаточно было подождать у Нантукетского маяка, чтобы заполучить сколько угодно судов; мы соблюдаем все предосторожности для того, чтобы не превратить наш берег в базу подводных лодок, и обсуждаем, какие меры нам следует принять для контроля за прибытием и отплытием всех военных судов как подводных, так и надводных; Англия несла и сейчас еще несет патрульную службу вдоль нашего побережья, мы охотно обсудим вопрос неофициально, но, разумеется, при вынесении наших решений мы намерены руководствоваться интересами нашей страны как в настоящем, так и в будущем. Следовало бы также уведомить их о том, что президент сообщил германскому послу свое мнение по общему вопросу о потоплении подводными лодками судов вблизи нашего побережья. Затем в заключение мы можем повторить, что вся информация дается исключительно для того, чтобы разъяснить нашу позицию и мы, ни в коем случае, не считаем, что английское правительство имеет какое-либо право официально запрашивать нас о наших намерениях.

Верный вам *Фрэнк Л. Полк*».

Полку удалось уладить инцидент. Он уговорил руководителей американского флота извлечь из секретных архивов отчет о движении флотилии истребителей, вышедшей в море в период опера-

ций U-53 вблизи Ньюпорта, и изложить сущность отчета в письме на его имя. Это письмо было отправлено американскому послу в Лондоне с указанием, что его можно показать англичанам. Это было сделано, и лорд Чарлз Беренсфорд принес в парламенте исчерпывающие извинения за неправильное истолкование инцидента англичанами. Но инцидент все же оставил за собой чувство горечи, и официальные отношения продолжали оставаться не особенно сердечными. Неофициально Хауз продолжал поддерживать тесную связь как с англичанами, так и с нашим министерством иностранных дел, и мог действовать успокаивающе в необходимых случаях, но он признавался, что обескуражен. Если напряжение войны сделало англичан раздражительными, то американцы делали много такого, что излишне усиливало их раздражительность.

«*26 октября 1916 г.* (Запись беседы Хауза с английским морским атташе, капитаном Гонтом.) Я откровенно говорил с Гонтом, и он признал, что для Англии и союзников лучше всего, если США будут пока придерживаться благожелательного нейтралитета. Он также допускал, что если немцы обрушатся всей своей силой на английскую торговлю, то создастся очень серьезное положение, а помощь, которую Америка могла бы оказать своим вступлением в войну, не смогла бы вознаградить Англию за необузданную подводную войну.

Я сказал ему, что Соединенным штатам очень трудно изображать благожелательный нейтралитет, когда в союзнических странах такое враждебное к нам отношение и когда они принимают за правду всякий глупый слух. Он просил меня не забывать, что, когда народ воюет, он не может рассуждать спокойно...»

«*17 ноября 1916 г.* Капитан Гонт говорит, что в Англии настроения против США растут изо дня в день. Они чувствуются среди рабочего люда, а в окопах неразорвавшийся снаряд прозван «Вильсон». Гонт сожалеет об этих настроениях и говорит, что все свои силы употребляет на то, чтобы их рассеять. Он говорит, что его народ потерял всякое чувство меры и это создает опасное положение. На будущей неделе он в секретном порядке отплывает в Англию. Об его отъезде не должен знать никто, кроме английского посла, которому он еще ничего не сообщил. Я собираюсь отправить с ним несколько писем и конфиденциальных сообщений. При их настроении, с одной стороны, и при отвращении президента к их методам—с другой, я считаю положение серьезным.

У нас с Полком было продолжительное совещание. Он согласен со мной, что мы в серьезном и неприятном положении. Я настойчиво просил, чтобы, пока горизонт не прояснится, Лансинг держал со мной тесную связь. Мы должны работать артельно и сохранять присутствие духа. Нам не только приходится иметь

дело с иностранными государствами, но надо указывать путь президенту... Он всегда интересовался больше внутренними проблемами, чем внешними... Это меня очень беспокоит. Его склонность к тому, чтобы оскорбить союзников..., вероятно, приведет нас к неприятностям с ними. Если нам суждено воевать, то пусть это будет во что бы то ни стало с Германией. Она нарушила все права, и положение требует ради нашей собственной защиты, чтобы мы оставались с союзниками, пока только возможно, не роняя достоинства.

Сознаюсь, что союзники раздражают меня сверх всякой меры».

5

Напряженность положения наглядно иллюстрировала убеждение, которое Хауз внушал своим английским друзьям, убеждение в том, что англо-американским отношениям могла грозить лишь одна опасность, но эта единственная опасность была очень реальной. Для того чтобы ее рассеять, следовало отложить в сторону все остальные вопросы и выработать какое-либо соглашение, при котором американская торговля могла бы свободно продолжаться в период, когда Англия воюет с континентальной страной. Война 1812 г. была вызвана английским вмешательством в американскую торговлю. То же положение наблюдалось сейчас. Если не пересмотреть морские законы, то в будущем может сложиться аналогичная ситуация. Чтобы разрешить этот вопрос, Хауз предложил принцип «свободы морей»—неприкосновенность торговых судов во время войны. Он всегда утверждал, что, пока не будет введена подобная реформа, на горизонте англо-американских отношений всегда будут нависать тучи.

Но на Германию всегда можно было рассчитывать, что в критический момент она совершит ошибку в политической психологии, и, действительно, она уже готовилась сделать шаг, в результате которого все англо-американские споры были позабыты.

В течение лета и начала осени отношения с Берлином оставались ровными. Германское правительство последовало совету Бернсторфа, который в свою очередь получил этот совет от Хауза, и больше не выдвигало требований о том, чтобы США прорвали английскую блокаду.

«Я лично делаю все, чтобы обо мне по возможности забыли»,— писал Бернсторф Хаузу 16 июня. Германская подводная война, насколько было осведомлено министерство иностранных дел США, велась согласно крейсерским правилам и обязательствам Берлина.

Но было несомненно, что если окажется невозможным сдвинуть войну в Европе с мертвой точки, то давление германских морских кругов на правительство приведет к началу неограниченной подводной войны. Бернсторф еще в июне предупреждал Хауза

об этой опасности, и каждое письмо посла Джерарда это подтверждало. По адресу гражданских властей, канцлера и министра иностранных дел раздавались открытые угрозы. «Хотя фон Ягов юнкер из юнкеров,—писал Джерард,—но юнкера против него и заявляют, что он слишком слаб. Его могут вытурить». В письмах от 7 июня и 12 июля Джерард писал: «Подводная война в любой день может вырваться из оглобель. Ведется интенсивная закулисная агитация за возобновление безудержной подводной войны, и все это только часть кампании за свержение канцлера».

Письма Бернсторфа Хаузу

Нью-Йорк, 14 июля 1916 г.

«Дорогой полковник Хауз!

...Я счастлив сказать, что улучшение американо-германских отношений продолжается во всех направлениях.

Но тем не менее, как вы сами видели по газетам, мое правительство переживает трудное время и подвергается сильным нападкам за то, что по требованию США оно отказалось от подводной войны. Вы настолько хорошо знаете о положении в Берлине, что мне нет нужды останавливаться на нем подробно. Я только упомяну, что, повидимому, создалась опасность, что в результате этих нападок канцлер вынужден будет уйти в отставку. Это, естественно, означало бы возобновление подводной войны и всех наших неприятностей.

Главный аргумент, который выдвигают против канцлера, заключается в том, что он уступил правительству США, хотя и знал, что это правительство не было нейтрально и оказывало давление только на Германию, в то время как оно охотно позволяло Англии нарушать международный закон. В этих нападках несомненно заключается доля справедливости, так как случаи нарушения англичанами международного закона с каждым днем множатся; взять, например, недавнее решение тайного совета, аннулировавшее лондонскую декларацию...

Если вы желаете переговорить со мной обо всех делах и полагаете, что подобная конфиденциальная беседа сможет принести пользу, то я, как вы знаете, всегда готов прибыть к вам из Дублина, что я предлагал вам до вашего отъезда из Нью-Йорка.

Мой теперешний адрес: Отель Риц-Карлтон.

Искренно ваш *И. Бернсторф*».

Письма Джерарда Хаузу

Берлин, 16 августа 1916 г.

«Дорогой полковник Хауз!

...Ожесточенные нападки на канцлера продолжаются. Недавно на одном митинге в Баварии была принята резолюция, в которой

сказано, что первоочередная военная задача состоит в том, чтобы избавиться от канцлера, а вторая—«прочистить англофильское министерство иностранных дел», которое мешало Германии применить «беспощадные способы с целью быстро выиграть войну».

Как мне передавал сегодня зять одного высокопоставленного чиновника, расхождение между военными и морскими кругами, с одной стороны, и гражданскими властями—с другой, приняло почти формы гражданской войны. То же лицо сообщило мне, что К. стал за последнее время совершенно апатичным и предоставляет событиям итти своим чередом.

Всегда ваш *Дж. У. Дж.*».

Берлин, 30 августа 1916 г.

«Дорогой полковник!

... Сегодня Гинденбург назначен начальником генерального штаба, а начальник его штаба Людендорф—генерал-квартирмейстером. Бывший начальник штаба Фалькенхайн вылетел даже без предлога дипломатической болезни. Все это является большой уступкой общественному мнению. Не знаю, как Гинденбург относится к Америке, но слышал, что он рассудительный человек. Конечно, армия здесь имеет такое же влияние во внешних делах, как и министерство иностранных дел, если не большее. Когда я был в главной квартире, Фалькенхайн, хотя мы и знакомы, не посетил меня и старался меня избежать, не появившись даже за столом кайзера, когда я был там на завтраке. Из всего этого я заключаю, что в вопросе о подводной войне он настроен против Америки. Я также слышал, что когда Гельферих говорил кайзеру о пользе мира с Америкой, Фалькенхайн его прервал, но кайзер ему сказал, «чтобы он держал себя в руках» или что-то в этом роде.

Народ здесь совсем изнервничался и думает, что Америка в самом деле начнет теперь с ним воевать. Вы не представляете себе, какая всеобщая нервозность царит тут в народе.

Циммерман сейчас уехал в отпуск, временно его замещает фон Тройтлер, прусский представитель в Баварии, который с начала войны находится при кайзере. Полагаю, что это означает, что кайзер лично заглянул в дела министерства иностранных дел. Фон Тройтлер, как мне кажется, против возобновления беспощадной подводной войны; он будет сегодня у меня на завтраке. Пожалуй это и есть тип умного космополита и спортсмена, в нем почти не проявляется прусское желание «импонировать», рецепт которого прост: следует на две октавы понизить голос и, как взбесившаяся жаба, таращить глаза на собеседника...

Всегда ваш *Дж. У. Дж.*».

Вначале Хауз был обрадован сообщениями об официальном приходе Гинденбурга к власти, так как рассчитывал, что он окажет сдерживающее влияние и укрепит позицию канцлера. Хауз знал, что Гинденбург был противником беспощадной подводной войны, и предполагал, что тот понимает невозможность сдвинуть с мертвой точки европейскую ситуацию и потому согласится принять благоразумные мирные условия, от которых союзники вряд ли смогли бы отказаться. В первых числах сентября полковник обсудил весь этот вопрос с Бернсторфом.

«*3 сентября 1916 г.* Вчера вечером звонил мне граф фон Бернсторф, спрашивал, может ли он сегодня повидаться со мной. Я пригласил на завтрак его вместе с графиней, только что вернувшейся из Германии.

Мы интересно провели два часа.

Говоря с Бернсторфом о недавнем назначении фельдмаршала фон Гинденбурга начальником штаба вместо фон Фалькенхайна, я считал, что это был шаг непосредственно в пользу канцлера. Когда я был в Германии, то канцлер при обсуждении возможностей мира заявил, что фон Гинденбург готов употребить свое влияние в пользу мирных условий, которые хотя и не будут популярны в Германии, но будут приемлемы для союзников. Об этом Бернсторф ничего не слыхал, но в ответ поделился со мною кое-какой конфиденциальной информацией. Канцлер просил графиню фон Бернсторф в момент, когда она уезжала из Германии, передать послу, что он не знает, как долго ему удастся удерживать Германию от неограниченной подводной войны, и чтобы посол был готов покинуть США в любой момент. Пока графиня находилась в пути, уже после назначения фон Гинденбурга начальником штаба, канцлер телеграфировал Бернсторфу, чтобы тот не обращал внимания на те слова, которые он просил графиню ему передать. Бернсторф не понимал причины отправки телеграммы до того момента, как я сообщил ему об отношениях между канцлером и фон Гинденбургом.

Бернсторф сказал, что с самого начала он старался разъяснить своему правительству, насколько серьезна и опасна их политика ведения подводной войны. После потопления «Лузитании» и «Арабика» они это поняли, но не совсем, и осуждали Бернсторфа за то, что он превысил свои полномочия при разрешении вопроса об «Арабике». Только после потопления «Суссекса» они в полной мере поняли, насколько они близки к войне с нами. Это вызвало наш ультиматум, и в своем ответе они вынуждены были пойти гораздо дальше, чем Бернсторф в вопросе об «Арабике».

Я спросил его, почему Германия начала воевать одновременно с Англией и с Россией. Достаточно скверно было воевать с любой из них, но восстановить против себя обе страны—это казалось мне поразительным доказательством отсутствия здравого смысла.

Бернсторф сказал, что, по его мнению, войны не было бы, если судьбами хотя бы одной из великих держав Европы управляла выдающаяся личность,—такой, например, человек, как Бисмарк. Когда я высказал предположение, что Германии следовало привлечь Англию на свою сторону, как только стало очевидным, что Франция и Россия заключили союз, он горячо выразил свое согласие со мной. В этом случае Англия, по-моему, была бы рада, чтобы германский милитаризм развился даже больше, чем сейчас.

Бернсторф считает, что князь Лихновский настолько был пацифистом, что заставил сэра Эдуарда Грэя и английское правительство ошибочно предполагать, что войны не будет. Если бы там был энергичный человек, то, по мнению Бернсторфа, положение вещей сложилось бы иначе.

В оправдание германской внешней политики и того трудного положения, в котором она под конец очутилась, он сказал, что считалось разумным сталкивать Англию с Россией. Со времен Бисмарка германское министерство иностранных дел не верило в возможность активного союза Англии и России, и в интересах Германии было держать их разобщенными, но в то же время не объединяться ни с одной из них.

Что касается войны, то он считает, что фон Гинденбург сможет противостоять течению в Юго-восточной Европе[1] и к зиме положение может достигнуть мертвой точки. Он считал, что такое положение отвечало прямым интересам США...

Я сказал ему, что имею щупальцы во всех воюющих странах и знаю, что в Германии общественное мнение становилось более враждебным США, когда Германия одерживала победы; такая же картина наблюдалась в странах Антанты, когда успех оказывался на их стороне. Я сказал, что хотя я спокойно отдыхаю в Сунапи, но вполне в курсе дел. Он улыбнулся и ответил: «Вам нет нужды говорить мне об этом, ведь тот факт, что в течение лета я не обращался к вам чаще и не встречался с вами, доказывает, что отношения между нашими странами сейчас удовлетворительные».

Бернсторф—единственный из послов воюющих стран, который сохранил равновесие, умел улыбаться настоящему и философствовать о будущем».

«*11 октября 1916 г.* Первым посетителем был германский посол. Он пришел рассказать мне о своем вчерашнем свидании с президентом. Президент был обычно любезен с ним; по этому поводу Бернсторф высказал кое-какие соображения. Президент просил его послать своему правительству телеграмму с преду-

---

[1] Румыния только что вступила в войну на стороне союзников, но ее армии быстро потерпели поражение, и ее южные провинции были оккупированы.

преждением об опасности действий подводных лодок вблизи нашего побережья. Он дал понять Бернсторфу, что если это будет продолжаться, то возникнут неприятности, и он надеется, что во имя добрых отношений они обратят внимание на его предупреждение... Я выразил надежду, что U-53 вернется домой и прекратит свои опустошения вдоль нашего побережья. Он выразил горячее сочувствие моим словам, так как хорошо понимает весь риск подобных действий».

6

Внезапно явилось небесное знамение. Было очевидно, что приход к власти Гинденбурга вызовет решительные действия в Берлине и положит конец долгому спору между канцлером и морскими кругами. Если союзники изнервничались и порою отступали от здравого смысла, то немцы проявили также крайнюю нервозность и, отбросив всякое благоразумие, обратились к отчаянным средствам. Больше им было не под силу терпеть ничейное положение, так или иначе они хотели покончить с ним. Если Джерард, который отправился в отпуск в США, убедится, что Вильсон в силах взять на себя инициативу мирных переговоров, то все будет хорошо. В противном случае Германия сдвинет войну с мертвой точки, объявив неограниченную подводную войну. Бернсторфу предоставили самому решить, следует ли ставить президента в известность о тенденции германской политики, а Бернсторф предоставил решать это Хаузу.

Письмо Бернсторфа Хаузу

Вашингтон, 18 октября 1916 г.

«Дорогой полковник Хауз!

Я получил из Берлина меморандум. Мое правительство желает, чтобы он был вручен Джерарду до того, как он увидится с президентом. Но мне предоставлено право не вручать меморандума, если я считаю это целесообразным. Меморандум, конечно, строго-конфиденциальный и не представляет собою угрозы усиления с нашей стороны подводной войны.

Все же ввиду того, что применяемые нашими врагами методы с каждым днем становятся все более беспощадными (Греция, блокада, незаконное давление на нейтральные страны), мое правительство хочет напомнить Джерарду о конфиденциальных переговорах, которые велись прошлой весной.

Я не знаю, где сейчас находится Джерард, и не хочу рисковать посылкой этого письма в отель Риц-Карлтон. Вы, во всяком случае, увидитесь с ним до его поездки в Шэдоу Лон, и, принимая во внимание наши постоянные конфиденциальные отношения, я с ра-

достью предоставляю вам вручить меморандум Джерарду или поговорить о нем. Я уверен, что таким путем вопрос будет обсужден совершенно конфиденциально и согласно желаниям моего правительства.

Если бы вы пожелали поговорить со мной по этому или по какому-нибудь другому вопросу, я, как вы знаете, всегда в вашем распоряжении и готов в любое время приехать в Нью-Йорк.

Заранее благодарный вам

искренно ваш *И. Бернсторф*».

ПРИЛОЖЕНИЯ К ГЛАВЕ X

ТЕКСТ МЕМОРАНДУМА

«Ваше превосходительство[1] намекнуло его величеству во время вашей последней беседы в Шарлевилле в апреле, что президент Вильсон, может быть, попытается в конце лета предложить воюющим свои услуги для дела мира.

Германское правительство не имеет никаких сведений о том, придерживается ли президент этой мысли, и о дате, когда этот шаг будет предпринят. Тем временем ход войны сложился таким образом, что германское правительство предвидит момент, когда будет вынуждено вновь получить свободу действий, которую оно сохранило за собой в своей ноте от 4 мая прошлого года, и таким образом шаги президента могут встретить препятствие. Германское правительство считает своим долгом довести этот факт до сведения вашего превосходительства на случай, если вам станет известным, что момент предполагаемого действия президента будет отложен на конец года».

Несмотря на отрицания Бернсторфа, это письмо, как писал Хауз, представляло собой «явную угрозу возобновить подводную войну, в случае если президент немедленно не вмешается в европейскую войну».

Таким образом, в момент, когда союзники, в результате их отказа признать желательность американского посредничества и игнорирования предложения Вильсона об американском сотрудничестве в международных делах, повидимому, оттесняли Америку обратно к политике изоляции, Германия угрожала вовлечь нас в войну возобновлением неограниченной подводной войны. Между тем, в то время никто не мог предвидеть, какое направление примет американская полтиика, так как в ноябре должны были состояться президентские выборы и переизбрание Вильсона оставалось под сомнением до последнего момента.

---

[1] Посол Джерард.

Сравнение наброска Хауза от 21 мая 1916 г. и речи Вильсона от 27 мая 1916 г.

Набросок Хауза (21 мая 1916 г.)	Речь Вильсона (27 мая 1916 г.)
Одна из причин этой войны (причина будущих войн) в том, что страны хранят в тайне свои намерения в отношении друг друга и не излагают заблаговременно своих помыслов и целей.	Ясно, что эта война могла начаться только так, как она началась, — внезапно, из-за тайных намерений, без предупреждения всему миру, без переговоров, без каких-либо осмотрительных дискуссий, к которым, казалось, было бы естественно прибегнуть, прежде чем приступить к такой неслыханной схватке сил.
Если бы перед войной Англия заявила: «Если Центральные державы нападут на Францию, мы примем ее сторону», то Германия, по всей вероятности, согласилась бы на предложенные Грэем переговоры.	Вероятно, если бы можно было предвидеть, что произойдет, какие именно образуются союзы, какие именно силы встанут друг перед другом, то те, кто вызвал схватку, были бы рады прибегнуть к переговорам, а не к силе.
...Если бы перед этой войной мы заявили то, что я скажу сегодня вечером, — по всей вероятности, войны не случилось бы. Оно показало бы воюющим, что мы до конца враждебны известным политическим стремлениям и что мы употребили всю нашу моральную и экономическую силу, а при некоторых обстоятельствах даже физическую силу, против страны или стран, нарушивших эти принципы...	Если бы нам самим была дана малейшая возможность известить воюющих о том, какую позицию заставит нас занять наш долг, о том, против каких политических стремлений и методов мы считали бы себя обязанными пустить в ход всю нашу моральную и экономическую силу, а при некоторых обстоятельствах — даже физическую силу, то наши соображения в пользу предотвращения войны стоили бы того, чтобы их взвесили и приняли во внимание...
Ясно, что весь мир должен будет притти к этой новой и более благотворной дипломатии. Если великим державам удастся притти к соглашению относительно тех фундаментальных основ, которые, по их мнению, служат их общим интересам, и согласятся действовать совместно в случае, если какая-нибудь страна или страны нарушат эти основы, тогда мы сможем почувствовать, что наша цивилизация начала оп-	...всеобщий мир должен отныне опираться на новую и более благотворную дипломатию. Только тогда, когда великие державы мира достигнут какого-либо соглашения относительно того, что они считают фундаментальными основами их общих интересов и относительно какого-либо осуществимого метода совместного действия в случае, когда какая-нибудь страна или группа стран нарушат эти фундамен-

Набросок Хауза (21 мая 1916 г.)	Речь Вильсона (27 мая 1916 г.)
равдывать свое существование.	тальные основы, мы сможем почувствовать, что цивилизация, наконец, на пути к оправданию своего существования и к окончательному своему установлению.
В будущем нации должны управляться теми же высшими законами чести, выполнения которых мы требуем от индивидуумов. Надо в некоторой степени признаться, что США не всегда находились на этом высшем уровне, но ошибки были немногочисленны и представляли не правило, но исключение.	Ясно, что нации должны в будущем управляться теми же высшими законами чести, выполнения которых мы требуем от индивидуумов. Мы должны одновременно с признанием этого убеждения допустить, что в прошлом, в некоторых случаях, мы явились нарушителями закона дипломатии, которую мы ныне предвещаем; но убеждение наше на этот счет остается не менее, а скорее более ясным.
Если обратиться к высказываниям представителей других стран как воюющих, так и нейтральных, то мы должны верить, что они так же глубоко и сильно проникнуты этим чувством, как и мы... Если голос этого убеждения звучит ясно и более определенно на континентах Америки, то это происходит, вероятно, потому, что мы менее связаны, чем другие материки, и можем высказываться без боязни быть неправильно понятыми.	Если бы эта война не оказала миру никакой иной пользы, то она, по крайней мере, выявила великую моральную нужду и на целое столетие продвинула образ мышления государственных деятелей всего мира... Неоднократные высказывания руководящих государственных деятелей большинства ныне воюющих великих наций отчетливо показали, что они пришли к мысли, что принцип общественного права должен стоять выше индивидуальных интересов той или иной страны...
Асквит повторил 28 сентября 1914 г. в Дублине то, что Гладстон сказал почти полвека тому назад: «Величайшим триумфом нашего времени будет торжество идеи общественного права как руководящей идеи европейской политики», и он прибавил, что эта мысль кажется ему в настоящий момент лучшим определением того, какой должна быть наша европейская политика...	
Теперь все мы превратились в соседей...	Нации всего мира стали соседями...

ГЛАВА XI

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ

«Если кампания будет организована правильно—а так оно быть должно,—то мы победим».

Из письма Хауза Вильсону, 15 июня 1916 г.

1

«Жизнь, которую я веду, по своему интересу и остроте превосходит всякий роман. Я не могу начать здесь излагать все, что происходит изо дня в день, как со всех сторон стекаются сведения в этот небольшой, скромный кабинет».

Так писал Хауз 10 марта 1916 г., в разгар составления им и Вильсоном дипломатических проектов, преследовавших цель покончить с войной или включить Америку в борьбу на стороне союзников, в разгар тысячи менее важных дел, ложившихся на плечи человека, ближе всех стоявшего к Вильсону. Даже важные дипломатические заботы не избавляли его от писем и сообщений людей, просивших совета и помощи. Члены кабинетов в поисках кандидатов, кандидаты в поисках постов превратили его кабинет на 53-й улице в биржу. За его высказываниями гонялись редакторы и журналисты, и фактически он диктовал почти все сообщения для иностранной прессы. Чиновники американского казначейства, английские дипломаты, хлопковые плантаторы с юга и столичные финансисты приходили к нему в кабинет, чтобы обсудить план скупки излишков хлопка, сбыту которого угрожала английская блокада. Хаузу приносили документы, доказывавшие подозрительный характер германской пропаганды, документы, по небрежности забытые доктором Альбертом в поезде надземной дороги и попавшие в руки агента разведки. К Хаузу также приходил Падеревский со своими планами воссоздания Польши, которые с помощью полковника развернулись в таком объеме, что великий виртуоз и государственный деятель писал ему: «Найти благоде-

теля для моей страны было мечтой моей жизни. Теперь я знаю, что мои мечты не пропали даром».

Эту массу дел—личных, государственных и международных— он вел, прибегая только к помощи своего секретаря мисс Дентон, которая, так же, как полковник, вынесла эту работу—в физическом смысле—только благодаря своей уравновешенности, чувству юмора и здравому смыслу. Возвращение в нью-йоркскую квартиру, вероятно, потребовало большого мужества со стороны обоих. 16 сентября 1916 г. полковник Хауз писал: «Я нашел свой письменный стол заваленным накопившейся почтой, заграничной и местной. Прежде чем пытаться связаться с кем-нибудь, я должен покончить со всем этим. Я переменил свой номер телефона, так чтобы никто до меня не добрался, пока я не буду готов».

Когда приходилось иметь дело с вопросами, касавшимися внутренней политики, Хауз открыто выражал нетерпеливость. Он, который так горячо помогал президенту в его назначениях в течение первого года президенства, теперь относился к административным проблемам как к надоедливой мелочи.

«Президент,—писал Хауз 29 марта 1916 г.,—повидимому, больше заинтересован и поглощен этими местными вопросами, чем международным кризисом. Я лично настолько мало в них заинтересован, что говорю о них с неохотой, и мне все равно, кого он назначит. Прежде я стал бы настаивать, что не следует назначать одного из приспешников X, но теперь, по сравнению с поставленными на карту жизненными вопросами, все это кажется настолько незначительным, что я испытываю равнодушие к тому, что он делает, так что в наших беседах он этого даже не касается».

Но в 1916 г. нельзя было не касаться внутренних проблем,— осенью предстояли президентские выборы. Из-за международного положения интерес к схватке развивался неестественно медленно. Еще 14 апреля Хауз писал Джерарду: «Наши отношения с Германией и мексиканская экспедиция отодвинули политику на задний план, и интерес к ней проявляют лишь профессионалы». Тем не менее, Хауз не мог не заняться предстоящими выборами, так как поражение Вильсона означало бы конец планам американского сотрудничества с Европой. Кроме того, Хауз как политический мастер не мог устоять перед соблазном технических проблем организации избирательной кампании.

Переизбрание Вильсона считалось заранее предрешенным. Он господствовал над своей партией, и в стране, и в конгрессе, и вопрос о другом кандидате серьезно не возникал. Но Хауз понимал, что переизбрание президента было делом крайне сомнительным. Он был избран незначительным большинством голосов в 1912 г., а полное объединение между прогрессистами и республиканцами означало бы неминуемое поражение в 1916 г. Единственным шансом было удержать большинство 1912 г. и обеспечить достаточ-

ное число голосов среди независимых и прогрессистов для того, чтобы восторжествовать над обычным республиканским большинством.

На востоке общественное мнение, повидимому, определенно склонялось против президента. Его обращение с мексиканской проблемой называли анемичным, а руководившие общественным мнением сторонники союзников проклинали проявленное им терпение в обращении с Германией. Его расположение к рабочим вызвало недоверие со стороны капиталистов, образовавших костяк политического консерватизма. Деловые люди на северо-востоке были недовольны его политикой, жаловались, что на их интересы не обращалось внимания, что его окружали неспособные или не заслуживающие доверия люди. Хаузу эта критика была отлично известна, он знал о ее большом политическом эффекте, хотя и считал ее незаслуженной.

«Приходил Фрэнк Тромболл,—писал Хауз 23 марта 1916 г.,— рассказавший о недовольстве Уолл-стрита президентом. Он заявляет себя сторонником президента, и я ему верю. Он говорит, что спор касается не президента лично, а его кабинета, главным образом Мак-Аду, Уилльямса, Даниэлса и Бёрлсона...»

«*26 марта 1916 г.* С. Р. Бертрон только и говорил об ошибках правительства, не столько со стороны президента, сколько со стороны близко стоящих к нему людей. Я пришел к убеждению, что для всякой администрации почти невозможно обращаться справедливо с группой Уолл-стрита, не вызвав ее недовольства. Закон о банках и денежной эмиссии—самая выгодная мера для облегчения дел, какая когда-либо проводилась в этой стране, а, между тем, за ним не последовало никакого выражения благодарности президенту. Его старания предоставить железным дорогам такие же широкие возможности, как банковским интересам, также позабыты. Ни один президент, насколько мне помнится, не сделал так много, как он, для оживления дел законным и здоровым путем, между тем, раздается вечный крик «еще...»

С другой стороны, президент имел за собой много достижений, на основании которых мог рассчитывать на переизбрание, особенно в районах к западу от Миссисипи, где настроение деловых кругов против правительства оказывало меньшее политическое влияние. Ему легко было бы отстоять свою внешнеполитическую линию, если бы он мог обнародовать свое предложение союзникам. Те, кто жаловался на отсутствие с его стороны интереса к делу цивилизации, вынуждены были бы замолчать. Но даже если в этом отношении его уста были скованы, то он все же мог напомнить о своем твердом решении поддержать американские права,—решении, заставившем Германию уступить его настоянию о прекращении неограниченной подводной войны; он мог бы подчеркнуть успехи своего морального воздействия на международные дела, которое

впоследствии доставило Америке в течение некоторого времени руководство мировой политикой.

Обвинять президента в ошибках после того, как они были совершены, не представляло труда, но новому кандидату, для того чтобы критиковать политику президента и обещать лучшую, понадобились бы исключительные способности и мужество. Могли ли республиканцы выставить такого кандидата? Пэйдж, не одобрявший подхода Вильсона к внешнеполитической проблеме, тем не менее, признавал твердость его позиции».

Письмо Пэйджа Хаузу

Борнмут, 23 мая 1916 г.

«Дорогой Хауз!

...Всех нас здесь сильно занимает кампания, но больше всего нас занимает, кого выдвинут республиканцы. Они, повидимому, еще на миллион миль не добрались до нужного человека. Не вижу я также, какую они смогут выработать выигрышную военную программу. Они не смеют высказываться в пользу войны. Они не смеют высказаться в пользу позорного мира. Мне кажется, что у президента—все козыри, и если их кто-нибудь не выбьет из рук, то не знаю, как он может проиграть,—разве что из-за слабости многих окружающих его людей. У нас нет достаточно крупных людей для этих высоких постов в нашем правительстве; но иногда я чувствую, что, должно быть, есть много людей крупнее тех, что занимают эти высокие посты. В этом, мне кажется,—единственная реальная опасность для президента и его партии...

Сердечно ваш *У. Х. П.*».

Гораздо более важным фактором, объясняющим силу президента, были его законодательные успехи. Американцы могут быть возбуждены по поводу международных дел, но голоса свои они подают в соответствии с внутренними интересами. Президент быстро и успешно провел ряд законодательных реформ, доказавших как искренность его либерализма, так и его способность управлять. Демократическая партия не была либеральной партией, но Вильсон, по словам одного видного прогрессиста, «выковал из демократического конгресса созидательную организацию. Для этого ему пришлось отвлечь свою партию от демократических традиций полувековой давности»[1]. Билли о сельскохозяйственных кредитах, о детском труде, закон о компенсации рабочих, налог на наследство, закон о федеральном резервном банке—все это, по

---

[1] Статья Уилльяма Аллена Уайта в журнале «Колльерв» от 16 декабря 1916 г.

словам того же прогрессиста, вместе «с рядом мелких клиньев, вбитых демократами в древо беззакония, в конце концов помогут его расколоть. И прогрессисты, наблюдающие за углублением этих клиньев, конечно удовлетворены».

Моральная сила Вильсона, полагал полковник Хауз, должна заключаться в его готовности превратить демократическую партию в истинно либеральную партию. Хауз стремился заручиться поддержкой прогрессистов, даже рискуя оскорбить консервативных демократов, и еще задолго до выборов пытался изыскать для прогрессистов возможность перехода в лагерь демократов.

«Дэйвис[1] приехал из Вашингтона, чтобы повидать меня,—писал Хауз 28 января 1915 г.—Мы разработали довольно вразумительный план завоевания прогрессистов в 1916 г. Я повторил Дэйвису то, что я говорил Вулли,—что победе президента в результате отказа от прогрессивных принципов, за которые мы боролись, я предпочту поражение. Демократическая партия должна изменить свой исторический характер и стать в будущем прогрессивной партией...»

И в самом деле, северо-восток стал настолько подчеркнуто антивильсоновским, что на победу демократов не было надежды, если Вильсону не удалось бы привлечь прогрессистов запада. Если бы республиканцы сумели избрать кандидата, способного объединить республиканские и прогрессистские элементы, Вильсон был бы обречен.

Прогрессисты были настолько влиятельны, что Хауз все силы прилагал для привлечения их на свою сторону. Он решил, что республиканцы выдвинут Рузвельта, единственного человека, способного удержать за собой голоса прогрессистов. Такой выбор подсказывал ему здравый смысл, но республиканских лидеров смущала мысль согласиться на лидерство, а, возможно, и на владычество человека, погубившего партию в 1912 г. Рут несомненно оттолкнул бы прогрессистов. Других более молодых, выдающихся кандидатов не предвиделось. Но в Верховном суде находился Хюз, который боролся с боссами и мог привлечь прогрессистов, а среди консервативных элементов он заслужил репутацию «здравомыслящего и уравновешенного человека». Благодаря своей уединенной позиции в Верховном суде он не был причастен к спору 1912 г.

Выставить кандидатуру члена Верховного суда казалось многим опасным приближением судебных кругов к миру политических партий. Летом 1912 г. Хюз заявил одному из своих друзей, что после занятия поста в Верховном суде он ни в коем случае не согласится стать кандидатом в президенты; далее рассказывали,

---

[1] Джозеф Дэйвис, из министерства торговли.

будто он заявил: «Член Верховного суда, выставивший свою кандидатуру на политический пост, не соответствует ни занимаемому им посту, ни тому посту, к которому он стремится». Это заявление было довольно эффектно использовано демократами во время кампании 1916 г.

С весны 1915 г. начали множиться признаки того, что если республиканской старой гвардии не удастся подавить свою гордость и страхи и согласиться на кандидатуру Рузвельта, то на Хюза будет оказано сильное давление с тем, чтобы он отказался от своего поста в Верховном суде и выставил свою кандидатуру.

«Ко мне приходил Джон Р. Ратом[1],—писал Хауз 28 сентября,—чтобы сообщить...о том, как складывается политическая ситуация в Новой Англии[2] для республиканского кандидата. Он полагает, что Новая Англия в конечном счете выскажется за судью Хюза и тот согласится выставить свою кандидатуру. Недавно только был с Хюзом на рыбной ловле в Мэне. Я надеюсь, что это неправда, ибо считаю, что Верховный суд следует держать вне политики. Когда человек принимает назначение в Верховный суд, то должен клятвенно отказаться от политического честолюбия в дальнейшем; в противном случае престиж суда упадет в глазах народа, и к его решениям будут относиться с подозрением».

Ранней весной 1916 г. Хауз почувствовал, что, каковы бы ни были их предрассудки, республиканцы ухватятся за единственную крупную фигуру, способную привлечь голоса на Западе. «Похоже на то, что кандидатом республиканцев будет Рузвельт,—писал он Джерарду 24 марта,—впрочем, может быть, Хюз». Но уже 11 мая он писал Пенфилду: «Рузвельтовская волна спадает, Хюзовская поднимается. Рузвельт переоценил свои возможности, наступила реакция. Может быть, его и выдвинут в кандидаты, но сейчас это мало вероятно». На съезде республиканцев стало очевидно, что Хюз нужен как компромиссный кандидат между Рутом и Рузвельтом. Рут был избранником регулярной армии республиканцев, но не мог повести за собой Запад. Рузвельт все еще оставался анафемой для партийных лидеров. 10 июня кандидатом был назначен Хюз. За три дня до этого Рузвельту предложили самостоятельно выставить свою кандидатуру от прогрессистов; но, стремясь к поражению Вильсона и понимая, что для этого необходим союз республиканцев и прогрессистов, он отказался от этого предложения и рекомендовал своим сторонникам действовать и голосовать за Хюза. Так разрушил он им самим созданную организацию.

---

[1] Редактор «Джёрнал»—газеты, выходившей в городе Провиденс.

[2] Новой Англией называется группа северо-восточных штатов США.—*Ред.*

Письмо Хауза президенту

Сунапи, Нью-Хэмшир, 10 июня 1916 г.

«Дорогой начальник!

...Только что до меня дошли известия о назначении кандидатов в Чикаго... Теперь, когда кандидатом является Хюз, нам тем более необходимо собрать голоса прогрессистов. Я думаю, что мы можем разоблачить Хюза как завзятого консерватора, получившего звание прогрессивного только потому, что он отказался подчиниться приказаниям боссов. Его veto на подоходный налог и поддержка, которую ему немцы оказывали и будут оказывать, обеспечат, я думаю, его поражение.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

2

От начала до конца кампании Хауз твердил, что для завоевания независимых избирателей и прогрессистов Запада демократы должны действовать. Вся стратегия кампании должна была основываться на том, чтобы республиканцам было позволено тратить все свои силы и деньги в антивильсоновских штатах к востоку от Миссисипи и к северу от Охайо, в то время как демократы будут рассчитывать на выигрыш на Западе, что вместе с верным Югом сможет дать нужное большинство в коллегии выборщиков. Подобное пренебрежение к большим штатам Северо-востока казалось рискованным, но оно давало единственный шанс на успех. На этом предположении основывался выбор руководителя демократической кампании, а также решение о том, какие штаты должны стать центрами кампании демократов.

Для того чтобы завоевать прогрессистов, демократы должны были избрать руководителя кампании с подчеркнуто либеральными тенденциями, способного, кроме того, осуществить этот смелый план. Он должен был быть мужественным и сообразительным, и желательно было, чтобы он был тесно связан с партийными руководителями старого стиля, которым прогрессисты не доверяли. Демократический председатель кампании 1912 г. В. Ф. Мак-Комз по многим причинам был явно непригоден для этой роли. Хауз всегда относился дружелюбно к Мак-Комзу, но не желал, чтобы личные чувства помешали успеху демократов. К счастью, сам Мак-Комз и его советники понимали, что не могут взять на себя руководство вильсоновской кампанией.

«После обеда,—писал Хауз 18 апреля 1916 г.,—ко мне приходил Б. М. Баруч, чтобы обсудить вопрос о Мак-Комзе. Он полагает, что убедил Мак-Комза обратиться к президенту с отказом от повторного руководства кампанией демократов. Я обещал Баручу, что если он принесет это письмо, я добьюсь от президента такого же

вежливого и лестного ответа, иначе я верну Мак-Комзу его письмо...

Баруч выразил искреннее сочувствие Мак-Комзу, так как понимает, что он не может ни помочь президенту, ни удержаться в руководящей роли. Поэтому он, так же как и я, желает, чтобы самолюбие Мак-Комза было пощажено».

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 21 апреля 1916 г.

«Дорогой начальник!

После двухдневной борьбы с Мак-Комзом Баруч достал от него письмо. Прилагаю копию для вас.

Подлинник у Баруча, который ждет, чтобы я отвез письмо в Вашингтон лично. Мы оба считаем важным, чтобы вы покончили с этим вопросом, согласившись на то, чтобы Мак-Комз отошел в сторону. Если по получении этого письма вы напишете Мак-Комзу и пришлете ответ мне, то я возьму на себя обмен писем...

Баруч предлагает, чтобы вы написали Мак-Комзу в возможно более сердечном тоне, считая, что это на всех произведет хорошее впечатление.

Не можете ли вы написать письмо завтра и прислать его специальным курьером с тем, чтобы к воскресенью с делом Мак-Комза было покончено раз навсегда? Это даст ему время приготовить свое заявление на понедельник.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Вильсон ответил письмом, представляющим прекрасный пример любезности и обаяния, на какие он был способен, когда обстоятельства того требовали. «Надеюсь, я написал,—сказал он довольно робко Хаузу,—то, что нужно».

Письмо Вильсона Мак-Комзу

Вашингтон, 22 апреля 1916 г.

«Мой дорогой Мак-Комз!

Я получил письмо, в котором вы уведомляете меня о невозможности для вас сохранить за собой председательство в Демократическом национальном комитете во время ближайшей кампании.

Я вполне понимаю необходимость, вынуждающую вас покинуть пост после съезда партии, который состоится в июне; я знаю, что вы не пришли бы к такому решению, если бы ваши новые деловые обязательства не сделали это неизбежным. Поэтому я чувствую себя не вправе настаивать перед вами на принесении с вашей

стороны жертвы, в которую при данных обстоятельствах превратилось бы сохранение вами за собой председательства.

Вы много сделали и уже много жертв принесли партии, и я знаю, что, выражая вам крайне глубокую признательность за все с готовностью оказанные вами великие услуги, я выражаю чувство всех лойяльных демократов.

Я уверен, что ваш уход вызовет величайшее сожаление, и множество друзей присоединятся к моей надежде, что ваша новая деятельность будет сопровождаться постоянным и полным успехом.

С наилучшими пожеланиями
искренно ваш *Вудро Вильсон*».

Гораздо труднее было подыскать преемника Мак-Комзу. Одно время президент и полковник Хауз, повидимому, остановились на советнике министерства иностранных дел Фрэнке Полке. Впоследствии Хауз сообразил, что Полка нельзя использовать, так как Лансинг, чье здоровье в то время было плохо, рассчитывал на его помощь в министерстве, но оказалось трудным делом изменить мнение президента.

«Я так глубоко внушил президенту, что Фрэнк Полк именно тот человек, который нам нужен в председатели,—писал Хауз 3 мая,—что не могу его разубедить.

Полк назвал нескольких людей, которых он считал пригодными. Я сказал, что президент их знает и потому не согласится ни на одного из них. Полк спросил, почему президент готов взять его, и добавил: «С президентом я разговаривал всего два или три раза». Я с улыбкой ответил: «Если бы вы виделись с ним чаще, он, вероятно, не захотел бы вас, точно так же, как не хотел других...» Полк оценил добродушный юмор этих слов...

Мы с президентом завтракали одни, и я назвал нескольких человек, которые Полку и мне кажутся пригодными для поста председателя. Ни один из них его не устраивал. Я сказал ему, что потеря Полка создаст большие неудобства Лансингу. Он это оспаривал. Не так важно было оградить удобства Лансинга, как назначить нужного человека на пост председателя. Он заявил, что больше не хочет быть президентом, и спокойный уход доставил бы ему огромное облегчение, но считает своим долгом перед страной и своей партией продолжать служить. Он уверен, что второй период президенства может стать не высшей, а низшей точкой его жизни.

Я потому хочу, чтобы Полк был председателем и соответственно убеждал президента, что у Полка трезвая голова, а мысли и цели его совершенно искренние. Он никогда «не заснет за рулем», и президенту ни на минуту не придется беспокоиться о том, как ведется кампания. С Полком у руля скандалы и т. п. были бы исключены».

Все же десять дней спустя Хауз написал Вильсону: «Мне хотелось бы найти кого-нибудь другого вместо Полка, ибо, мне кажется, досадно было бы дезорганизовать министерство иностранных дел, чего я опасаюсь даже в том случае, если Полк покинет его на время».

Затем, 15 мая, в пост-скриптуме к письму, посвященному обсуждению лейтмотива речи на съезде партии, Хауз писал: «Какого вы мнения о Вэнсе Мак-Кормике как о замене Полка на посту председателя? Я его не знаю, но в среду увижусь с ним».

Президент согласился, что Мак-Кормик может прекрасно подойти, и предложил Хаузу продолжать выяснение дела.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 19 мая 1916 г.

«Дорогой начальник!

Сегодня Вэнс Мак-Кормик будет у меня. Я пригласил его к завтраку и обеду с тем, чтобы основательно познакомиться с ним. Позднее сообщу вам обо всем.

Фрэнк Полк, Дадли, Вулли, Ньютон Бэйкер, Даниеле, Моргентау и другие считают, что это—тот человек, который вам нужен для председателя. То, что он происходит из Пенсильвании[1] не совсем говорит против него, хотя бы потому, что он не будет вовлечен ни в какие фракционные склоки, которые, повидимому, царят в сомнительных штатах. Всякая фракция почувствует, что подобный человек может выслушать их беспристрастно...

После того как я продиктовал написанное выше, я провел некоторое время с Вэнсом Мак-Кормиком. Если только ничего не произойдет неожиданного, я думаю, что это—тот человек, который вам нужен. Он очень напоминает мне Фрэнка Полка. Это человек такого же возвышенного характера. Он, повидимому, обладает такой же выдержкой и здравым смыслом. Недолгое знакомство не позволяет мне судить о его политической проницательности, но на меня он произвел благоприятное впечатление.

Если вы заберете Полка, у вас на руках останется больной Лансинг. В этом я разделяю мнение Полка.

Надеюсь, по возможности, вы примете решение в ближайшие дни, так чтобы я мог подробно переговорить с тем, кого вы изберете, и обрисовать перед ним мой план организации кампании. Сейчас я мог бы сделать это гораздо лучше, чем потом, когда наступят подлинно горячие дни...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

---

[1] Неизменно республиканский штат.

В ответ на это письмо президент написал Хаузу, что его глубоко заинтересовала оценка Мак-Кормика, данная Хаузом в результате этого личного свидания. Он писал, что ему особенно хочется быть уверенным в достаточной агрессивности Мак-Кормика и в том, что тот не представляет тип слишком «высоколобого»[1] деятеля, нетерпимого к «более грубым элементам», с которыми, как говорил Вильсон, ему придется иметь дело.

Полковник Хауз мог дать президенту требуемые заверения и заявил, что, по его мнению, Мак-Кормик самый подходящий человек. Но сам Мак-Кормик, в молодости бывший мэром Гаррисбурга, а впоследствии ставший лидером либеральной группы пенсильванских демократов, по различным причинам откладывал свое согласие. Со скромностью, довольно необычной при таких обстоятельствах, он просил вычеркнуть его имя из списка кандидатов. Хауз продолжал свои поиски. «Я ищу нужного человека по всей стране»,—писал он 25 мая.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 30 мая 1916 г.

«Дорогой начальник!

...В течение двух дней я был занят почти исключительно поисками подходящего председателя, но почти невозможно найти человека, который удовлетворял бы требованиям.

В своих поисках я пытался исключить три R—Rum, Romanism and Rebellion[2]—и потому убедился, что даже лучший материал не годится. Если взять католика, то может возникнуть религиозный вопрос. Если взять южанина, то, возможно, придерутся именно к этому; а алкогольного вопроса следует, конечно, избежать в какой бы то ни было форме.

Я не только перебрал всю страну по штатам и районам, но прибег к помощи почти всех людей, мнение которых имеет какое-либо значение, включая даже таких людей, как Кобб из «Уорлда» и Мак-Анени из «Таймса».

Наиболее пригодным человеком показался мне генеральный стряпчий Джон В. Дэйвис, при условии, что вы не считаете Западную Виргинию расположенной слишком далеко к Югу. Кстати говоря, они больше связаны с Западом, чем с Югом.

Буду признателен, если вы сообщите мне завтра свое мнение о Дэйвисе.

На Полка, кажется мне, рассчитывать нельзя. Даже самые близкие друзья Лансинга не подозревают, насколько серьезно

---

[1] Highbrow—кличка философствующих интеллигентов, рафинированных людей; обозначает также высокомерие.—*Ред.*

[2] Rum—ром, т. е. алкоголизм; romanism—принадлежность к католической церкви; rebellion—бунт, мятеж, восстание.—*Ред.*

он болен, и отнять у него Полка значило бы нанести ему последний удар. Я говорил о Полке с Коббом, он тоже считает, что не следует забирать человека из министерства иностранных дел, чтобы использовать в личных или партийных целях. Это мнение разделяют многие.

Старомодный партийный деятель не годится. Это должен быть человек новой школы, способный смотреть в будущее и принять в игру всякого, кто захочет помочь. Насколько я знаю, ни одна национальная кампания не была организована правильно, а организованность является почти главным залогом успеха. Если мы сможем достать подходящего человека, то у нас, я думаю, будет и огранизованность, так как для умного человека это дело не сложное, если ему объяснить, как надо действовать.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Любопытно отметить, что президент Вильсон, очевидно, опасался всякого человека, неопытного в выборных маневрах, и в противоположность Хаузу готов был согласиться на «профессионала». Он сам был таким новичком в политике, что питал большое уважение к умению партийных деятелей старой школы собирать голоса. Он написал Хаузу, что если необходимо воодушевить на подвиги людей в партийных окопах, то надо избрать лидера, который хорошо бы их знал и которого они не считали бы чужаком или «высоколобым».

В своем ответе Хауз утверждал, что довериться одному из «кадровых» партийных руководителей будет означать итти на поражение. «Я не столько боюсь,—писал он,—потерять голоса рядовых членов, сколько боюсь не собрать необходимое для победы число голосов со стороны. Кадровикам податься некуда, но даже если мы их всех соберем, то все же будем в меньшинстве, и, мне кажется, нам следует больше позаботиться о том, чтобы привлечь тех, кто стоит в стороне».

Вильсон продолжал быть нерешительным почти до момента открытия демократического съезда в Сент-Луисе. 10 июня он телеграфно запрашивал полковника, не согласится ли тот взять руководство на себя, и послал Дадли Малона, чтобы уговорить Хауза. Но полковник Хауз утверждал, что его здоровье не выдержит такого напряжения. «Даже в Техасе,—писал он,—у меня всегда был кто-нибудь, кто мог меня избавить не только от мелочей, но и от вечного напряжения, связанного со встречами с малозначащими людьми, требующими интервью с председателем. Из всех оставшихся кандидатов лучше всего остановить выбор на Вэнсе Мак-Кормике».

Вильсон согласился, и Мак-Кормик на сей раз согласился, считая, что долг повелевает. Отдельные старики из национального комитета с некоторым удивлением выслушали приказание избрать

пенсильванца, и были моменты, когда требовалась вся его мягкость, чтобы предотвратить резкое расхождение между «профессионалами» и «любителями», угрожавшее расколом. Хауз писал Вильсону, что восхищен выбором. Мак-Кормик, который в качестве полузащитника и капитана первоклассной футбольной команды познал, что лучшая стратегия основана на неожиданных действиях, прекрасно подходил для проведения кампании, т. е. для обеспечения голосов прогрессистов и для сосредоточения основного усилия демократов на нескольких сомнительных штатах. Он был признанным либералом и ничем не был обязан лидерам местных организаций.

3

Уже были выработаны планы проведения двух основных пунктов программы: во-первых, линия аргументации, которой президенту и его сторонникам следует придерживаться в своих речах; во-вторых, метод определения тех районов, где можно было бы добиться максимума голосов с минимальной затратой усилий.

Что касается аргументации, то не следовало приносить никаких извинений по вопросу о внешних или внутренних делах. Вильсон должен настаивать на положительном значении своей политики нейтралитета, предназначенной защитить интересы Америки и всего мира, и выражать готовность Америки примкнуть к соглашению с остальным миром о сотрудничестве в деле сохранения мира.

Республиканцы назначали свой съезд за неделю до демократического съезда, и Хауз подозревал, что они собираются выдвинуть какое-нибудь предложение, касающееся войны и ее окончания с таким расчетом, чтобы опередить демократов. Он поделился своими подозрениями с Вильсоном. «Я настолько был в этом уверен,—писал он 3 мая,—что посоветовал ему выступить с речью до открытия республиканского съезда и изложить нашу политику так, чтобы они не могли приписать ее себе». На это, как мы видели, президент согласился, выступив 27 мая перед Лигой укрепления мира. Хауз был восхищен результатом речи. «Трудно выразить, как я доволен вашей вчерашней речью,—писал он Вильсону 28 мая;—это будет поворотным пунктом в истории». Чтобы подчеркнуть значение речи Вильсона, Хауз считал, что основные пункты выступления должны быть официально одобрены демократической партией.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 29 мая 1916 г.

«Дорогой начальник!

Не кажется ли вам, что съезду в Сент-Луисе следовало бы официально одобрить вашу речь перед Лигой укрепления мира?

Многие люди, с которыми я сегодня разговаривал, считают вашу речь настоящей демократической платформой. Некоторые заявляют, что она лишает республиканцев возможности выступить как по внешним, так и по внутренним вопросам; Тафт, Рут, Чоут и большинство республиканских лидеров вынуждены ее одобрить, благодаря их прежним высказываниям.

Я восхищен тем, как она была принята. Некоторой критики я ожидал, и вам пришлось ее выслушать, но хор одобрений придает критике тщетный и крайне пристрастный характер.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

В отношении внутренней политики было решено, что Вильсон обоснует свою программу на либеральных законах, проведения которых он добился от демократического конгресса, и подчеркнет, в какой широкой степени программа прогрессистов 1912 г. была проведена в жизнь правительством демократов. Вопрос о том, чтобы занять правильную линию на съезде и показать президента как поборника прогрессистских принципов, был тщательно обсужден.

«*3 мая 1916 г.* (Запись совещания с Вильсоном.) Мы окончательно решили, что временным председателем на съезде в Сент-Луисе будет губернатор Глинн, и мы с президентом поможем ему приготовить главную речь. Я согласился заняться составлением речи, а затем послать ее президенту для исправления».

Все же самой важной Хауз считал организационную проблему, особенно по линии выявления тех районов, которые были определенно за или против Вильсона, и тех, которые путем умело направленных усилий можно было превратить из враждебных в дружественные. «Если кампания будет организована правильно,—а так оно быть должно,—писал Хауз Вильсону 15 июня,—то мы победим. Необходимо лишь действовать правильно, ибо наша позиция более благоприятна. Эта кампания не должна вестись небрежно, и к октябрю мы должны точно знать, как обстоят ваши дела с избирателями».

«Мы с X совершили автомобильную прогулку за город,—писал Хауз 12 мая,—и завтракали в коттедже у его дочери... Этим случаем мы воспользовались, чтобы обсудить предстоящую кампанию. Тут я впервые поделился своими соображениями. Он был очень удивлен и сказал, что, повидимому, я все основательно обдумал. Мне показалось, что он недоумевал, почему я раньше не поделился с ним моими соображениями. Планом он доволен и надеется, что президент полностью его одобрит.

X поминутно себе противоречит: то он говорит, что не желает ничего другого, как послужить делу, то говорит о своих мечтах стать членом кабинета, чтобы показать стране, «как умело он сможет руководить министерством...»

Основа плана Хауза заключалась в том, чтобы, насколько это позволит избирательный фонд, разделить страну на возможно большее число отдельных участков. Чем меньше участок, тем более эффективной будет работа. В каждом участке местные работники должны отделить явных республиканцев от явных демократических избирателей. «Грубо говоря,—писал Хауз,—мы должны исходить из того, что на участке со 100 тысячами избирателей 80 процентов не переменят своих голосов, так что остается 20 процентов, на которых можно влиять». С этими 20 процентами нужно основательно поработать. «Мы должны проводить президента,—заявил Хауз Даниэлю К. Роперу, возглавлявшему организационный аппарат,—не в президенты, а в Судьи Мира. Мы должны заботиться не о диспозиции 16 или 17 миллионов избирателей, а о диспозиции избирателей в каждой данной местности».

Эта интенсивная работа в районах велась Ропером под руководством Мак-Кормика, и впоследствии Хауз заявлял, что она была проведена «эффективным образом», несмотря на то, что весь организационный аппарат был создан наспех. «Чего нам нехватает,—писал Хауз,—это партийного механизма, который использовал бы нашу организацию самым успешным образом в день выборов. Если бы не Мак-Комз, этот механизм действовал бы отлично».

С целью определить, куда следует направить главные усилия демократов, Хауз разделил на три категории те штаты, которые он считал важными. В первую категорию вошли такие штаты, как Нью-Йорк, Мэриленд, Миссури, Аризона, Уайоминг, где ввиду большого количества избирателей или относительно одинаковых возможностей кандидатов были бы оправданы добавочные усилия. Во вторую и третью категорию входили жизненно менее важные штаты, где шансы на успех были меньше и где такие же усилия, как в штатах первой категории, вероятно, дали бы меньший результат. По мере того как кампания развернется и с мест начнут поступать донесения, классификацию можно будет изменить, и активность в одних штатах может быть усилена, а в других уменьшена. Это даст возможность избежать растраты сил в тех штатах, которые определенно выскажутся либо в пользу Вильсона, либо Хюза. Но центральный организационный аппарат должен постоянно быть подробно осведомлен донесениями с мест о том, как складывается настроение в той или иной местности, и в соответствии с этим определять, где усилить или ослабить кампанию[1].

В течение лета Хауз поддерживал связь с руководителями кампании и, избегая деталей, потратил много времени на обдумывание главных направлений кампании. В июле Вильсон запрашивал в письме его мнение об общем положении дел и о его переизбрании. Хауз ответил уклончиво.

---

[1] План Хауза приведен в приложении к настоящей главе.

Письма Хауза президенту

Нью-Лондон, Нью-Хэмшир, 5 июля 1916 г.

«Дорогой начальник!

...Что касается общего политического положения, то, мне думается, еще рано что-либо предсказывать. Если выборы происходили бы сегодня, то я не сомневался бы в вашей победе. Но современные условия и проблемы настолько необычны, что трудно гадать об окончательных результатах.

Потому-то я и настаиваю на создании обширной организации в некоторых важных для нас штатах. Если мы эту организацию создадим, то будем знать, каково наше положение, а между тем оппозиция знать этого, вероятно, не будет. Если же мы ее не создадим, то до последнего момента все будет гадательно.

Одно время казалось, что наиболее важным будет «дефисный»[1] вопрос, по которому вы легко могли бы выиграть. Все же, если Германия будет продолжать свою теперешнюю политику, то настроение здесь может измениться радикальным образом. Уже сейчас я замечаю отсутствие интереса к этому вопросу. Если союзники будут энергично продолжать свою блокаду и если они оттеснят немцев обратно к их границам, то в нашей стране может появиться чувство, близкое к симпатии (к Германии). Полное изменение Германией своей позиции, как здесь, так и за границей, значительно охладило воинственный пыл в Америке.

Я полагаю, что следует установить некоторые линии наступления во время кампании и сосредоточить борьбу в этих направлениях. Если мы откроем сосредоточенный огонь, это неизбежно заставит противника перейти к обороне, а это—то, к чему мы стремимся. К счастью, все доводы на нашей стороне, но зато у них—деньги.

Результат определит простой народ, и мы должны правильно изложить перед ним все положение. Нашим боевым кличем должно быть то, что вы удержали страну от войны[2] и провели великие законодательные акты. Оппозиция будет собирать против вас все недовольные элементы. В этом заключается ее единственный шанс на успех...

---

[1] Под «дефисными» в Америке подразумеваются натурализованные немцы, ирландцы, и т. д., так как их обозначают: «германо-американец», «американо-ирландец», т. е. через знак дефис.—*Ред.*

[2] Хауз сам выдвигал план, который при известных обстоятельствах вовлек бы страну в войну, и делал он это не считаясь с политическими последствиями. Но поскольку позиция союзников не дала возможности осуществить этот план, постольку чистейшим дон-кихотством было бы не воспользоваться политическими преимуществами, вытекающими из отказа союзников.

Я здесь прекрасно поправляюсь и к 1 сентября буду готов для драки.

Сердце мое полно восхищения, благодарности и преданности к вам.

Преданный вам *Э. М. Хауз»*.

Нью-Лондон, Нью-Хэмшир, 25 июля 1916 г.

«Дорогой начальник!

...Надеюсь, что они не будут вас слишком беспокоить кампанией. Совершенно незачем надоедать вам деталями.

Вчера здесь был Ропер, и я испытывал чувство удовлетворения по поводу того, что мы впервые создали дееспособную организацию для проведения демократической кампании. Ропер, повидимому, знает свое дело и понимает, насколько оно важно. Мы условились поддерживать друг с другом тесную связь.

Я предложил координировать работу организационного аппарата, рекламного отдела[1] и бюро докладчиков. Центром должен оставаться организационный аппарат, и Ропер сможет сообщить Каммингсу[2], какого рода докладчики требуются для каждой местности, и скажет Вулли[3], какую литературу отправить. Я просил его объяснить все это Мак-Кормику и предоставить ему самому осуществить эту координацию...

Преданный вам *Э. М. Хауз»*.

Перед лицом обычного для страны в целом республиканского большинства—демократам, несмотря на их непопулярность в Северо-восточных штатах и меньший избирательный фонд, суждено было, благодаря высшей стратегии и созданию трудолюбивой организации, простым большинством одержать победу.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ПЛАН КАМПАНИИ, ВЫРАБОТАННЫЙ ХАУЗОМ 20 ИЮНЯ 1916 г.

При создании организации я бы предложил классифицировать нижеупомянутые штаты следующим образом:

Класс I. Коннектикут, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Мэрилэнд, Западная Виргиния, Индиана, Миссури, Уайоминг, Аризона и Нью-Мексико.

Класс II. Мэн, Массачусетс, Охайо, Иллинойс, Колорадо, Калифорния, Орегон и Вашингтон.

---

[1] Publicity—реклама в широком смысле слова—*Ред.*
[2] Хомер Каммингс—руководитель бюро докладчиков.
[3] Роберт Вулли—руководитель рекламного отдела.

Класс III. Род-Айлэнд, Висконсин, Мичиган, Миннезота и Айова.

Мы должны сосредоточить максимум усилий в штатах I класса, большое старание приложить в штатах II класса и несколько меньшее в штатах III класса.

В I классе числится семь штатов первостепенного значения, и эти штаты должны быть нашими. Эти штаты надо разделить на участки, в каждом не более 100 тыс. избирателей.

Путем тесного сотрудничества организаций штатов с национальной организацией отделить республиканских избирателей от демократических будет не слишком трудной задачей. Этого можно достигнуть посредством письменных запросов к местным председателям этих участков и получением от них списков всех избирателей, после чего можно будет зачислить абсолютно верных республиканцев и абсолютно верных демократов в один класс, а колеблющихся избирателей—в другой.

Независимые избиратели должны быть классифицированы в отношении расы, религии и прежней политической принадлежности. Грубо говоря, мы должны предположить, что среди 100 тысяч избирателей 80 процентов не изменят своих голосов, а на оставшиеся 20 процентов можно будет влиять.

Число участков должно зависеть от размеров нашего избирательного фонда. Если он будет невелик, то придется образовать более крупные участки; если денег будет собрано достаточно, можно будет организовать меньшие участки. Чем меньше участков, тем успешнее, разумеется, будет результат.

Всем сомнительным избирателям следует отправлять литературу и письма в запечатанных конвертах и обращаться к ним с личным призывом.

Организация этих участков должна быть единственной обязанностью одного из членов комитета по проведению кампании. Он, в свою очередь, должен назначить по одному человеку для руководства каждым участком. Обязанность такого человека—не только поддерживать связь с исполнительным комитетом штата, где расположен его участок, но также с каждым сомнительным избирателем в его участке.

Исполнительный комитет штата должен сообщить руководителю участка имена местных председателей, а также имена влиятельных граждан демократических убеждений в каждой местности и давать сведения о том, чем особенно интересуется население данной местности.

Всех влиятельных людей в этих местностях, которые разделяют взгляды президента, следует пригласить в национальный центр, где с ними должны поговорить лично председатель, член комитета, руководящий организацией, и человек, находящийся во главе того участка, к которому принадлежит посетитель.

Тонкая лесть, заключающаяся в подобных приглашениях, заставит приглашенных пустить в ход все свои силы. Кроме того, такие приглашения дают возможность руководителю организации и человеку, возглавляющему участок, лично ознакомиться с положением, чего иным способом достигнуть нельзя.

Если кампанию организовать подобным образом, то нетрудно будет после первого сентября точно знать, каково наше положение.

Руководители всех этих участков должны запросить местных демократов, какой из наших аргументов наиболее привлекателен для местного населения. Это даст нам возможность в одних случаях ослабить нажим в том или ином направлении, в других—усилить.

К концу кампании лучшим активистам-демократам в каждой местности необходимо поручить проследить за некоторыми избирателями, чтобы в день выборов они действительно голосовали. Если этого не сделать, то значительный процент голосов будет потерян либо из-за отсутствия интереса со стороны избирателей, либо из-за их желания заняться каким-нибудь другим делом.

Литературу для кампании следует рассматривать как одно целое; необходимо определить, какие вопросы будут в кампании основными. Когда эти вопросы будут определены, следует разработать подход к каждому вопросу; для этого надо поручить лучшим мастерам пера приготовить статьи, письма или речи по каждой теме. Все это должно быть коротко, красноречиво и убедительно.

Комитет не должен пользоваться услугами унылых писак и наемных политиканов, которых будут выдвигать политические деятели из разных штатов, особенно тех, которые являются определенно демократическими или республиканскими. Почти во всякой избирательной кампании организационный аппарат полон таких людей. Они приходят с рекомендациями от редакторов, сенаторов, депутатов конгресса, губернаторов и влиятельных редакторов данной местности; эти люди—обуза для организации.

Я предложил бы созывать возможно меньше заседаний комитетов. Вместо этого я совещался бы с членами организации по отдельности. Таким образом, всякий почувствует, что кампанию ведут руководитель кампании и он сам. Многолюдные заседания вызывают трения и отнимают массу времени.

Вместо того, чтобы для обсуждения разных вопросов члены организации являлись, когда им заблагорассудится, я бы назначил определенное время для каждого. С некоторыми надо видеться ежедневно, с другими—два раза в неделю, с третьими—раз в неделю. Им надо предложить записывать те вопросы, которые требуют выяснения, и позаботиться о том, чтобы обсуждение этих вопросов не выходило за пределы назначенного времени. Принятие такого плана даст возможность сэкономить бесконечно много времени и избавиться от кучи неприятностей.

Я бы предложил, чтобы на первом же заседании председатель попросил всех присутствующих помочь ему в том, чтобы дело обошлось без личных обид и каких-либо трений внутри организации; далее я бы заявил, что ко всем будет проявлено одинаково справедливое отношение; если же возникнут разногласия, обсуждать их надо откровенно и с добрыми чувствами.

Бюро докладчиков следует поставить в известность, что все речи должны быть основаны на тезисах, выработанных комитетом по проведению кампании и указанных в литературе для кампании.

Для того чтобы избежать трений или недоразумений, необходимо координировать национальную кампанию с кампанией по отдельным штатам.

ГЛАВА XII

ПЕРЕИЗБРАНИЕ ВИЛЬСОНА

«На заре начали поступать цифры с Дальнего Запада...»
Из дневника полковника Хауза, 9 ноября 1916 г.

1

В течение лета, пока разрабатывался план кампании, полковник Хауз оставался в своем уединении в лесу, ни на минуту, впрочем, не теряя связи с Мак-Кормиком и его помощниками, которые создавали организацию, определяли, какие районы требуют особого внимания, и рассылали литературу для кампании и докладчиков. Время от времени они совершали далекую поездку в Сунапи для обсуждения наиболее важных политических проблем.

Хауз часто писал Вильсону, предлагая разные темы для речей президента, который мастерски использовал эти темы в своих выступлениях. Вильсон предоставил стратегическое ведение кампании Мак-Кормику и в детали не вмешивался. Таким образом, он был идеальным кандидатом с точки зрения недостатков, обычно кандидатам свойственных, а что касается достоинств,—он выступал с рядом речей, которые многое сделали для завоевания прогрессистов. Он согласился с Хаузом, что демократы должны делать упор на либеральные принципы и использовать явное нежелание кандидата республиканцев касаться каких-либо крупных вопросов.

Письма Хауза президенту

Нью-Лондон, Нью-Хэмшир, 3 августа 1916 г.

«Дорогой начальник!

Я размышлял о том, не лучше ли было бы вам в вашей ответной речи[1] говорить почти исключительно о вопросах внешней политики.

[1] Speech of acceptance—речь, с которой кандидат в президенты обращается к съезду своей партии тотчас после того, как его кандидатура утверждена голосованием.—*Ред.*

В этой избирательной кампании затронуты далеко не только внутренние вопросы, но и вопросы международного положения, что в недостаточной мере осознает наш народ. На карту поставлена сама демократия, и результат выборов может определить ее судьбу не только у нас, но во всем мире.

Мы видим, что в Германии господствуют реакционные силы, и эти же силы пытаются господствовать в других воюющих странах. Мы видим, что те же принципы затронуты сдвигами в Мексике.

На этом вы могли бы построить свою речь, которая объединила бы либералов всего мира и заставила их смотреть на вас как на своего вождя.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Нью-Лондон, Нью-Хэмшир, 3 августа 1916 г.

«Дорогой начальник!

Как бы вы отнеслись к такой мысли: отвечать на речи Хюза, по мере того как он их произносит, чтобы ни у кого в уме не оседали распространяемые им искажения действительности?

Вы могли бы по примеру прошлого собрать журналистов и заявить им, что ваши обязанности запрещают вам говорить, но что в этот критический для США и всего мира момент вы полагаете, что не имеете права оставлять без ответа искажения и несправедливые обвинения по отношению к Америке...

Не могли бы вы сказать, что изолированное положение Хюза в Верховном суде отдалило его от текущих событий, иначе, вы уверены, он не мог сознательно допустить некоторых заявлений в своей ответной речи?[1].

Он критикует вас за то, что вы расстроили наш дипломатический аппарат вообще и в Южной Америке—в частности. Между тем, вы сохранили всех послов в Южной Америке, за исключением Аргентины, в каковом случае посол не пожелал возобновить срок своей службы.

Почему не сказать стране всю правду о Херрике?[2]. Его более года задерживали на посту по истечении установленного срока, хотя он и просил отпустить его. Хюз, очевидно, не знает, что Шарп был назначен, утвержден и находился в Париже еще до начала войны. Мне кажется, у вас есть письма от Херрика, в которых он благодарит вас за проявленную к нему чрезвычайную любезность.

Хюз, повидимому, не знает, что законопроект о сельских кредитах превратился в закон. Кому-нибудь следовало бы сообщить ему об этом. Почему бы не вам?

---

[1] На съезде республиканской партии.—*Ред.*

[2] Посол во Франции.

Он защищает Хуэрту. Не могли бы вы сказать, что он имеет полное право так действовать? (Прав ли он в своем заявлении, что Англия, Франция, Германия, Россия, Испания и Япония признали Хуэрту?.)

Он критикует дислокацию войск, посланных в Мексику. Не могли бы вы сказать, что в этом вами руководило наше армейское командование, и спросить его, стал бы он при аналогичных обстоятельствах игнорировать советы генерального штаба и действовать по собственному военному разумению?

Он также критикует приказ войскам милиции выступить к мексиканской границе. В этом случае вы опять-таки действовали по совету генерального штаба. Стал бы он в этом вопросе действовать по собственной инициативе?

Говоря о Мексике, он заявляет: «Устойчивому правительству, соответствующим образом исполняющему свои международные обязательства, мы должны оказывать неустанную поддержку». Разве есть в США такой гражданин, который с этим был бы не согласен? Озабоченной американской публике хотелось бы знать, что мог бы он предложить для того, чтобы у власти стало такое правительство, какое описывает он.

В отношении охраны американского достояния на море он заявляет, что вы «слишком довольствовались досужими рассуждениями... Совершенно ясно, что мы не сумели использовать находящиеся в нашем распоряжении средства для того, чтобы предотвратить оскорбительные действия, и в результате мы пострадали». Что предпринял бы он, если бы был президентом? Объявил бы он войну или приступил бы к переговорам, как это делали Вашингтон, Джефферсон и Линкольн при аналогичных обстоятельствах?

Четыре года назад платформа прогрессивной партии содержала много ценных предложений, которые демократическая партия не поколебалась использовать в интересах страны. При внимательном изучении республиканской платформы, принятой в Чикаго в июне, нельзя обнаружить ничего ценного, за исключением того, что демократы уже претворяют в закон.

Мне думается, что следует поздравить его с принятием вашего предложения о постоянном мире, сформулированного 27 мая в Вашингтоне. Следует поздравить его с принятием вашей идеи мобилизации наших промышленных ресурсов, вашей идеи укрепления нашей транспортной системы. И наконец, что важнее всего, вашей идеи, что Америку надо вывести на первое место...

Собирается ли Хюз отменить, или исправить наши законы, проведенные при вашем правлении? Уж не закон ли о Федеральном резервном банке, или закон о сельских кредитах? Выскажется ли он против создания торговой комиссии, или закона о панамских пошлинах, или поправки к биллю Клэйтона, по которой труд перестал считаться предметом торговли?

Не укажет ли он, какое конструктивное законодательство он будет выдвигать, если станет президентом? Наступил роковой час, и тот, кто стремится стать президентом этой великой республики, должен показать, что он не только задним умом крепок.

Если бы это было сказано кем-нибудь другим, то в газетах оно не появилось бы. Весь американский народ вы можете превратить в свою аудиторию, чего не может сделать никто другой. Демократические газеты будут нападать на Хюза умело и энергично, но об этих нападках будут читать почти исключительно демократы, в то время как то, что скажете вы, будут читать республиканцы, равно как и прогрессисты.

Так или иначе, я хотел сообщить вам свое мнение о слабых местах в его речи; вы можете по своему усмотрению использовать или отвергнуть мои соображения.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

2

Совершенно очевидно, что полковник Хауз чувствовал, что шансы демократов на успех значительно возрасли благодаря методам кампании республиканского комитета и его кандидата. 19 августа 1916 г. Хауз писал Планкетту, что кампания развивается в пользу президента.

«Хюз очень разочаровал своих сторонников, и кажется невероятным, чтобы американский народ избрал его, если он не даст ему ничего лучшего, чем тривиальные заявления, которые Хюз видимо принимает за проблемы». С самого начала республиканцы совершили ошибку, положившись на непопулярность Вильсона на Востоке, и стараясь избежать заявлений о какой-либо решительной политике. Еще до съезда республиканцев Хауз писал президенту: «У меня была копия основной речи, которую должен был произнести сенатор Гардинг, и я хотел послать ее вам, но она была настолько беззубой, что я решил, что она того не стоит».

По мере развертывания кампании, действия Хюза указывали либо на отсутствие мужества, либо на совершенно определенные инструкции со стороны руководителей кампании: никого не задевать. «Он внешне производит величественное впечатление,— несколько резко писал один из критиков,—но демократическим газетам немедленно следовало бы призвать его снять свою маску в физическом и интеллектуальном отношении, сбрить бороду, показать лицо и изложить свои мысли». Демократические газеты откликнулись на эти слова, по крайней мере в отношении требования снять интеллектуальную маску; но республиканский кандидат в своих речах ограничился критикой Вильсона и отказался заявить определенно, чтó бы он сделал или сделает.

Путем искусной и смелой кампании Хюз мог бы завоевать прогрессистов. «Когда Хюз покинул верховный суд,—пишет Уилльям Аллен Уайт, в то время восторженный прогрессист,—Запад искренно верил, что появился новый национальный лидер... Запад ожидал смелости и искренности... Они ждали, что большой человек заявит о важных делах... Но вместо того, чтобы поддержать огонь, который объединил бы партии, Хюз начал поливать водой своей критики пыл прогрессистов, который президент Вильсон смог разжечь в демократический конгресс. Прогрессисты... не обнаружили в речах Хюза ничего такого, за что можно было уцепиться зубами. О тарифах он говорил, как Марк Ханна; о промышленных делах—языком Мак-Кинли; чтобы завоевать преданность прогрессистов, Хюзу надо было убедить их. Он считал их преданность делом решенным, и потерпел неудачу... Они, естественно, повернулись к Вильсону. Он, по крайней мере, добился того, чего желали прогрессисты; не совсем того, на что они надеялись, но чего-то такого, на чем они могли строить»[1].

«Республиканцы,—писал Хауз 16 октября,—совершили ряд ошибок, главной из которых был совет Хюзу не касаться неразрешенных проблем, а стать тем, что можно назвать всенародным брюзгой. В эти критические дни народ не интересуется совершонными в прошлом ошибками. Хочет же он того, чтобы ему указали дорогу, по которой итти в будущем. Хюз от этого уклоняется, полагая, что если он нигде и никого не заденет, то обычное количество республиканских голосов в стране достаточно велико для его избрания».

Прекрасный пример действия, произведенного кампанией на прогрессистов, представляет Нью-Хэмпшир, где Джон Басс и Уинстон Черчилл организовали сильное прогрессистское движение. Среди лидеров был Джордж Рабли, известный поборник либерального законодательства в конгрессе, который, хотя не был демократом, был назначен Вильсоном в федеральную торговую комиссию. Это назначение доставило удовольствие прогрессистам всей страны и в результате привело к тому, что Нью-Хэмпшир отдал свои голоса Вильсону, тем более, что заядлые республиканцы в сенате были резко настроены против назначения Рабли.

«Послевыборная сенсация,—писал Уилльям Аллен Уайт в журнале «Колиерз»,—пришла из Нью-Хэмпшира, между тем, это было логическим результатом того, как подошла к местным делам республиканская партия и как подошел Вильсон».

«Джордж Рабли из федеральной торговой комиссии,—писал Хауз 27 октября,—был у меня, спрашивая совета, следует ли ему голосовать за президента или Хюза. Он хочет голосовать за прези-

---

[1] *Уилльям Аллен Уайт*, Вудро Вильсон, Изд. Хоутон Миффлин и К° стр. 316.

дента, потому что, по его словам, Хюз превратил его в вильсоновского человека, но он считает, что впоследствии, если президент снова захочет утвердить его в прежней должности в качестве республиканца, то создастся неловкое положение. Рабли голосует в Нью-Хэмпшире, и я посоветовал ему заглушить голос совести и голосовать за Хюза».

Республиканские лидеры были ответственны за то, что впоследствии оказалось дорого стоящей и абсолютно бесцельной ошибкой, заключавшейся в том, что они устроили для Хюза ряд широко задуманных агитационных поездок, главным образом—отправку на Запад «Золотого экспресса», принесшего много голосов... Вильсону. Они совершили ошибку, сперва отправив Хюза в Калифорнию, а затем отказавшись сотрудничать со сторонниками Хайрама Джонсона, в результате чего прогрессисты решили подать свои голоса против Хюза и в конечном счете включили штат в вильсоновский список. Это было переломной точкой в избирательной кампании. После выборов Хауз рассуждал с членом комитета республиканской кампании X о стратегии республиканских лидеров.

«Я выразил сожаление,—писал Хауз,—что финансы демократического комитета находились в таком положении, что мы не могли позволить себе оплатить некоторые мероприятия, проведенные республиканцами в ходе кампании. Я полагал, что долг чести заставляет нас оплатить, например, расходы по отправке на Запад «Золотого экспресса», кроме того, было бы по меньшей мере справедливо, чтобы мы возместили расходы по поездке м-ра Хюза в Калифорнию.

«X признал, что с нас причитается получить за обе эти затеи, и заявил, что к этому счету можно прибавить кое-какие другие статьи. Он считал, что вся их кампания была проведена отвратительно... Он сказал, что Хюз был упрям и не желал принимать советов от таких людей, как Маррэй Крэйн, которые только и могли давать советы. Я настойчиво отказывался выслушивать критику действий Уилкокса или Хюза, ибо чувство благодарности мне этого не позволяло».

Впоследствии, в связи с просьбой одного видного республиканца о свидании с Вильсоном, Хауз писал президенту: «Я надеюсь, что вы сможете уделить ему несколько минут, ибо никто не оказал нам столько ценной помощи во время кампании, как он... входя в республиканский комитет».

Ошибки республиканцев еще более усугубились отчетливым расхождением между позицией их кандидата и позицией прогрессистских лидеров не только по внутренним, но и по внешним вопросам. Никто не сомневался в позиции Рузвельта по отношению к Германии и союзникам; он утверждал, что если бы он был президентом, то принял бы решительные меры против Берлина. Хюзу приказали избегать этого вопроса; когда же его спросили, что бы

он предпринял после потопления «Лузитании», то, как заметил один остряк, «он откашлялся». Демократы всячески привлекали внимание к нерешительности и уклончивости Хюза.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 5 октября 1916 г.

«Дорогой начальник!

...Журналисты рассказывали мне, что Хюз становится все более раздражительным и что это вызвано главным образом речами Рузвельта. Не следует ли взять некоторые наиболее резкие высказывания Рузвельта и высказать предположение, что он отображает точку зрения Хюза? Это углубило бы раскол...

Если это сделать, то Хюз будет вынужден либо согласиться с тем, что Т. Р.[1] говорит об иностранных делах, либо дезавуировать эти заявления...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Полковника Хауза, видимо, не беспокоили нападки американских немцев на президента. 3 октября после совещания с Бернсторфом о внешних проблемах, он записал:

«Мы коснулись одного из самых щекотливых вопросов выборов. Он спросил, как обстоят наши дела. Я ответил, что хорошо и меня не удивит, если президент будет переизбран подавляющим большинством. Он засмеялся и сказал, что абсолютно невозможно оказать какое-либо влияние на неистовых американо-немецких избирателей; они в большей степени германофилы, чем сами немцы; спорить с ними бесполезно: они проникнуты мыслью о том, что президент заклеймил их как нелойяльных, и отомстят, голосуя за Хюза. Бернсторф сказал, что ему подстраивали много ловушек, выспрашивая его мнение о выборах, но ни с кем, кроме меня, он этого вопроса не касался. Я ответил, что так или иначе все немцы—республиканцы и их голосование против президента нас не беспокоит.

3

Уверенный в завоевании Вильсоном многих избирателей-прогрессистов и в том, что дружная организация демократов вместе с ошибками республиканцев приведет к переизбранию президента, Хауз, тем не менее, знал, что борьба будет упорной. Стратегия кампании основывалась на бесполезности попыток завоевать Северо-восток. За исключением Охайо и Мэрилэнда, в которых Хауз был уверен, и Нью-Йорка, Нью-Хэмшира и Индианы, которые оставались под сомнением, казалось вероятным, что Вильсон про-

---

[1] Теодор Рузвельт.—*Ред.*

играет повсюду на восток от Миссисипи и к северу от Охайо. Еще ни разу не бывало, чтобы демократический кандидат за исключением Мэдисона и Бьюкенена победил на президентских выборах без Нью-Йорка. В демократической штаб-квартире встревожились. Принимая во внимание упорную борьбу, 45 избирательных голосов Нью-Йорка, повидимому, играли решающую роль. Многое зависело от Таммани[1].

«К завтраку приехал Вэнс Мак-Кормик,—писал Хауз 30 сентября,—а позднее к нам присоединились Моргентау и Том Чэдборн, и мы обсуждали различные стороны кампании. Мы не доверяем Таммани, поэтому возникает вопрос, объявлять ли их бунтовщиками сейчас или подождать еще немного, чтобы проверить, намереваются ли они «бросить нас».

Письма Хауза президенту

Нью-Йорк, 30 сентября 1916 г.

«Дорогой начальник!

Ропер заявил мне, что сегодня мы должны выиграть в Индиане 5 процентами голосов. Он разослал новые анкеты для того, чтобы узнать результаты восьмичасового закона. Эти анкеты поступят и будут подсчитаны не ранее конца будущей недели. Он не знает, увеличит это или уменьшит наш процент[2].

Главная наша забота сейчас, как и всегда, заключена здесь, в Нью-Йорке. Мы с Мак-Кормиком только что вели долгую беседу по этому вопросу.

Если Таммани будет вести честную игру, то этот штат будет за нами; иначе, при том положении, какое сложилось сейчас, мы его потеряем. Мнения всех наших друзей разделяются относительно того, будут ли они действовать за или против нас, но все эти мнения, мне кажется, не представляют никакой цены. Сейчас мы осторожно нащупываем путь, надеясь, что скоро они очистят себя от всяких подозрений.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

P. S. Ваша телеграмма О'Лири—лучшее, что вами сделано до сих пор в кампании, и принесет больше пользы, чем вы думаете[3].

---

[1] Таммани-Холл—знаменитый своими грязными махинациями центр демократической партии в Нью-Йорке.—*Ред.*

[2] При окончательном подсчете республиканцы в Индиане проиграли из-за разницы в один проц. голосов.

[3] Некий антибританский агитатор Иеремия О'Лири прислал Вильсону письмо, которое обе стороны признали оскорбительным. Президент ответил на это письмо: «Я почувствовал бы себя глубоко уязвленным, если бы вы и вам подобные голосовали за меня. Так как вы имеете доступ ко многим нелойяльным американцам, а я нет, то прошу вас передать им это обращение».

Нью-Йорк, 23 октября 1916 г.

«Дорогой начальник!

Посылаю вам еще один отчет, который мы с Ропером только что просмотрели.

Вы заметите, какой малый просвет между нами и республиканцами во всех штатах, которые мы собираемся завоевать. Вы также заметите, насколько усилился приток за последние 30 дней...

Рад сообщить вам, что Таммани, повидимому, развертывает свою работу во-всю. Теперь я почти не сомневаюсь, что они приложат все силы, чтобы дать нам здесь возможно большее количество голосов.

Мак-Кэйб из Олбани, с которым я поддерживаю тесную связь, заявляет мне, что течение в вашу пользу в его графстве с каждым днем становится все более явным.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Нью-Йорк, 27 октября 1916 г.

«Дорогой начальник!

Я считаю чрезвычайно важным, чтобы вторник и среду вы посвятили главному штату.

Дело обстоит так: результаты выборов могут оказаться против нас, если мы потеряем Нью-Йорк, а завоевать Нью-Йорк мы сможем только в том случае, если будем продолжать разжигать интерес избирателей. Ваше пребывание в штате в течение этих двух дней и прибытие в город в четверг, по всей вероятности, создаст настроение в нашу пользу...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Посещение Вильсоном Нью-Йорка, о котором упоминает Хауз, вылилось в наиболее яркий эпизод кампании, хотя и не оказало влияния на исход выборов. Это посещение было задумано для того, чтобы поднять волну энтузиазма в пользу президента, что было крайне необходимо ввиду умеренной позиции магнатов Таммани. Вильсон, раздраженный враждебным отношением метрополии, прибыл с неохотой, но в своих публичных выступлениях сохранил любезный тон.

«Приходили ко мне Хэррис из комитета штата и сенатор Уэгонер,—писал Хауз 11 октября,—и просили устроить так, чтобы собрание в Мэдисон-сквер гарден, назначенное Таммани-Холлом на 2 ноября, превратилось в митинг, на котором выступит президент. Я посоветовал пересмотреть и изменить всю программу с тем, чтобы превратить его из политического митинга в непартийную встречу президента с Нью-Йорком с целью дать возможность народу проявить свои чувства благодарности...»

«*1 ноября 1916 г.* Сегодня вечером были даны окончательные инструкции, касающиеся собрания в Мэдисон-сквер гарден. Я надеюсь, что все выйдет согласно задуманному плану, хотя есть опасность, что пойдет не так, ибо многое зависит от счастья, события должны развиваться как бы сами собой, между тем они задуманы наперед. Передовая колонна, например, должна быть на углу 34 улицы и Пятой авеню в 8 ч. 30 м. Без двадцати девять президент должен выйти из отеля Уолдорф и двинуться по направлению к Мэдисон-сквер гарден, остановившись на 10 минут на углу 34-й улицы и Мэдисон-авеню, чтобы ответить на приветствия толпы и произвести смотр проходящему шествию. Без пятнадцати девять Глинн должен начать свою речь в Мэдисон-сквер гарден с расчетом на пятиминутную овацию. Речь должна занять десять минут, и президент должен взойти на трибуну в тот момент, когда она кончится для того, чтобы встретить приветствия, которые будут продолжаться бог знает сколько времени. Соль в том, чтобы овации, следующие за речью Глинна, не прекращались»[1].

«*2 ноября 1916 г.* Сегодня все прошло согласно программе. Президент приехал ровно в 9 часов. Его встретили Мак-Кормик и я и отправились с ним на «Мэйфлауер»[2], стоящий на якоре на Ист-ривер. Мы говорили с ним полтора часа, и я давно не препирался с ним с такой резкостью. Ему не нравилась нью-йоркская программа, ему не нравилось то, что республиканцы тратили деньги, чтобы нанести ему поражение, что видно было по объявлению о сборе средств, занявшему целую страницу в утренних газетах. В то время как нам было уделено полторы колонки, республиканцам уделили 16. Он считал, что Нью-Йорк „прогнил до основания", и его следует стереть с лица земли.

Я выступил в защиту демократических газет, печатавших республиканские объявления; Мак-Кормик меня поддержал. Я полагал, что для нас гораздо выгоднее проникнуть в республиканскую печать подобным же образом, чем вообще в нее не проникать. Я также выступил в защиту Нью-Йорка, сказав президенту, что здесь у него столько же друзей, сколько в любой части страны, хотя бы они и не принадлежали к состоятельным людям. Он сказал, что мы с Мак-Кормиком оба страдаем «нью-йоркитисом», и что всю кампанию следовало начинать из другого места. Он был абсолютно уверен в исходе выборов и без Нью-Йорка.

Президент считал, что организация дела ничего не значит и что решение подобных вопросов зависит от самого народа. Если бы он занимался политикой столько же, сколько я, и знал бы ее

---

[1] Программа была прекрасно соблюдена, и президент появился на трибуне в тот момент, когда губернатор Глинн кончил свою речь.

[2] «Мэйфлауер»—знаменитое судно, на котором в Америку прибыли первые европейские поселенцы, «отцы пилигримы».—*Ред.*

с точки зрения рядового работника, а не с точки зрения кандидата в президенты, то понял бы, как легко повернуть голоса штата в любом направлении. Послушать его, так можно было подумать, что человек с улицы так же, как он, понимает теорию и философию государственной власти и действует из тех же побуждений.

Сегодня вечером я отправился в Мэдисон-сквер гарден, чтобы взглянуть на размеры толпы и удостовериться, правильно ли мы рассчитывали на большую аудиторию. Затем я прошел вверх по Пятой авеню до угла 34-й улицы, чтобы посмотреть, происходит ли все согласно намеченному плану. Приятно было убедиться, что все идет с максимальной точностью, какую можно было ожидать при данных обстоятельствах. После того как президент проехал вниз по Пятой авеню, я вернулся к Мэдисон-сквер гарден и нашел его битком набитым, равно как и все прилегающие улицы. Я зашел лишь для того, чтобы услышать приветственный гул, и убедился, что все развертывается согласно плану, а затем отправился домой. Все газеты пишут, что это была крупнейшая демонстрация, когда-либо устроенная в городе Нью-Йорке в честь президента или кандидата в президенты».

4

Но искусственная «стихийность» собрания не обязательно означала голоса, и Хауз, очевидно, опасался, что на Нью-Йорк рассчитывать нельзя. Как оказалось впоследствии, в штате победил Хюз[1]. Шансов на победу без Нью-Йорка, казалось, было немного, и полковник вполне сознавал серьезность положения. 2 ноября он передал президенту список штатов, на которые, по его мнению, можно было твердо рассчитывать. Сюда входил крепкий Юг, ряд пограничных штатов и некоторые разбросанные штаты[2]. Соображения Хауза оказались абсолютно точными, обеспечив Вильсону 230 избирательных голосов. Для того чтобы быть избранным, требовалось 266 голосов, следовательно, надо было найти 36 голосов в сомнительных штатах.

«Странно составлять такой список,—писал Хауз,—демократу, хоть сколько-нибудь рассчитывающему на успех. Насколько я знаю, никогда еще в истории США ни один президент не был избран той или другой партией без Коннектикута, Нью-Йорка, Нью-Джерси, Индианы или Иллинойса. Всегда необходимы были некоторые из этих штатов, между тем, в моем списке нет ни единого. Кроме того, штаты моего списка были очень разбросаны, поэтому самый список казался бесцельным. Конечно, он был основан на определенных цифрах».

[1] Большинством около 7 процентов.
[2] См. приложение к настоящей главе.

Хауз был убежден, что недостававшие президенту 36 голосов будут получены, но если будут потеряны Нью-Йорк и Индиана, то угроза поражения становилась реальной. По своей привычке заглядывать вперед в ожидании возможных неприятностей он раздумывал о том, какое положение может создаться. Кризис во внешних делах был острым. Если будет избран Хюз, то в течение 16 недель, от ноября до марта, президент, хотя и отвергнутый страной, оставался бы у власти. Здравый смысл и благоразумие требовали, чтобы в подобном случае республиканцы немедленно приняли власть и ответственность. Хауз вспомнил параграф конституции, гласящий, что в случае, если посты президента и вице-президента окажутся вакантными, преемником президента должен стать министр иностранных дел.

Если бы вслед за его избранием назначить Хюза министром иностранных дел, можно было бы немедленно открыть для него путь к президентству посредством отречения президента и вице-президента.

«Вчера мне пришло на ум,—писал Хауз 19 октября,—посоветовать президенту, в случае его поражения, попросить Маршалла и Лансинга подать в отставку, а затем назначить министром иностранных дел Хюза. Затем ему следовало бы подать в отставку самому, оставив Хюза президентом США. Времена слишком критические, чтобы допустить четырехмесячный перерыв между выборами и вступлением в должность нового президента. Если подводная война возобновится, то президент не пожелает предпринять никаких действий, которые затруднят положение нового правительства. Немедленно предоставить управление государством Хюзу было бы мужественным, патриотичным и правильным поступком. В этом проявляется дефект нашей государственной системы, а в такие времена ее отрицательные качества (как я указывал в книге «Филипп Дрю») составляют источник слабости».

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 20 октября 1916 г.

«Дорогой начальник!

...Если, не дай бог, будет избран Хюз, как бы вы отнеслись к мысли о том, чтобы просить Лансинга и Маршалла подать в отставку, назначить Хюза министром иностранных дел, а затем самому уйти в отставку? Это было бы патриотичным поступком...

...Подобный шаг спас бы положение от опасности и затруднений...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

«*20 октября 1916 г.* У меня обедал Грегори, затем мы отправились в театр. Я сказал ему о моем совете президенту... Грегори

был ошеломлен и молчал целых пять минут. Потом он безоговорочно одобрил мой план...»

«*27 октября 1916 г.* Я сказал Полку о своем совете президенту... Повидимому, это произвело на него такое же глубокое впечатление, как на Грегори. Он считает, что если бы еще до выборов стало известно, что президент подаст в отставку в случае поражения, то на страну это произвело бы хорошее впечатление. Я сказал ему, что не мог советовать включить такой неожиданный пункт в программу кампании, когда все обстояло для нас благополучно...»

«*3 ноября 1916 г.* Я говорил Лансингу о моем совете президенту сложить с себя власть в случае избрания Хюза с тем, чтобы дать возможность Хюзу немедленно стать президентом. Вначале Лансинг был в некотором замешательстве, но опомнился и в конце концов выразил согласие. Он сказал, что его очень тревожила мысль о перерыве между 7 ноября и 4 марта в случае поражения президента, но если президент последует моему совету, то путь сразу же будет расчищен.

Я высказал предположение, что согласно моему плану Хюз должен будет снова назначить Лансинга министром иностранных дел, а затем, не торопясь, приступить к смещениям и к образованию нового кабинета...»

В то время Вильсон не ответил на предложение Хауза, но после выборов полковник Хауз вернулся к этому вопросу.

«*19 ноября 1916 г.* Я прямо задал ему вопрос, решился ли он до выборов последовать моему предложению относительно ухода в отставку. Он ответил, что твердо решил так поступить, что это полностью соответствовало его взглядам, о чем он предусмотрительно написал до выборов Лансингу, чтобы обезопасить себя на случай, если его будут обвинять в поспешном поступке, совершонном в припадке раздражения. Я спросил, как скоро подал бы он в отставку, он ответил: «Немедленно». Под словом «немедленно», он подразумевал момент, когда окончательно выяснятся результаты выборов.

В тревожные часы, во вторник вечером 7 ноября, президента и м-сс Вильсон, равно как и меня, повидимому, ободряла мысль о драматической развязке, которую мы задумали на случай поражения».

На самом же деле Хауз ни минуты не терял надежды на успех, и его не беспокоил тот факт, что заключаемые в Нью-Йорке пари говорили в пользу Хюза.

«Бой был упорным,—писал он впоследствии Планкетту,—но я ни на минуту не терял уверенности. Мы были хорошо организованы и знали, на что можем надеяться». В последние, решающие моменты борьбы Вильсон оставался философски настроенным.

«Президент,—писал Хауз,—доверил все в наши руки и не написал и не вымолвил ни слова совета, хотя вся его судьба поставлена на карту. Повидимому, он был уверен, что сделано все для защиты его интересов, и на этом успокоился. По его поручению

канцелярия Белого Дома несколько раз спрашивала меня по телефону, как обстоят дела и каково мое мнение о результатах».

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 4 ноября 1916 г.

«Дорогой начальник!

Я произвел последний осмотр поля битвы и не могу вывести другого заключения, кроме того, что мы победим. Завтрашняя анкета газеты «Геральд» укажет на ваше избрание, но их распределение голосов не сходится с нашим. Наши цифры, по-моему, несравненно точнее. Мы впервые с достаточной определенностью заранее знаем окончательный результат.

Трудно передать вам, насколько удовлетворительно велась кампания от начала до конца. Начиная с Мак-Кормика и кончая самым мелким сотрудником, повсюду чувствовалась общность целей, все шло без каких-либо пререканий, упреков и т. п.

Вулли, Ропер, Уоллэс и ряд других провели поистине блестящую работу. Гордон рассказывает мне, что он часто находил их за работой в предрассветные часы.

Я вполне уверен в исходе.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

5

Ни одно спортивное состязание не изобиловало таким множеством острых и возбуждающих моментов, как те часы, когда со всех сторон стали поступать сведения о результатах выборов 7 ноября. К вечеру стало очевидным, что в Восточных штатах Хюз победил большинством настолько значительным, что «Таймс» предсказывал победу республиканцам. Утром 8 ноября даже газеты, поддерживавшие Вильсона, были почти уверены в избрании Хюза, чем они привели в немалое смущение передовиков своих вечерних изданий. Ибо, по мере поступления сводок с Запада, начали появляться сомнения. В 12 ч. дня стало ясно, что Вильсон одерживает успех в штатах, обычно республиканских. Записка от редактора «Лайф» отражает атмосферу напряженного ожидания.

Записка Мартина Хаузу

8 ноября 1916 г., 12 ч. дня.

«Погребальный венок, заказанный для полковника Хауза, м-р Мартин держит наготове до тех пор, пока не будет знать о результатах происходящей процедуры оживления трупа.

Тем временем он просит полковника Хауза не чувствовать себя забытым».

Западные штаты, в которых демократы сосредоточили свои усилия, один за другим становились на сторону Вильсона, и к утру

9 ноября стало ясно, что нужные добавочные 36 избирательных голосов, на которые Хауз рассчитывал, по всей вероятности будут обеспечены. Миннезота и Калифорния оставались под сомнением. В обоих штатах голоса складывались поровну; если Вильсон победит в одном из них,—победа за ним. 11-го сводки из Калифорнии окончательно показали небольшое большинство в пользу Вильсона. Он получил 277 избирательных голосов, а Хюз 254.

«День выборов,—писал Хауз 9 ноября,—проходил относительно спокойно до 4 часов пополудни, когда начали поступать первые сообщения... Послеобеденные результаты были довольно благоприятны для президента, так как в большинстве они шли из Канзаса, где каким-то странным образом голоса подсчитывались с той же быстротой, с какой они регистрировались. Затем наступил потоп. К 7 часам стало ясно, что Нью-Йорк определенно против нас. Еще позднее Массачусетс, Коннектикут, Нью-Джерси, Иллинойс, Висконсин и Индиана казались для нас потерянными. Был момент, когда говорили, что под угрозой находится Охайо.

Руководители кампании приготовили в отеле Балтимор пышный банкет, на который я был приглашен, но пойти отказался. Хотя я и не ожидал поражения, но не желал присутствовать на таком сборище, не зная, победил ли президент. На банкете были Мак-Аду, Лансинг, Лэйн, Мак-Кормик и т. д. и т. п. Потом все они говорили, что история еще не знала более зловещего развлечения.

«Юнайтед пресс», «Ассошиэйтед пресс» и разные конторы газет все время поддерживали со мной тесную связь, равно как и отдаленные города во всей стране. Когда, казалось, все было потеряно, Грегори, оставшийся со мной на вечер, сказал, что не мешало бы ознакомиться с вопросом об отречении президента. Грегори не был уверен в некоторых пунктах закона, и ему казалось, как начало казаться и мне, что поражение президента неминуемо; мы отправились в ассоциацию адвокатов прочесть интересующие нас параграфы федерального закона. Мы установили, что для того, чтобы Хюз мог быть утвержден министром иностранных дел, затем занять пост президента, президент должен созвать сессию сената. Потом мы решили, за сколько времени до установления даты собрания следует предупредить сенат.

Грегори распростился и ушел к себе в гостиницу в твердой уверенности, что мы потерпели поражение.

Я не покинул корабля по той причине, что штат за штатом подтверждал правильность списка, данного мною президенту. В четверг, когда он был здесь, я сказал ему, что, по-моему, он победит в штатах, список которых я здесь привожу[1]. Для абсолютного большинства нехватает 86 голосов.

Я и в самом деле надеялся, что мы победим во многих потерян-

[1] См. Приложение к настоящей главе.

ных для нас штатах, но я никогда не был в них уверен, а между тем мы не потеряли ни одного штата, включенного в список верных. Все это наполняет меня известным чувством гордости. Президент относился скептически к значению организации. Хотел бы я знать, продолжает ли он разделять это чувство теперь, так как, не будь организации, мы не могли бы предвидеть результаты и не смогли бы завоевать нужные штаты, ибо, вероятно, раздробили бы наши силы и потеряли все.

Казалось ясным, что если нам суждено победить, то победу принесут голоса Дальнего Запада, но о тамошних результатах здесь станет известно только рано утром. Поэтому я отправился спать в 11 час., оставив Гордона и Джанет в кабинете принимать сводки, что они и делали до 3 час. утра. В 5 часов, все еще находясь в постели, но с телефоном у изголовья, я снова включился в игру. На заре с Дальнего Запада начали поступать благоприятные для нас цифры, и стало очевидным, что оба кандидата идут голова в голову. Я немедленно соединился с главной квартирой, где всю ночь дежурила группа людей, и посоветовал им разослать телеграммы председателям комитетов графств всех сомнительных штатов, предложив им быть настороже и не обращать внимания на сообщения печати об избрании Хюза. Я позвонил в «Уорлд» и в другие газеты, а также в «Юнайтед пресс» и просил, насколько это возможно, исправить вред, нанесенный утренними газетами, предсказавшими победу Хюзу. Я опасался, что если этого не сделать, то все перепутается: штаты Запада, в которых мы победили с незначительным большинством, будут оставлены без внимания, и у нас смогут вырвать победу.

В главной квартире я наткнулся на пеструю толпу людей... Бессонная ночь и постоянная смена надежды и отчаяния оказались для них слишком сильным потрясением. Среди них не было ни одного из стариков, кроме Хью Уоллэса, который был спокоен.

Я попросил генерального прокурора остаться до вечера и все время совещался с ним о необходимых мерах охраны избирательных урн в штатах, где голоса еще подсчитывались и результат оставался невыясненным.

Мне кажется, я могу открыто заявить, что ни минуты не волновался. Иначе я бы не выдержал напряжения. Дело не в том, что я был абсолютно уверен в результатах, но я никогда не позволяю себе волноваться из-за вопросов, которые я бессилен решить».

«*12 ноября 1916 г.* Почти вся пятница, суббота и сегодня были заняты тем, что ко мне приходили партийные лидеры и рассказывали, как они все сделали... Они хорошие ребята, лучше всех, кого я знавал в периоды политических кампаний: честные, способные и умные, они заслуживают большой похвалы. Но желание говорить все же представляет, повидимому, страсть, которая у некоторых людей превращается в порок...»

Итак, Вильсону было предоставлено еще четыре года власти. Со времен Эндрю Джэксона он был первым демократическим президентом, который наследовал сам себе. Таким образом, ему была обеспечена позиция мирового значения, которую можно было использовать для того, чтобы подвинуть вперед принципы новой организации народов. С начала 1916 г. создание этой организации стало целью Вильсона. Он обещал стране не вовлекать ее в войну, если это допустят американская честь и безопасность. Он также предупредил страну, что может создаться такое положение, при котором сохранить мир будет невозможно. Он заявил самым определенным образом, что для Америки наступило время играть активную роль в установлении и поддержании всеобщего мира. События ближайших недель скоро показали, что именно предвещали эти заявления.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ XII

Список «верных» вильсоновских штатов, представленный Хаузом Вильсону 2 ноября 1916 г.		Другие штаты, где в конечном счете победил Вильсон	
Алабама	12	Калифорния	13
Арканзас	9	Айдахо	4
Аризона	3	Канзас	10
Колорадо	6	Нью-Хэмшир	4
Флорида	6	Нью-Мексико	3
Георгия	14	Северная Дакота	5
Кентукки	13	Юта	4
Луизиана	10	Западная Вирджиния (голоса разделились)	1
Мэрилэнд	8	Уайоминг	3
Миссисипи	10		47
Миссури	18		
Охайо	24		
Северная Каролина	12		
Оклахома	10		
Южная Каролина	9		
Теннесси	12		
Техас	20		
Вирджиния	12		
Вашингтон	7		
Монтана	4		
Небраска	8		
Невада	3	«Верные» штаты Хауза	230
	230	Вильсоновское большинство	277
Недостающие для избрания голоса	36		
Необходимое большинство	266		

ГЛАВА XIII

ГАЗЕТНОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО

«Мы совершенно не доверяем добронамеренности германского правительства».

Из письма Брайса Хаузу, 27 декабря 1916 г.

1

Еще не прекратилось поступление сведений об окончательном исходе выборов в Калифорнии, которые несли достигнутую с таким трудом победу, как мысли президента вновь повернулись к Европе. Учащались признаки того, что затишье в отношениях с Германией, наступившее вслед за урегулированием инцидента с «Суссексом», не могло долго продолжаться. Донесения американского посольства в Берлине настойчиво говорили о том, что на германское правительство оказывается давление, чтобы оно нарушило свое обязательство и возобновило беспощадную подводную войну. 17 октября американский поверенный в делах в отсутствии Джерарда, Джозеф Грю, писал Хаузу: «Наше правительство, следовательно, должно быть полностью подготовлено к возможному возобновлению неограниченной подводной войны против торговли в нарушение прав нейтральных стран на морях». Как мы знаем, Хауз к тому времени уже получил от Бернсторфа прямое указание, что если Вильсон не сделает какого-нибудь шага в пользу мира, то Германия примет те меры, которые по ее расчетам легче всего смогут сломить сопротивление союзников.

14 октября полковник писал Грэю:

«В Германии, среди военных и морских кругов, как и среди народа вообще, существует сильное убеждение, что если они будут продолжать неограниченную подводную войну, то Англия сможет быть изолирована. Германское правительство в своем теперешнем составе настроено против этой политики, но можно сомневаться, долго ли ему еще удастся плыть против течения».

Переписка графа фон Бернсторфа с Берлином, опубликованная после войны, доказывает правильность сведений Хауза. Военные руководители заявляли, что Германия начинает чувствовать последствия блокады и не сможет бесконечно долго держаться в условиях наступившего на фронте ничейного положения. Войне надо положить конец. Если Вильсон сможет этого добиться путем переговоров, как надеялись канцлер и Берносторф,—тем лучше. Но если Антанта не согласится на переговоры, основанные на германских условиях, то Англия должна быть изолирована путем неограниченного использования подводных лодок, и тогда страны Антанты вынуждены будут уступить. Предупреждение Бернсторфа о том, что такой шаг приведет к американскому выступлению на стороне Франции и Англии, не произвело особого впечатления на руководителей германского флота и армии. Они обещали, что подводные лодки задушат англичан задолго до того, как Америка сможет оказать эффективную помощь.

Таким образом, в течение всей избирательной кампании Вильсон находился под угрозой нового кризиса отношений с Германией, который в любой момент мог привести к войне. Принимая во внимание щекотливое положение, немалая доля иронии заключалась в плакатах демократов: «Он не дал вовлечь нас в войну». Некоторые намеки на опасность можно было обнаружить в публичных выступлениях Вильсона, но он не переставал настаивать как открыто, так и частным образом, что не допустит войны до тех пор, пока не исчерпает все мирные способы, совместимые с национальной честью.

У президента и полковника Хауза не было общего мнения о том, каким образом США должны встретить опасность. Вильсон считал, что наиболее простым и эффективным шагом было бы открытое требование американского правительства прекратить войну ради нужд и блага человечества. Он был уверен, что подобное требование, поддержанное моральным влиянием США, привело бы к переговорам. Он не видел другого способа, который мог бы предотвратить вступление США в войну, и, повидимому, в тот момент готов был одобрить ничейный исход. Полученный им прошлой весной отказ на предложение об оказании помощи, повидимому, убедил его, что военные цели союзников были так же корыстны, как цели Германии.

Хауз противился всякой попытке посредничества, сделанной без одобрения союзников[1]. Он опасался того, что это даст Германии

---

[1] «Как мы отметили,—писал Хауз 6 апреля 1925 г. автору,—я старался удержать Вильсона от его угрозы вмешательства без согласия союзников». Хауз полагал, что ввиду нашей военной неготовности посредничество без согласия той или иной стороны не могло завершиться успехом; осенью 1916 г. представлялась возможность получить согласие немцев, но только на условиях, которые означали бы германскую победу. Отсюда он заключил, что

возможность заявить, что она готова к миру, но союзники стремятся к завоеваниям; тем самым Германия до некоторой степени оправдала бы возобновление подводной войны под предлогом самозащиты. Так как союзники отказались от американского предложения о помощи, то делать было нечего, ибо всякое предложение о посредничестве было бы для них оскорбительно и лишь помогло бы Германии занять выгодную дипломатическую позицию. Хауз всегда относился с недоверием к германским предложениям о мире, так как был убежден, что германские лидеры не отказались от своей надежды владычествовать над континентом[1].

«*20 октября 1916 г.* Приходил ко мне посол Джерард,—писал полковник Хауз;—я показал ему меморандум, присланный мне графом фон Бернсторфом... Я того мнения, что Бернсторф и германское правительство «разыграли» нас с целью избавиться от Джерарда. Вспомним слова, сказанные мне Бернсторфом в Сунапи, что его правительство желало неофициально передать нам свое убеждение в том, что отозвание Джерарда на некоторое время для проведения отпуска будет в интересах обеих стран. В действительности это нужно было им для того, чтобы усилить свои маневры относительно мира».

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 6 ноября 1916 г.

«Дорогой начальник!

...В свободное время я внимательно следил за европейским положением, и я располагаю неоспоримыми доказательствами того, что Германия еще не готова согласиться на такие условия мира, которые наша страна могла бы рекомендовать союзникам. Они встречают с насмешкой такие предложения, как создание лиги укрепления мира, и считают, как считали до сих пор, что для укрепления мира нужны обширные вооружения...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Но Вильсон не делал такого различия, как Хауз, между Германией и союзниками, и потопление 28 октября парохода «Марина» только усилило его тревогу по поводу надвигавшейся войны с Гер-

---

для того, чтобы быть посредником в установлении мира, абсолютно необходимо согласие союзников. Если бы мы были соответствующим образом подготовлены, то вмешательство могло быть возможным. «Президент Вильсон,—продолжал Хауз,—повидимому, не понимал разницы между наличием большого военного аппарата и отсутствием какой бы то ни было готовности вообще. Следовательно... я считаю, что величайшая наша ошибка заключалась в том, что мы были не в состоянии вмешаться вопреки союзническим или германским протестам».

[1] Это подозрение было подтверждено мирными условиями, сформулированными Германией в конце года.

манией. Гибель «Марины» произошла при подозрительных обстоятельствах, свидетельствовавших о том, что обязательство, данное после случая с «Суссексом», нарушено. Как только выяснилось, что он переизбран, Вильсон вызвал Хауза в Вашингтон, чтобы обсудить его план посредничества.

«*14 ноября 1916 г.* Сегодня утром я выехал из Нью-Йорка, — писал полковник Хауз, — и в шесть часов прибыл в Белый Дом. Президент тотчас же пришел в мою комнату, и мы долго совещались. Мы сразу же приступили к обсуждению вопроса, по поводу которого он вызвал меня в Вашингтон.

Президент хочет отправить воюющим странам ноту с требованием прекращения войны и спрашивает моего мнения. Он считает, что если мы не сделаем этого сейчас, то неизбежно будем вовлечены в войну с Германией из-за вопроса о подводных лодках; Германия уже нарушила свое обязательство от 4 мая, и для того, чтобы поддержать свой престиж, мы должны порвать с ней дипломатические отношения. Но прежде, чем так поступить, он хочет сделать шаг в пользу мира в надежде, что в союзнических странах найдется достаточно сторонников мира, чтобы заставить их согласиться.

Я ответил, что в момент, когда после двух лет войны союзники начали одерживать успехи[1], они расценят этот акт как недружественный; кроме того, они решат, что цель его выступления в том, чтобы избежать кризиса отношений с Германией из-за подводных лодок; всем покажется, будто он хочет вознаградить Германию за нарушение данных ею нам обещаний и за ее полное пренебрежение международными обязательствами.

Он очень недоволен моей позицией и просил хорошенько все продумать.

Президент спросил, не продвинет ли дела моя поездка в Европу и посещение каждой воюющей страны. После некоторого обсуждения мы отбросили этот план ввиду того долгого времени, какое потребуется на его выполнение, и из-за того враждебного настроения, какое проявится в каждой из союзнических стран прежде, чем я успел бы объехать все столицы, зная наверняка, что я приехал с миссией мира. Тогда он предложил мне поехать в Англию и во Францию, а по моем прибытии туда он выступит со своим посланием о мире, предоставив мне вступить в бой с английским и французским правительствами и с публикой. Я охотно на это готов, если не остается лучшего, хотя в тот момент, когда этим странам будет сделано такое предложение, я лично предпочел бы быть в аду...

Мы все продолжали обсуждать, как быть; я настаивал, чтобы пока ничего не предпринимать и спокойно выжидать развития

[1] Имеются в виду успешные французские контратаки у Вердена и продвижение союзников на Сомме.

событий, а президент утверждал, что вопрос о подводных лодках не терпит отлагательства и что перед тем, как порвать с Германией, стоило попытаться предложить посредничество. Я снова и снова настаивал, что мы не должны таскать каштаны из огня для Германии, чего она только и ждет; это было бы неправильно и постепенно вовлекло бы нас в войну...»

«*15 ноября 1916 г.* Завтракал я один. Президент появился поздно, что говорило о плохо проведенной ночи. Жаль, но иначе не могло быть. Не люблю я приезжать в Белый Дом в качестве гостя, и, как это часто бывает, причинять такое расстройство...

Президент сказал, что мы никогда ни до чего не договоримся, если он не изложит свою точку зрения письменно, в конкретной форме; он решил составить тексты своего послания к конгрессу и ноты воюющим странам; а после того, как он все это напишет и уточнит все пункты, мы сможем снова обсудить вопрос более хладнокровно.

Я ни на шаг не отступал от своего убеждения, что посылкой ноты он совершит ошибку, он тоже не отступил от своего довода о том, что нота может оказаться действенной».

Хауз вернулся в Нью-Йорк убежденным, что всякая попытка посредничества в такое время только взбаламутит море. Его убеждение основывалось на недоверии к немцам, которые стали проявлять интерес к переговорам либо с целью закрепить за собой военные успехи и потребовать победного мира, либо просто для того, чтобы найти извинение за возобновление подводной войны на том якобы основании, что упорство союзников вполне оправдывает действия немцев. При таком настроении Берлин с нетерпением ожидал вильсоновского посредничества и, что было совершенно очевидно, намеревался использовать угрозу беспощадной подводной войны для ускорения посредничества. Хауз понял, что Вильсон очень чувствителен к этой угрозе.

«*20 ноября 1916 г.* Немцы,—писал Хауз,—намерены довести до крайнего предела наши разногласия о подводной войне с тем, чтобы мы предпочли вмешаться, только бы не вступать с ними в войну.

По-моему, стремление президента к миру частично объясняется его шотландско-пресвитерианской совестливостью, а не личным страхом, ибо, по-моему, он обладает как духовным, так и физическим мужеством...»

2

Президент Вильсон, повидимому, решился. 21 ноября он писал Хаузу, что окончательно убежден в том, что близится, если уже не настал, момент для выступления за дело мира. Он писал, что составил свое послание конгрессу и собирается сделать набро-

сок ноты о мире. Он надеялся, что, несмотря на спешку, ему удастся составить документ, который будет сильнее и убедительнее всего, что выходило из-под его пера.

Четыре дня спустя Вильсон еще раз вызвал своего друга в Вашингтон. Он сообщал ему, что первый набросок готов. Вильсон писал, что надеется, что голова его при этом ясно работала. Он чувствует, что тучи сгущаются и надо немедленно избрать дальнейшую линию действий.

Хауз немедленно выехал в Вашингтон, чтобы обсудить ноту. «Я полон страха за ее результаты»,—писал он в своем дневнике; его беспокойство не рассеялось, когда президент прочитал ему текст ноты.

«*27 ноября 1916 г.* После обеда мы отправились в кабинет и приступили к обсуждению вопроса, по которому я был вызван. Он прочитал несколько писем и донесений из-за границы, которые Полк показывал мне уже до того. Затем он зачитал текст предполагаемой ноты воюющим странам, где он настаивал, чтобы они указали, какие условия они считают необходимыми для заключения мира.

Это был изумительно хорошо написанный документ, но, как ни странно, он снова впал в прежнюю ошибку, заявляя такие вещи, которые заставили бы союзников от ярости взбеситься. Много раз я обращал на это его внимание, но все же почти всякий раз, когда он говорит о войне, он наносит ту же обиду.

Фраза, против которой я возражал, была такой: «Причины и цели войны темны». Я сказал ему, что союзники считают, что нет ничего более ясного, чем причины этой войны; их ссора с ним заключалась в том, что он, повидимому, не понимал их взглядов. Они утверждают, что Германия начала войну ради завоевательных целей; преследуя эту цель, она нарушила все международные обязательства и человеческие законы. Союзники заявляют, что сражаются для того, чтобы сделать новую войну невозможной и чтобы разгромить прусский милитаризм и тем самым установить постоянный мир.

Вместо фразы, против которой я возражал, я советовал включить другую, которая заставила бы союзников думать, что он сочувствует их взглядам. Я считал, что сделать это можно так, что Германии нечего будет возразить и она даже примет это как оправдание ее позиции.

Я предложил еще одну фразу, которую он и вставил; в ней подчеркивалось, что он не собирается посредничать или требовать мира».

В Нью-Йорк Хауз вернулся удовлетворенный тем, что убедил Вильсона изменить тон ноты таким образом, что она уже не представляла настойчивого предложения о посредничестве, а только совет обеим сторонам ясно определить, на каких условиях они

готовы говорить о мире. Все же Хауз оставался убежденным, что, отправляя ноту в момент, когда союзники не желали слушать даже намеков о мире, Вильсон играл лишь наруку немцам.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 30 ноября 1916 г.

«Дорогой начальник!

Я много размышлял о задуманной вами ноте воюющим странам и никак не могу себе внушить, что она должна быть послана немедленно или без дальнейшей подготовки.

Вам, как никогда и как ни одному человеку, предоставляется величайшая возможность принести пользу, и я надеюсь, что вы не будете рисковать неудачей. С тех пор как вы впервые предложили ваш план, я говорил со всеми окружающими, мнение которых я ценю, и многие из которых прекрасно осведомлены о положении в союзнических странах, и среди них не нашлось ни одного человека, который считал бы, что в настоящее время ваш план встретит успех...

Мне кажется, что дело целиком в ваших руках, и если не действовать слишком поспешно, то вы сможете достигнуть желанного результата. Если же вы предпримете это сейчас, то, мне кажется, у вас нет даже ни одного шанса из десяти на успех, а вероятнее всего вы лишитесь потенциальной возможности провести это позднее.

Одни только немцы считают, что сделать это можно сейчас, но в этом случае «желание—отец мысли». Им безразлично, как вы будете выпутываться, лишь бы дело было сделано, и во всяком случае определенную прибыль они извлекут.

Раньше чем решиться на окончательный шаг, следует, думается мне, сделать еще очень многое. Нужно подготовить почву во Франции и в Англии с тем, чтобы общественное мнение благожелательно прислушалось ко всякому вашему предложению...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Полковник Хауз был уверен, что и Франция и Англия будут рассматривать попытку посредничества не иначе, как желание сыграть наруку Германии. Его уверенность окрепла еще больше после беседы с послом Жюссераном 3 декабря; французский посол говорил очень откровенно и критично о том, что он считал прогерманизмом Вильсона. «Если бы я не решил заранее не выходить из себя,—писал Хауз,—то мог бы найти повод наговорить ему таких вещей, о которых он бы долго помнил».

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 4 декабря 1916 г.

«Дорогой начальник!

...Вчера у меня была оживленная и продолжительная беседа с Жюссераном. Он обещал послать своему правительству телеграмму с перечислением всего того, что мы для Франции сделали с начала войны. Жюссеран настроен критически из-за того, что мы не отправили Бернсторфа домой и не призвали Германию к строгому ответу за подводную войну. Он упомянул о «Суссексе», «Марине» и о некоторых других недавних инцидентах.

После того как он кончил, я принялся за него и заставил его признать, что если бы Германия начала неограниченную подводную войну, то возникла бы возможность фактически изолировать Англию. Он признал, что путь, по которому вы следовали, крайне благоприятен для союзников. Сущность моего ответа заключалась в том, что союзники, повидимому, сами не знают, что для них лучше; разумнее же всего им было бы следовать нашим указаниям.

Он признал, что в течение по крайней мере года едва ли можно ожидать каких-нибудь существенных перемен на Западном фронте; тут я сказал о том, как мудро было бы согласиться на ваше предложение о посредничестве, выдвинутое прошлой весной. Он, повидимому, с этим соглашался, но в последний момент, перед уходом, он ударился в высокопарный и глупый тон, заявив, что Франция будет драться до последнего человека.

Бернсторф—единственный из послов воюющих стран, который обладает каким-то чувством меры и никогда не критикует наше правительство, что бы ни произошло.

Он принимает все философски и, насколько возможно, старается создать благоприятное впечатление. Остальные временами говорят все, что только может вызвать раздражение...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Как и прошлой весной, было очевидно, что Франция отнесется враждебно к любому шагу Вильсона, который сможет помешать полному поражению Германии. Англия после министерского кризиса в декабре, завершившегося уходом Асквита и Грэя и приходом к власти Ллойд-Джорджа, была еще менее склонна думать о переговорах. Падение Асквита явилось результатом широкого возмущения его будто бы сентиментальным поведением; это движение было раздуто прессой Нортклифа. Хауз сожалел об уходе Грэя и не верил в то, что перекроенный кабинет окажется более дееспособным. Но было ясно, что страна потеряла веру в Асквита и что новый премьер-министр будет вынужден построить свою политику на теории «локаута», исключавшей всякую возможность переговоров с Германией.

«Я с большой тревогой слежу за кризисом английского кабинета,—писал Хауз Вильсону 3 декабря.—Если коалиции Ллойд-Джордж—Нортклиф—Карсон удастся свергнуть правительство и захватить власть, то до тех пор, пока они будут следовать по своему пути, никаких шансов на мир не будет».

«Не знаю,—писал Хауз 7 декабря,—удастся ли Англии поправить свои дела путем смены кабинета, хотя и понимаю, почему после стольких неудач там такое всеобщее недовольство. Я убежден, что если бы Асквит руководил кабинетом более твердой рукой, дела могли сложиться иначе.

Ошибка сэра Эдуарда Грэя была в том, что он позволил сэру Сесилю Спринг-Райсу оставаться у нас в самый критический в истории обеих стран момент. Грэй не понял, что условия требовали радикальных перемен и что обычный дипломатический корпус не стоял на высоте задач, поставленных войной».

Несмотря на смену кабинета, Хауз продолжал поддерживать тесную связь с английскими лидерами. Грэй телеграфировал ему, что его секретарь Эрик Друммонд остается на прежней должности секретаря у нового министра иностранных дел Бальфура, последний же рассчитывает, что в случае необходимости Хауз воспользуется частным шифром. «После ухода Грэя,—писал полковник Вильсону,—для нас самый лучший человек в королевстве это Бальфур. Это даст сэру Хорэсу возможность оказывать большое влияние на американские дела, так как Планкетт и Бальфур самые близкие друзья, и Бальфур во многом будет прислушиваться к его советам. Опять-таки это счастливое для нас обстоятельство».

3

Чем теснее Хауз соприкасался с англичанами, тем острее он чувствовал, что отправку президентской ноты следует отложить. Он знал, что в Англии были либеральные круги, которые стремились к мирным переговорам с Германией; но пока они не имели влияния. В целом же общественное мнение требовало, чтобы новый кабинет Ллойд-Джорджа отбросил всякие мысли, кроме одной— о военной победе. Требование Вильсона о созыве мирной конференции было бы истолковано как определенно враждебный поступок.

Президент колебался, а тем временем берлинское правительство устроило взрыв дипломатической бомбы. 12 декабря немцы, которым надоело ждать посредничества Вильсона, опубликовали ноту, выражавшую их готовность приступить к мирным переговорам. В предложении не было никаких специальных условий, но по тону его можно было заключить, что Германия готова рассматривать лишь победный мир; кстати, недавно опубликованные германские документы подтвердили это подозрение.

Несомненно, условия, которые имели в виду германские лидеры были неприемлемы для союзников, и вполне вероятно, что немцы знали это заранее. Цель ноты, по крайней мере частично, была в том, чтобы казалось, что вся ответственность за продолжение войны ложится на союзников. Тем не менее, некоторые англичане считали ошибкой категорический отказ даже рассматривать предложение. Одним из таких англичан был молодой офицер, который после отравления газами на фронте был прикомандирован к английскому посольству в Вашингтоне; ему суждено было сыграть роль, значения которой никто не подозревал. Это был сэр Уилльям Уайзман, дипломат по натуре, о котором впоследствии лорд Рединг сказал: «У Уайзмана удачная фамилия»[1].

Полковник Хауз нашел в нем родственную душу, и, несмотря на разницу в летах, между ними возникла дружба, которая имела значительные последствия. Уайзман был либерал, готовый выслушивать советы, но в то же время человек проницательный, вполне понимавший опасность сношений с Германией. Он был убежден, что будущее благосостояние мира зависит от полного взаимопонимания Англии и США. Уайзман предвидел также, что если войну довести до полного разгрома Германии, то, кроме благодеяний, это породит опасности для его страны и всего мира; поэтому он охотно примкнул к полковнику Хаузу во всех его стараниях добиться скорейшего устройства дел, которое оградило бы мир от германского империализма. Вскоре между Хаузом и Уайзманом почти перестали существовать политические тайны, и наше сотрудничество с англичанами было в значительной степени результатом их взаимного понимания.

Прибытие Уайзмана в декабре было особенно своевременным, так как необходимо было улучшить связь между Вашингтоном и Лондоном. Уход Грэя из министерства иностранных дел означал, что не осталось никого, с кем посол Пэйдж был бы в тесных и дружеских отношениях. Англичане начали понимать, что Пэйдж не совсем точно представлял взгляды Вашингтона, они знали также, что в Вашингтоне отношения между Спринг-Райсом и министерством иностранных дел были не вполне удовлетворительны. Они поняли, как важно иметь путь для регулярного общения с Хаузом, которого английское министерство иностранных дел знало и в чьих симпатиях было уверено. Уайзман следующим образом описывает первые этапы миссии, которая впоследствии приобрела большое политическое значение:

«Английский посол сэр Сесиль Спринг-Райс пожелал сделать полковнику Хаузу конфиденциальное сообщение и просил меня передать это сообщение устно. Само по себе оно не представляло особенного значения, но беседа с полковником Хаузом убедила

[1] Wise—мудрый, разумный; man—человек.—*Ред.*

его в том, что я смогу служить доброжелательным и скромным посредником для связи. С этого дня вплоть до момента вступления США в войну я был конфиденциальным посредником между полковником Хаузом и английским послом. Кроме того, через моего начальника в Лондоне я передавал в министерство иностранных дел ряд предложений и сведений от полковника Хауза. Но прежде чем приступать к этому, я получил разрешение от сэра Сесиля, так как, сообщаясь непосредственно с министерством иностранных дел, я понимал, что посягаю на прерогативы посла. Сэр Сесиль, не колеблясь, ответил, что для пользы дела надо действовать всячески, и с его положением в данном случае нечего считаться. С тех пор, вплоть до своего отъезда из Вашингтона, он оказывал мне полное содействие и помощь»[1].

В отличие от большинства англичан, занимавших официальное положение, сэр Уилльям полагал, что если бы можно было отсрочить ответы держав Антанты на германскую ноту о мире, то обстановка могла бы сложиться выгодно для переговоров. Во всяком случае союзникам не следовало совершать явную ошибку, давая резкий ответ на ноту, который оправдал бы германское правительство в глазах его собственного народа.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 17 декабря 1916 г.

«Дорогой начальник!

Английский посол направил ко мне сэра Уилльяма Уайзмана, атташе посольства.

Он просил, чтобы я неофициально выяснил условия Германии. Я сообщил ему, что это удастся сделать не ранее пятницы или субботы, так как уверен, что этих условий и Бернсторф не знает. Он знает только то, что его правительство сообщает ему для широкого потребления и не доверяет ему своих сокровенных мыслей. Сегодня английское посольство телеграфно запросит свое правительство, считает ли премьер-министр возможным отложить ответ немцам до пятницы или субботы. Одновременно им сообщат о его (Уайзмана) беседе со мной и о нашем плане. Ответа посольство ждет завтра к 5 часам дня.

Если ответ будет благоприятным, мне предстоит снестись с Бернсторфом и выяснить, как идут дела там.

Похоже на то, что вскоре вы услышите, что заговорили между собою воюющие; надежда на это, по крайней мере, есть.

Я пишу наспех, так как время позднее. Не сообщите ли вы мне быстро шифрованной телеграммой или письмом какие-либо ваши дальнейшие соображения?

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

---

[1] Из меморандума, переданного автору 16 ноября 1925 г.

Процедура, предложенная Хаузом и Уайзманом, заслуживает всяческой похвалы. Возможно, что германское правительство пустило этот пробный шар только для того, чтобы успокоить общественное мнение у себя дома и оправдать Германию перед лицом общественного мнения нейтральных стран; с другой стороны, они, возможно, готовы ради мира пойти на бо́льшие уступки. В том и в другом случае в интересах союзников было знать, что замышляют немцы.

Но английское министерство иностранных дел, казалось, так спешило объявить всему свету о своем нежелании рассматривать вопрос о мире, что не имело времени использовать представившуюся возможность получить сведения огромной ценности. Возможно, они опасались, что раз переговоры начнутся, то, как предполагал Хауз, мир мог быть заключен еще до полного разгрома Германии.

«*18 декабря 1916 г.* Английское посольство,—писал Хауз,— получило от своего правительства ответ, в котором сказано, что нельзя отсрочить заявления премьер-министра относительно условий мира. Они просили выразить мне благодарность за предложенные мною услуги».

Возможно, что обращение английского посольства к министерству иностранных дел с просьбой об отсрочке заявления в Лондоне было непонято; недаром лорд Роберт Сесиль говорил, что эта просьба означает, будто Вашингтон хочет узнать содержание ответа. На самом же деле речь шла только об отсрочке. К несчастью, Пэйдж, повидимому, настолько не сочувствовал политике Вильсона, что внушил англичанам, будто Вашингтон не ожидает серьезного отношения к германской ноте и потому он не видит никакого повода для отсрочки. Некоторый свет на этот инцидент проливает письмо лорда Роберта Сесиля английскому послу в Вашингтоне, в котором было приведено содержание одной беседы с Пэйджем в Лондоне.

Письмо Роберта Сесиля Спринг-Райсу

Министерство иностранных дел, Лондон, 19 декабря 1916 г.

«Сэр! Сегодня днем меня посетил американский посол.

Я спросил его, не может ли он мне сообщить, почему его правительство так заинтересовано в получении конфиденциальных сведений о содержании нашего ответа на германскую ноту о мире.

Он ответил, что точно он не знает, но полагает, что его правительство хочет иметь возможность сделать представления, о которых он говорил мне раньше.

Затем я сообщил ему, что мы просили французов составить ответ, который будет затем рассмотрен союзниками, и что на германскую ноту будут по всей вероятности даны идентичные ответы. Я высказал предположение, что скорее всего наша точка зрения

будет заключаться в том, что германское предложение неприемлемо, так как не содержит никаких специальных предложений.

Он сказал, что вполне это понимает и что в самом деле следовало бы ответить, что нам предлагают «купить кота в мешке», на что мы не согласны. Он прибавил, что полагает, что его правительство вполне поймет ответ, составленный в таком духе, а сам Пэйдж вполне его одобряет...

Примите и проч. *Роберт Сесиль*».

Нетрудно понять мнение англичан о том, что германская нота не содержала никаких особых условий, но труднее понять, почему они и Пэйдж не могли оценить положительных сторон предложения Уайзмана, которое могло бы привести к чему-то более определенному, хотя бы к определенному доказательству того, что Германия задумала неприемлемые условия.

Германское предложение о мире, заставшее врасплох даже Бернсторфа, неизбежно должно было лишить ноту Вильсона всего того эффекта, который она могла бы произвести. Если бы он немедленно опубликовал свою ноту, его обвинили бы в том, что он действует в тайном согласии с Германией, и тогда союзники были бы еще менее расположены отнестись к ней со вниманием.

Но все же, вместо того, чтобы отказаться от своего плана и ждать более благоприятного момента, президент решил опубликовать свою ноту не медля. Он, повидимому, опасался, что, резко отвергнув германское предложение, Англия и Франция могут окончательно захлопнуть дверь для всяких переговоров. Он решился пойти на этот шаг, не советуясь с Хаузом, который не видел окончательного текста ноты. События развивались так быстро, писал Вильсон Хаузу 19 декабря, что он не успел вызвать Хауза в Вашингтон и посоветоваться с ним. Нота была написана и отправлена в течение нескольких часов, повидимому, из опасения, что правительства Антанты тем временем настолько резко настроятся против мира, что положение станет еще более безнадежным, чем было. Вильсон добавил, что нота составлена не в том духе, в каком Хауз видел ее в черновике.

Но президент последовал совету Хауза не выдвигать категорического требования о мире. Его нота представляла лишь призыв к воюющим, подчеркивая заинтересованность США в будущем всеобщем мире и готовность сотрудничать с Европой в сохранении мира. Он подчеркнул опасность нанесения цивилизации непоправимого вреда в случае, если война затянется надолго, и указал, что если воюющие исчерпывающим образом объяснят свои военные цели, то надежда на немедленное заключение мира имеется.

«Возможно, что мир ближе, чем мы думаем,—заявлял Вильсон;—что условия, на которых обе воюющие стороны будут считать нужным настаивать не настолько непримиримы, как некото-

рые того боялись; что обмен мнений очистил бы путь по крайней мере для обсуждения и превратил бы в надежду ближайшего будущего постоянное согласие между народами для немедленного практического осуществления содружества наций».

Полковник Хауз, как мы уже видели, возражал против самой идеи отправки мирной ноты в такой период, когда союзники явно не были настроены к тому, чтобы встретить ее благоприятно. Кроме того, его беспокоила фразеология Вильсона, так как президент, преследуемый какой-то словесной Немезидой, снова употребил выражение, которое не могло не раздражить французов и англичан. «Цели, которые имеют в виду в этой войне государственные деятели обеих воюющих сторон,—заявлял Вильсон,—по существу одинаковы, поскольку они в общей форме заявлены их народам и всему миру». Фраза была правильной, если бы заключенные в ней слова были поняты в строгом смысле; в них была даже известная доля иронии, но союзникам не могло понравиться, что их цели войны сопоставляются с целями Германии.

«*20 декабря 1916 г.* Президент прислал мне сегодня,—писал Хауз,—первоначальный набросок ноты, посланной воюющим и нейтральным странам. Он просил меня вернуть его, поэтому я снял копию со всеми сделанными им выпусками и изменениями. Я решил, что когда-нибудь нота сможет представить интерес, так как президент, вероятно, уничтожит оригинал.

Я редко видел что-нибудь написанное им со столькими изменениями. Сожалею я об одной фразе, которая даст дополнительный повод считать, что он все еще не понимает, за что сражаются союзники. Эта фраза приведет их в бешенство. Когда я у него был, то в течение десяти минут убеждал его вычеркнуть из первоначального наброска гораздо более оскорбительную фразу того же характера, но он снова вставил ее в измененном виде. Повидимому, эта мысль не дает ему покоя и он не может ни писать, ни говорить о войне, не выражая эту мысль вслух. Это больше, чем что-либо иное, сделало его непопулярным в союзнических странах, а во время мирных переговоров, вероятно, лишит его той роли, какую он мог бы сыграть... Все это так ненужно. То же самое он мог бы сделать и сказать иначе».

Как предвидел Хауз, попытки президента Вильсона начать мирные переговоры не привлекли почти никакого внимания ни в союзнических странах, ни в Германии. Германия желала созыва конференции для переговоров на основе фактической военной ситуации, которая сложилась целиком в ее пользу. Публичное заявление о ее военных целях, которое показало бы, как далеко простирается ее честолюбие, только укрепило бы решимость союзников сражаться до тех пор, пока военное положение не станет более благоприятным для них. Таким образом, германский ответ президенту был вежливым, но совершенно неопределенным. Они

заявили, что непосредственный обмен мнениями кажется им наиболее удобным методом достижения мира, и они лишь повторили свое предложение о созыве конференции, не выдвигая никаких определенных условий. Посол Джерард считал, что, пытаясь стать инициаторами конференции, германцы хотели расколоть союзников.

«Германия хочет мирной конференции для того,—писал он Хаузу 9 января,—чтобы заключить на выгодных для себя условиях сепаратный мир с Францией и Россией. После этого она надеется покончить с Англией подводными лодками, а потом по отдельности скальпировать Японию, Россию и Францию. Союзникам следовало бы вспомнить, что говорил Вениамин Франклин насчет того, висеть ли вместе или отдельно. О приведенном выше плане я узнал из *очень авторитетных источников*».

Союзники отказались от переговоров на том основании, что продолжительный мир предполагает удовлетворительное разрешение конфликта и что в настоящий момент безнадежно было бы ожидать от Центральных держав возмещения убытков и необходимых гарантий мира. Они бросили вызов вильсоновской аналогии между военными целями обеих воюющих сторон, утверждая, что позиция Центральных держав представляла угрозу человечеству и цивилизации. На требование Вильсона определить условия для мира они ответили непримиримой декларацией, которая встретила одобрение американского общественного мнения на атлантическом побережье, но которая, повидимому, покончила со всякой возможностью переговоров.

4

Таким образом, попытка Вильсона не устранила опасности возобновления Германией подводной войны и не улучшила наших отношений с воюющими сторонами.

«Во всех разговорах о предложении президента,—писал Пэйдж Хаузу,—преобладает чувство удивления и прискорбного недоумения; публичные высказывания пока еще сдержанные... Само по себе предложение президента вызвало бы очень мало или никакой критики, если бы было сделано в другое время. Но замечания, которыми он сопровождал свое предложение, истолковываются в том смысле, что они ставят на одну доску союзников и Центральные державы... Один из приглашенных вчера на завтрак во дворец сообщает мне, что король плакал, когда выражал свое удивление и досаду».

Даже такой искренний поклонник Вильсона, как Планкетт, не мог скрыть сожаления по поводу того, что свое предложение Вильсон сделал именно в такое время и именно подобным образом.

«*22 декабря 1916 г.* Первым посетителем сегодня утром был сэр Хорэс Планкетт,—писал Хауз.—Он страшно расстроен нотой

президента, сожалеет, что она была послана и досадует на ее текст. Он обратил внимание на тот факт, что нота содержала все тот же старый припев. Он записал фразы из речей президента в период кампании, в частности из речи в Цинциннати, и начал их читать. Я остановил его и сказал, что могу повторить их наизусть с любого места. Я попросил его письменно изложить свое мнение и прислать мне, чтобы я смог передать это президенту в случае, если сочту это целесообразным...»

В письме полковнику Хаузу от 27 декабря лорд Брайс подчеркивал злосчастное действие фразы Вильсона, которая, по мнению англичан, ставила их и французов на одну доску с немцами. Ни один здравомыслящий человек, добавлял Брайс, и не предполагал, что президент дал себя уговорить немцам или имел в виду какую-либо иную цель, помимо той, которую он указал; но его слова несомненно были поняты так, что он считает, будто обе стороны либо одинаково невинны, либо одинаково виноваты.

Затем Брайс изложил пять причин, из-за которых общественное мнение противилось открытию переговоров с германским и австрийским правительствами; это настроение не джингоистов, заявлял он, а таких же сторонников мира, как он сам. Во-первых, были все основания предполагать, что Германия, Австрия и Турция не предложат никаких приемлемых условий; если же это предположение ошибочно, пусть они назовут свои условия для переговоров. Во-вторых, были все основания предполагать, что они не примут никаких условий, какие могли бы предложить союзники. В-третьих, Германии легко назвать условия, потому что она властвовала над Австрией и Турцией, но для союзников это было чрезвычайно трудно, так как затронуты интересы многих независимых стран, придерживавшихся различных мнений. Брайс допускал, что условия, которые поставила бы любая держава, в значительной степени зависели бы от того, как она расценивает перспективу победы. В-четвертых, англичане совершенно не доверяли добронамеренности германского правительства и считали, что оно пытается лишь выиграть время. Наконец, он был уверен, что американцы не понимали того возмущения и ужаса, какой вызвали германские методы ведения войны и их пренебрежение международным правом и общечеловеческой справедливостью, как это доказывали высылки бельгийцев и резня армян. «Люди спрашивают,—писал Брайс,—как можем мы заключить мир с таким правительством, прежде чем нанесем ему поражение? Оно будет постоянной угрозой для всех своих соседей до тех пор, пока его не разобьют и не научат, что беззаконие и варварство пользы не приносят».

Хауз был не вполне согласен с этой точкой зрения. Он знал, что союзнические военные цели заключали в себе корыстные мотивы и желание уничтожить Германию в политическом отношении; этими чувствами были проникнуты некоторые союзнические

политические деятели. Но в искренности народов союзнических стран в целом нельзя было сомневаться. Они были убеждены в полной ответственности Германии за войну, с одной стороны, и в умеренности собственных желаний—с другой. Сомнения относительно их искренности могли лишь вызвать раздражение, отнюдь не улучшая положения.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 20 декабря 1916 г.

«Дорогой начальник!

...Уайзман говорит, что все воюющие страны недовольны тоном нашей прессы, даже тех газет, которые поддерживают союзников. В качестве примера он привел выдержку из «Уорлд». Он говорит, что его правительство понимает и ценит нашу позицию, но ему трудно заставить народ понять эту позицию.

Дело не в том, кто вызвал войну, и не в том, что каждое правительство считает идеалом, за который оно сражается; но народ каждой воюющей страны, сказал он, охвачен экзальтированным энтузиазмом патриотического рвения, отвергает всякое предположение о корыстных мотивах и сражается исключительно ради принципов.

Я думаю, что нам следовало бы постоянно об этом помнить и не пытаться рассуждать с ними так, как если бы они были нормально мыслящими людьми.

Преданный вам *Э. М. Хауз.*

P. S. Только что я видел сэра Хорэса Планкетта, он подтвердил заявление сэра Уилльяма Уайзмана».

Таким образом, в момент, когда размах войны угрожал исчерпать материальную мощь обеих сторон, каждая из них, более чем когда-либо, была проникнута решимостью довести борьбу до конца. Германский генеральный штаб предупредил правительство, что его ресурсы приходят к концу, но обещал быструю победу при помощи беспощадной подводной войны. Французы были изнурены сражениями под Верденом и на Сомме и все в большей степени попадали в зависимость от английской помощи. Что касается англичан, то несколькими неделями раньше Грэй составил официальный меморандум, в котором говорил о необходимости теперь же сообщить союзникам, что наша поддержка по линии торгового флота и финансов через несколько месяцев так или иначе должна будет сократиться в объеме».[1]

---

[1] *Грэй*, Двадцать пять лет, изд. Фредрик А. Стоукс К°, т. II. стр. 131.

Но как остро ни чувствовали французы и англичане последствия войны, они были полны решимости продолжать борьбу и были уверены в конечной победе. «Народ сам не знает истинного положения вещей,—писал Хауз,—и нельзя чересчур строго порицать правительства за то, что они об этом не говорят, ибо жизненно необходимо, чтобы мужество и энтузиазм народа оставались добела раскаленными».

Но если войне суждено было продолжаться, то участие в ней США можно было рассматривать лишь как вопрос времени. Было очевидно, что чем сильнее прижимали к стене тех людей, которые властвовали над Германией, тем больше они склонялись к возобновлению подводной войны, а это почти автоматически заставило бы нас вступить в войну. Это настолько ясно было для большинства тех людей, кто сознавал угрозу кризиса, что 21 декабря Лансинг публично заявил, что мы «на грани войны». Не могло быть никаких сомнений в том, что настал момент готовиться: в военном отношении для того, чтобы наше участие было эффективным, в дипломатическом отношении для того, чтобы разъяснить наши цели войны.

ГЛАВА XIV

ПОСЛЕДНИЕ НАДЕЖДЫ НА МИР

«В свете последующих событий ясно, что Германия упустила великую возможность заключить мир».

Виконт Грэй оф Фаллодон, «Двадцать пять лет».

1

Следует отметить, что решимость президента Вильсона сохранить нейтралитет США, казалось, была наиболее твердо выражена за несколько недель до нашего разрыва с Германией. Именно эта решимость вызвала отправку декабрьской ноты. Вильсона не поколебала ни неудача его попытки начать переговоры, ни неизбежная опасность возобновления подводной войны Германией.

События истекшего года усилили пацифистское настроение Вильсона. До 1916 г. его симпатии, хотя он тщательно их скрывал, были на стороне союзников, и он соглашался с Хаузом, что благосостояние мира зависит от поражения Германии. Но отказ союзников принять его предложение о вмешательстве вызвал у него подозрение относительно их мотивов и опасение, что военную помощь они использовали бы только для того, чтобы разжечь националистский дух Европы. Он относился с крайним недоверием к действительным намерениям всех воюющих правительств, каковы бы ни были их декларативные военные цели. На него очень сильно подействовал также ход избирательной кампании, который убедил его в том, что он обязан своим переизбранием главным образом голосам тех людей, которые рассчитывали, что благодаря ему избегнут войны. Он считал, что наказ о мире его обязывает.

4 января 1917 г. Хауз записал содержание беседы, в которой он с Вильсоном обсуждал необходимые шаги на случай, если Германия объявит неограниченную подводную войну.

«Я воспользовался случаем,—писал Хауз,—выразить уверенность, что на случай войны мы не должны быть настолько неподготовлены...

Президент ответил: «Войны не будет. Наша страна не намерена быть вовлеченной в эту войну. Мы единственная из всех великих белых наций, которая не воюет, и было бы преступлением против цивилизации, если бы мы в войну вступили».

«Президент может еще переменить мнение,—добавил Хауз,—как я уже говорил, он часто меняет взгляды».

Советники президента Вильсона рассматривали положение более практически. Допуская, что большинство населения горячо желало сохранить мир, они полагали, что и без предупреждения может разразиться кризис, перед которым правительство было бы бессильно сохранить мир. Все зависело не от нашего желания, а от германского решения. Возобновление подводной войны неизбежно повлекло бы за собой разрыв. Близкие к президенту круги были обеспокоены тем, что не ведется более решительная и активная подготовка к кризису как в военном, так и в дипломатическом отношениях.

«Мы находимся на грани войны,—писал Хауз в ноябре,—а между тем, ровным счетом ничего не сделано для немедленной подготовки...»

«*14 декабря 1916 г.* Я имел возможность поговорить с министром Даниельсом на обеде, где собрался кабинет. От него я узнал столько, что целиком подтвердились мои худшие опасения насчет нашей неподготовленности...

Я убежден, что место президента в истории в значительной степени зависит от счастливого случая. Если мы окажемся вовлеченными в серьезную войну, которая окончится для нас поражением, он будет одним из наиболее дискредитированных президентов в нашей истории... У нас нет тяжелой артиллерии. А если бы она у нас и была, то не было бы опытных людей, умеющих с нею обращаться. У нас нет ни авиации, ни людей для ее обслуживания, и так во всем.

Я верю, что президенту удастся выпутаться и ничего не случится, но я бы спать не мог спокойно, если бы на моих плечах лежала такая ответственность...»

«*23 декабря 1916 г.* Я держу непрерывную связь (с Вашингтоном) по внешним делам. Министерству иностранных дел до боли надоела политика президента: laissez faire[1]. Я обещал на будущей неделе поехать (в Вашингтон), но желания у меня нет никакого. Почти невозможно заставить президента созвать общее совещание. То я вижусь с ним, то с Лансингом, а в результате—ни с ме-

---

[1] Полностью—Laissez faire, laissez passer—можно перевести: «Будь, что будет».—*Ред.*

ста. Нам нужно совещание втроем, чтобы выработать определенную программу, которой следует придерживаться, насколько это позволят обстоятельства...»

«*2 января 1917 г.* Н. очень обеспокоен положением в Вашингтоне, особенно настроением президента. Он полагает, что президент готов сохранить мир почти любой ценой. Он также обеспокоен отсутствием действенной программы...».

«*4 января 1917 г.* Приезжал Х., провел у меня три четверти часа. Он страшно подавлен. Он считает, что президент утратил всякий интерес и «напористость», что все как бы бесцельно плывет по течению...»

В надежде выработать определенную программу полковник Хауз предложил президенту план, который имел значительные последствия. 27 декабря в письме к Вильсону он посоветовал ему сформулировать основные пункты договора о прочном мире, который могли бы поддержать США. Это явилось бы развитием его декларации от 27 мая 1916 г.

Основы будущей международной организации могли быть изложены настолько в общих чертах, что не имели бы оскорбительного характера предложения о посредничестве. Между тем, если США остались бы нейтральными, то существовала бы основа, на которую в любое время могли рассчитывать воюющие стороны, если бы пожелали американского посредничества. С другой стороны, если США вступят в войну против Германии, то эти основы будут служить предупреждением для союзников о том, что Америка сражается не за их националистские военные цели, а ради безопасности и спокойствия всего мира.

Президент принял предложение молча, но обратил на него внимание и при первой возможности говорил об этом с Хаузом.

«*3 января 1917 г.* Президент пожелал узнать,—писал Хауз,— какого я мнения о том, чтобы он в какой-нибудь форме определил свое мнение об общих условиях соглашения, причем краеугольным камнем соглашения должна быть будущая всеобщая безопасность; территориальные изменения должны быть подчинены общей цели. Я был в восторге, так как точно то же я говорил Бернсторфу и писал президенту в своем письме от 27 декабря... Война и ее последствия превратились в слишком важную проблему, чтобы ее можно было решить обычным путем, и условия разрешения этой проблемы должны были быть самыми справедливыми и прекрасными, какие только мог придумать человеческий ум.

Мы долго говорили о том, какие условия он может предложить и в какой форме это сделать. Я полагал, что если он хочет произвести внушительное впечатление, то эти условия можно изложить в послании к конгрессу. Если же на первых порах он не желал привлекать большого внимания, то лучше всего изложить эти условия в речи перед собранием какого-нибудь общества. Он

считал, что сможет сделать это в своем выступлении перед сенатом, и на этом мы условно остановились к концу беседы.

Мы считали, что основной принцип, который он должен установить, заключается в праве народов избирать для себя форму правления. Это, конечно, затрагивает большое число стран. Мы полагали, что поскольку Германия и Россия согласились предоставить независимость Польше, это должно быть включено в условия. Естественно, мы согласились на том, что должна быть восстановлена независимость Бельгии и Сербии. Мы были не совсем уверены насчет Эльзас-Лотарингии, но согласились, что Турция [в Европе] должна перестать существовать. Я предложил также прибавить что-нибудь о праве России на теплый морской порт. Если этого не сделать, то останется болезненное место, которое со временем приведет к новой войне.

Возник вопрос о том, что будет с нашим послом в Константинополе после произнесения этой речи: будет ли он поспешно казнен или ему дадут возможность спастись бегством из Турции. Мы подумали также об американских колледжах в Турции. Когда вернусь в Нью-Йорк, я изучу этот вопрос внимательней и набросаю для президента более подробный план, который привезу на будущей неделе[1].

Я благословил его на совершение этого великого и драматического дела и сказал: «Теперь вы играете на то, что игроки в покер называют голубыми фишками[2]; нельзя мирно посиживать и давать великим событиям себя захлестывать. Гораздо лучше забрать все в руки и играть самому».

Оба мы считали, что речь перед сенатом следовало бы произнести в ответ на просьбу сената изложить, чего потребует Америка взамен своего согласия на присоединение к Лиге укрепления мира. Что бы президент ни сказал в этой связи, оно касалось бы главным образом нас самих и не могло бы быть истолковано как вмешательство в дела воюющих сторон. Хотя в действительности это и было бы предложением мирных условий, но с виду оно оставалось бы заявлением об условиях, на каких мы готовы присоединиться к Лиге укрепления мира».

«*11 января 1917 г.* Сегодня утром мы выехали в Вашингтон, и, как ни странно, поезд пришел во-время. Почти тотчас по приезде мы с президентом открыли наше исполнительное заседание. Президент закрыл дверь кабинета, чтобы нас никто не прерывал; мы беседовали около двух часов, располагая бо́льшим временем,

[1] Для того, чтобы не затемнять сущности своего послания, Вильсон решил не делать в нем никаких заявлений о решении территориального вопроса; он только упомянул о необходимости создания единой независимой Польши. Ровно год спустя вместе с Хаузом он претворил основные пункты этой беседы в известные четырнадцать пунктов.

[2] Фишки, обозначающие четырехзначное число.—*Прим. пер.*

чем обычно, так как обед, который Лансинг давал президенту, был назначен на восемь часов, а в Белом Доме всегда обедали в семь...

Он зачитал послание, которое приготовил в соответствии с нашим соглашением на прошлой неделе. Это благородный документ, который, мне думается, останется жить в веках. Как обычно, в одном месте он впал в неправильный тон, чего, повидимому, он не может избежать; он написал: «Эта война была вызвана взаимным недоверием»[1]. Я попросил его вычеркнуть эту фразу, что он и сделал. В другом случае он писал: «Каждая сторона заявляет, что не имеет желания унизить или уничтожить другую». Я попросил его вычеркнуть слово «унизить», что он тоже сделал.

Я спросил его, показывал ли он послание Лансингу. Он ответил, что не показывал еще никому, но перед тем как отдавать на телеграф, прочтет его министру иностранных дел и сенатору Стоуну[2]. Он считал, что Лансинг не сочувствует его намерению держаться в стороне от войны...

Мы решили, что послание должно быть зачитано перед сенатом, и обсудили, в какой форме лучше всего довести текст послания до сведения народов воюющих стран. Президент больше беспокоится о том, как довести послание до сведения народов, чем до сведения правительств... Я предложил передать по телеграфу текст в Лондон, Париж, Берлин и Петроград, поручив Джерарду передать его Центральным державам, а Шарпу—странам Антанты, за исключением России и Англии, куда послание должно быть передано прямым путем. На этом мы пока остановились, хотя его и смущали большие расходы. Мы также решили, чтобы послы позаботились о том, чтобы послание было полностью опубликовано во всех воюющих странах. Это важно, как можно убедиться из самого текста послания».

17 января полковник Хауз получил от президента письмо, извещавшее его, что речь готова. Вильсон переговорил о ней с министром иностранных дел и председателем сенатской комиссии внешних сношений, которые, как сообщал Вильсон, приняли речь тепло, хотя Стоун казался несколько ошеломленным. Речь была зашифрована для телеграфной передачи посольствам, и как только президенту сообщат, что она дошла до адресатов, он выступит перед сенатом. Вильсон сообщал, что сенатор Стоун, который в прошлом году выступил против позиции президента

[1] Несомненно, полковник Хауз согласился бы признать, что основной причиной войны было взаимное недоверие; но он хотел, чтобы в послании были избегнуты всякие спорные вопросы относительно причин войны, так как речь предназначалась для сохранения в будущем устойчивого положения во всем мире, и она, насколько это возможно, должна была подчеркнуть общие принципы, которые были бы встречены всеобщим одобрением.

[2] Председатель сенатской комиссии внешних сношений.

в вопросе о вооруженных торговых судах, заявил, что откладывает все прочие дела и предоставляет себя в распоряжение президента.

2

22 января президент зачитал свое послание перед сенатом. Идеи, обсужденные им с Хаузом, были изложены настолько выразительно, что видный английский критик либерального толка Дж. Лоуз Дикинсон впоследствии назвал речь «пожалуй самым важным в истории международным документом»[1]. Вильсон ясно сказал, что такое разрешение вопроса, когда та или иная сторона останется раздавленной и исполненной духом мщения, не даст безопасности в будущем. «Это должен быть мир без победы». Основой мира, настаивал президент, должно быть право каждой отдельной нации самой решать свою судьбу без вмешательства более сильного внешнего врага.

«Я предлагаю,—заявлял президент,—всем нациям единодушно принять доктрину президента Монроэ как всемирную доктрину, а именно: ни одна страна не должна стремиться установить свой образ правления в другой стране или над другим народом; всякий народ должен быть свободен в определении своей собственной формы правления, собственных путей развития, беспрепятственно, безбоязненно, не подвергаясь угрозе,—малые народы наравне с великими и могущественными».

Старая система европейских союзов, приведшая к мировой войне, оказалась явно несостоятельной и не могла поддержать подобные принципы; президент Вильсон утверждал, что ее должен заменить всеобщий концерт держав.

«В концерте всеобщей мощи нет запутанных союзов. Когда все объединятся, чтобы действовать в едином духе и с единой целью, то все действуют в общих интересах и свободны жить так, как хотят, под всеобщей защитой».

Таковыми в действительности и были принципы, которые все страны мира согласились признать, когда окончилась война и когда, два года спустя после этой речи, они выработали устав Лиги наций.

Послание президента встретило среди либеральных государственных деятелей и публицистов Америки, равно как и Европы, немедленный и благодарный отклик. Холл Кэйн писал: «Пусть президент Вильсон почерпнет мужество в том приеме, который был оказан его замечательной речи. Лучшая часть нашего общественного мнения прониклась глубоким сочувствием и немым восхищением». Вскоре и другие убедились, что Вильсон сказал

[1] «На распутье» (The Choice Before Us), стр. 270.

то, о чем многие жаждавшие думали, чтобы кто-нибудь сказал эти слова.

24 января лорд Брайс писал Хаузу, называя речь президента «в высшей степени убедительной». Англичане горячо оценили дух речи, писал он, и желали бы видеть воплощенными в жизнь условия, которые президент считал необходимой предпосылкой для лиги мира. Не понимал он только одного: как могут быть достигнуты эти условия при существующем германском правительстве,—«правительстве, которое продолжает демонстрировать полное пренебрежение к справедливости и гуманности, охотясь за рабами и совершая другие жестокости в Бельгии, и выражает полное презрение к духу договоров и других международных обязательств и соглашений».

Брайс снова заявил, что в Англии нет движения за мир, но такое движение существовало бы, если бы не поведение германского правительства. Если бы был какой-нибудь шанс на то, что Германия уступит Эльзас-Лотарингию, Австрия—Трентино и турки—Армению, то он был бы рад это услышать. Эти уступки, по его мнению, были жизненно необходимы для установления равновесия и безопасности в Европе.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 23 января 1917 г.

«Дорогой начальник!

Отклики на речь звучат отлично. «Манчестер гардиен» пока что откликается лучше всех и предостерегает английское правительство в весьма определенных выражениях.

Сегодня у меня снова был Гувер; я почерпнул от него идею, которую стоит рассмотреть. Заключается она в том, чтобы следующим шагом был запрос, обращенный к каждому из воюющих правительств, согласны ли они с принципами, изложенными в вашей речи. Если нет, то против чего они возражают. Если же они согласны, то вы вполне будете вправе просить их собраться на конференцию.

Сэр Уилльям Уайзман не вернулся из Вашингтона, так как считает более целесообразным остаться сегодня там для того, чтобы узнать окончательное мнение союзников. Уайтхауз[1] страшно доволен.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

На следующий день президент писал Хаузу, что его заинтересовало сообщение Уайзмана, но заявлял, что главным образом он хочет знать, что сейчас на уме у германского правительства.

---

[1] Член английского парламента, либерал.

В письме не было никаких признаков самодовольства по поводу той выдающейся роли, какую он принимал на себя, он не выражал также никаких желаний, кроме одного—служить делу мира. В конце письма он снова благодарил Хауза за оказанную ему помощь и поддержку и признавался, что временами он, помимо воли, чувствовал себя очень одиноким и подавленным.

Уныние Вильсона было в значительной мере оправдано. Хотя американские и английские либералы приветствовали выдвинутые им принципы и называли его речь новой хартией международных отношений, настроение официальных кругов, хотя и сдержанное, продолжало оставаться бесспорно враждебным. Они возражали не против его принципов, но против их применения. Союзническая печать извлекла из его речи неудачную фразу «мир без победы»,—неудачную потому, что такая фраза, как «мир примиренных», лучше объяснила бы замысел президента,— и утверждала, что его речь доказала полную его неспособность понять факторы, лежащие в основе европейского положения.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 25 января 1917 г.

«Дорогой начальник!

... Уайзман привез невеселые вести из Вашингтона. Он сказал, что внешне и официально ваше послание было встречено дружелюбно, но за этим кроется глубокое недовольство. Это чувство строится на том, что вы выдвигаете предложение об укреплении мира в будущем, в то время как союзники отдают свою кровь и богатства ради этих же целей в настоящий момент. Если бы Германия согласилась на арбитраж, как того требовал Грэй, то не случилась бы эта война. Но Германия отказалась, а союзники делают теперь как раз то, что по вашей идее следует делать в будущем, и потому мы должны проявить больше сочувствия к тому, что они делают сейчас. Они считают, что мы непоследовательны, желая дать Германии возможность избежать наказания за нарушение тех самых правил, которые вы предлагаете на будущее.

Он говорит, что этот взгляд разделяют все союзнические круги в Вашингтоне.

Лично Уайзман считает, что, чрезмерно понуждая в настоящий момент союзников к миру, вы наносите вред делу демократии. Он утверждает, что власть во всех воюющих странах находится сейчас в руках реакционеров и неизбежно окажется в их руках, когда кончится война. Он полагает, что если мы не будем осторожны, то убедимся, что после заключения мира все эти силы в правительствах воюющих стран объединятся, причем не исключена возможность, что их общая ненависть к демократии сосредоточится против нашей страны.

Он говорит, что сперва должен быть заключен мир и только потом выработан план для усиления арбитража. Он считает, что после подписания мира и до соглашения об арбитраже реакционные силы, быть может, откажутся вступить в какую бы то ни было лигу обеспечения будущего мира и найдут какой-нибудь предлог, чтобы повернуться против нас ради спасения автократии.

Это кажется мне весьма отдаленной возможностью, тем не менее, на вашем месте, предосторожности ради, я поспешил бы с проведением военных и морских планов.

Мы плывем по широкому взбаламученному морю, но я твердо верю в конечное благо, к которому приведут ваши благородные усилия.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

3

Речь Вильсона от 22 января была не только программой по организации постоянного мира; кроме того, она предоставляла Германии возможность заявить своему народу и всему миру, что, принимая во внимание ту безопасность, какую, повидимому, обеспечивали принципы Вильсона, она могла позволить себе отказаться от своих требований территориальных гарантий, которые ее враги считали лишь предлогом для оправдания агрессивных аннексий. Своим согласием с предложенными президентом основами мира Германия яснее всего доказала бы искренность своего утверждения о том, что она вела только оборонительную войну.

Чтобы понять, какая возможность была предоставлена Германии, обратимся к положению, создавшемуся в декабре в результате вильсоновской ноты, приглашавшей воюющие страны назвать свои условия. Бернсторф лучше всех знал, как туго натянут был волосок, на котором держались с виду дружественные отношения США и Германии. Хотя германское правительство не держало своего посла в курсе всех дел, но он понимал, что берлинские власти обсуждают проблему возобновления подводной войны, а положительное решение неизбежно ускорит разрыв. Становилось очевидным, что события будут развиваться бурно и предупредить разрыв можно было только фактическим началом мирных переговоров. Он понимал также, что пока Германия не назовет своих условий мира, нет никакой надежды начать переговоры. Если бы ему удалось добыть такое заявление, причем условия оказались бы приемлемыми, то полковник Хауз смог бы поставить этот вопрос перед англичанами. Тем временем президент Вильсон сможет объявить свою программу мирного устройства, которое спасало бы Германию от того политического и экономического уничтожения, которого она страшилась.

Полковник Хауз не был оптимистично настроен: он не раз писал Вильсону, что на германскую дипломатию нельзя полагаться, а сами немцы «ненадежные клиенты». Тем не менее, он знал, что Бернсторф нажимал, где только возможно, чтобы предотвратить возобновление беспощадной подводной войны, и старался ухватиться за всякую, самую малую, возможность на умеренных условиях покончить с войной.

«*27 декабря 1916 г.* Сегодня утром был германский посол,— писал Хауз.—Он недоволен ответом Германии на ноту президента. Он намерен дать своему правительству единственный правильный совет—назвать условия. Но он не верит в то, что правительство объявит о них открыто. Он полагает, что они (немцы) не пожелают послать свои условия через наше министерство иностранных дел, потому что оттуда просачивается очень много сведений.

Поэтому мы уговорились, что если президент одобрит план, то он, Бернсторф, телеграммой запросит у своего правительства условия, которые будут известны только президенту и мне. Я сказал Бернсторфу, что его правительству было бы выгодно исходить из идеи постоянного мира. В этом случае, я полагал, их позиция будет неприступна; они могли бы заявить всему миру, что, независимо от того, как началась война и каковы были интересы различных воюющих стран вначале, сейчас война приняла настолько ужасающие формы, что всем следует объединиться на такой платформе, которая предотвратила бы еще одну подобную войну, и далее, что по сравнению с этим основным фактом вопрос о территории не имеет значения.

Бернсторф согласен это сделать».

В течение последующих недель германский посол, повидимому, вполне искренно боролся со своим правительством, чтобы добиться от него определения условий, которые могли бы положить конец войне, а также принятия Германией общих принципов международной организации, которые Вильсон должен был изложить в своей речи перед сенатом. Бернсторф поддерживал тесную связь с Хаузом, который, независимо от своего недоверия, понимал, как важно было заставить Германию точно назвать свои условия.

Ситуация в Австрии и в Венгрии казалась более благоприятной для начала мирных переговоров. Смерть престарелого императора Франца-Иосифа привела на трон Карла, которого подозревали в недовольстве немецким хозяйничанием в Австро-Венгрии; его жена Зита, из дома Бурбонов, питала дружеские чувства к Франции. Посол Джерард сообщал, что среди венгерцев наблюдается усталость от войны, но в то же время среди немцев растут антиамериканские настроения.

Письмо Джерарда Хаузу

Берлин, 16 января 1917 г.

«Дорогой полковник Хауз!

... Моя жена только что вернулась из Венгрии, где она провела неделю у своей сестры, и сообщает, что там наблюдается большое стремление к миру; те люди, которые год тому назад заявляли, что президенту не придется иметь никакого отношения к миру и к мирным переговорам, теперь говорят, что он единственный возможный посредник. *Это исходит из высокопоставленных правительственных кругов.* Зигрей, ее зять, был виночерпием, чем-то вроде почетного дворецкого на коронационном банкете и разливал вино.

Историческая корона святого Стефана оказалась слишком велика для короля, как вы убедитесь из приложенной фотографии, но маленький наследный принц произвел большое впечатление на население.

Вчера вечером в Зольфе[1] ко мне подошел герцог Мекленбург-Шверин (это не царствующий великий герцог) и громким голосом начал делать мне выговор за экспорт американского оружия и военного снаряжения, что, по его словам, «запечатлелось в германских сердцах» и «никогда не будет забыто». На нем был орден Черного орла, орден Серафима и орден Слона, а он рявкал, как разносчик молока! Его голос и витрина на груди делали его весьма внушительным. Здесь прекрасное место, чтобы практиковаться в сохранении спокойствия...

Всегда ваш *Дж. У. Дж.*».

Бернсторфский план получения от Германии условий, которые могли бы быть секретно переданы союзникам через Хауза, а также речь Вильсона от 22 января, в которой президент требовал организованного мира ради безопасности, указывали Берлину путь к спасению. Для Германии было еще не слишком поздно сохранить свои политические и экономические позиции в Европе, хотя ей пришлось бы отречься от своих милитаристских лидеров и агрессивных замыслов. «Как выглядит все это сейчас?—пишет Грэй в своих мемуарах.—В свете последующих событий ясно, что Германия упустила великолепную возможность заключить мир. Если бы она приняла политику Вильсона и согласилась на участие в конференции, союзники не могли бы отказаться. Они зависели от американского снабжения, они не могли рисковать недовольством правительства США и еще в меньшей степени сближением США с Германией. Немцам остается лишь размышлять

[1] Известный берлинский ресторан.—*Прим. пер.*

о том мире, который они могли бы заключить в 1916 г., и сравнивать его с миром 1919 г.»[1].

Но Берлин оставался глух к этим голосам. Военные правители Германии знали, что для того, чтобы заключить мир, они должны пасть. Они знали, что на те условия, которые они задумали, Вильсон никогда не согласится. И они отказались пожертвовать собой, изменив эти условия, хотя бы это и означало не дать спасения их стране. Было ясно, что после неудачи декабрьских нот о мире и твердого ответа союзников на запрос Вильсона об условиях мира, никакой надежды на достижение целей путем переговоров у немцев не было. Отсюда—решение возобновить подводную блокаду. Адмиралтейство и генеральный штаб обещали посредством этой блокады изолировать Англию, раздавить Францию и победоносно закончить войну. Кайзер и канцлер уступили.

Посол Бернсторф догадывался о ходе событий в Берлине, но о настоящем решении ему не сообщали вплоть до середины января. В течение трех недель он продолжал настаивать, чтобы его правительство назвало условия, каждый день обещал сообщить о них Хаузу и заверял его в готовности Германии согласиться на принципы Вильсона. Полковник, хотя и ободрял Бернсторфа в его усилиях, чувствовал, что его подозрения относительно германских намерений увеличиваются, особенно по мере того как оказывалось, что посол не в состоянии добиться определенных обязательств со стороны своего правительства.

«Сегодня самым интересным посетителем был капитан Гай Гонт,—писал Хауз в конце января.—Я определил ему диагноз положения следующим образом: кайзер, канцлер и Германия вообще желают мира. Фон Гинденбург и Людендорф, которые управляют Германией, полагают, что мир скорее можно добыть мечом, чем переговорами. Поэтому кайзер и канцлер не смогут предложить такие условия, которые были бы приемлемы для союзников. Он, Гонт, говорит мне, что Интеллидженс сервис[2] работает прекрасно. У них имеются отчеты обо всем, что происходит в Берлине, и они часто получают копии очень важных писем и документов. Он говорит, что в одном письме фон Бернсторф излагает свое мнение обо мне и заявляет, что «Хауз у него в кармане». Гонт обещал показать копию этого письма. Я сомневаюсь, говорил ли это Бернсторф»[3].

---

[1] *Э. Грэй,* Двадцать пять лет, т. II, стр. 135.

[2] Английская разведка.—*Ред.*

[3] В одном случае, по крайней мере, Бернсторф писал: «Разумеется, поскольку дело касалось Хауза, я мог довольно легко заставить его держаться в стороне». См. «Официальные германские документы, относящиеся к мировой войне», стр. 981.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 20 января 1917 г.

«Дорогой начальник!

... Прилагаю копию письма, полученного сегодня утром от Бернсторфа. Они ненадежные клиенты и трудно заставить их сделать что-либо определенное. У англичан знаешь, с кем имеешь дело. Они могут быть упрямы и они могут быть глупы, но на них можно положиться.

Немцы пытаются маневрировать, чтобы занять какую-то определенную позицию, но что́ у них на уме, остается загадкой...

Возможно, они маневрируют для того, чтобы подготовиться к возобновлению неограниченной подводной войны. Им хотелось бы возложить всю вину на союзников и оправдать Германию в глазах нейтральных стран за то, что она прибегла к крайним мерам...

Если мы сможем связать Германию конференцией так, чтобы она не могла возобновить свою необузданную подводную войну, это будет большой выигрыш; а раз конференция приступит к работам, она не сможет закончиться ничем иным, как заключением мира.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

19 января Бернсторф был извещен о решении Берлина. Он употребил все силы, чтобы его изменить. Снова и снова телеграфировал он своему правительству, умоляя его отложить объявление подводной блокады или сообщить условия, которые могли бы привести к переговорам, но напрасно. Капитуляция кайзера и Беттмана перед Людендорфом и Гинденбургом разрушила все его старания, которые всегда были направлены к тому, чтобы держать США в стороне от войны и добиться мира через Вильсона.

На следующий день после получения известия о германском решении Бернсторф писал Хаузу в явно удрученном состоянии, твердо намекая, что дальнейшие беседы принесут мало пользы. Хауз предостерег его от опасности возобновления подводной войны. Впрочем это предостережение было излишним, так как сам Бернсторф в своих донесениях в Берлин часто пользовался почти такими же выражениями. По привычке Бернсторф возложил всю вину на «кампанию голода», организованную Англией, несмотря на тот факт, что Германия отказалась прекратить пользование подводными лодками даже в том случае, если Англия согласится прекратить продовольственную блокаду.

Письмо Бернсторфа Хаузу

Вашингтон, 20 января 1917 г.

«Дорогой полковник Хауз!

С тех пор как я вчера вам звонил, я переменил свое мнение и не считаю нужным беспокоить вас посещением в понедельник утром. Все, что я мог сказать вам, я сообщил вчера по телефону и повторяю сейчас, а именно: я боюсь, что Берлин начинает ускользать из наших рук. Чрезмерные требования наших врагов и дерзкий язык их ноты, адресованной президенту, повидимому, раздражили общественное мнение в Германии до такой степени, что результат может быть каким угодно, только не благоприятным для наших мирных планов. Вот почему я надеялся, что немедленно последует какой-нибудь шаг, заявление или нота с тем, чтобы весь мир и главным образом наш народ знали бы, что предложение президента Вильсона о мире еще не потеряло своей силы. В Берлине, повидимому, полагают, что ответ наших врагов президенту надолго положил конец всему движению в пользу мира, и я, следовательно, опасаюсь, что мое правительство может быть вынуждено предпринять соответствующие действия в самом непродолжительном времени.

Сегодня утром я получил ваше письмо от 19 сего месяца. Боюсь, что по указанным выше причинам в настоящий момент будет очень трудно добиться от Берлина каких-либо заявлений об условиях мира. Тем не менее, я вполне готов употребить на это дело все свои силы...

Насколько я понимаю, всякий вопрос приводит нас к одной и той же проблеме, а именно: какие методы мое правительство вынуждено будет под давлением общественного мнения использовать против английской политики голода, от которой в настоящий момент все нейтральные страны в Европе страдают почти в такой же мере, как Германия.

Искренно ваш *И. Бернсторф*.

P. S. Подписывая это письмо, я еще раз вспоминаю о том факте, что все наши разногласия проистекают из одного источника, а именно из того, что Англии разрешили терроризировать нейтральные страны. Незаконными методами Англия разрушила торговлю между нейтральными странами».

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 26 января 1917 г.

«Дорогой начальник!

Бернсторф только что ушел. Он сказал, что вся власть в Германии находится в руках военных во главе с Гинденбургом и Людендорфом. Людендорф, как вы знаете, начальник штаба у Гинденбурга.

В ответ на прямой вопрос относительно влияния и власти кайзера он сказал, что ему кажется, будто кайзер умышленно оставил все в руках Гинденбурга. Вывод был таков, что какие бы ни были совершены ошибки и как бы вопрос ни был решен, это были бы ошибки и решения Гинденбурга, а не кайзера...

Я обратил его внимание на опасность, которая заключалась в отсрочке мира и вероятности конфликта с нами из-за подводной войны. Он признал, что это реальная опасность, так как подводная война начнется с новым рвением и упорством, как только откроется весенняя кампания, и тогда все надежды на немедленное заключение мира исчезнут. Он полагал, что раз весенняя кампания начнется, то мира не может быть до осени. На это я ответил, что если война продлится так долго, то союзники не заключат мира с Германией осенью, так как пожелают затянуть ее еще на одну зиму в надежде, что их блокада окажется эффективной. Это я заявил для того, чтобы рассеять представление, будто мир, которого нет сейчас, наступит осенью.

Я заявил ему, что Германия должна представить вам нечто конкретное и сделать это надо немедленно. Я посоветовал им заявить, что они готовы эвакуировать Бельгию и Францию и согласятся на *взаимное* возвращение территорий, репарации и возмещение убытков. Последнее его, повидимому, смутило, хотя в одной из предыдущих бесед он предлагал это сам.

Я заявил ему, что вы ждете чего-нибудь такого, что можно было бы использовать среди народов союзнических стран, и тогда общественное мнение могло бы заставить правительства обсудить вопрос о мире...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

4

Пять дней спустя германский посол не очень элегантным жестом сбросил маску, которую он носил в течение двух недель.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 30 января 1917 г.

«Дорогой начальник!

Бернсторф только что позвонил мне и сообщил, что завтра он пришлет с курьером очень важное письмо. Я спросил его, было ли оно ответом (на американское требование о германских условиях мира); он ответил: «Частично».

Любящий вас *Э. М. Хауз*».

Письмо Бернсторфа заслуживает внимательного прочтения, ибо трудно было бы найти документ, проникнутый большей иро-

нией. Оно написано в тот же день, когда посол объявил Лансингу, что Германия берет обратно свое обязательство в отношении подводной войны; это заявление, как Бернсторф знал, должно было привести к немедленному разрыву. В момент, когда берлинское правительство решилось на шаг, который означал войну с США, в письме следовали заверения о дружбе к Америке и содержалась просьба к президенту продолжать усилия на пользу мира, который, согласно указанным в письме условиям, мог означать только германский триумф. Какой контраст между этими условиями, изложенными с такой дерзостью, и условиями, установленными Версальским договором! Каким сумасшествием было для правителей Германии толкнуть Вильсона на войну, таким образом обеспечивая собственное поражение в момент, когда он более, чем когда-либо, стремился работать на дело мира, который определил бы ничейный исход!

Основное содержание письма Бернсторфа было, конечно, продиктовано по телеграфу из Берлина и попросту передано послом Хаузу.

Письмо Бернсторфа Хаузу

Вашингтон, 31 января 1917 г.

«Дорогой полковник Хауз!

Я получил из Берлина телеграмму, согласно которой мне поручено выразить президенту благодарность императорского правительства за переданное им через вас сообщение. Императорское правительство выражает свое полное доверие президенту и надеется, что он отплатит таким же доверием. В качестве доказательства я уполномочен конфиденциально информировать вас, что императорское правительство будет чрезвычайно радо принять услуги, с такой любезностью предложенные президентом с целью созыва мирной конференции воюющих сторон. Все же мое правительство в настоящий момент не может опубликовать какие-либо условия мира, так как наши враги опубликовали такие условия мира, которые направлены к обесчещению и уничтожению Германии и ее союзников. Мое правительство считает, что до тех пор, пока наши враги будут открыто заявлять о таких условиях, с нашей стороны означало бы проявить слабость, которой на самом деле нет, если бы мы опубликовали наши условия. Этим мы только затянули бы войну. Все же, для того чтобы выразить наше доверие президенту Вильсону, мое правительство желает через меня информировать его лично об условиях, при которых мы были бы готовы вступить в переговоры, если бы наши враги согласились на наше предложение от 12 декабря:

«Возвращение части Верхнего Эльзаса, оккупированной французами.

Установление границы, которая экономически и стратегически защищала бы Германию и Польшу от России.

Возвращение колоний в форме соглашения, которое отдавало бы Германии колонии, в соответствии с ее населением и экономическими интересами.

Возвращение тех частей Франции, которые оккупированы Германией, при условии стратегических и экономических изменений границы и финансовой компенсации.

Восстановление независимости Бельгии, предусматривающее особые гарантии для безопасности Германии, которые будут установлены путем переговоров с Бельгией.

Экономическая и финансовая взаимная компенсация на основе обмена завоеванными территориями, которые должны быть возвращены по заключении мира.

Компенсация для германских торговых фирм и частных лиц, пострадавших от войны. Отказ от всех экономических соглашений и мероприятий, которые смогли бы создать препятствие для нормальной торговли и сношений после заключения мира, и вместо таких соглашений—заключение разумных торговых договоров.

Свобода морей».

Условия мира наших союзников совпадают с нашими условиями.

Далее, мое правительство согласно после окончания войны участвовать в предложенной второй международной конференции на основе послания президента к сенату.

Мое правительство с радостью отложило бы подводную блокаду, если бы оно могло это сделать. Но это было совершенно невозможно ввиду сделанных приготовлений, которые не могли быть отменены. Мое правительство полагает, что подводная блокада очень скоро покончит с войной. Тем временем мое правительство будет делать все возможное, чтобы охранить американские интересы, и просит президента продолжать его усилия к достижению мира, а мое правительство откажется от подводной блокады, как только станет очевидным, что усилия президента приведут к миру, приемлемому для Германии...

Искренно ваш *И. Бернсторф.*

P. S. Я не мог во-время получить перевод официального ответа на ноту президента, чтобы прислать его вам. Я так спешил передать вам изложенные выше, крайне важные новости, т. е., что блокада будет прекращена в случае, если удастся начать переговоры на благоразумных условиях».

Владыки Германии не питали никаких иллюзий. Впоследствии Беттман заявил перед комиссией германского национального собрания: «Подводная война означала разрыв, а в конечном счете

войну с Америкой». Бернсторф в своих мемуарах пишет: «Внезапное объявление неограниченной подводной войны нанесло смертельный удар всем надеждам на установление мира».

В разных германских кругах часто утверждалось, что объявление беспощадной подводной войны было не причиной, но лишь предлогом для разрыва между США и Германией; могущество американских финансовых интересов так или иначе заставило бы Америку вступить в войну; сам Вильсон был преисполнен симпатий к союзникам. Это утверждение доказывает глубокое непонимание вещей. Никогда Вильсон не был более пацифистски настроен, чем в момент германской декларации; никогда не было для него более ясно, что стремления союзников так же корыстны, как стремления Германии. Единственное, чем можно было убедить его, что он неправ, и превратить его в германофоба, это— выступление Берлина.

Письмо германского посла произвело на полковника Хауза немедленное и определенное действие.

«Абсурдно называть письмо,—писал Хауз,—ответом на наше требование об условиях. Германия, очевидно, уже давно решилась на подводную войну, и выдвинутые ею месяц тому назад мирные предложения, вероятно, были рассчитаны для домашнего употребления и для того, чтобы оправдать позицию свою в глазах нейтральных стран. Германия хочет найти какое-нибудь оправдание для подводной войны и думает, что сможет этого достигнуть своей декларацией о готовности заключить мир».

Полковнику не надо было напрягать свой ум, чтобы понять, что германская декларация означала войну. Он был занят весь вечер, так как слухи распространились по всему Нью-Йорку. Люди говорили: «Вот она, наконец». Произойдут ли беспорядки, взрывы на военных заводах, крушения поездов как практическая демонстрация тех германских интриг, о которых все говорили в продолжение двух лет? Что предпримут интернированные германские суда?

«По мере приближения вечера,—писал Хауз,—возбуждение все росло, так как сведения начали поступать в разные агентства. Меня посетили Уайзман, Гонт, журналисты и т. д. и т. д., чтобы обсудить эти новости. Фрэнк Тромболл пригласил меня на обед в отеле Плаца. Возня с переодеванием, встречи с посетителями и ответы на телеграммы и телефонные звонки были почти невыносимы.

Среди приглашенных Тромболлом гостей должны были быть м-сс Генри Редмонт, Стювезант Фиш и один англичанин, Асквит. Меня все время вызывали к телефону. Уайзман сообщил мне, что в германских и австрийских кругах царило необычайное оживление: всю ночь накануне консульства были открыты,—они что-то замышляют насчет интернированных судов. Поэтому, прежде

чем отправиться в Плаца, я позвонил Дадли Малону и успел его поймать в момент, когда он собирался уезжать на какой-то званый обед. Он отказался от приглашения на обед и тотчас же занялся необходимыми мерами предосторожности в отношении интернированных судов.

Я вынужден был, не дожидаясь конца, покинуть общество, собранное Тромболлом для развлечения, так как сговорился встретиться с Малоном перед отъездом в Вашингтон с 12-часовым поездом.

Дадли Малон приехал ко мне в 11 часов, и мы вместе отправились на вокзал. Я заметил, что среди служащих Пенсильванской железной дороги, которые знали о моем отъезде в Вашингтон, царило сильное, но скрываемое возбуждение. С того момента, как газеты выпустили экстренные издания, предвещавшие серьезное положение, атмосфера сразу стала напряженной».

Хауз приехал в столицу как раз во-время, чтобы поспеть к завтраку в Белом Доме. Утро он провел с Вильсоном и к половине двенадцатого Лансинг набросал текст официальных документов, которые порывали отношения между Германией и США.

ГЛАВА XV

КОНЕЦ НЕЙТРАЛИТЕТУ

«Но право — более драгоценно, чем мир».

Из послания Вильсона к конгрессу, 2 апреля 1917 г.

1

31 января 1917 г., в тот день, когда Бернсторф раскрыл перед Хаузом секретные германские условия, он послал Лансингу по существу ясное, хотя и завуалированное красноречием уведомление о том, что Германия намерена возобновить беспощадную подводную войну.

«Начиная с 1 февраля 1917 г., без дальнейшего уведомления мы будем любыми доступными нам средствами останавливать всякое движение судов в запрещенной зоне, окружающей английские острова, и в Средиземном море; нейтральные суда, курсирующие в этих зонах блокады, совершают это на свой риск; рейсы американских пассажирских судов могут продолжаться на известных условиях, а именно: суда должны следовать по фарватеру, указанному немцами, иметь на себе известные отличительные знаки (красные и белые полосы на корпусе и красный флаг с белыми клетками) и не везти никакой контрабанды согласно германскому списку контрабанды.

При соблюдении этих условий можно отправлять раз в неделю в обоих направлениях по одному судну».

Бессознательный юмор этих требований, по крайней мере в глазах американцев, не лишал уведомления его мрачного значения, ибо это было кульминационным пунктом долгого спора между США и Германией, прелюдией к вступлению Америки в мировую войну. Начиная с весны 1915 г., президент Вильсон протестовал против использования Германией подводных лодок, что неизбежно приводило к отказу от обычая предупреждать и к пренебрежению жизнью мирных пассажиров. Неохотно,

пытаясь всячески увильнуть, Германия согласилась сузить поле деятельности подводных лодок путем соблюдения правил о предупреждении и обыске. После потопления «Суссекса», весной 1916 г., Берлин обещал, что торговые суда не будут потопляться «без предупреждения и без спасения человеческих жизней». Антивильсоновское настроение среди многочисленных сторонников Антанты было настолько глубоко, что заслонило собой значение услуги, действительно оказанной Вильсоном союзникам путем ограничения действий подводных лодок. В то же время он оказал большую услугу, охраняя нейтральные права. К негодованию германских экстремистов Германия воздерживалась от подводной войны благодаря американским протестам.

В Германии придавали очень большое значение этой фактической, хотя формально нейтральной помощи, оказанной Антанте Америкой, равно как обширному вывозу американского военного снаряжения в Англию и во Францию. Во всяком случае германское верховное командование пришло к убеждению, что в качестве нейтральной страны США гораздо больше затрудняли германскую победу, сдерживая неограниченную подводную войну, чем действуя в качестве воюющей страны. Оно предпочитало, чтобы США непосредственно вступили в войну, чем лишали Германию единственного оружия, которое могло изолировать Англию и доставить немцам победу. Отсюда решение вернуть себе свободу действий в подводной войне и отказаться от обязательства, данного Берлином прошлой весной.

Это решение не было неожиданным. Еще ранней осенью люди в письмах из Берлина предупреждали, что если Вильсону не удастся завязать мирные переговоры, то на канцлера будет оказано непреодолимое давление с целью использовать любой доступный Германии вид оружия. Декабрьская нота Вильсона была результатом его убеждения в необходимости предпринять какой-то шаг для того, чтобы предотвратить опасность разрыва с Германией по вопросу о подводной войне. Даже в последующие дни и недели, в то время как Бернсторф расточал свои обещания добиться от Берлина умеренных условий мира, полковник Хауз оставался скептически настроенным. Он знал, что либеральные тенденции в германском правительстве потерпели поражение, и начинал подозревать, что целью декабрьских и январских переговоров было укрепить дух германского народа и создать впечатление, что война с немецкой стороны ведется исключительно ради самозащиты.

Вот почему письмо Бернсторфа, в котором он заявлял о возобновлении беспощадной подводной войны, не могло особенно удивить полковника Хауза, хотя и принесло горькое разочарование. Когда в ответ на вызов президента он 31 января садился в ночной поезд, отправлявшийся в Вашингтон, то понял, что не

только окончательно рухнули по вине германского правительства все надежды на американское посредничество, но, кроме того, приходил конец долгому периоду американского нейтралитета.

«Я отправился прямо в Белый Дом,—писал Хауз,—и завтракал один. Вскоре после завтрака появился президент; мы вместе провели время до двух часов дня. Я вручил ему письмо Бернсторфа, он прочитал его вслух. Он сразу увидел, насколько малоубедительным оно было. Если судить по телеграмме его правительства, то уверения Бернсторфа звучали насмешкой.

Президент сказал, что Лансинг готовит сообщение Бернсторфу, в котором приводит цитаты из наших и их нот по поводу «Суссекса» и их обещания от 4 мая. Это подготовляется на случай, если окажется целесообразным вручить Бернсторфу паспорта».

Казалось бы, что Вильсон гораздо больше, чем Хауз, полагался на посулы Бернсторфа о мирных предложениях Германии, которые смогли бы привести к переговорам. Инстинктивно он чувствовал, какую угрозу таит объявленная немцами мера, но ему казалось невероятным, чтобы все это могло случиться в момент, когда они только и говорили что о мире. Внезапный грубый трюк вызвал у него такой приступ гнева против германского правительства, какого у него не случалось по поводу прошлых поступков немцев. Он слишком понадеялся на то, что ему удастся созвать воюющих, и оттого досада его была еще сильнее.

«Президент был грустен и подавлен,—продолжал полковник запись,—и мне за целый день не удалось поднять его настроение. Он был глубоко раздосадован внезапным и ничем не вызванным поступком германского правительства... Президент говорил, что у него такое чувство, словно земной шар пошел вспять, и что сам он не может успокоиться.

Дольше всего мы обсуждали вопрос о том, вручить ли Бернсторфу паспорта или же подождать, пока немцы не совершат какого-либо открыто враждебного акта. Обсуждение этого вопроса возобновилось после прихода Лансинга. Мы согласились на том, что лучше вручить паспорта немедленно—возможно, что в таком случае немцы одумаются. Если же мы стали бы ждать прямого действия, они решат, что мы покорно приняли их ультиматум. Кроме того, я думал о том, какое действие на союзников окажет вручение паспортов. Наша позиция будет несравненно более благоприятной, если мы будем действовать быстро, не выжидая.

В столице и по всей стране люди оживленно обсуждали, что предпримет Вильсон. В частном кабинете в Белом Доме вопрос, повидимому, был ясен. После потопления «Суссекса» президент окончательно предупредил Германию, что дальнейшее неограниченное использование подводных лодок означало бы разрыв дипломатических отношений, и теперь он готов был осуществить свою угрозу. Впоследствии недоброжелатели Вильсона заявляли,

что шаг, который он тогда обдумывал, следовало предпринять в связи с любым из того десятка случаев, которые имели место на протяжении предыдущих полутора лет. Но Вильсон решил, что разрыв не должен произойти из-за неясных причин. В каждом случае потопления судов, начиная с «Лузитании», показания были противоречивы. Но теперь Германия хладнокровно угрожала правам человечества, и терпению президента пришел конец.

Но даже теперь Вильсон отказывался поверить, что дипломатический разрыв означает войну. Может быть, он исходил из доводов Уолтера Пэйджа, который утверждал, что одним лишь фактом отправки Бернсторфа домой США произведут на Германию такое впечатление, что она убедится в безнадежности своего дела, и война прекратится.

Полковник Хауз с этим не соглашался. Он всегда был убежден, что дипломатический разрыв неизбежно приведет к войне; его уверенность еще более усилилась оттого, что поражение либеральных элементов в Берлине означало непоколебимую решимость Германии довести подводную блокаду до предельного эффекта.

«Президент настойчиво заявлял,—писал Хауз,—что не позволит, чтобы этот шаг привел к войне, если будет хотя бы малейшая возможность ее избежать. Он все твердил, что со стороны нашего правительства было бы преступлением дать себя вовлечь в войну настолько, чтобы впоследствии сделать невозможным спасение Европы. Он говорил о Германии как о «сумасшедшем, которого надо связать». Я спросил его, считает ли он честным по отношению к союзникам просить их связать этого сумасшедшего, а нам самим остаться в стороне. Мой вопрос заметно смутил его, но он продолжал настаивать на своей решимости не быть вовлеченным в войну, если избежать ее окажется не в человеческих силах.

Утро мы провели в бездействии, пока в половине двенадцатого не пришел Лансинг. Президент нервным движением убрал на полку свои книги и начал ходить взад и вперед по комнате. М-сс Вильсон заговорила о гольфе и спросила меня, считаю ли я удобным, чтобы президент отправился поиграть в гольф. Я полагал, что американский народ считал бы, что в такое время президенту не следует заниматься подобными обыденными делами.

Публика не имеет никакого представления о том, что творится за кулисами в периоды государственных кризисов подобного рода. Если бы она смогла увидеть авторов и декорации и то, как готовится такая трагедия, для публики это было бы откровением. После того как дело решено, нельзя ничего предпринимать, пока не настанет время поднимать занавес. Это произойдет тогда, когда президент выступит перед конгрессом, чтобы объявить, почему он отсылает германского посла. В ожидании мы равнодушно убивали время. За полчаса мы покончили с вопросом и больше говорить было не о чем. Наконец, президент предложил сыграть на биллиар-

де[1]. К концу второй партии доложили о приходе Лансинга. Втроем мы перешли в кабинет.

Лансинг мыслил настолько одинаково с нами, что мы почти не дискутировали. Он прочитал написанный им текст, и мы его одобрили. Президент показал ему германское сообщение, переданное германским послом через меня. Лансинг взял его, чтобы снять копию, и ушел.

Президент спросил, не следует ли ему, по моему мнению, созвать на сегодня заседание кабинета. Я считал, что в этом нет необходимости; он мог созвать его завтра в обычное время, так как было решено, что паспорта Бернсторфу будут вручены не ранее утра субботы. Президент обещал председателю комиссии внешних сношений, сенатору Стоуну, не вручать паспорта Бернсторфу, предварительно не уведомив его, Стоуна. Стоун находится в Сент-Луисе, президент телеграфировал ему, чтобы он немедленно выехал в Вашингтон».

3 февраля в послании к конгрессу Вильсон объявил о разрыве дипломатических отношений с Германией. Раздосадованный и возмущенный в своих чувствах поступком германского правительства, он, тем не менее, подчеркнул мирный характер политики, которую он надеялся продолжать.

«Я отказываюсь верить в намерение германских властей совершить то, о чем они предупреждали нас, что будут считать себя вправе совершить... Даже сейчас только действительно враждебные действия с их стороны смогут заставить меня этому поверить... Мы желаем служить не корыстным целям в помыслах наших и действиях, мы хотим оставаться верными принципам нашего народа, установленным с незапамятных времен... Они образуют основы мира, но не войны. Дай бог, чтобы злостная несправедливость правительства Германии не заставила нас силой защищать эти принципы».

Хотя полковник Хауз был убежден в неизбежности войны, он, тем не менее, использовал все свое влияние для того, чтобы предотвратить рост воинственной истерии, и предупреждал своих английских друзей, чтобы те не пытались понуждать Вильсона к действиям или торопить его. Хауз вернулся в Нью-Йорк.

«*3 февраля 1917 г.* Повсюду наблюдается сдержанное волнение. Поле действия—за англичанами. Все они либо звонили, либо заходили. Самым интересным посетителем был Уиллерт из лондонской «Таймс». Я посоветовал ему, так же как Дилноту из лондонской «Кроникл» и другим корреспондентам, не посылать своим газетам слишком восторженных сообщений; хотя президент и порвет дипломатические отношения с Германией, но это

[1] Согласно позднейшему заявлению Хауза, ни он, ни президент в этой игре искусны не были.

еще не означает войны. Я полагал, что союзники будут обрадованы новостями и в течение десяти-пятнадцати дней президент будет пользоваться популярностью. Затем последует обычная реакция, подвернется что-нибудь новое, что позволит им вернуться к своему критическому тону. Я считал, что к президенту относились несправедливо и эту несправедливость необходимо исправить.

Я утверждал, что США не испытывают никакой трусости, хотя союзники никак не могли этому поверить. С их стороны это объяснялось непониманием вещей, но тем не менее оно существовало, а мы не могли заставить себя испытывать чувства благодарности по отношению к Англии и Франции за те бои, которые они, по их мнению, вели и за себя и за нас.

В последующие дни заботы Хауза удвоились. Он проводил долгие часы с редакторами и журналистами всех направлений. Он составлял с агентами контрразведки планы на случай возможных беспорядков и заговоров. Он неустанно трудился над тем, чтобы внушить американским немцам, что их судьба неразрывно связана с судьбой Америки, и убедить их предоставить свое знание Германии на службу США.

«*5 февраля 1917 г.* Моим первым посетителем был начальник контрразведки Флинн,—писал Хауз.—Я показал ему несколько телеграмм от нашего посла в Берне, сообщавшего о заговоре на жизнь президента и называвшего фамилию одного немца в Нью-Йорке, замешанного в этом деле. Мы всесторонне обсудили вопрос о возможных беспорядках у нас на случай войны с Германией.

Со мной завтракал фон Виганд. Я хотел почерпнуть у него дополнительные сведения о положении в Германии. Я встречаюсь с этими немцами и американскими немцами, узнаю, что они знают или что хотят сказать, и, как в китайской головоломке, пытаюсь сопоставить все сказанное...»

«*6 февраля 1917 г.* В десять утра зашел Ральф Пулитцер. Я пытаюсь заставить всех редакторов и издателей газет воздержаться от всяких сенсационных сообщений и советую им сохранить спокойствие. Я также стараюсь предотвратить всякие враждебные высказывания по адресу американских немцев. Пулитцер мне сочувствует».

«*7 февраля 1917 г.* Начальник полиции Вуд приходил ко мне, чтобы поговорить об общем положении и сообщить мне о принятых мерах... выдвинул мысль о том, чтобы мэр назначил комитет безопасности... Суть в том, чтобы в комитете было побольше американских немцев».

«*15 февраля 1917 г.* Приходил Флинн для обсуждения дел контрразведки».

«*16 февраля 1917 г.* К завтраку пришел Рой Говард из «Юнайтед пресс» и Дадли Малон. После завтрака я сообщил Говарду о принятых мною мерах сохранения спокойствия среди американ-

ских немцев; он согласился мне помочь. Я связал его с начальником полиции и мэром. Когда здесь начнется движение в пользу образования комитетов безопасности, он уведомит через «Юнайтед пресс» мэров всех городов США, чтобы они создавали у себя аналогичные комитеты.

Меня посетил Герман Риддер из «Статс-цейтунг», пришедший заявить о лойяльности американских немцев. Я одобрил выдвинутый им план объединения их в комитеты, которые будут помогать мэрам. Не оставалось ничего иного, как горячо поддержать этот план, так как это был тот план, о котором Риддер услышал стороной, через мэра и Вуда. Я поздравил его с патриотичностью американских немцев и всячески постарался усилить это чувство».

«*9 марта 1917 г.* Ко мне заходил Филиппс; он наблюдал часть моей напряженной работы и удивлялся, как я выдерживаю до вечера. Я ответил ему, что это объясняется тем, что я хорошо сплю и ни о чем не беспокоюсь, как бы серьезны ни были дела. Если бы я не обладал этой способностью, то в такие решающие дни меня нехватило бы и на неделю...»

«*10 марта 1917 г.* Мы с Фрэнком Полком вели по телефону долгий интересный разговор о текущих делах. Напомню, что около половины всего, что я делаю, почти не зафиксировано в виде документов, так как проводится главным образом путем телефонных и личных разговоров. Например, министерство иностранных дел сообщается со мной почти ежедневно, а иногда и почаще...»

«*16 марта 1917 г.* Первым посетителем был Пол Уорбург. Он очень честный человек, хотя склоняется в своих симпатиях к немцам. Он знает, что в настоящий момент сотрудничество с союзниками необходимо в интересах нашей страны...»

«*25 марта 1917 г.* Несмотря на то, что сегодня было воскресенье, это был один из моих самых занятых дней. Он начался в 10 часов с пацифистов; в том числе были Амос Пинчот, Пол Келлог и мисс Лилиан Уолд. Я думаю, что успокоил их, заявив, что президент знает о положении больше чем они, и точно так же, как они, пытается избежать войны...»

«*30 марта 1917 г.* Первым моим посетителем был N. Он пришел.., как сам сказал, затем, чтобы я прочистил ему мозги. Повидимому, это занятие больше понравилось ему, чем мне».

2

Даже после того, как граф фон Бернсторф окончательно убедился в разрыве дипломатических отношений, он продолжал стараться предотвратить войну США с Германией и возобновил попытки приостановить затеянную его правительством подводную блокаду.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 10 февраля 1917 г.

«Дорогой начальник!

Сегодня утром ко мне пришел голландский посланник. Он сказал, что одной из причин того, что нейтральные страны не отозвались на ваш призыв, является то, что нейтральные страны в течение двух лет пытались добиться вашего сотрудничества, но вы отказывались до того момента, пока не разразился кризис.

Он полагает, что если вы созовете нейтральную конференцию в Вашингтоне и предложите, чтобы представителями на ней были посланники, то сможете добиться того, чтобы нейтральные страны присоединились к США для составления плана действий против нарушения морских прав.

Я подозреваю, что этот план внушен ему Бернсторфом, его самым близким другом в дипломатическом корпусе.

Зная что Ван-Раппард (голландский посланник) передаст Бернсторфу все мои слова, я с выгодой для себя использовал представившуюся возможность. Я дал ему кое-какое понятие о потенциальной силе нашей страны с военной, финансовой и промышленной стороны и заявил ему, что если нас толкнут на войну, то даже усилия Англии покажутся пустяком в сравнении с тем, что можем сделать и сделаем мы...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

15 февраля Бернсторф и чины его посольства отплыли из Нью-Йорка. Его отъезд был отмечен отсутствием враждебного настроения, что могло показаться удивительным ввиду циркулировавших слухов об участии германского посольства в заговорах и пропаганде. Хауз был убежден, что лично Бернсторф хорошо позаботился о том, чтобы ничего не знать об интригах фон Паппена и Бой-Эда; он был уверен в искренности и усердии посла в его стараниях предотвратить возобновление подводной войны. Впоследствии, когда были опубликованы письма Бернсторфа к своему правительству, уверенность Хауза нашла подтверждение. До того момента как Германия взяла обратно свое обязательство, данное в связи с «Суссексом», Хауз старался удержать Бернсторфа в Вашингтоне, так как видел в нем орудие, при помощи которого можно было сдерживать экстремистов в Берлине. Со своей стороны, германский посол покинул США, проникнутый самыми дружескими чувствами к полковнику.

«Сегодня утром звонил Дадли Малон,—писал Хауз 15 февраля,—и сообщил об отъезде Бернсторфа. Он сказал, что супруги Бернсторф были невыразимо грустны. Посол просил передать мне: «Кланяйтесь ему и скажите, что он мой лучший друг в Америке. Он много раз выручал меня, и если бы не он, то я не смог

бы оставаться здесь так долго». Хотя эти слова несколько патетичны, но я действительно сделал многое для Бернсторфа; однако все это было сделано в соответствии с долгом, в моем понимании...»

Стремление Вильсона избежать войны не поколебало его решимости не итти ни на какой компромисс с Германией до тех пор, пока она будет продолжать подводную войну. 11 февраля Хауз узнал, что швейцарский посланник, который взял на себя защиту германских интересов в США, предложил начать переговоры о восстановлении дипломатических отношений. Чиновники министерства иностранных дел, повидимому, опасались, что президент уступит. Но президент был непоколебим и заверил Хауза, что тот может не бояться никаких уступок.

«Из Вашингтона звонил Фрэнк Полк,—писал Хауз 12 февраля,—чтобы сообщить мне об ответе президента на германские авансы, сделанные через швейцарское правительство. Вчера вечером звонил Полк и просил меня написать об этом президенту. Это я сделал, и письмо пришло к нему сегодня утром».

«*13 февраля 1917 г.* Полученное сегодня утром письмо от президента убедило меня, что не было оснований беспокоиться о швейцарско-германском ходе; ничего из этого не выйдет. Вильсон настаивает на том, что если они желают сейчас разговаривать с ним, то должны возобновить и выполнить обязательство от апреля прошлого года или же предложить мир на условиях, которые позволили бы нам действовать».

Отъезд фон Бернсторфа был встречен общественным мнением недвусмысленным чувством одобрения, и по крайней мере на атлантическом побережье считалось, что война с Германией почти неизбежна. Но до кабинета Хауза доходили противоречивые мнения разных кругов.

«Глава компании «Дженерал моторс» Дюрант посетил меня для того, чтобы выразить надежду, что президент избавит нас от войны. Он только что вернулся с Дальнего Запада и утверждает, что за весь путь—от Калифорнии до Нью-Йорка—он видел только одного человека, который хотел войны. Дюрант говорит, что мы сидим на вулкане и война может вызвать его извержение. Я не совсем понимал его доводы и не согласен с ними. Его удивил рассказ о моей миротворческой деятельности, которую я начал перед войной и продолжал непрерывно вплоть до нашего разрыва с Германией».

Возможность начать мирные переговоры через Австрию, оставляла еще одну лазейку, которую Вильсон и Хауз хотели изучить. Новый австрийский посол, граф Тарновский, приехал в Вашингтон почти одновременно с объявлением Германией своего решения возобновить подводную войну; вскоре же из Вены прибыл секретарь посла Пенфилда, привезший с собой вести, что в Австро-Венгрии все хотят мира.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 8 февраля 1917 г.

«Дорогой начальник!

... Только что приехал секретарь Пенфилда, Кардеза. Он дал мне вразумительное резюме о положении в Австрии.

Там требуют мира.

Австрийцы на ножах с венгерцами, и правительство не осмеливается созвать парламент. Многие депутаты в тюрьме. Между немцами и австрийцами большой антагонизм, но австрийские войска находятся главным образом под командованием германских офицеров.

Продовольственные условия скверные, но он считает, что австрийцы смогут протянуть еще одну зиму. Наблюдается недостаток в металлах, что является, пожалуй, самой серьезной их проблемой... Враждебного чувства к Америке почти нет.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

«К моему великому удивлению,—писал Хауз в момент, когда Вильсон решился отослать Бернсторфа домой,—Лансинг согласился с президентом и со мной в том, чтобы, если это окажется возможным, удержать австрийского посла. Я посоветовал президенту немедленно взяться за Тарновского и проверить, не сможем ли мы выдвинуть предложение о мире через австрийцев. Мне думается, что мы совершили ошибку, ограничившись англичанами и немцами, так как они-то и являются настоящими и самыми упорными из всех воюющих. Этот конфликт в такой большой мере вызван спором о превосходстве одной из этих двух стран, что ни та, ни другая и слышать не захотят о благоразумном мире, если их союзники не заставят их прислушаться».

Вернувшись в Нью-Йорк, полковник Хауз убедился, что либеральные элементы в английских кругах, представленные сэром Уилльямом Уайзманом, считают, что стоит попытаться действовать через Австрию[1].

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 2 февраля 1917 г.

«Дорогой начальник!

... Сегодня утром я говорил с Уайзманом и убедился, что он мыслит одинаково с вами, Лансингом и мною. Он считал есте-

---

[1] В этот период шурин императора Карла, принц Сикст Бурбонский, офицер бельгийской армии, вел тайные переговоры, которые, как рассчитывали англичане и французы, должны были привести к сепаратному миру с Австрией. Сикста поддерживал Камбон из французского министерства иностранных дел и Ллойд-Джордж. См. *Мантейер*, Австрийское предложение о мире.

ственным, что вы отослали домой Бернсторфа, но выразил надежду на то, что как-нибудь удастся удержать Тарновского, через которого, по мнению Уайзмана, можно будет вести переговоры о мире, и притом в гораздо более удовлетворительной мере, чем через германское правительство, к которому союзники относятся с таким подчеркнутым недоверием...

В конце концов, отправка Бернсторфа, повидимому, окажет помощь общему делу...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

«*4 февраля 1917 г.* Сегодня рано утром звонил Фрэнк Полк, чтобы сообщить о новостях в Вашингтоне, в частности, обо всем, касающемся Тарновского. Они следуют нашему плану и пытаются отделить его от Бернсторфа, чтобы не порвать отношений с Австрией».

Все же необходимо было удостовериться, что Австрия не примет участия в объявленной Германией беспощадной подводной войне, но Хауз, очевидно, весьма в этом сомневался. «Если Австрия будет поддерживать новую германскую политику подводной войны,—писал он Вильсону 7 февраля,—то на вашем месте я отправил бы всю компанию домой вместе с немцами».

Никаких сведений о позиции Австрии не поступало, и 10 февраля в Вену была послана нота с запросом о намерениях Австрии в отношении подводной войны и о том, следует ли все еще считать в силе заверения, данные после потопления «Персии» и «Анконы». 6 марта пришел уклончивый ответ. Габсбургское правительство подтвердило заверения, данные в связи с инцидентом с «Анконой», но одновременно настаивало на том, что подданные нейтральных стран, путешествующие через запрещенную зону на судах воюющих стран, совершают эти переезды на свой риск. При подобных обстоятельствах было решено, что графу Тарновскому не разрешат вручить его верительные грамоты, и дипломатические отношения с Австрией должны быть прерваны. Война была объявлена Австрии только в декабре, но уже тогда, в марте, было покончено со всеми надеждами заключить мир через Австрию.

3

Прежде чем предпринять дальнейшие шаги против Германии, Вильсон ждал того, что он называл «прямым действием», но возможность избежать военных действий с каждым днем все уменьшалась.

«Слова президента, сказанные мне несколько недель назад,—писал Хауз 12 февраля,—о том, что наша страна в войну не вступит, повидимому, не оправдаются, так как мы приближаемся к войне с быстротой, какой следовало ожидать».

Недоброжелатели президента жаловались, что он предоставил стране плыть по течению вместо того, чтобы руководить ею. Ответить на эту критику можно тем, что в течение восьми недель, последовавших за отъездом Бернсторфа, общественное мнение убедилось, что война необходима. Преждевременное объявление войны, всякая попытка Вильсона ускорить вступление страны в войну ослабили бы впечатление, что он сделал все, что мог, чтобы сохранить мир, и решился на войну как на последнее средство защиты американской чести и безопасности. Именно это впечатление заставило даже наиболее пацифистски настроенные местности с энтузиазмом выполнить нормы рекрутского набора, и избавило страну от того, чтобы появилась категория отказывающихся от военной службы по тем или иным убеждениям.

Дурная германская дипломатия могла только укрепить в США чувство неизбежности войны с Германией. 26 февраля Фрэнк Полк вызвал по телефону полковника Хауза и сообщил, что английская морская разведка перехватила и расшифровала сенсационную телеграмму от германского министерства иностранных дел германскому посланнику в Мексике фон Экхардту. Подписанная Циммерманом и датированная 16 января, телеграмма гласила о неизбежности неограниченной подводной войны и предлагала германскому посланнику, в случае войны с США, попытаться заключить германско-мексиканский союз, предусматривающий оказание Мексике помощи в том, чтобы отвоевать для нее штаты Нью-Мексико, Техас и Аризону. Далее Циммерман рекомендовал, чтобы Карранса попытался связаться с Японией.

Полк прекрасно понимал, что опубликование этой телеграммы вызвало бы взрыв негодования по всей стране; она в огромной степени усилила бы народную поддержку президента в любом шаге, который он предпримет против Германии для защиты американских прав на море. Возможно, что это же соображение побудило англичан передать расшифрованную телеграмму в Вашингтон. Сам Вильсон был обеспокоен и опасался, не вызовет ли опубликование телеграммы кризиса, над которым он был бы невластен. Хауз настаивал на немедленном опубликовании телеграммы.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 27 февраля 1917 г.

«Дорогой начальник!

Я нисколько не удивлен германским предложением, адресованным Мексике. Я уже давно знал, что они выработали планы создания всевозможных неприятностей для того, чтобы отвлечь наше внимание в случае открытия военных действий.

Надеюсь, что вы опубликуете сообщение завтра, оно произведет глубокое впечатление на конгресс и на страну...

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Опубликование германского сообщения произвело ожидаемое впечатление. Многие, естественно, сомневались в подлинности телеграммы; но Лансинг официально заверил конгресс, а Циммерман сам сознался в ее подлинности. Строились всевозможные догадки о том, каким путем она была перехвачена: ходили слухи о том, что дипломатический курьер был схвачен американскими пограничниками на мексиканской границе, что копия с телеграммы была снята у Бернсторфа в Галифаксе, что телеграмма была найдена в таинственном ящике, обнаруженном англичанами на пароходе, на котором ехал Бернсторф.

Очевидно, немцы сами не знали, как была перехвачена телеграмма. Очень немногие подозревали, что телеграмму достало не американское министерство иностранных дел, а английское адмиралтейство, передавшее ее американскому посольству в Лондоне. Тайна получения компрометирующей телеграммы строго соблюдалась даже среди союзников, и не появилось никаких нескромных намеков на то, каким именно образом она была перехвачена.

«Ко мне приходил сотрудник английского посольства Хоулер,— писал полковник Хауз 9 марта,—чтобы обсудить мексиканский вопрос... Он спросил меня самым наивным тоном, как мы получили циммермановскую телеграмму. Я ответил: «Полагаю, вы знаете». Он уверял меня, что не имеет ни малейшего об этом представления, а если посол об этом и знал, то ничего ему не сказал. Он заявил, что пожурит посла за его скрытность. У меня есть основание подозревать, что раскопать все помог Хоулер... «Блинкер»[1] Холл, глава английской морской разведки, был тем, кто достал, расшифровал и передал нам телеграмму».

Начальник морской разведки, адмирал Холл, с первых дней войны проявил гениальную способность перехватывать и раскрывать германские тайны. Он очень широко раскинул сеть и, что еще важнее, никогда не давал немцам даже повода это подозревать. В данном случае он перехватил телеграмму в городе Мексико, несмотря на утверждение фон Экхардта, что телеграммы не выходили за пределы стального сейфа и рук одного человека, который их расшифровывал и прочитывал посланнику ночью «шопотом». Это было одной из многих проделок Холла, знавшего вплоть до конца войны больше тайн германского министерства иностранных дел, чем сами немецкие шпионы. Несомненно, он сыграл свою роль в том, чтобы внушить Америке, что война с Германией неизбежна.

---

[1] «Мигающий».—*Прим. пер.*

Письмо Хауза Холлу

Нью-Йорк, 22 сентября 1917 г.

«Дорогой адмирал Холл!

Мне хочется поздравить вас с отличной работой, которую вы вели.

Мне думается, что вы в значительной мере ответственны за свержение недавнего германского министерства; падение Циммермана несомненно явилось результатом опубликования его ноты германскому послу в Мексике.

Сейчас я не смог бы назвать человека, который оказал бы большую пользу в этой войне, чем вы, и я вас приветствую.

Искренно ваш *Э. М. Хауз*».

Менее эффектное, но гораздо большее практическое значение имела блокада американского судоходства в результате новой подводной кампании. Перед лицом германских угроз судовладельцы и пароходные компании решили не выпускать свои суда в море. Министерство иностранных дел сообщило пароходной компании «Америкен лайн», что права американских судов «пересекать все моря так же остаются в силе, как и до опубликования германской декларации, и что торговые суда нейтральной страны, если их владельцы считают, что на них может быть произведено незаконное нападение, могут принимать любые меры, чтобы предотвратить подобные нападения или сопротивляться им». Но 7 февраля было объявлено, что правительство не будет предоставлять конвойные суда. Американское судоходство постепенно сокращалось; и хотя, как указал Вильсон, это зло являлось скорее результатом страха, а не фактической угрозы, оно влекло за собой унижения и материальные жертвы, вскоре ставшие невыносимыми.

26 февраля президент выступил перед конгрессом, требуя предоставления ему права вооружать торговые суда и принимать другие необходимые меры для защиты американских граждан и имущества на морях. Его требование означало состояние «вооруженного нейтралитета», мало отличающееся от войны. Вильсон подчеркивал тот факт, что, несмотря на четыре недели ведения беспощадной войны, «прямое действие» еще не было совершено, но «глупо было бы отрицать, что положение чревато серьезнейшими возможностями и опасностями. Ни один мыслящий человек не может не видеть, что необходимость решительных действий может наступить в любой момент, если мы не на словах, а на деле собираемся защитить наши элементарные права нейтральной державы. Нет ничего неразумнее, чем неподготовленность». Президент закончил свою речь требованием соблюдения прав гуманности, «без которой нет цивилизации... Мы говорим не о корыстных

материальных правах, а о правах, которые поддерживают наши сердца и основываются на законном стремлении к справедливости и на которых должны покоиться все основы семьи, государства и человечества, как на главном фундаменте нашего существования и нашей свободы».

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 26 февраля 1917 г.

«Дорогой начальник!

Я уверен, что ваша сегодняшняя речь перед конгрессом будет одобрена всеми американцами. Последние два пассажа представляют лучший образец английского языка.

Генри Уайт сообщил вчера вечером, что перед отъездом Бернсторф сказал ему, что, отправляя его домой, вы поступили так, как только и можно было поступить при сложившихся обстоятельствах. Он сказал, что Бернсторф глубоко сожалел о поступке своего правительства и говорил, что ваши старания привели бы к скорому заключению мира, если бы их не прервали.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

В ответ на обращение Вильсона палата представителей выдвинула законопроект о предоставлении президенту права вооружать торговые суда. Этот закон был проведен 1 марта 403 голосами против 13-ти. 27 февраля сенатская комиссия по внешним сношениям горячо одобрила закон, вопреки резкой оппозиции со стороны председателя комиссии, сенатора Стоуна из Миссури, в течение двух лет противившегося всякому мероприятию, которое, по его мнению, ставило под угрозу мирные отношения с Германией. Под его и сенатора Лафолетта руководством была организована обструкция, угрожающая провалить законопроект, так как сессия сената автоматически заканчивалась 4 марта.

3 марта полковник Хауз приехал из Нью-Йорка для того, чтобы присутствовать при торжественном возобновлении полномочий президента[1] и при развертывании конфликта в сенате.

«Мы немедленно поехали в Белый Дом. После чая мы с президентом удалились в кабинет, где он прочитал мне свое вступительное послание к конгрессу. Оно заслуживало всяческой похвалы и не нуждалось в критике, так как представляло повторение его обращения к сенату от 22 января.

Мы были очень озабочены тем, как сенат отнесется к законопроекту о разрешении вооружать торговые суда, и ни о чем другом мы почти не говорили. В доме были и другие гости, почти исключительно родственники...»

---

[1] Вновь избранный или переизбранный в первых числах ноября президент вступает в должность 4 марта следующего года.—*Ред.*

«*4 марта 1917 г.* Сумрачный день, дует сильный ветер, и идет проливной дождь. Президент и м-с Вильсон уехали в Капитолий[1] в 10 ч. 30 м. Это нужно для того, чтобы президент мог подписывать законопроекты по мере их поступления из конгресса и быть готовым к принятию присяги на должность в 12 часов. Они просили меня поехать с ними, но я решил этого не делать...»

В продолжение всего томительного заседания 3 марта, вплоть до полудня 4 марта, в сенате бушевали прения по законопроекту о вооружении торговых судов; при всякой новой попытке поставить закон на голосование группа из 12 обструкционистов срывала голосование.

Единственно, чего удалось добиться подавляющему большинству, это составить манифест, подписанный 75 сенаторами, одобряющий требование президента. «Мы требуем, чтобы в протокол было внесено, что сенат сочувственно относится к законопроекту и провел бы его, если бы оказалось возможным осуществить голосование», — гласил манифест.

«По возвращении, — писал полковник Хауз, — президент оказался очень возбужденным и резко нападал на кучку сенаторов, которые воспользовались регламентом сената для того, чтобы отвергнуть желание большинства в вопросе о вооружении торговых судов. Я посоветовал ему немедленно заявить публично то, что он сказал мне. Он ответил, что не включил этого в свое вступительное послание, потому что испортил бы этим текст послания, но он заявит об этом через несколько дней. Я настаивал, что надо ковать железо пока горячо и заявление ему следует сделать сейчас с тем, чтобы оно появилось завтра утром в газетах. Он усомнился в том, сможет ли так быстро все проделать, но заявил, что попытается.

После обеда он почти до позднего вечера просидел запершись и составил заявление для опубликования в утренних газетах. Затем он вызвал Мак-Аду, Бёрлсона и Томолти, чтобы обсудить заявление. Все они единодушно одобрили этот шаг».

Заявление Вильсона было опубликовано через несколько часов после роспуска конгресса и имело огромное значение. Оно способствовало формированию общественного мнения, оскорбленного поведением обструкционистов, и требовало определенных действий после стольких промедлений. Более того, это заявление обрисовало президента как вождя и помогло изгладить из памяти то, что многие расценивали как бездеятельность и трусость перед лицом германских оскорблений. Это заявление было, пожалуй, еще ценнее оттого, что показало сильные скрытые чувства этого человека, которого так часто считали лишенным всяких чувств. «Маленькая группка упрямых людей, — заявил президент, —

---

[1] Здание законодательных собраний в Вашингтоне. — *Прим. пер.*

не представляющих ничьего мнения, кроме собственного, сделала великое правительство США беспомощным и достойным презрения». Охватившая всю страну волна возмущения подтвердила обвинение, выдвинутое президентом и ободрила его настолько, что он мог приступить к необходимому вооружению судов, что позволяла ему его исполнительная власть. 12 марта Лансинг заявил, что правительство решило «прикомандировать ко всем американским торговым судам, пересекающим запрещенные зоны, вооруженную охрану для защиты судов и жизни находящихся на борту людей».

4

Вся страна ждала, чтобы президент ее повел. На следующий день после его послания к конгрессу, которому он заявил, что прямое действие еще не было совершено, подводная лодка потопила без предупреждения пароход компании Кюнард «Лакония». Погибло 12 пассажиров, из которых двое, обе женщины, были американскими гражданами. Две недели спустя, 12 марта, без предупреждения был потоплен американский пароход «Алгонкин», везший продовольствие из Нью-Йорка в Лондон. Команде удалось спастись и после 27-часового плавания на шлюпках добраться до Силийских островов. Неделю спустя, в понедельник 19 марта, были получены известия, что в течение 24 часов подводными лодками было потоплено три американских парохода, причем при потоплении одного из них, «Виджилансия», погибло 15 человек из команды.

Медлительность Вильсона в принятии более решительных мер, чем те, которые были предусмотрены «вооруженным нейтралитетом», вызвала резкие комментарии за границей и беспокойство внутри страны. Как предсказывал Хауз, отправка Бернсторфа на время высоко подняла американский престиж в союзнических странах, но престиж начал быстро падать, когда оказалось, что дипломатический разрыв не привел к немедленной войне.

Телеграмма Пэйджа Хаузу

Нью-Йорк, 9 марта 1917 г.

«Я убеждаюсь, что продолжающаяся задержка в отправке американских пароходов, особенно американских пассажирских пароходов, создает здесь все более неблагоприятное впечатление... Эта задержка расценивается как подчинение нашего правительства германской блокаде... Даже среди высших правительственных кругов наблюдается тенденция объяснить промедление незначительными техническими причинами, которые будут сметены национальным подъемом. Английское общественное мнение связы-

вает воедино задержку в отправке наших судов с потоплением «Лаконии» и с телеграммой Циммермана и, повидимому, приходит к заключению, что никакая провокация не заставит наше правительство предпринять положительные действия.

На основании частных сообщений из США англичане составили себе впечатление, что наше правительство сдерживает народ до той поры, когда будут забыты блокада наших судов, телеграмма Циммермана и потопление «Лаконии», до той поры, когда с германскими подводными лодками покончит английский флот. Есть опасность, что это впечатление перерастет в убеждение и лишит нас даже того минимального влияния, какое мы могли бы иметь при заключении мира.

Такой дружественно настроенный человек, как виконт Грэй оф Фаллодон, пишет мне частным образом из своего уединения: «Я не понимаю, как США могут оставаться спокойными, в то время как нейтральное судоходство сметается с морей. Если не будут приняты какие-то меры, то это либо ляжет огромной кляксой на страницы истории, либо останется в памяти, как провал, который болезненно отзовется на будущем Америки.

Пэйдж».

Хауза не очень беспокоил довод Пэйджа насчет того, что англичан следует считать решающим фактором. Хауз считал, что США должны решить вопрос о мире и войне в соответствии с американскими интересами и сознанием, а не для того, чтобы удовлетворить иностранное общественное мнение, и он был уверен, что в этом кризисе Вильсон окажется на высоте положения. «Я никогда и не думал, что мы сможем удовлетворить союзников,— ответил он,—если им не будет везти». Но официальный Вашингтон—министерство иностранных дел и кабинет—был обеспокоен кажущимся нежеланием Вильсона сделать решительные шаги, и он обратил свои взоры к Хаузу, как к единственному человеку, который мог поторопить президента. Поскольку дело касалось объявления войны полковник согласен был ждать; но он глубоко проникся мыслью, что нельзя ни минуты откладывать начала активных приготовлений к войне.

«Из Вашингтона приехал Билли Филиппс,—писал Хауз 9 марта,—чтобы передать мне несколько писем от министра иностранных дел и Фрэнка Полка. К счастью, главное, о чем просил министр, президент сделал уже несколько часов назад, т. е. отдал приказ вооружить торговые суда и созвал чрезвычайную сессию конгресса...»

«*19 марта 1917 г.* Из Вашингтона меня дважды вызывал к телефону Х. Его тревожит бездействие президента; он и Лансинг хотят, чтобы я приехал и попытался принудить его к действию. Оба... хотят, чтобы немедленно был созван конгресс. Я сомневаюсь,

разумно ли это. Теперь президент облечен полномочиями сделать все необходимое для того, чтобы подготовить страну до того, как война будет объявлена, и в наших же интересах произвести некоторые приготовления до того, как начнутся военные действия. В случае внезапного объявления войны наше береговое судоходство могло бы очутиться в скверном положении».

«*20 марта 1917 г.* Первым моим посетителем был X. Он обеспокоен тем, что в Вашингтоне не проявляется большей активности и президент не имеет определенного плана действий.

Он считает, что если президент не сформулирует и не объявит по крайней мере своим ближайшим советникам какого-нибудь определенного плана и не будет строго следовать этому плану, то создастся неблагоприятное отношение к президенту...»

Повидимому, Вильсон был убежден в необходимости созвать конгресс немедленно; но, хотя он и хотел знать мнение кабинета, он не проявлял стремления соглашаться с ним.

«*22 марта 1917 г.* Грегори рассказал о последнем заседании кабинета (20 марта). Он считает, что президент вообще не намерен был созвать конгресс ранее 16 числа, но вследствие единодушного мнения кабинета вынужден был созвать его на 2 апреля. По словам Грегори, Бёрлсон выступил с заявлением, что народ требует активного участия нашей страны в войне. Президент ответил, что дело не столько в том, чего желает народ, сколько в том, что правильно. Бёрлсон возразил, что если бы он был президентом и создалось бы такое положение, как сейчас, он захотел бы, чтобы его поддерживало всенародное мнение.

Президент ничего не сказал кабинету о своих намерениях, но на следующее утро объявил о созыве конгресса на 2 апреля. Когда Грегори звонил мне вчера в десять часов, сообщая, что будет в Нью-Йорке сегодня, он еще не знал, что президент объявил о созыве конгресса.

После обеда у меня был X., пришедший для переговоров о министерских делах. Он говорил, что в начале недели в Вашингтоне была чуть ли не паника и в правительственных кругах сложилось такое настроение, что если бы президент не решился действовать немедленно, то в кабинете и в официальных кругах произошла бы стачка... Он заявляет, что министр Бэйкер сейчас настроен воинственно, но положение армии за последние несколько месяцев материально не улучшилось. Он полагает, что в случае объявления войны тотчас же скажутся все слабые стороны военного министерства, равно как и морского, и на президента обрушится волна критики».

Вильсон продолжал скрывать свои намерения, но Хауз, несмотря на свое убеждение в том, что президент должен принять решительные меры, отказался его торопить, будучи уверенным, что его призовут в Вашингтон прежде, чем кризис развернется

в полном объеме. 24 марта Лансинг в отчаянии обратился к советнику президента.

«Лансинг не имеет ни малейшего представления,—писал Хауз,—о том, что президент собирается объявить в своем послании к конгрессу. Вчера он видел президента и разными способами пытался разгадать его замыслы, но потерпел неудачу. Он хочет, чтобы я написал президенту и сообщил ему, что, по моему мнению, следует сделать, считая что мой совет будет соответствовать его, Лансинга, мнению. Он так же, как и я, заинтересован в том, чтобы президент взял дело в свои руки и не позволил конгрессу действовать по-своему».

Вильсон очевидно решил, что наше вступление в войну должно было быть основано на здравом суждении, а не на поспешных эмоциях. «Мы не должны поддаваться нашим чувствам», говорил он несколько дней спустя. В то время как Хауз выражал согласие на отсрочку для того, чтобы иметь время на сухопутные и морские приготовления, Вильсону эта отсрочка нужна была для того, чтобы убедиться в том, что от войны спасения не было. Шаг, к которому он готовился, представлял нарушение всего того, что ему до сих пор казалось самым священным в его политическом верований. Часто им овладевали чувства, толкавшие его на борьбу, но он решительно подавлял их и прислушивался лишь к голосу своей совести кальвиниста. Эта внутренняя борьба, вероятно, была упорной. Вашингтон и весь мир выжидали.

Хауз был уверен в окончательном решении президента. 21 марта он писал Пэйджу:

«Что касается нас, то мы уже сейчас вовлечены в войну, даже если формальное объявление не произойдет до 2 апреля, т. е. до дня заседания конгресса. Все министерства готовятся со всей возможной поспешностью, но даже и в таком случае потребуется время, чтобы быть в состоянии отразить попытки немцев уничтожить наше береговое судоходство, когда их подводные лодки будут шнырять вблизи наших берегов».

Влияние полковника на президента Вильсона было в значительной мере результатом его неизменного спокойствия и нежелания навязывать президенту свои аргументы. Когда же он окончательно решил, что настало время обсудить положение с Вильсоном, то приступил к этому без всяких ссылок на загадку, сводившую с ума всю столицу, и без показных заявлений.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 25 марта 1917 г.

«Дорогой начальник!

Если вам удобно, то я приеду во вторник, так как желал бы переговорить с вами о некоторых вещах... Не сможете ли вы по

получении этого письма телеграфировать мне, устраивает ли вас мой приезд, или же вы предпочитаете, чтобы я отложил его до другого раза.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

Полковник не стал ждать ответа. На следующий день он имел продолжительную беседу с Говардом Коффином из совета национальной обороны; этот разговор очень встревожил Хауза. «Беседа,—писал он,—заставила меня окончательно решиться поехать завтра в Вашингтон и переговорить обо всем с президентом. Кроме того, я должен говорить с ним о его послании к конгрессу, которое некоторым образом будет самым значительным посланием».

Хауз убедился, что президент, наконец, понял, что спасения от войны не было. Изо дня в день он боролся с собой в надежде найти какой-нибудь другой выход. «Что остается мне делать?—сказал Вильсон.—Могу ли я поступить иначе?»

«*27 марта 1917 г.* Я сел в поезд, отправляющийся в Вашингтон в 11 ч. 08 м.,—писал Хауз.—Поездка была спокойной, и я отдохнул. На вокзале меня встретил Фрэнк Полк и отвез меня в Белый Дом. Президент меня ждал. Только что он кончил с заседанием кабинета, который стал собирать теперь во второй половине дня. Он чувствовал недомогание и жаловался на головную боль. Мы отправились в его кабинет и обсуждали разные вопросы, главным образом его предстоявшее послание.

Президент спросил, следует ли ему, по моему мнению, потребовать объявления войны от конгресса или же самому заявить, что состояние войны существует, а у конгресса испросить необходимые средства для ведения войны. Я посоветовал ему последнее. Опасался я того, что если он предоставит конгрессу объявить войну, то завяжутся резкие прения».

Повидимому, полковник Хауз считал, что президент должен встретить кризис преисполненным одновременно покорности и решимости. Он приступил к выполнению деликатной задачи: заставить президента сперва почувствовать необходимость сделать над собой особое усилие, а затем внушить ему, что таким путем задача сможет быть успешно решена.

«Я заявил ему, что в его правлении наступил кризис, совершенно отличный от всего того, с чем он до сих пор сталкивался, и мне хочется, чтобы он встретил его достойным образом, так чтобы его влияние не уменьшилось в момент, когда он приступит к великой работе, которая неизбежно предстоит после окончания войны. Я сказал ему, что хотя бывали более сложные ситуации, из которых он выходил с честью, но именно для нынешней ситуации он не очень приспособлен. Это он признал и сказал, что при существующих условиях он не считает себя пригодным для президентства вообще. Я сказал ему, что, по-моему, он слишком утонченный,

слишком цивилизованный, слишком умный и слишком воспитанный человек, чтобы не понимать чудовищности и абсурдности войны. Для того же, чтобы вести жестокую, энергичную и успешную войну, требуется человек более грубых нравов и не такой философ, как он».

Обрисовав перед Вильсоном его недостатки с тактом, не задевшим самолюбия президента, и с откровенностью, которая удивила бы тех, кто утверждал, что президент прислушивается только к голосу лести, полковник стал ободрять его, перечисляя преимущества его положения и прошлые успехи его правления во внутренних делах.

«Я заставил его почувствовать, — как впоследствии говорила мне м-сс Вильсон, — что стоявшая перед ним задача была не так трудна, как ему казалось. Мои доводы сводились к одному: то, что нам предстояло проделать, было тщательно взвешено в других странах; нам же оставалось положиться на опыт и не тревожиться о том, как это будет выглядеть со стороны. По-моему, гораздо труднее было в свое время заставить более или менее несведующее и дезорганизованное собрание людей в конгрессе провести закон о федеральном резервном банке, тарифный закон, закон о панамских пошлинах и тому подобные мероприятия.

В моих глазах дело рисовалось так: он поставил ставку на то, что войны не будет, и проиграл; но страна зачтет это ему в пассив только в том случае, если он не проведет успешно самую войну... Он слушал меня с благожелательным и сочувственным видом, и хотя возражал на многие мои доводы, но делал это в спокойном тоне».

На следующий день Вильсон приступил к обсуждению с Хаузом сущности послания к конгрессу, в котором он должен был объявить о фактическом состоянии войны. Интересно отметить, что всего лишь за пять дней до произнесения этой величайшей в его карьере речи, президент набросал вопросы, которых он собирался коснуться. Заботу о фразеологии он отложил на самый конец.

«После вечернего разговора он составил тезисы, которые я одобрил... Он проведет грань между германским народом и теми, кто вовлек его в эту катастрофу... То же самое я советовал сделать английскому правительству, но оно этого так и не сделало; надеюсь, это будет сделано теперь. Моей целью было и осталось сокрушить германское правительство, разжегши пламя за его спиной в Германии...[1] Таков лейтмотив речи, который я настой-

[1] Хауз выдвигал эту идею еще во время первого кризиса в связи с потоплением «Лузитании». 3 июля 1915 г. Хауз писал Вильсону из Лондона: «В случае войны с Германией я посоветовал бы обратиться с посланием к конгрессу, возложив вину за этот ужасающий конфликт на кайзера и его военное

чиво просил его усвоить: это—война за демократию и война за германский народ в такой же море, как и война за другие страны».

Хауза осаждали члены кабинета, стремившиеся заранее узнать, в какой мере вильсоновская политика удовлетворит их собственным устремлениям.

«Сегодня утром президент играл в гольф,—писал полковник Хауз 28 марта.—Моим первым посетителем был Мак-Аду. Он оставался у меня почти все утро, пока я не сказал ему, что мне нужно итти к президенту, который вернулся и ждет меня в своем кабинете. Мак-Аду хочет войны—войны до конца. Он заявил, что его аппетит к войне настолько силен, что ему хотелось бы покинуть кабинет, собрать полк и отправиться на фронт. Все трое его сыновей поступили добровольцами в армию. Мы говорили о том, как финансировать войну и каким налоговым обложением покрыть расходы...»

5

Те несколько дней, которые предшествовали произнесению Вильсоном его исторического послания о войне, Хауз провел в Нью-Йорке и занимался главным образом собиранием от своих многочисленных друзей информации о настроении в разных частях страны. Эти сведения не во всех случаях говорили о воинственном настроении.

«*31 марта 1917 г.* Ко мне приходил Эдуард Дж. Лаури, сообщивший мне результат своих наблюдений, сделанных в течение двухнедельной поездки через Канзас и Миссури. Он полагает, что народ войны не хочет, но последует за президентом. Он сказал, что в Миссури народ не понимает, из-за чего все загорелось. Такова жизнь. Настроение, которое действительно существует у нас, существует почти во всем мире...»

1 апреля Хауз снова отправился ночным поездом в Вашингтон.

«Я приехал к завтраку. Президент и м-сс Вильсон собирались отправиться играть в гольф, так что я виделся с ними всего несколько минут. Пока он играл в гольф, я проехался на автомобиле с Фрэнком Полком, и мы обсуждали текущие вопросы. Он говорит, что ни Лансинг, ни кто-либо другой из членов кабинета не знает, что скажет завтра президент в своем послании к конгрессу...

Звонил Мак-Аду, спрашивал, нравится ли мне послание. Я уклонился от прямого ответа, сказав, что судя по тому, что президент говорил мне о послании, я полагаю, что оно будет соответствовать ожиданиям...»

окружение; я выступил бы с идеей оправдания великой массы германских граждан, заявив, что мы боремся как за освобождение Европы, так и за их освобождение. Это оказало бы прекрасное действие на американских немцев».

После обеда Вильсон и Хауз приступили к тому, что полковник называл исполнительным заседанием.

«Президент прочел мне послание, я посоветовал ему вычеркнуть фразу, которая гласила приблизительно следующее: «До тех пор, пока у германского народа не будет правительства, которому мы сможем доверять...» Он сам сомневался относительно этого выражения, и мне не стоило труда убедить его вычеркнуть эту фразу. Она слишком смахивает на призыв к революции. Излишне говорить, что ни одна его речь не доставила мне большего удовольствия, чем эта... Я старался убедить президента, как на то указывают мои письма, потребовать в своей речи введения в отношениях между странами того же кодекса чести и морали, который принят в отношениях между индивидуумами[1].

Я спросил его, почему он не показал своей речи кабинету. Он ответил, что тогда всякий член кабинета выдвинул бы свои соображения, а если бы он прислушивался к их критике, то всю речь расклевали бы по кускам. Он сказал, что предпочитает держать ее про себя и сам нести ответственность. Мне кажется, что он несправедлив к своему кабинету... В последнее время я замечаю, что он крепче прибрал к рукам свой кабинет и выказывает нетерпение при проявлении инициативы с его стороны».

Вечером 2 апреля Вильсон выступил перед конгрессом, потребовав, чтобы было объявлено состояние войны между США и Германией. Каковы бы ни были все его колебания в прошлом, теперь, когда он подал сигнал к действию, его руководство было встречено с восторгом. «Конгресс,—сообщали газеты в порыве патриотического энтузиазма,—разразился нескончаемой овацией».

«Нынешняя германская подводная война против торговли,— заявил Вильсон,—есть война против человечества. Это—война против всех народов... Каждая страна сама должна решить, как ей действовать. Наш выбор должен быть сделан на основании хладнокровной оценки и умеренного суждения присущих нашему характеру и нашим стремлениям, как нации. Мы должны отложить в сторону чувство возбуждения. Нами двигает не жажда мщения, или победоносного утверждения физической мощи страны, но только борьба за право, за человеческое право, лишь одним из поборников которого мы являемся... Есть один только выбор,

---

[1] Вот две выдержки из писем Хауза к Вильсону. *17 ноября 1916 г.* «Мне хотелось бы, чтобы когда-нибудь вы сформулировали идею о том, что страны не смогут рассчитывать на мир и удовлетворительные отношения, пока не согласятся соблюдать те же правила чести, которые приняты в отношениях между индивидуумами». *9 марта 1917 г.* «Мы вернулись к каменному веку, где сила есть право. Тысячелетия понадобились нам, чтобы достигнуть кое-какого социального порядка, и до тех пор, пока всем миром не будут признаны те же обязательства, какие существуют между индивидуумами, ни мира, ни порядка быть не может». См. также приложение к главе X.

на котором мы не можем остановиться, который мы не можем сделать: мы не изберем пути смирения... С глубоким сознанием торжественного и даже трагического значения шага, который я предпринимаю, и серьезной опасности, которую он за собой влечет, но неизменно подчиняясь тому, что я считаю своим конституционным долгом, я советую конгрессу объявить путь, на который недавно встало императорское германское правительство, не чем иным, как фактической войной против правительства и народа США...»

Заявив о своем решении, Вильсон начал освобождаться от охватившей его агонии неуверенности; но он полностью обрел уверенность, необходимую для обеспечения твердого руководства лишь после того, как окончил свою речь и понял всю силу общественного мнения, поддержавшего его образ действий. 1 апреля президент заявил Фрэнку Коббу из газеты «Уорлд», что ни разу в жизни не испытывал он такой неуверенности, как тогда, когда он принимал это решение.

«В течение дня президент оставался, повидимому, спокойным, — писал Хауз 2 апреля,—но в действительности я мог видеть признаки нервности. Все мы только то и делали, что пытались убить время до тех пор, пока его не пригласят в Капитолий. Утром он сказал мне, что решил выступить не позднее трех часов, иначе создастся скверное впечатление, будто он несвоевременно ускорял ход событий. Я был иного мнения и убедил его быть готовым выступить перед конгресом в любое время,—как только конгресс выразит желание выслушать его. Получилось так, что президент начал говорить без двадцати минут девять и кончил приблизительно через 32 минуты. Я внимательно следил за временем.

Пообедали мы рано, в половине седьмого, так как стало известно, что конгресс собрался и будет готов принять президента в восемь часов. Мы говорили о чем угодно, кроме основного вопроса. На обеде присутствовали только члены семьи, приехавшие в Вашингтон, чтобы выслушать послание президента к конгрессу; никто не упоминал о предстоящем выступлении.

Когда мы вернулись из Капитолия, то президент, м-сс Вильсон, Маргарет и я собрались в Овальной комнате и говорили о речи так, как между членами семейства принято обсуждать какую-нибудь новость. Я передал президенту вырезку из «Каррент опинион», содержавшую заграничные высказывания о президенте. Он прочитал их вслух, затем мы поговорили об этой статье. Я считал, что президент в отношении политики занял позицию, которую еще не занимал ни один государственный деятель. Его, казалось, удивили мои слова; он заявил, что, по его мнению, о тех же самых принципах заявляли Уэбстер, Линкольн и Гладстон. Я с ним не согласился. Я считал, что он еще не до конца видел путь, который он осветил. Из современных государ-

ственных деятелей единственный, кто придерживался аналогичных взглядов, был Мадзини; других, насколько я знаю, нет. Я видел, что президент обрадован тем, что напряженный момент прошел, жребий брошен. Я знал, что так произойдет».

Сравнивая Вильсона с Мадзини, Хауз имел в виду главным образом умение президента пророчески отображать бессознательные чаяния простых людей. Эта способность составляла основу права Вильсона на политическое величие. В меньшей степени оправдывается утверждение о его оригинальности. В его идее войны как крестового похода многое напоминало Уэбстера и Линкольна. Война ради национальной свободы, ради демократии, за благосостояние человечества—все это для истории ничего нового не представляло.

Но если Вильсон мало нового сказал в своем послании от 2 апреля, он зато со всей силой напомнил об идеалах, о которых за время мировой войны никто другой не сказал с такой определенностью. Поколение того времени не слышало, чтобы эти идеалы проповедовались с таким красноречием, а главное, с такой авторитетностью, как в послании Вильсона, ибо в качестве президента США он был самым влиятельным человеком в мире. Цели борьбы были неясны. Как Хауз уже указывал, народ не понимал, из-за чего все разгорелось. Вильсон разъяснил эти цели и сразу занял положение лидера.

Ясным языком он подчеркнул великое, но плохо выраженное до того стремление всех народов: это война, чтобы покончить с войной. Надо создать новый международный порядок вещей, основанный на свободе, на единодушии в целях и действиях, которые впредь обеспечат соблюдение мира и справедливости во всем свете в противовес корысти и автократии. Этой цели Вильсон посвятил всю свою политику. Ради нее он терпел уклончивые заявления Центральных держав и презрение Антанты. Он придерживался нейтральности не из трусости,—ему лично и стране в целом бояться было нечего,—а только потому, что был твердо убежден, что миру нужна была по меньшей мере одна великая держава, которая исходила бы из принципов мира и справедливости. «Вступление Америки в войну,—заявил президент Коббу,—значило бы, что мы вместе с остальными теряем голову и перестаем отличать добро от зла. Война означала бы, что большинство народа в нашей части света сошло бы с ума от войны, перестало бы соображать и посвятило бы себя разрушению... Война означает попытку военными методами переделать цивилизацию мирного времени. Следовательно, к концу войны не оказалось бы никого, кто, оставаясь в стороне, обладал бы достаточной властью, чтобы оказать влияние на условия мира. Не останется даже мирных методов работы. Будут одни военные методы... Если наш народ вовлекут в войну, он забудет о терпимости... Если

есть какой-нибудь другой путь, то, ради бога, давайте вступим на него».

Действия Германии не оставляли выбора. Но президент сошел с пути нейтралитета твердо убежденным, что постольку, поскольку ему позволяла его власть, он будет вести навязанную стране войну для того, чтобы обеспечить мир. За 18 месяцев перед этим, 10 ноября 1915 г., полковник Хауз писал ему: «Мы должны использовать все влияние нашей страны ради поддержания плана, посредством которого должны быть соблюдены международные обязательства, и ради плана, посредством которого можно будет сохранить всеобщий мир».

Вильсон согласился на роль и взялся выполнить задачу, гораздо более тяжелую и сложную, чем задача победить Германию на поле брани.

«Ужасно,—заявил он,—вести этот великий мирный народ на войну, на самую страшную и разрушительную из всех войн, когда на чашу весов брошено дело всей цивилизации. Но право более драгоценно, чем мир, и мы будем сражаться за то, что всегда было наиболее близко нашим сердцам,—за демократию, за право тех, кто подчиняется власти, чтобы иметь голос в своем собственном правительстве, за право и свободу малых народов, за всемирное торжество права на путях такого содружества свободных народов, которое принесет с собой мир и безопасность всем странам и наконец освободит весь мир. Такой задаче мы можем посвятить наши жизни и наши богатства—все, что есть мы, и все, что мы имеем, с гордостью людей, знающих, что наступил день, когда Америке дано почетное право пролить свою кровь и употребить свою мощь ради принципов, давших ей рождение, и счастье, и мир, которыми она всегда дорожила. Иначе она поступить не может».

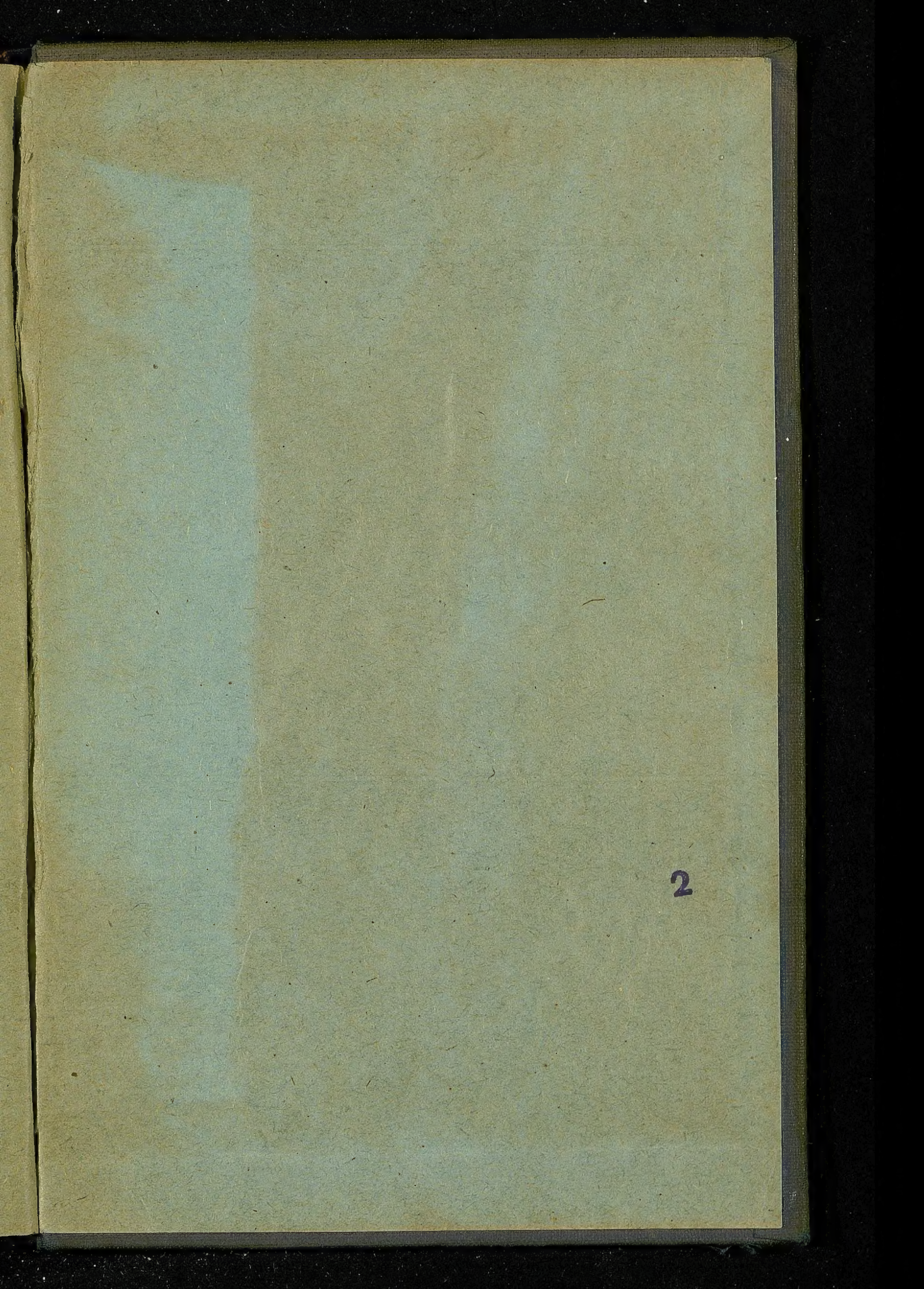
ОГЛАВЛЕНИЕ

Ред. *Я. Георгиади.* Техред *В. Морозов*

Сдано в набор 29/IV—37 г. Подписано к печати 4/VIII—37 г. Тираж 5 000 экз. Огиз № 1891. Зак. № 471. Формат бумаги $60 \times 92^{1}/_{16}$. $22^{1}/_{2}$ печ. л. 42.688 зн. в печ. л. Уполномоченный Главлита Б—10829.

Цена 6 р. Переплет 1 р. 25 к.

16-я типография треста «Полиграфкнига» Трехпрудный пер., д. 9.

2

